

Annotation

Раз в тысячу лет Великий Дракон является смертному, чтобы исполнить его самое заветное желание. Раз в тысячу лет мир ждет перемены – к добру или к худу, решать тому, у кого в руках Свиток тысячи молитв.

Воспитанная монахами в далеком храме Тихих Ветров, Юмеко всю жизнь училась тому, как скрывать свою сущность ёкая. Наполовину кицунэ, наполовину человек, свой талант по сотворению иллюзий она использует только для мелких проделок. Но когда на храм нападают полчища демонов, Юмеко вынуждена отправиться в опасное путешествие, чтобы защитить фрагмент древнего свитка.

Только она не единственная, кому нужна эта драгоценная реликвия. Каге Тацуми, загадочный самурай Клана Тени, тоже охотится за свитком. И он пойдет на все, лишь бы его найти.

* * *

Джули Кагава

Часть первая1. Истоки и пределы

2. Лиса в храме
3. Воин Тени
4. Чай у Тануки
5. Демоны в бамбуковых зарослях
6. Пламя отчаяния
7. Неожиданное предложение
8. Два путника

Часть вторая9. Неприкаянная душа

10. Путь в столицу

11. Ласка на ветру
12. Медведь-демон Суймин-Мори
13. Песнь кодама
14. Остерегайтесь бродячих псов
15. Последствия крошек
16. Ёкай в лунном свете
17. Гостеприимство
18. Проклятия и гаки
19. Разговор с юэем

Часть третья 20. Кровавая магия

21. Легенда об Они но Микото
22. Глаза мертвой вороны
23. Демон на мосту
24. Великая омукадэ
25. Предложение для Принца демонов
26. Столица
27. Призванный Тенью
28. Праздник чествования Луны
29. Будущее императора
30. Гадюка в шелках
31. Зеркало без отражений
32. Лисья магия на свободе
33. Ошибка Ябурамы
34. Разрушитель
35. Демон меча

Эпилог

notes1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

* * *

Джули Кагава

Лисья тень

Julie Kagawa

SHADOW OF THE FOX

Copyright © 2018 by Julie Kagawa

Cover art: Jenue (mask); Shutterstock (background)

Cover design: Mary Luna

© Александра Самарина, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2021

Дизайн обложки: Екатерина Климова

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

* * *

Посвящается Мисе. Спасибо за все, мой сенсей.

Часть первая

1. Истоки и пределы

Дождь лил и в тот день, когда Суюки впервые переступила порог Дворца Солнца, и в ту ночь, когда ее не стало.

– Ты, что ли, новая служанка? – спросила женщина с узким, худым лицом, смерив девушку неласковым взглядом. Суюки дрожала с головы до пят, дождевая вода ледяными струйками бежала по спине, капала с волос прямо на роскошный деревянный паркет. Старшая горничная фыркнула.

– А ты отнюдь не красавица, как я погляжу. Впрочем, это неважно: прошлая служанка госпожи Сатоми была прекрасна, как бабочка, но умом не блистала, – поведала она и склонилась к девушке, прищурившись. – Скажи-ка мне вот что. Поговаривают, что в лавке твоего отца именно ты заправляла всеми делами. Ты и впрямь девчонка неглупая? Или один ветер в голове, как у той, что была до тебя?

Суюки прикусила губу и опустила глаза. Она правда почти весь год помогала отцу. Будучи единственным ребенком знаменитого мастера флейт, она часто обслуживала покупателей, пока он изготавливал новый инструмент – отец обыкновенно ничего не ел и ни с кем не разговаривал, пока не завершал начатое. Суюки умела читать и считать не хуже любого мальчишки, но по законам того времени не могла унаследовать отцовское дело и обучиться его мастерству. Мура Акихито до сих пор пребывал в добром здравии, но с годами его проворные пальцы огрубели от кропотливой работы. Отец решил не выдавать Суюки замуж и употребил свое весьма скромное влияние на то, чтобы устроить дочь прислугой в императорский дворец, рассчитывая, что там о ней позаботятся, когда его не станет. Суюки очень тосковала по дому и часто гадала, как там отец без нее, но понимала, что такова его воля.

– Не знаю, госпожа, – прошептала она.

– Пф-ф. Ну что ж, скоро сами увидим. Но на твоём месте я бы придумала для госпожи Сатоми ответ получше. Иначе вылетишь отсюда еще быстрее, чем твоя предшественница. А теперь ступай на кухню за чаем для госпожи, – приказала она. – Кухарка объяснит, куда его отнести.

Несколько минут спустя Суюки уже шла по веранде с подносом, уставленным чайной посудой, и изо всех сил пыталась вспомнить дорогу. Императорский Дворец Солнца походил на маленький городок, посреди которого высилось главное здание, где жил император с семьей. Между сторожевой башней и внутренней стеной размещался лабиринт укреплений, предназначенный для защиты императора и для того, чтобы сбить с толку неприятеля. Придворные, знать и самураи расхаживали по дорожкам в ярких шелковых одеждах – белых, с изображением нежных лепестков сакуры, и ярко-красных, с золотыми хризантемами. Но никто из них не достаивал Суюки взглядом. Только самым

влиятельным семьям позволялось селиться подле императора: чем ближе ты жил к главному дворцу, тем выше было твое положение.

Суюки блуждала в поисках нужной двери, а внутри нарастала тревога. Дома вокруг были совершенно одинаковые: с серыми кровлями, стенами из бамбука и бумаги – и соединялись деревянными верандами, построенными для того, чтобы уберечь наряды придворных от грязи и росы. Над улицами горделиво возвышались диковинные башенки, укрытые синей черепицей; в аккуратно подстриженных кронах заливались десятки птиц, но тугой узел в груди не давал Суюки насладиться этим великолепием.

Внезапно прозрачный ясный звук прорезал воздух, и она застыла на месте. Нет, то была не птичья трель, хотя дрозд на соседнем дереве с готовностью откликнулся. Суюки моментально узнала его, припомнила каждую нотку. Сколько раз она слышала эту мелодию за дверью отцовской мастерской? То была нежная, пленительная песнь флейты.

Зачарованная, Суюки пошла на звук, забыв о поручении и о том, что хозяйка наверняка рассердится, если чай не принесут вовремя. Жалобная, печальная мелодия, песнь прощания и осеннего увядания неумолимо влекла ее за собой. Неведомый музыкант великолепно владел инструментом; в его игре было столько чувства, что Суюки казалось, будто она слышит саму его душу.

Музыка до того заворожила Суюки, что она совсем перестала смотреть, куда идет. Завернув за угол, она едва не налетела на юного аристократа в небесно-голубых одеждах, прижимавшего к губам флейту. Испуганно вскрикнув, девушка попыталась уберечься от столкновения. Чайник на подносе возмущенно звякнул, чашки задрожали, а мелодия оборвалась, когда самурай, к огромному изумлению Суюки, повернулся и подставил руку под поднос, чтобы тот не опрокинулся на веранду.

– Осторожнее, – сказал незнакомец голосом тонким и чистым. – Лучше ничего не ронять, а то такой шум поднимется. Вы как, в порядке?

Суюки уставилась на него. Перед ней стоял, пожалуй, самый симпатичный парень из всех, что она видела в жизни. «Нет, не симпатичный даже, – подумалось ей. – Красивый». Под небесно-голубыми одеждами угадывались широкие плечи, но черты у юноши были изящные и тонкие: он походил на иву, распутившуюся по весне. Белые, как снег на горных вершинах, волосы не были убраны в самурайский пучок, но свободно ниспадали на спину. И что самое поразительное – он ей улыбался, причем не холодной, самодовольной ухмылкой большинства аристократов, а искренне, радостно и тепло шурясь.

– Прошу прощения! – воскликнул он, выпуская поднос и отступая назад. Вид у него был совершенно спокойный, ни капли не раздраженный. – Виноват, встал посреди дороги и не подумал о том, что кто-то может выскочить из-за угла! Надеюсь, я не сильно вас напугал, госпожа...

Суюки дважды открывала рот, но дар речи вернулся не сразу.

– Простите, господин, – произнесла она едва слышным шепотом. Аристократы не разговаривают так с прислугой, даже ей это было хорошо известно. – Меня зовут Суюки, и я всего лишь служанка. Не стоит волноваться из-за таких, как я.

Аристократ фыркнул.

– Еще как стоит, Суюки-сан, – сказал он. – Когда я играю, то часто забываю, где нахожусь. – Он поднял флейту, и сердце Суюки забилося чаще. – Что ж, давайте больше не будем думать о случившемся. Можете спокойно возвращаться к своей работе.

Он шагнул в сторону, пропуская Суюки, но та не шелохнулась – все не могла отвести глаз от инструмента в его изящной ладони. Флейта, прямая, словно стрела, с ярким золотистым наконечником, была сделана из темного полированного дерева. Суюки понимала, что заговаривать с представителем знати опасно – он может приказать высечь нахальную служанку, бросить в тюрьму или даже казнить, но слова вырвались против ее воли.

– Вы великолепно играете, мой господин, – прошептала она. – Простите. Знаю, я не вправе говорить такие вещи, но мой отец бы вами гордился.

Незнакомец склонил голову набок, по его прекрасному лицу пробежала тень изумления.

– Ваш отец? – спросил он, и тут его осенило: – Так вы дочь Муры Акихито?

– Hai[1].

Он улыбнулся и коротко ей поклонился.

– Прекрасную мелодию можно сыграть лишь на прекрасном инструменте, – сказал он. – Когда увидите с отцом, передайте ему, что для меня большая честь быть хозяином такой дивной флейты.

У Суюки запершило в горле, к глазам подступили горячие слезы. Аристократ почтительно отвернулся и принялся с деланным интересом разглядывать цветущую вишню, чтобы дать Суюки время успокоиться.

– Вы случайно не заблудились? – спросил он вскоре, оторвавшись от созерцания куколки какого-то насекомого на тонкой ветке. Суюки не уловила в его голосе издевки, только безобидное веселье, с каким люди порой разговаривают с кошками на улицах. – Императорский дворец и впрямь потрясает с непривычки. Кому вы прислуживаете, Суюки-сан? Быть может, я смогу вас проводить.

– Г-госпоже Сатоми, мой господин, – заикаясь, ответила Суюки, до глубины души пораженная его добротой. Она знала, что нужно поклониться, но боялась разлить чай. – Прошу меня извинить, я прибыла во дворец только сегодня и еще не успела тут освоиться.

Аристократ нахмурился, и сердце замерло в груди у Суюки – она испугалась, что обидела его.

– Понятно, – едва слышно проговорил он. – Стало быть, у вас новая служанка, а, Сатоми-сан? Сколько же их нужно императорским наложницам?

Не успела Суюки задуматься, что он имел в виду, как незнакомец взял себя в руки и снова ей улыбнулся.

– Что ж, удача благоволит вам, Суюки-сан. Резиденция госпожи Сатоми совсем недалеко. – Он взмахнул широким рукавом, указывая тонким пальцем дорогу. – Обойдите это здание с левой стороны, а потом идите прямо и до конца. Нужная вам дверь – последняя справа.

– Дайсукэ-сан! – Громкий женский голос пронесся по веранде, и аристократ отвернулся, не дав Суюки прошептать слова благодарности. Вскоре из-за угла показались три знатные дамы в элегантных золотисто-зеленых кимоно. Они насмешливо посмотрели на аристократа.

– Вот ты где, Дайсукэ-сан, – с обидой воскликнула одна из них. – Где тебя носит? Мы же опаздываем на поэтические чтения к Ханозэ-сан! А-а-а. Что тут происходит? – спросила она, заметив Суюки. – Дайсукэ-сан, только не говори, что все это время ты болтал со служанкой!

– Почему бы и нет? – с издевкой поинтересовался он. – Порой разговоры с прислугой куда интереснее бесед с аристократками.

Девушки захихикали, будто ничего смешнее в жизни не слышали. Суюки искренне не понимала, что тут веселого.

– Что за ерунда, Тайо Дайсукэ! – с упреком сказала одна из девушек, прикрывшись белым веером с цветками вишни. – Пойдем уже. Нам надо спешить. А ты, – она перевела взгляд на Суюки, – возвращайся к работе. Что уставилась? Кыш!

Суюки поспешно удалилась, стараясь не расплескать чай. Но сердце продолжало бешено колотиться, а восстановить дыхание никак не удавалось. Тайо. Родовое имя императорской семьи. Дайсукэ-сама – член Клана Солнца, одной из самых влиятельных семей в Ивагото, и в его жилах течет императорская кровь. Странное чувство в животе усилилось, мысли, словно стайка мотыльков, порхающих у огня, кружились вокруг воспоминаний о его улыбке и мелодии отцовской флейты.

Нужную дверь Суюки отыскала в самом конце веранды, откуда открывался вид на великолепные дворцовые сады. Перегородка сёдзи была отодвинута, и Суюки почувствовала легкий аромат ладана, который курился во мраке комнаты. Она тихонько вошла и огляделась в поисках новой хозяйки, но комната была пуста. Жилище было богато обставлено, хотя обычно знать отличалась склонностью к простоте. Нарядные ширмы превратили комнату в маленький лабиринт, пол устилали мягкие татами. Повсюду лежали стопки листов для оригами всевозможных расцветок и фактур, а со всех плоских поверхностей на Суюки смотрели бумажные птицы – они будто захватили дом. Девушка смела стайку журавликов со стола, чтобы поставить поднос.

– Маи-тян[2]? – Из соседней комнаты послышался голос, мягкий и нежный, как осенняя паутинка; по полу прошелестел шелк. – Это ты? Где ты была? Я уже начала волноваться... Ах.

В дверях появилась дама, и на мгновение они с Суюки застыли, глядя друг на друга. Суюки распахнула рот от изумления.

Если Тайо Дайсукэ был самым красивым парнем, которого она только видела в жизни, то теперь перед ней стояла самая изящная и прекрасная женщина во всем дворце. На ней было красное кимоно, расшитое золотыми, серебряными и зелеными бабочками. Блестящие черные волосы были собраны в высокую прическу, украшенную двумя золотисто-красными деревянными палочками и гребешками из слоновой кости. Темные глаза, сияющие на безупречном, словно фарфоровом, лице с интересом оглядели Суюки.

– Здравствуй, – проговорила незнакомка, и Суюки поспешно закрыла рот. – Могу я поинтересоваться, кто ты такая?

– Я... я Суюки, – запинаясь, представилась девушка. – Ваша новая служанка.

– Ах вот оно что. – Губы женщины тронула легкая улыбка. Суюки ни капли не сомневалась, что улыбнись она чуть шире, и в полумраке сверкнут белоснежные зубы. – Проходи, малютка Суюки-тян. Только, пожалуйста, ничего не раздави.

Суюки послушно приблизилась к госпоже Сатоми, стараясь не наступить на ее бумажные создания.

И тут женщина дала ей хлесткую пощечину.

Вспышка боли на мгновение ослепила девушку. Она рухнула на пол, до того изумленная, что даже не вскрикнула. Из глаз брызнули слезы. Суюки прикрыла щеку ладонью и непонимающе посмотрела на госпожу Сатоми. Та возвышалась над ней, продолжая улыбаться.

– Знаешь, почему я тебя ударила, малютка Суюки-тян? – спросила она, на сей раз показав зубы.

«Так скалятся черепа», – подумалось Суюки.

– Н-н-нет, моя госпожа, – пробормотала она. Онемевшая щека начала гореть.

– Потому что я звала Май-тян, а не тебя, – беспощадно веселым голосом сообщила госпожа Сатоми. – Даже если ты глупая деревенщина, Суюки-тян, это тебя несколько не извиняет. Приходить нужно только когда позовут, ясно тебе?

– Да, моя госпожа.

– Улыбнись, Суюки-тян, – велела Сатоми. – Если улыбнешься, возможно, я забуду о твоём мерзком деревенском говоре и о том, что лицо у тебя похоже на коровью морду. Мне трудно будет сдерживать отвращение при виде тебя, но я постараюсь. Разве это не великодушно с моей стороны, а, Суюки-тян?

Не зная, что ответить, Суюки стиснула зубы и подумала о Дайсукэ-саме.

– Разве это не великодушно с моей стороны, Суюки-тян? – повторила Сатоми с нескрываемым раздражением.

Суюки с трудом сглотнула.

- Hai, госпожа Сатоми.

Сатоми вздохнула.

- Ты помяла мои фигурки, - оскорбленно заявила она, и Суюки взглянула на бумажных зверюшек, которых случайно задела. Госпожа фыркнула и отвернулась. - Предупреждаю: я очень разозлюсь, если ты их не заменишь. В районе Ветров есть одна милая лавочка, где продается самая тонкая лавандовая бумага. Если поспешишь, успеешь купить ее до закрытия.

В дверной проем Суюки увидела, как над дворцом стущаются грозовые облака. Загрохотал гром, а в темном небе замелькали серебристо-голубые молнии.

- Да, госпожа Сатоми.

За следующие несколько дней Суюки успела истосковаться по отцовской лавочке, по неспешному подметанию полов, штопке одежды, приготовлению еды трижды в день, по успокаивающему аромату опилок и стружек, по посетителям, которые редко ее замечали, занятые лишь отцом и его творениями. Раньше Суюки казалось, что в работе служанки, приставленной к знатной госпоже, нет ничего сложного: только и знай, что помогай ей одеться да выполняй мелкие поручения и дела, недостойные внимания аристократки. Возможно, так оно и должно было быть - во всяком случае, другие служанки явно не страдали от тягот и лишений. Они откровенно избегали Суюки, будто общение со служанкой госпожи Сатоми могло навлечь на них ее гнев. И Суюки их не винила.

Госпожа Сатоми была сущим исчадием ада, прекрасным его исчадием в шелках, при макияже и одурманивающем парфюме. Что бы Суюки ни делала, хозяйка всегда была недовольна. Как бы она ни терла и полоскала белье, Сатоми всегда говорила, что постирано оно плохо. Чай, заваренный Суюки, оказывался либо слишком слабым, либо слишком крепким, либо чересчур сладким - вечно что-нибудь было не так. Как бы прилежно девушка ни убирала комнаты госпожи Сатоми, где-нибудь неизменно отыскивалось пятнышко грязи, татами оказывалось не там, где нужно, бумажные фигурки стояли не на тех местах. Обнаружив очередной промах, госпожа едва заметно улыбалась и отвешивала девушке на удивление звонкую пощечину.

Но это, разумеется, никого не заботило. Другие служанки отводили глаза от ее синяков, а стражники вообще на нее не смотрели. Суюки не осмеливалась жаловаться, ведь госпожа Сатоми была не только знаменитой и влиятельной аристократкой, но и любимой наложницей самого императора. Злословить о ней значило оскорблять Тайо но Гэндзи, великого Сына Неба - а это могло закончиться поркой, публичным унижением или и того хуже.

От полного отчаяния Суюки спасала только мысль о новой встрече с Дайсукэ-самой. Само собой, в его венах течет голубая кровь и он Суюки совершенно не ровня. Беды простолюдинки ему вряд ли интересны. Но ей хватило бы одного взгляда. Она тщетно искала его на верандах и дорожках, когда бегала с поручениями госпожи Сатоми, но красивого аристократа нигде не было видно. До Суюки дошли слухи, будто Тайо Дайсукэ покинул Дворец

Солнца вскоре после ее прибытия и отправился в одно из своих загадочных путешествий по стране. Суюки очень надеялась встретиться с ним, когда он вернется. Ей хотелось вновь услышать мелодию отцовской флейты, пойти за ней и столкнуться с Дайсуке, вновь увидеть его струящиеся белые волосы.

Затрещина, от которой Суюки повалилась на пол, пробудила ее от мечтаний.

– Что ж ты такая неуклюжая, дорогуша? – спросила одетая в ослепительно шелковый наряд госпожа Сатоми, глядя на нее сверху вниз. – Вставай, Суюки-тян. Для тебя есть работа.

В руках у госпожи был моток крепкой шелковой веревки кроваво-красного цвета. Как только Суюки поднялась, веревка оказалась у нее в руках.

– Слушай, ты какая-то слабоумная, право слово. Я уже и не надеюсь, что из тебя получится хорошая служанка. Но даже ты справишься с этим простейшим заданием. Отнеси веревку в амбар в восточной части сада, прямо за озером. И кончай плакать. Что обо мне подумают люди, если моя служанка будет вечно ходить зареванная?

Очнулась Суюки в темноте. В голове стучало. Перед глазами плыло, во рту стоял противный металлический привкус. Где-то в вышине гремел гром, свежий ветер дул в лицо. Холодные острые камни больно впивались в щеку и живот. Суюки моргнула и попыталась подняться, но руки не слушались. Через мгновение девушка поняла, что они связаны у ней за спиной.

Кровь застыла в жилах. Суюки перекатилась набок и попыталась встать, но колени и лодыжки тоже оказались связаны той самой веревкой, которую она несла в амбар. Рот у девушки был заткнут кляпом, примотанным к голове обрывком какой-то тряпки. Глухо вскрикнув, Суюки забилась на камнях. Боль пронзала руки, когда она невольно царапала их об острые булыжники, сдирая кожу, но веревки не поддавались. Запыхавшись и обессилев, Суюки устало повалилась на землю, а потом подняла голову и огляделась.

Она лежала посреди двора, но не ухоженного двора перед Дворцом Солнца с чисто выметенными белыми плитами и аккуратно подстриженными кустами. Этот двор был темным и изрядно потрепанным временем. Нависавший над ним замок тоже выглядел мрачным и покинутым и напоминал гигантское злобное чудовище. На стенах развевались изорванные флаги. По всему двору валялись сухие листья и обломки камней; неподалеку Суюки заметила шлем самурая, пустой и ржавый. Над головой сверкали молнии, и в их свете она различила блестящие глаза десятков ворон, которые сидели на стенах дворца и наблюдали за ней, поеживаясь от ветра.

– Ну здравствуй, Суюки-тян, – поприветствовал ее до жути радостный голос. – Проснулась наконец?

Суюки обернулась и увидела госпожу Сатоми – та стояла в нескольких шагах позади нее. Ветер трепал ее распущенные волосы, рукава красно-черного кимоно развевались, как паруса. Взгляд был недобрым, на губах играла едва заметная улыбка. Судорожно вздохнув, Суюки с трудом села. Ей хотелось криком звать на помощь, хотелось понять, что происходит. Неужели это

жестокое наказание? Но в чем она опять провинилась? Плохо убралась, принесла не то, о чем просили, или обслужила госпожу не так, как та бы хотела? Во взгляде Суюки вспыхнула мольба, по щекам заструились горячие слезы, но госпожа Сатоми только сморщила нос.

– Ты не только лентяйка, но и истеричка. Терпеть не могу твои вечные сопли. – Она фыркнула и отошла назад, больше не глядя на Суюки. – Что ж, возрадуйся, Суюки-тян. Сегодня твоим страданиям придет конец. Хоть это и значит, что мне придется искать новую прислугу – и почему служанки вечно норовят разбежаться, словно мыши? Неблагодарные твари. Никакого чувства ответственности. – Госпожа Сатоми страдальчески выдохнула, а потом взглянула на облака. В небе снова сверкнула молния. Ветер усилился.

– Ну и где носит этого о́ни? – пробормотала она. – Учítывая, каких трудов мне стоило организовать ему достойное вознаграждение, я буду очень недовольна, если он не успеет к началу грозы.

О́ни? Суюки решила, что, вероятно, ослышалась. Так звали жестоких демонов из Дзигоку, царства тьмы. В народе ходили бесчисленные истории о храбрых самураях, побеждающих целые армии о́ни, но это все были мифы и легенды. Родители пугали демонами непослушных чад: «Не приближайся к лесу, а не то они тебя схватит», «Не спорь со старшими, иначе о́ни выскочит из-под пола и утащит тебя в Дзигоку». Страшилки для детей, чудовища из легенд о самураях, откуда им взяться в Нингенкае, царстве смертных?..

После ослепительной вспышки молнии и удара грома в углу двора появилась гигантская рогатая тварь.

Суюки вскрикнула. Кляп во рту заглушал ее вопли, но она не умолкала и кричала, пока хватало дыхания, то и дело кашляя в лоскут ткани. Она попыталась отползти, но упала и больно ударилась о камни, разбив подбородок. Страх заглушил боль. Госпожа Сатоми метнула в нее испепеляющий взгляд, губы ее шевелились – наверное, она снова проклинала Суюки за истеричность, но та не видела и не слышала ничего, кроме огромного демона, явившегося прямоком из ночных кошмаров. Он шагнул вперед и остановился в круге факельного света. Чудовище, в реальность которого невозможно поверить.

Демон был огромным, футов на пятнадцать выше Суюки, и страшным, как описывали в легендах. Кожа у него была кроваво-красного цвета, густая черная грива ниспадала на плечи и спину. В пасти поблескивали острые желтые клыки, а глаза сверкали раскаленными углями. Шаги демона сотрясали землю. Объятая ужасом, Суюки вспомнила, что в сказаниях о́ни всегда носили набедренные повязки из шкур крупных зверей, но на этом демоне были сверкающие доспехи – красные самурайские наплечники, набедренники и нарукавники. В руке о́ни держал огромную железную дубинку тэцубо и поигрывал ей, будто она весила не больше пера.

– Ну наконец-то, Ябурама, – поприветствовала его госпожа Сатоми, вскинув голову. Чудовище остановилось напротив нее. – Я, конечно, наслышана, что время в Дзигоку не существует и один день там длится восемьсот земных лет, но пунктуальность – замечательное качество, которым не следует пренебрегать.

Из горла о́ни вырвался глухой утробный рык.

– Не поучай меня, женщина. – От его жуткого голоса задрожал воздух. – Призыв демонов из Дзигоку – дело небыстрое, особенно если хочешь собрать армию.

Позади о́ни, словно колония муравьев, возникло полчище чудовищ помельче. Ростом эти монстры были чуть выше колена, кожа их переливалась синим, красным и зеленым. От главного демона их отличали огромные уши и безумный оскал. Заметив Суюки, они поспешили вперед, гогоча и облизывая острые клыки. Суюки вскрикнула и забилась рыбой, выброшенной на берег, тщетно сиюсья отползти подальше от голодных тварей.

Ябурама предупреждающе рыкнул – словно гром прокатился по двору. Орда чудовищ попятилась.

– Это моя? – спросил демон, сверкнув огненно-красными глазами на Суюки. – С виду вкусная. – Он шагнул к лежащей на земле девушке, и та едва не лишилась чувств.

– Терпение, Ябурама, – проговорила госпожа Сатоми и жестом остановила его. Он сощурился и оскалится, но даму это нисколько не беспокоило. – Скоро заберешь свое вознаграждение, – продолжила она. – Просто хочу убедиться, что ты знаешь, кто тебя сюда призвал. Знаешь, что нужно сделать.

– Как я могу этого не знать, – нетерпеливо ответил о́ни. – Дракон восстает. Предвестник Перемен приближается. В этом царстве невыносимого света и солнца прошла очередная тысяча лет, и вот-вот настанет время загадывать желание. В такое время смертный мог призвать меня в Нингенкай лишь по одной причине. – Жестокою морду исказила гримаса самодовольного презрения. – Я достану тебе свиток, женщина. Или его кусок, ибо сейчас фрагменты свитка разбросаны по всему свету. – Он вновь перевел взгляд горящих глаз на Суюки и медленно улыбнулся, обнажив клыки. – Я все выполню, но сперва возьму то, что мне причитается.

– Хорошо, – согласилась госпожа Сатоми. С неба упали первые капли дождя. – Я рассчитываю на тебя, Ябурама. Уверена, есть и другие желающие отыскать все фрагменты Драконьего свитка. Ты знаешь, что делать, если вдруг встретишься с этими охотничками. Что ж.. – Она раскрыла розовый зонтик и подняла его над головой. – Оставляю вас наедине. Наслаждайся.

По каменистому двору зазмеились ручейки. Госпожа Сатоми развернулась и направилась восвояси. Суюки дернулась в ее сторону, плача и умоляя о помощи богов и тех, кто волею судеб расслышит ее сдавленный крик. «Пощадите, – с отчаянием думала она. – Прошу. Неужели моя жизнь закончится вот так? Нет, нет, пожалуйста...»

Госпожа Сатоми замедлила шаг.

– О, малышка Суюки-тян, выше нос, – улыбнулась она. – Пришел миг твоей славы. С тебя начнется новая эра. Эта империя – весь мир! – изменится благодаря твоей жертве. Понимаешь? – Госпожа Сатоми склонила голову набок

и посмотрела на Суюки так, словно та была маленьким скулящим щенком. – Ты наконец оказалась полезной. Для таких, как ты, этого вполне достаточно.

Земля задрожала за спиной у Суюки. Огромная рука схватила ее за ноги, изогнутые когти вонзились в кожу. Суюки извивалась, пытаясь освободиться от веревок и вырваться из хватки демона, но тщетно. Госпожа Сатоми фыркнула, отвернулась и пошла дальше, и зонтик ее покачивался под дождем. Они поднес девушку к жуткой морде, а демоны поменьше кричали и танцевали вокруг.

Помогите. Кто-нибудь, прошу, помогите! Дайсукэ-сама... Мысли Суюки внезапно обратились к молодому аристократу, ей вспомнилось его прекрасное лицо и мягкая улыбка, хоть она и понимала, что он не явится ей на помощь. Никто не поможет ей, потому что всем плевать на смерть простолюдинки. «Прости меня, папа, – мысленно обратилась Суюки к отцу. – Я не хотела оставлять тебя одного».

Ярость, полыхнувшая в глубине ее души, на мгновение пересилила страх. Сейчас с ней расправится демон, а она даже пожить толком не успела – это несправедливо! Пусть Суюки была всего лишь служанкой, она надеялась однажды выйти замуж за достойного человека, завести семью, оставить после себя что-то значимое. Я не готова, не готова умирать. Пожалуйста, только не сейчас.

Когтистые пальцы сомкнулись у нее на шее, подняли в воздух, и она различила на морде демона жуткую голодную улыбку. Тварь из другого мира распахнула пасть, и смрадное дыхание, пахнущее дымом и гнилым мясом, обожгло лицо девушки. В эту секунду милосердные боги решили вмешаться, и Суюки от ужаса лишилась чувств. Сознание покинуло ее ровно за секунду до того, как клыки разорвали тело пополам.

Аромат крови ступил в воздухе, и демоны радостно завывали. Над останками Суюки медленно поднялся светящийся шар, невидимый взгляду смертного и полчищу демонов. Он завис над мерзкой сценой, словно наблюдая за тем, как мелкие твари грызутся за куски человеческого мяса, а Ябурама оглушительно рычит во мраке, отгоняя их прочь. На мгновение шар застыл, словно разрываясь между желанием взмыть к облакам и остаться на месте. Подлетев выше, он замер над единственным ярким пятном – розовым зонтиком, который поспешно двигался к замку. Голубовато-белое сияние шара сменилось зловещим красным.

Спикировав к земле, шар бесшумно проплыл над о́ни и успел скользнуть в двери замка до того, как они захлопнулись, оставив позади демонов и истерзанное тело юной служанки.

2. Лиса в храме

– Юмеко!

Громкий яростный крик прокатился по саду, заставив меня поморщиться. Я тихо сидела у пруда и бросала крошки хлеба толстым красно-белым рыбам, которые плавали у самой поверхности, и вдруг услышала свое имя – рассерженный голос доносился со стороны храма. Я поспешно спряталась под большим каменным светильником у воды, краем глаза заметив, как Дэнга с лицом мрачнее тучи бежит по противоположному берегу.

– Юмеко! – вновь позвал монах, а я вжалась в твердый мшистый камень. Мне представилось, как его обычно невозмутимое лицо делается красным, как колонны храма, и румянец ползет по лысому лбу. Я наблюдала эту картину бесчисленное множество раз. Волосы, заплетенные в косичку, и оранжевый халат, несомненно, развеваются на ветру, пока он носится туда-сюда, обыскивая берег и оглядывая заросли бамбука, окружающие сад.

– Я знаю, ты где-то тут! – крикнул он. – Опять ты соль в чайник насыпала! Думаешь, Нитору нравится, когда ему плюют чаем прямо в лицо?

Я прикусила губу, чтобы не расхохотаться, и теснее прижалась к статуе, стараясь сохранять молчание.

– Ах ты чертовка! – все кипятился Дэнга. Звуки его шагов отдалились от пруда – судя по всему, он углубился в сад. – Ты сейчас наверняка хохочешь до колик. Но учти: когда я тебя отыщу, ты у меня будешь подметать полы до самого часа Крысы!

Голос монаха смолк. Выглянув из-за камня, я проследила за тем, как он шел по тропе к бамбуковым зарослям, пока не пропал из виду.

Облегченно выдохнув, я прислонилась к щербатому светильнику, еле сдерживая радость. Ну наконец хоть какое-то веселье. Дэнга-сан всегда такой серьезный, ему не мешало бы иногда менять выражение лица, иначе оно растрескается от натуги. Я улыбнулась, представив Нитору в тот миг, когда другой монах отхлебнул из своей чашки. К сожалению, чувством юмора Нитору, как и Дэнгу, боги обделили. Лучше пока и впрямь не попадаться им на глаза. Сташу из библиотеки книгу и спрячусь под столом. Хотя нет, Дэнга уже знает это местечко. Плохая идея. Я поморщилась при мысли о длинных деревянных верандах, которые придется тщательно подмести, если меня отыщут. Наверное, лучше убраться подальше отсюда. Во всяком случае, до вечера. Интересно, чем сегодня занята семья обезьян?

В груди вспыхнул восторг. В кроне древнего кедра, возвышающегося над лесом, жило с десятков желтых обезьян. Если забраться на него в ясную погоду, можно увидеть весь мир – с крошечной фермы у подножия гор и до самого горизонта. Каждый раз, раскачиваясь на ветвях кедра вместе с обезьянами, я смотрела на разноцветный ковер, простирающийся подо мной, и думала, хватит ли мне сегодня храбрости поглядеть, что лежит за краем неба.

Но храбрости не хватало, и нынешний день едва ли станет исключением. Зато я не буду безропотно ждать, пока взбешенный Дэнга-сан швырнет мне метлу и велит вымести дочиста весь храм, включая двор.

Я сделала несколько шагов от статуи, развернулась и... столкнулась нос к носу с учителем Исао.

Вскрикнув, я отскочила и ударилась о каменный светильник, который был куда больше и тяжелее меня и даже не пошатнулся. Седобородый монах в широкополой соломенной шляпе тихо улыбнулся.

- Куда это ты собралась, Юмеко-тян?

- Э-э-э... - я замялась, потирая затылок. Учитель Исао был невысок ростом; худой и долговязый, он все равно был на голову ниже меня даже когда носил деревянные сандалии гэта. Но никто в монастыре не пользовался таким уважением и не обладал такой властью над собственной энергией ки, как учитель Исао. Я собственными глазами видела, как он разрубил дерево пополам легким ударом руки и расколол огромный валун на кусочки. Он был бесспорным хозяином храма Тихих Ветров и одним своим появлением мог утихомирить целую комнату сильных духом монахов, тоже практикующих ки. При этом он никогда не повышал голоса и не выходил из себя; самым строгим выражением его лица были слегка сдвинутые брови - этого хватало, чтобы не на шутку напугать.

- Апо[3]... - вновь запнулась я, и густые брови учителя поднялись, выражая сдержанное нетерпение. Лгать нет смысла - учитель Исао все обо всех знает. - Я... я хотела навестить семью обезьян в лесу, учитель Исао, - призналась я, решив, что это меньший из моих проступков. На самом деле, мне не запрещалось покидать территорию монастыря, просто монахам явно не нравилось, когда я уходила. Судя по количеству обязанностей и учебных занятий, они изо всех сил старались сделать так, чтобы у меня ни минутки свободной не осталось.

Учитель Исао улыбнулся.

- Вот оно что. Семья обезьян. Боюсь, твоим друзьям придется немного подождать, Юмеко-тян, - проговорил он, и в его голосе не слышалось ни удивления, ни злости. - Я отниму у тебя немного времени. Прощу, следуй за мной.

Он повернулся и двинулся в обход пруда по направлению к храму. Я смахнула пыль с рукавов и поспешила за ним по бамбуковой тропе, пестрой от солнечных лучей, пробивающихся сквозь листья, мимо поющих камней, в которых игриво посвистывал ветерок, по красному арочному мосту через бурный ручей. Серо-коричневая птичка порхала по веткам можжевельника, выпячивала грудь и наполняла воздух залиистой соловьиной трелью. Я свистнула птице в ответ, та негодуяще глянула на меня и скрылась в зарослях.

Деревья с уже поредевшей листвой расступились, мы миновали крошечный каменный сад с тщательно разрыхленным песком и поднялись по лестнице в храм. Когда мы вошли в темный холодный коридор, я заметила в противоположном конце Нитору и осмелилась дерзко ему помахать, зная, что он не подойдет ко мне, пока рядом учитель Исао. Возможно, меня заставят подметать ступеньки до следующей зимы, но выражение лица монаха того стоило.

Учитель Исао провел меня по нескольким узким коридорам мимо комнаток. Когда мы подошли к раздвижной двери, учитель открыл ее, пропуская меня внутрь. Я шагнула в знакомую комнату, маленькую, чистую и совершенно пустую, если не считать большого зеркала на стене – единственного во всем храме – и картины, висящей рядом. На картине был изображен огромный дракон, который парил над бушующим морем, и крошечная лодка на беспокойных волнах.

Я с трудом подавила вздох. Мне уже доводилось бывать здесь, и ритуал всякий раз оставался неизменным. Уже зная, чего от меня хочет учитель Исао, я легкой походкой прошла по татами и опустилась перед зеркалом. Учитель последовал за мной, сел напротив и сложил руки на коленях. Несколько мгновений он сидел неподвижно и смотрел на меня ясными глазами. Казалось, он глядит сквозь меня на стену.

– Что ты видишь? – спросил он по своему обыкновению.

Я посмотрела в зеркало. Отражение взглянуло на меня в ответ. Худошавая девушка шестнадцати лет от роду с прямыми черными волосами до середины спины. На ней соломенные сандалии, белый пояс и короткое ярко-красное кимоно, кое-где износившееся до дыр – особенно на длинных, широких рукавах. Руки у нее в земле, потому что недавно она стояла у пруда на четвереньках и болтала с рыбами; грязь пристала к лицу и коленям. На первый взгляд она кажется немножко неряшливой, но в целом совершенно обычной девчонкой – дочерью рыбака или крестьянина, преклонившей колени на полу храма.

Но только на первый. Потому что из-под кимоно выглядывает пушистый рыжий хвост, на макушке торчат треугольные ушики с черными кончиками, а блестящие золотые глаза сразу дают понять, что перед вами не человек вовсе.

– Вижу себя, учитель Исао, – сказала я, гадая, такого ли ответа он от меня ждет. – Свое истинное «я». Без всяких иллюзий и преград. Вижу кицунэ.

Кицунэ. Лису. Точнее сказать, наполовину кицунэ. Дикие кицунэ, лисы, в тайне блуждающие по Ивагото, – мастерицы перевоплощения. Некоторые кицунэ избирают жизнь лесных животных, однако даже они не утрачивают способностей к волшебству. Кицунэ – это ёкай, сверхъестественное существо. Один из их излюбленных фокусов – превратиться в человека, как правило, в прекрасную женщину, и сбивать путников с верной дороги. Со стороны я выглядела как обыкновенная девчонка; никто не видел ни моего хвоста, ни ушек, ни желтых глаз. И только в зеркалах и зеркальных поверхностях – в блестящих столешницах, в спокойной воде, даже в лезвии ножа – отражался мой истинный облик. Поэтому я должна была пристально следить за тем, что меня окружает, иначе внимательный наблюдатель заметит, что мое отражение не вполне совпадает с тем, что видят его глаза.

Во всяком случае, так меня наставляли монахи. Они знали, кто я такая, и считали своим долгом почаще об этом напоминать. Полукровка, исчадие ада, девушка-лиса – такие слова я слышала каждый день. При этом монахи отнюдь

не были жестокими или бессердечными – скорее практичными. Раз я кицунэ и не совсем человек, они не вправе делать вид, будто это не так.

Я взглянула на учителя Исао, гадая, скажет ли он что-нибудь новое. В игру «Что ты видишь?» мы играли множество раз, и какой бы вариант я не предлагала – человек, демон, лиса или рыба – учителя мои ответы не устраивали. И потому я снова и снова возвращалась к зеркалу и глядела на свое отражение.

– Как продвигаются занятия? – спросил учитель Исао. По выражению его лица никак нельзя было понять, слышал ли он мой ответ и счел ли его правильным (в чем я сильно сомневалась).

– Хорошо, учитель Исао.

– Покажи.

Я замялась и огляделась в поисках подходящей цели. Вариантов было не так много. Пожалуй, подошло бы зеркало. Или картина на стене. Но их я уже использовала, а учителя Исао едва ли впечатлит повторение старых трюков. В эту игру мы тоже нередко играли.

Я заметила прицепившийся к рукаву желтый кленовый лист и улыбнулась. Взяла его за черенок и покрутила в пальцах, а потом осторожно опустила себе на голову. Магии кицунэ необходим своего рода якорь, некий элемент природы, вокруг которого можно построить иллюзию. Ходят легенды о старых могущественных кицунэ, которые могут сплести иллюзии буквально из воздуха, но моей магии нужна была точка сосредоточения. Положив лист на голову, я прикрыла глаза и сосредоточилась.

Сколько я себя помню, магия всегда была естественной частью моей жизни, даром, доставшимся мне, как рассказывали, от предков-ёкаев. Талант проявился еще в раннем детстве, когда я пускала по коридорам храма голубовато-белые шары кицунэ-би – холодного лисьего пламени. Я стала старше, волшебных сил во мне прибавилось, и монахи предложили учителю Исао навсегда лишить меня магических способностей, чтобы я не причинила вреда ни себе, ни другим. Дикие кицунэ доставляли людям немало хлопот, причем далеко не всегда со зла. Некоторые их проделки просто выводили из себя, например кража еды или мелких предметов, а некоторые были попросту опасными – так, они могли напугать лошадь на узкой горной тропе или заманить человека в лесную чащу или болото. Дэнга и другие считали, что лучше избавить меня от искушения. Но учитель, главный в храме Тихих Ветров, решительно отверг их предложение. Он сказал, что волшебство – часть жизни кицунэ, такая же естественная, как сон или дыхание, и если ее отнять, будет только хуже.

Поэтому я ежедневно упражнялась в магии с монахом по имени Сатоши в расчете на то, что это я научусь контролировать лисий дар, а не он меня. Сперва монахи отнеслись к нашим занятиям скептически, но я знала: учитель Исао искренне верит, что я не стану использовать свою силу во вред, и потому старалась не поддаваться соблазнам. Хотя порой было жутко сложно не превратить кота в чайник, не сделать так, чтобы закрытая дверь казалась распахнутой, или не скрыть от глаз бревно, лежащее у ступенек.

Как не раз подмечал Дэнга-сан после очередной моей выходки, лисья магия – не что иное как притворство и хитрость. Ничего полезного от нее не жди.

«Может, и так, – думалось мне, когда я ощущала, как растет внутри жар кицунэ-би. – Но зато это ужасно весело!»

По телу пробежала дрожь, будто я была водой, в которую бросили камешек. Поднявшееся от пола облачко белого дыма окутало меня, а когда дым рассеялся, я открыла глаза и улыбнулась своему отражению. Из зеркала на меня смотрел учитель Исао, вернее, точная копия старика, сидящего неподалеку от зеркала, если не считать проказливой улыбки на обветренном лице. И пушистого хвоста с белым кончиком.

Настоящий учитель Исао усмехнулся и покачал головой.

– Так вот в чем вы с Сатоши упражняетесь? – спросил он. – С ужасом представляю день, когда «я» велю Дэнге-сану пойти поймать обезьяну.

– Думаете, он бы послушался? Вот умора! Кхм, но я, разумеется, ничего такого делать не стану. – С этими словами я сняла с головы кленовый лист, иллюзия рассеялась, и я вновь стала собой. Повертев лист в руках, я задумалась, что бы со мной сделали, если б я и впрямь превратилась в учителя Исао и приказала Дэнге прыгнуть в пруд. Зная фанатичную преданность монаха своему наставнику, можно предположить, что он послушался бы беспрекословно. А потом, наверное, убил бы меня.

– Шестнадцать лет, – мягко заметил учитель Исао. Я удивленно сощурилась. Что-то новенькое. Обычно после демонстрации умений мне говорили вернуться к своим обязанностям. – Шестнадцать лет прошло с того дня, как ты здесь появилась, – задумчиво произнес он. – С того дня, как мы нашли тебя у ворот в корзине для рыбы, в рваном платице с прищепленной к нему запиской: «Простите, но я должна передать свою дочь под вашу опеку. Не судите ее строго – она не в силах одолеть свою природу, а на моем пути нет места невинности. Ее зовут Юмеко, дитя грез. Воспитайте ее хорошо, и да хранит ее и вас Великий Дракон».

Я вежливо кивнула, хотя слышала эту историю уже десятки раз. Я не знала своих родителей и редко о них думала. В моей жизни они отсутствовали, а смысла переживать о том, что нельзя изменить, я не видела.

И все же было одно смутное воспоминание из раннего детства, которое преследовало меня во снах. В тот день я бродила по лесу за храмом, пряталась от монахов и гонялась за белками и вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Я обернулась и увидела на упавшем дереве белую лису с золотыми глазами, сверкающими в тени. Мы долго смотрели друг на друга – девочка и кицунэ, и хотя лет мне было немного, я ощутила родство с этим созданием, а еще непонятную тоску. Но когда я шагнула к лисе, та исчезла. Больше я ее никогда не видела.

– Шестнадцать лет, – продолжил учитель Исао, не подозревая о моих мыслях. – И все это время мы воспитывали тебя так, как нам представлялось верным, вели тебя по правильному, в нашем понимании, пути, учили искать равновесие между людской и лисьей природой. Ты всегда знала, каково твое истинное «я», – мы никогда не скрывали от тебя правду. Я сам наблюдал в

тебе как лисью хитрость, так и людское сочувствие. Я видел в равной мере и жестокость, и доброту, и знаю, что сейчас ты балансируешь на тонкой грани между человеком и ёкаем. Что бы ты ни выбрала, какой бы тропой ни пошла, пусть даже ты выберешь свой, третий путь, скоро тебе придется принять решение. Времени осталось мало.

Он не счел нужным пояснять, что имеет в виду. Не спросил, все ли я поняла. Может, знал, что половина его слов остается для меня загадкой, а половину я попросту пропускаю мимо ушей. Но я кивнула и с улыбкой сказала:

- Да, учитель Исао. Я понимаю.

Он вздохнул и покачал головой.

- Ты не ведаешь, о чем я толкую, дитя, - заявил он, и я досадливо поморщилась. - Но ничего страшного. Я не для этого тебя сюда привел.

Он посмотрел куда-то в сторону, и взгляд его стал отсутствующим, а по лицу пробежала тень.

- Ты уже почти взрослая, а внешний мир стремительно меняется. Пора тебе узнать о нашем истинном предназначении, о том, что на самом деле охраняет храм Тихих Ветров.

Я прищурилась, а кичунэ в отражении наострила уши.

- Охраняет? - переспросила я. - Я и не знала, что мы что-то охраняем.

- Само собой. Никто тебе об этом не рассказывал. Но пришла пора узнать нашу главную тайну. Дракон восстает, очередная эра клонится к закату.

- В стародавние времена, - начал учитель Исао певучим тоном умелого рассказчика, - жил-был один смертный. Юный господин, командовавший огромной армией, и слуг у него было больше, чем рисинок в поле. Его имя история не сохранила, но, по легенде, он был человеком невежественным и глупым и желал стать бессмертным kami - богом. Он собрал лучших своих воинов и приказал добыть для него Фуши но Таму, драгоценный камень, который, как поговаривали, дарует своему хозяину вечную жизнь. Вот только камень этот был спрятан во лбу Великого дракона, живущего на дне морском. Но господин жаждал бессмертия и потому повелел своим воинам достать камень любой ценой. Слуги, у которых ума было поболее, чем у господина, сделали вид, будто тотчас выступили в поход. Их хозяин был настолько уверен в успехе, что украсил комнаты серебром и золотом, а крышу дома - шелковой тканью, чтобы жилище приняло подобающий для божества вид.

Прошло несколько месяцев - от воинов не было вестей. Юный господин, потеряв терпение, прибыл на священные скалы Рюгаке, где под бурными волнами, по слухам, обитал Дракон. Выяснилось, что ни один из его воинов не взял лодки и не отправился искать Фуши но Таму, а все до единого покинули эти земли при первой же возможности. Весть об этом так разозлила

господина, что он, отбросив всякую осторожность, нанял корабль и кормчего и отправился на поиски сам.

Едва бедное судно достигло глубоких вод, начался сильный шторм. Море накинулось на господина и его моряков, словно бешеный зверь. А еще хуже то, что пока море вокруг ярилось и выло, сам господин слег с ужасной болезнью и оказался на грани гибели. Когда шторм сделался столь сильным, что в любой миг угрожал разбить корабль в щепки, кормчий крикнул, что боги прогневались на них и господин должен вознести молитву, чтобы успокоить Великих Камей, хозяев глубин.

Страх обуял господина, он осознал ошибку и, глубоко пристыженный, пал ниц. По меньшей мере тысячу раз повторил он молитву, в которой просил не губить его за крамольное желание убить Дракона и клялся, что больше не потревожит Владыку вод морских.

Кто-то говорит, что господин вернулся к себе на родину целым и невредимым – пострадала разве что шелковая ткань на его дворце: вороны разорвали ее и растащили по гнездам. Но одна легенда гласит, что после того, как господин произнес тысячную молитву, море взбурлило и из его глубин поднялся огромный Дракон. Он был втрое длиннее корабля, глаза его горели во мраке, как факелы, а во лбу сияла жемчужина. Господин пришел в ужас – и неспроста, ибо Дракон был не на шутку рассержен. Господин вновь пал ниц, умоляя могущественного змея о пощаде. Тогда Дракон предложил ему сделку. Сказал, что готов исполнить любое его желание – даровать сокровища, вечную жизнь, власть над самой смертью, – но господин в ответ должен отдать ему свою душу. Юноша решил душу не отдавать и вернулся домой помудревшим. С тех пор раз в тысячу лет – по одному году за каждую молитву господина – Дракон вновь является смертному, который его призывает. Если у смертного чистая душа, если дела его честны, а сердце благородно, Дракон исполняет его самое заветное желание. Но если душа порочна, Дракон вырывает ее из тела и забирает как плату за самонадеянность смертного, который много веков назад жаждал стать богом.

Учитель Исао закончил свой рассказ, и в комнате повисла тишина. Легенда показалась мне любопытной, но я не могла взять в толк, как она связана с нашим храмом и тем, что мы должны защищать. Учитель Исао смерил меня взглядом и покачал головой.

– Ты ведь не понимаешь, для чего я рассказал тебе эту историю, верно?

– Понимаю! – заспорила я, и учитель Исао поднял кустистые брови. – Чтобы я... м-м-м... ну... Нет. Не понимаю.

Он молчал, по обыкновению терпеливо ожидая, что я сама обо всем догадаюсь, и его молчание сильнее всяких слов побудило меня ломать голову над загадкой. Он упомянул о Драконе, причем дважды: во время упражнения с зеркалом и в пересказе легенды, так что это наверняка важно. Что же он тогда сказал?

– Дракон восстает, – повторила я, и учитель кивнул. – По легенде, он является раз в тысячу лет. И исполняет желание смертного, – проговорила я

и примолкла, слегка нахмурившись. – Но.. зачем он их исполняет? Он ведь бог, разве не так? У него уж точно есть дела поважнее, чем всплывать со дна морского каждое тысячелетие. Неужели ему нравится выполнять чужие желания?

– Дракон вовсе не кукла, исполняющая желания, Юмекотян, – возразил учитель Исао. – Это Великий Ками, бог морских глубин, Предвестник перемен. С каждым его появлением мир – к добру или к худу – меняется и начинает идти совершенно новым путем.

– Что ж, получается.. Скоро Дракон явится вновь?

– Отлично, Юмекотян, – похвалил учитель Исао, многозначительно кивнув. – Именно так. Время Дракона грядет. И многие хотят его увидеть. Но Дракон явится, только если его правильно призвать, а сделать это можно лишь повторив по памяти все молитвы юного господина, слово в слово.

– Тысячу молитв? – спросила я, склонив голову набок. Я едва могла запомнить, какой сегодня день недели, а уж как выучить наизусть тысячу молитв, и вовсе не представляла. – По-моему, это ужасно трудно. Едва ли он твердил одну и ту же молитву. Наверное, их кто-нибудь записал..

Стоп.

Обрывки сложились в единое целое. Тайна храма, священный долг монахов. Я взглянула на картину с Драконом и обреченным на гибель кораблем и впервые поняла, что она значит.

– Так вот что мы защищаем, – догадалась я. – Молитву, с помощью которой можно призвать Дракона. Она.. здесь.

– На самом деле, только ее фрагмент, – мрачно пояснил учитель Исао. – Видишь ли, Юмекотян, когда-то давно один человек загадал Дракону недоброе желание. Его исполнение повлекло за собой жуткие последствия. Тьма и хаос восторжествовали, и в стране едва не началась междоусобица. Чтобы никто впредь не поддавался искушению прибегнуть к драконьей силе, свиток с молитвой разорвали на части и спрятали в разных частях Ивагото.

– Но.. Я думала, Дракон выполняет только желания благородных смертных, – заметила я. – Тех, чья душа чиста. Как же у таких людей могут быть недобрые желания?

– Дорога в Дзигоку выложена благими намерениями, – проговорил учитель Исао. – А абсолютная власть способна соблазнить даже самое чистое сердце. Таково людское безумие. Оставим это. Теперь, когда ты, Юмекотян, знаешь, что именно мы защищаем, нам нужно соблюдать предельную осторожность. Вот почему мы живем так замкнуто, вот почему никогда не принимаем гостей. С приходом Дракона баланс сил изменится. В мире за стенами храма царит хаос. Люди борются за власть, движимые жадной кровью и жестокостью, они замышляют страшные вещи, мир завлакивает темная пелена страха. Наш долг – сделать так, чтобы Драконья молитва не оказалась во внешнем мире, защищать фрагмент свитка ото всех, кто хочет призвать Дракона. Это наша важнейшая обязанность, а теперь ее разделяешь и ты. Понимаешь, мой юный друг?

По спине у меня словно пробежал ледяной паук. Я кивнула.

– Кажется, понимаю, учитель Исао.

– Тьма подступает к нашим краям, лисичка. – Голос учителя стал тише, будто мысли его были где-то далеко. Он перевел взгляд на стену, чуть выше моей головы. – С каждым миготом она все ближе, и некоторых она погубит. Но если ты сумеешь от нее ускользнуть и удержаться на стороне света, тебя она не одолеет, – проговорил учитель, сощурился и посмотрел на меня. Потом он улыбнулся, и отчуждение пропало с его лица. – Кажется, я опять заболтался, да? – весело промолвил он. – Вроде бы у тебя есть еще дела на сегодня, верно, Юмеко-тян? Хм... А если хочешь не попасться на глаза Дэнге и Нитору, я бы посоветовал перелезть через западную стену. – С этими словами он поднялся, медленно мне подмигнув. – Увидимся за ужином. Передавай обезьянам мое почтение.

Шаркающей походкой он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, а я еще несколько минут просидела наедине со своими мыслями о зловещей истории про Дракона и исполнение желаний. Я и не знала, что в храме хранится великий и опасный артефакт, а учитель Исао и остальные – это не просто монахи, но защитники свитка с молитвой, которая может призвать божество.

Дракон восстает.

По спине опять пробежали мурашки. Меня поэтому привели сюда? Я всегда подозревала, что учитель Исао проверяет меня, но понятия не имела зачем. Собственное будущее казалось мне туманным, я вообще редко о нем думала, куда больше заботясь о настоящем. В глубине души я была уверена, что когда подрасту и наберусь храбрости, непременно покину храм Тихих Ветров. Неужели учитель Исао хочет, чтобы я вместе с монахами защищала Драконий свиток? Неужели надеется, что я останусь здесь и буду охранять артефакт от тех, кто хочет призвать Дракона? До конца моих дней?

До самой смерти приглядывать за старым пыльным свитком? Нет, наверняка у него другое на уме. Я подумала о ежедневных занятиях с Дзином, который рассказывал мне о внешнем мире и о том, какова она, жизнь за стенами храма. Я никогда не встречала самураев, но читала о них в книгах и рукописях. Я знала названия кланов, их обычаи и историю Ивагото последних трех веков. Для чего учить меня этому, если я никогда не покину храм? Зачем мне столько всего знать о мире, который я никогда не увижу?

Нет, не может учитель Исао быть таким жестоким. Сморщив нос, я встала и отряхнула колени от пыли, решительно отказавшись от недавних догадок. Вовсе я не сильная, никакой я не страж, не воин, управлять энергией ки не умею. Я кицунэ, которая только и может, что заставить чайник пуститься в пляс. К тому же у учителя Исао для защиты Драконьей молитвы есть Дэнга, Дзин, Сатоши и все остальные. Моя помощь им не нужна.

Я шагнула к двери, стараясь избавиться от тяжести, которую вдруг ощутила в теле. Казалось, мир резко переменялся. Словно приближалось что-то чудовищное, а я была не в силах это остановить.

Юмеко, ну прекрати. Да, теперь ты знаешь о свитке, но из этого вовсе не следует, что сюда тотчас же ворвется вор, жаждущий его похитить. Я опустила уши, стараясь убедить себя, что все это ужасно глупо и что мурашки по спине пробежали только из-за того, что учитель Исао – превосходный рассказчик. А не от зловещего предчувствия. Никогда не любила страшные истории. Надеюсь, прогулка по лесу поможет мне привести мысли в порядок.

Воспрянув духом, я приоткрыла дверь... и наткнулась на строгий, неумолимый взгляд. Молча приняв из рук Дэнги-сана метлу, я поплелась вон из комнаты. Когда я наконец закончила подметать веранду, ступеньки, дорожки, коридоры и прочие горизонтальные поверхности в храме и вокруг, история о свитке, Драконе и исполнении желаний уже давно вылетела у меня из головы.

3. Воин Тени

Ночь пахла смертями. Нынешними и грядущими.

Укрывшись среди корявых ветвей глицинии, я внимательно оглядывал владения господина Хинотаки, подмечая стражей, которые бродили туда-сюда. Я просидел на дереве почти час и успел запомнить окружающую обстановку до мелочей и до секунды рассчитать время смены караула. Луна стояла высоко в небе, и час Быка был в самом разгаре, когда свет в верхнем окне замка наконец погас.

Теплый ветер прошелестел по ветвям, среди которых я прятался, взъерошил мне волосы и шарф и принес с собой запах крови.

Сознание ослепила мощная вспышка волнения, принадлежавшего не мне. Камигороши, точнее демон, заточенный в Камигороши, беспокоился, предвкушая грядущую жестокость. Меч, чье имя в переводе значило «убийца бога», стал неотъемлемой частью моего «я» с тех самых пор, как меня сделали его хозяином. Сейчас мне семнадцать, и больше половины жизни ушло у меня на то, чтобы в полной мере овладеть своевольным оружием. Без тренировок и наставлений сенсея я бы давно поддался ярости и ненасытности демона, заключенного в мече. Он одолевал меня и теперь, требовал выхватить клинок, соскочить вниз и залить кровью земли, в которых я оказался.

«Терпение, Хакаимоно[4], – сказал я демону и почувствовал, что он немного успокоился. – Твое желание скоро исполнится».

Я спустился по веткам на внешнюю стену, а потом побежал вдоль перил. Потрепанный шарф развеялся у меня за спиной. Наконец я добрался до места, где угол голубоватой крыши замка максимально сближался со стеной. Крыша все равно была футов на пятнадцать выше, но я снял с пояса веревку с крюком, покрутил и забросил наверх. Крюк тихонько шелкнул, зацепившись

за гаргулю в виде рыбы на углу здания, веревка натянулась, и я начал взбираться.

Стоило мне только убрать веревку, как я заметил внизу самурая, который патрулировал внутреннюю стену. Я мгновенно застыл, прислушиваясь к шагам, и замедлил дыхание, чтобы лучше себя контролировать. Мне нельзя испытывать ни страха, ни сомнений, ни злости, ни сожалений, иначе Хакаимоно завладеет моим разумом. Если бы я хоть что-нибудь почувствовал, то оказался бы во власти демона и уже не смог бы погасить его ярость. Я был пустым сосудом, оружием Клана Тени, и от меня требовалось лишь одно – выполнить свою миссию.

Самурай пошел дальше. Неподвижной тенью я следил за каждым его шагом, пока он не завернул за угол и не пропал из виду. А потом я бесшумно пошел по крыше, направляясь к главной крепости.

Подкравшись к распахнутому окну, я услышал негромкие голоса и замер. Пульс подскочил, Хакаимоно воспользовался мгновением моей слабости и потребовал, чтобы я разрубил говоривших на мелкие кусочки, пока они меня не заметили. Не обращая внимания на демона, я вжался в стену, а мимо прошли двое мужчин – судя по тяжелой походке, самураев.

– Это просто безумие какое-то, – сказал один. – Йодзи пропал, а теперь еще и Кентаро бесследно исчезает. Как будто нас пожирают сами стены! И господин Хинотака вдруг запрещает вход на верхние этажи! – Он понизил голос почти до шепота. – Возможно, всему виной призрак госпожи Хинотака. Ходят слухи, что ее отравили...

– Закрой свой глупый рот, – зашипел его собеседник. – Госпожу Хинотака стубила болезнь. А ты держи свой грязный язык за зубами, пока он не довел тебя до беды.

– Говори, что хочешь, – сказал первый самурай, защищаясь от нападок. – Но замок с каждым днем становится все мрачнее. Я даже рад, что завтра ухожу на задание, пускай оно и дурацкое. Не понимаю, зачем наш господин отправляет десяток солдат в горы Клана Земли искать этот древний артефакт.

Голоса затихли, в замке вновь воцарилась тишина. Я скользнул в окно и оказался в длинном и узком коридоре, полы и стены которого были сделаны из темного дерева. Единственным источником света была луна за окном, ко всему вокруг льнули тени. Я пошел по коридору вглубь замка, внимательно прислушиваясь, не раздадутся ли голоса или чьи-то шаги. Но на этаже, кажется, не было никого, кроме двух стражей. По залам не ходили слуги, самураи не играли в го у себя в комнатах и не распивали sake. Страх пропитал все вокруг. Демон, заточенный в Камигороши, тоже это ощутил и воодушевленно всколыхнулся в моем сознании, зашевелился в нем, будто змея.

Лестница, ведущая на последний этаж крепости, располагалась в темном углу замка, в конце коридора. Ее никто не охранял. Сам воздух здесь был насыщен злом. По ступеням стекали бордово-черные завитки зловонного дыма, невидимые для человеческого глаза. Перила и деревянные ступеньки уже начали гнить, а пол вокруг лестницы казался трухлявым и ненадежным. Сквозь

решетчатое окно в замок влетел белый мотылек и тут же, закружившись по спирали, упал замертво.

Крепче сжав зубы, я стал подниматься по лестнице, не обращая внимания на дым и стараясь его не вдыхать. Моему взору открылся верхний этаж с толстыми деревянными стенами и решетчатыми окнами, сквозь которые виднелось небо. Дым стелился по полу – он выползал из-под массивных деревянных дверей напротив.

Приложив к ним ладонь, я ощутил отравившую все внутри атмосферу болезни и толкнул створку. Из комнаты клубами повалил кроваво-черный гнилостный туман. Застыв на пороге, я всмотрелся в темноту. Стены и пол просторных покоев покрывала плотная белая паутина, свисавшая с потолка. Она окутывала колонны и стропила, колыхалась дырявыми занавесями на ветру. То тут, то там постукивали гроздь белоснежных костей, напоминая жуткие музыкальные подвески. На стенах неподвижно висело несколько коконов размером с человека.

Я переступил порог, и дверь со скрипом захлопнулась у меня за спиной. Паутина пристала к моим дзика-таби[5], но меня это не остановило. Я шагнул дальше. Под ногами зашелестело, коконы вокруг задрожали, а кости застучали громче. Я и не думал таиться: цель была близка, игра в прятки потеряла всякий смысл.

Из темноты послышался тихий женский смешок, и волоски у меня на руках встали дыбом.

– Слышу шаги юношеских ног, – напевно произнес голос, чью хозяйку надежно скрывала паутина. – Неужели господин Хинотака прислал мне еще одну игрушку? Юную, симпатичную, жаждущую любви? Иди ко мне, сладенький, – жарким шепотом позвала она, а я схватился за рукоять Камигороши, чувствуя дикое предвкушение демона. – Я буду любить тебя. Я опутаю тебя любовью и больше никуда не отпущу.

Последние слова раздались прямо над моей головой, и Хакаимоно угрожающе запульсировал в моем сознании. Не глядя вверх, я инстинктивно упал на руки и вдруг почувствовал, как кто-то схватил меня за рукав. Вскочив, я развернулся: с потолка свисало огромное существо, восемь хитиновых лап взяли в кольцо то место, где я стоял секунду назад.

– Хитрый маленький жучок!

Чудовище расправило лапы и опустилось, а потом, шелкая когтями по полу, повернулось ко мне. Я увидел голову и туловище красивой женщины, приставленные к телу гигантского паука. Человеческую половину прикрывало элегантно черное-красное кимоно, но на фоне паучьей части оно выглядело до нелепого крошечным. Нависнув надо мной, дзёрогумо[6] склонила голову набок и улыбнулась. Крошечные черные клыки сверкнули между полными красными губами.

– Кто это у нас тут? – с придыханием спросила она, когда я резко сел на корточки и схватился за меч. Хакаимоно, беспощадный и яростный, встрепенулся у меня в голове, обостряя мои чувства, наполняя воздух запахом крови. – Мальчик? Ты забрел ко мне в логово, потому что искал

меня? – Она склонила голову на другую сторону. – Ты не похож на тех, кого присылает ко мне Хинотака. Те сперва гордые, а потом так сильно трясутся, мечутся, как перепуганные сверчки. Но ты... ты не боишься. Восхитительно.

Я молчал. Страх – самое опасное чувство на свете, его первым изгнали из моего тела. Сенсей учил меня, что страх – это отвращение, которое мы питаем к боли и страданиям. Самурай, встретив голодного медведя, боится не самого хищника, а того, что он может с ним сделать. Боится когтей, способных разорвать его плоть, зубов, которые могут выгрызть жизнь из его костей. Меня научили терпеть то, что многие вытерпеть не в силах; слабость из моего тела выбили, выжгли, вырезали, выдрали, и оно стало оружием. Я не боялся ни боли, ни смерти, потому что моя жизнь мне не принадлежала. Гигантская человекоядная женщина-паук пугала меня не больше голодного медведя. В худшем случае она просто меня убьет.

Дзёрогумо хихикнула.

– Ну так иди сюда, жучок! – пропела она и протянула ко мне изящные белые руки. Ее голос стал умиротворяющим, почти чарующим. Он наполнил гудением мою голову, подмял под себя волю и заткал паутиной разум. – Я чувствую в твоём сердце тоску одиночества. Позволь мне тебя полюбить. Позволь избавиться от тревог и печалей, которые отягощают твою душу. Ты изведешь сладость моего поцелуя и нежность моих объятий, а потом познаешь истинное наслаждение.

Дзёрогумо шагнула ближе. На губах у нее играла улыбка. Ее лицо застыло у меня перед глазами, закрыв собой все остальное.

– У тебя необыкновенно красивые глаза, – промурлыкала она. – Они похожи на лепестки цветков паслена. Так и хочется вырвать их и повесить в гостиной. – Она протянула руку и черными когтями коснулась моей щеки. – Прелестный юный человечек... Уж сегодня-то мы познакомимся поближе. Как тебя зовут, жучок? Скажи мне свое имя, чтобы я с любовью шептала его, когда буду пожирать тебя без остатка.

Демон внутри меня улыбнулся, и я услышал, как мой собственный голос отвечает женщине-пауку, хотя слова были не мои вовсе.

– Мое имя тебе уже известно.

Я выхватил меч, и Камигороши тут же ожил и заполнил комнату зловещим алым сиянием. Дзёрогумо вскрикнула и отскочила. Ее безмятежное лицо исказила ненависть.

– Камигороши! – прошипела она, обнажив клыки. Черные глаза оценивающе сощурились. – Так значит ты убийца демонов Каге.

Холодно улыбнувшись, я шагнул вперед, ощутив, как по венам разливается сила меча, наполняя их яростью и жадой крови. Дзёрогумо отступила, паучьи ноги зацокали по полу, лицо в красном мерцании Камигороши заметно побледнело.

– За что? – требовательно спросила она, хищно растопырив длинные пальцы с острыми когтями. – Здесь у меня есть все, что нужно. Я забираю лишь тех,

кто не верен Хинотакэ, тех, кто оказался недостойн служить ему. Какое значение имеют для тебя жизни горстки самураев, убийца демонов?

Я не ответил, только продолжил наступать. Меч пульсировал у меня в руках. Я был не вправе подвергать сомнению приказы моего клана или причины, по которым ему хотелось убить этого ёкая. Хотя я бы мог предположить, что само появление дзёрогумо на территории Клана Тени было достаточным поводом. Мы, семейство Каге, специализировались на тьме и лучше всех кланов в империи знали секреты теней и созданий, которые в них таятся. Я был в клане убийцей демонов – такова моя работа.

Дзёрогумо раздулась от злобы.

– Подлый человечиска! – процедила она, и между губами сверкнули черные клыки. – Ты меня не зарежешь, как зарезал Стоглазого Йаку или племя нэдзуми [7] из деревни Хана. Я откушу тебе голову и выпью всю твою кровь, пока ты перерезаешь мне горло.

Она кинулась на меня черно-желтой молнией – на удивление проворно, учитывая ее огромные размеры, – но я ждал этого. Одна из лап опустилась на деревянный пол с такой силой, что доска раскололась пополам. Я успел отскочить, крутанулся и с размаху ударил ее Камигороши. Из лапы брызнула черная кровь, дзёрогумо яростно вскрикнула, а Хакаимоно одобрительно застонал у меня в голове. Он упивался насилием и требовал, чтобы я дал ему волю. Но я не ослаблял самоконтроль, даже уворачиваясь от стремительных выпадов дзёрогумо, которая пыталась меня достать. Укрывшись в углу, я быстро прошептал заклинание на языке Тени, от меня отделился еще один Тацуми, и мы бросились в разные стороны.

Появление моего двойника сильно смутило дзёрогумо, и мы, воспользовавшись замешательством, окружили ее. Шипя, она повернулась к Тацуми, стоявшему слева, и ударила его лапой. Когти прошли мое отражение насквозь и врезались в доску, зеркальный образ растворился во мраке и исчез.

Желтоватая сукровица сочилась из паучьей раны и с шипением капала на пол, паутина вокруг дрожала от криков дзёрогумо.

– Злой человечиска! – завизжала она и резко повернулась ко мне, оставив за собой влажный и вязкий след. – Как ты посмел прикоснуться к моему прекрасному телу? – Дзёрогумо покачнулась и стала судорожно перебирать лапами, ища равновесие, а я вновь ринулся в атаку, целясь в место, где соединялись женская и паучья части тела, чтобы раз и навсегда расцечь его пополам.

При моем приближении дзёрогумо оскалилась.

– Да будут прокляты твои глаза! – прошипела она и выплюнула струю зеленой жидкости, которая тут же рассеялась в воздухе. Я отскочил, но ядовитая взвесь все же пристала к моему лицу, и глаза начало сильно жечь. Быстро моргая и пошатываясь, я отошел в сторону, не опуская Камигороши, и обтер лицо рукавом. Сквозь плотную пелену слез я разглядел мутное черно-желтое пятно и обрушил на него яростный удар. Меч стукнулся обо что-то огромное, а хитиновая лапа, будто гигантский молот, сбила меня с ног и отшвырнула в

сторону. Камигороши вылетел у меня из рук, я покатился по полу, путаясь в липкой паутине, и врезался в стену.

Оглушенный, по-прежнему полуслепой, с разъяренным Хакаимоно в сознании, я поднялся и стал судорожно искать меч, но тут у меня выбили землю из-под ног. Я рухнул на живот, огляделся и увидел плотные веревки, скрученные из паутин. Они опутывали мои лодыжки и тянулись из брюшка дзёрогумо. Она улыбнулась, обнажив черные клыки, и потащила меня к себе, словно рыбу.

– Иди же ко мне, вкусный маленький жучок, – ворковала она, пока непреодолимая сила тащила меня к ней. Я перевернулся на спину и попытался сорвать паутину с ног, но веревки оказались прочнее шелковых и не поддавались. Я в отчаянии огляделся, ища что-нибудь, что помогло бы мне освободиться, ругая себя за ошибку и представляя, что скажет Итиро, если меня сожрет дзёрогумо. Я шарил по полу в поисках острой кости или обломка лезвия, но нашел только пыль и несколько мелких косточек, запутавшихся в паутине.

– У меня для тебя особый подарок, человек, – сказала дзёгуромо, продолжая волочить меня по полу. – Ты станешь гнездом для моего нового выводка. Я отложу яйца тебе в желудок, и ты будешь жить, пока они не вылупятся и не сожрут тебя изнутри. – Она хихикнула сквозь сжатые зубы и задумчиво пробормотала: – Как знать, может, эти мои детки будут сильнее предыдущих, благодаря тому, что выкормлены внутренностями убийцы демона?

Я был всего в нескольких ярдах от огромного ёкая, так близко, что видел триумф, пылающий в черных глазах, яд, стекающий с алых губ, и от отвращения все внутри меня сжалось. Дзёрогумо не оставила мне выбора. Я упал на спину, расслабился, закрыл глаза и позволил демону меча овладеть своим сознанием.

Он тут же откликнулся и осветил мрак ослепительной вспышкой, наполнив меня яростью. Рукоять меча впилась мне в руку, когда я крепко сжал ее и открыл глаза.

Прямо надо мной была распахнутая пасть дзёрогумо и кривые черные клыки целились мне в горло. Я увидел собственное отражение в ее взгляде, увидел свои глаза, пылающие алым огнем, и заметил, как на лице ее мелькнул страх, когда она поняла, что оказалась в ловушке. Опьяненный жаждой крови, Камигороши сверкнул, и дзёрогумо с громким криком отшатнулась, закрывая лицо руками.

Я разрезал опутавшие меня веревки, вскочил на ноги и по самую рукоять вонзил меч в луковицеобразное тело ёкая, нависшее надо мной. Дзёрогумо на мгновение застыла, а я в это время пробежал под ней, разрезая мечом круглое брюхо, пока не пропорол его насквозь.

Тяжело дыша, я опустил Камигороши. На пол ручьями текла желтая паучья кровь. Дзёрогумо с пронзительным криком рухнула на бок, заскребла когтями по дереву и забилась в конвульсиях, судорожно хватая ртом воздух. Потом сложила лапы на вспоротом животе и затихла.

Этого мало. Хакаимоно все бесился у меня в голове – ему хотелось еще. Больше крови, больше убийств. Его ярость не уменьшилась ни на йоту – и ее

невозможно было утолить. И хотя лишь крошечный кусочек моей души был отдан в жертву мечу, демон вонзил свои когти куда глубже, силясь поработить меня без остатка. Глубоко вздохнув, я прогнал все мысли и чувства, вновь превратив себя в пустой сосуд без малейших слабостей, при помощи которых мной можно было манипулировать. Демон всегда отступал неохотно: он боролся со мной, жаждал, чтобы я вновь погрузился во мрак, но я сосредоточился на том, чтобы ничего не чувствовать, чтобы стать никем, и Хакаимоно наконец ослабил хватку.

– Что ты наделал? – раздался позади испуганный голос.

Я обернулся, вновь схватившись за меч, и увидел на пороге коренастого мужчину средних лет. На нем было красивое сине-серое кимоно, а изнеженное, рыхлое тело свидетельствовало о том, что ел он всегда досыта и восседал на мягких подушках. Его круглое лицо было белее мела.

– Ты убил ее, – выдохнул он, в отчаянии глядя на скорченный труп дзёрогумо. – Убил! За что? Да ты хоть понимаешь, что натворил?

Я не ответил. Само собой, я понимал, что убил ёкая, которого мой клан поручил мне уничтожить. Причины не имели значения. Я был оружием – только и всего. А оружие не ставит под сомнения намерения тех, кто им пользуется.

– Как ты мог? – простонал мужчина, сделав несколько шагов. – Ведь она заботилась обо мне. Дарила мне любовь. А от моей злобной жены можно было ждать только ехидства и осуждения. Даже слуги насмеются надо мной и сплетничают у меня за спиной. А это создание... – он с тоской взглянул на безжизненное тело, – освободило меня. Она обещала исполнить мое сокровенное желание, мою самую заветную мечту. – Взгляд его ожесточился, толстый подбородок затрясся, когда он выпятил нижнюю челюсть. – Я бы с радостью скормил ей хоть тысячу человек в благодарность за то, что она мне дала.

Ноги у господина Хинотаки задрожали, и он рухнул на колени, не сводя глаз с трупа дзёрогумо, лежавшего позади меня.

– Кем бы ты ни был, – дрожащим голосом проговорил он, – немедленно покинь мои владения, пока я не позвал стражу. Полагаю, тебя подослали убить чудовище из замка Усугурай, и ты свое дело сделал. А теперь уходи, и пусть тебя покарает тысяча демонов мести! Ты достиг своей цели, так что оставь меня наедине с моим горем.

– Еще не время, – тихо проговорил я и вновь вскинул Камигороши. – Чтобы завершить миссию, я должен убить еще одно чудовище.

Хинотака нахмурился, но миг спустя его глаза округлились, и он схватился за кинжал на поясе – слишком поздно. Одним плавным движением Камигороши отсек ему голову, и она упала на пол, подскочила, покатилась и замерла рядом с трупом дзёрогумо. Безголовое тело с глухим ударом рухнуло вниз, заливая алым ковер из паутины.

Я стер кровь с Камигороши и посмотрел на обезглавленного господина, упокоившегося рядом со своим чудовищем. Убийство Хинотаки не принесло мне

радости. Его смерти требовал клан, а я был лишь инструментом, исполнявшим приказ. Хозяин замка Усугурай убил собственную жену в угоду дзёрогумо и поставлял ей слуг, потворствуя желаниям чудовища, но он был лишь марионеткой. Дзёрогумо была двухсотлетним ёкаем, который уже много лет мучил жителей Ивагото. Она пробиралась в пустующие части замков, соблазняла их хозяев обещаниями любви или власти, а потом медленно съедала всех местных жителей. В конце концов она неизбежно добиралась до хозяина, обездвигивала его и прятала у себя в логове, а потом покидала замок и растворялась во мраке. Ее последнюю жертву обнаруживали несколькими днями позже: та, как правило, висела, окутанная паутиной и выеденная дочиста паучатами, прогрызавшими себе ход наружу. На какое-то время дзёрогумо пропадала, и истории о ней превращались в слухи и легенды, но спустя двадцать лет непременно возвращалась, обживалась в новом замке, и все повторялось.

Но больше этому не бывать. Чудовище мертво, и впредь ни один человек не станет жертвой паучьей ненасытности. Хинотака был последним. Откуда Каге узнали, когда и где она появится, и почему поручили убить ее именно сейчас, мне было неизвестно. Но мое дело было не задавать вопросы, а выполнять приказ.

Я взглянул на труп Хинотаки, и во мне вспыхнула слабая искра жалости. Он был лишь одним из множества жертв ёкаев, но что заставило этого человека впустить чудовище в замок – и уж тем более в свое сердце? Этого я не мог понять, впрочем, это не имело значения. Хинотака мертв, и смерть его была далеко не столь мучительной, как та, что уготовила ему дзёрогумо.

Убрав меч в ножны, я вышел из комнаты, выбрался через окно на крышу башни и затерялся в ночи.

Когда я добрался до городской окраины, что была примерно в полумиле от замка Усугурай, пошел сильный дождь. Прокравшись по крыше двухэтажного здания, которое служило местом встречи для тех, кого отправили на задание, я перевесился через край и скользнул в открытое окно.

В деревянный подоконник тут же воткнулся сюрикен – четырехконечная железная звезда. Я быстро пригнулся и откатился в сторону, а затем встал в оборонительную позицию и схватился за меч, но из темноты послышался раскатистый смех, и из-за угла выплыла чья-то тень.

– Ой, извини, Тацуми-кун, – весело прошелестел женский голос, и я разглядел улыбающуюся Аяме. Как и я, она была одета в черное, с наручами и в дзика-таби. Длинные волосы были собраны на затылке. Рукоять короткого меча торчала у нее над плечом, а на поясе висела кусаригама – цепь с серпом. – Мне показалось, в окно лезет огромная мокрая крыса!

– Аяме. – Я осторожно выпрямился, наблюдая за тем, как легко она шагает к окну и выдергивает сюрикен из дерева. Мы воспитывались вместе с самого детства, вместе осваивали искусство шиноби. Сейчас уже трудно вспомнить наверняка, но вполне возможно, она была моей лучшей подругой. Это было до того, как мадзуцуши, волшебники из Клана Тени, выбрали меня в качестве нового хозяина Камигороши и забрали для отдельного обучения. До недавнего

времени мы с Аяме не встречались, и за эти годы оба успели измениться. Я стал убийцей демонов Каге, а она – искусным шиноби. Теперь понятно, что она здесь делает, почему скрывается в тени и так быстро реагирует на появление незнакомцев.

– Где учитель Итиро?

– Здесь.

Дверь распахнулась, и в комнату бесшумно вошел невысокий мужчина средних лет, наружность которого быстро выветривалась из памяти – на что и был расчет. Он двигался с изяществом, весьма удивительным для человека с такой скромной внешностью, а пронзительные черные глаза смотрели зорко, по-ястребиному.

Аяме вновь спряталась в тени. Я опустился на колени и склонил голову, затылком чувствуя взгляд учителя.

– Ты сделал, что было велено? – низким голосом спросил он.

– Да, сенсей, – ответил я, не поднимая глаз.

– А что Хинотака?

– Все цели были уничтожены, сенсей.

– Замечательно. – Я почувствовал, как он кивнул. – Клан будет доволен. Тебя не ранили?

– Дзёрогумо плюнула ядом мне в глаза, – ответил я. – Но я их промыл.

– Выходит, ты был невнимателен, – недовольно проворчал учитель. – Я же тебе говорил: пауки плюются, если их загнать в угол. Пришлось ли призывать силу Хакаимоно?

– Да.

– Вакамоно[8]. – От резкого удара по голове я лишь слегка покачнулся, так как ждал его. Итиро негодуяще фыркнул. – Уже второй раз за последнюю пару месяцев, Тацуми. Ты теряешь бдительность.

Я уперся ладонями в пол и поклонился еще ниже, коснувшись лбом татами.

– Простите, сенсей, в следующий раз буду старательней.

– Если так дальше пойдет, следующего раза для тебя уже не будет, – прорычал Итиро. – Продолжишь пользоваться силой демона – и однажды она возьмет над тобой верх. Одна осечка, одна смерть, которой не требовал клан, – и они убьют тебя, Тацуми. А мне только и останется, что совершить сэппуку[9], потому что я не смог обучить тебя самоконтролю.

– Ну же, Итиро-сан, – произнес новый голос, высокий, с придыханием, и в комнате послышалось шуршание штанов хакама. – Будь с мальчиком помягче. Мы велели ему убить опасного двухсотлетнего ёкая, который многие годы ел

людей, и предателя, который замыслил недоброе против Каге. Он выполнил свою задачу, и клан им доволен.

Я поднял голову и заморгал от яркого света: в комнату вошел человек с лампой в руке. Он был худым, как жердь, в черном халате с россыпью белых цветков сакуры, а тонкие пальцы сжимали белый шелковый веер. Изящный подбородок украшала борода. Он поднял бровь, такую тонкую, будто ее нарисовали тушью, и посмотрел на меня так, словно я был любопытным насекомым, выползшим из щели между половицами.

– Так вот он какой, наш маленький убийца демонов? – спросил незнакомец, склонив голову набок и прикрыв веером нос. Я чувствовал, что под тонким шелком он посмеивается надо мной. – Как... неожиданно. Что ж, Итиро-сан, прояви вежливость. Неужели ты меня не представишь?

Итиро вздохнул.

– Тацуми, это Каге Масао, – неприветливо произнес сенсей. – Он почтил нас своим присутствием, поскольку является главным советником самой госпожи Ханшу.

Госпожи Ханшу? Даймё[10] семейства Каге? Во мне шевельнулось удивление. Госпожа Ханшу была неуловимой главой Клана Тени, загадочной женщиной, о которой ходило множество слухов, которую никто не видел и о которой редко упоминали, боясь, как бы не услышали ее шпионы. Она почти никогда не покидала своих покоев в замке Хакумей, куда довелось заглянуть очень немногим. Поговаривали, что Ханшу окружила себя опаснейшими шиноби во всей стране и верность их была так велика, что они отрезали себе языки, дабы не выдать ее тайн. Про саму же Ханшу говорили, будто она бессмертна, но даже собственный клан толком не знал, кто она и как выглядит. Большинство завеса тайны вполне устраивала.

– Не стоит так удивляться, Тацуми-сан. – Масао с щелчком закрыл веер и сложил длинные пальцы домиком. – Госпожа Ханшу пристально следит за твоими успехами, и твои многочисленные победы привлекли ее внимание. Именно поэтому я здесь. Она хочет познакомиться с тобой лично, юный убийца демонов. И мне поручено привести тебя к ней. Сегодня.

– Ну чего ты рот раззявил, как рыба, выброшенная на берег? – проворчал Итиро, не успев я ничего ответить. – Иди приведи себя в порядок. Ты похож на крысу-утопленницу. Нельзя допустить, чтобы ты предстал перед даймё Клана Тени в таком виде.

Я поклонился мужчинам и повиновался. Выскользнув из комнаты, я поспешил по лестнице на первый этаж.

Я встречаюсь с даймё Каге, с главой Клана Тени. Все внутри сжалось от дурного предчувствия. Хакаимоно тут же пробудился ото сна – его привлек проблеск моих эмоций, но я быстро усмирил его, повелев себе освободиться от всех чувств. Умом я понимал, что это большая честь: госпожа Ханшу соглашалась почтить своим присутствием очень немногих, еще реже даймё Клана Тени говорила с кем-нибудь с глазу на глаз. Обычно задания мне передавали через Итиро и другого сенсея, госпоже Ханшу ни к чему было сообщать их лично. Я слышал о самураях, получавших награды и почести за

свои великие деяния и доблестные поступки, но перед такими, как я, эти двери были закрыты. Я убивал демонов, чудовищ и ёкаев, потому что в этом был смысл моего существования. А оружие не нуждается в признании или прославлении за то, что выполняет свою работу.

Так для чего госпоже Ханшу встречаться со мной?

Спустившись на первый этаж, я последовал за слугой в маленькую ванную комнату, где меня, как и всегда, уже ждали целители из Клана Тени в пепельно-серых халатах. После каждой миссии они с неизменной врачебной отстраненностью осматривали мое тело.

– Снимите оружие и одежду, – скучающим тоном велел мне один из них и указал на стул посреди комнаты. – А потом садитесь. Давайте закончим со всем побыстрее.

Я повиновался и быстро разоружился – достал скрикен, «кошку», кунай[11] и метательные ножи, спрятанные в наручах, а потом поставил в угол Камигороши. Слуга и целители старались держаться от меча подальше, будто он был жутким чудовищем, готовым кинуться на них при любой возможности. И я знал, что ко мне они относятся примерно так же. Всем Каге было прекрасно известно о проклятии Камигороши, и потому они общались со мной как можно меньше, чтобы ненароком не пробудить демона. В детстве я чувствовал себя ужасно одиноко, потому что все шарахались от меня, как от чумного. Но теперь мне было все равно.

Ставив с себя насквозь промокший костюм, я сел, и целители приступили к осмотру. Один запрокинул мне голову, чтобы проверить глаза, а второй занялся моим боком.

– Гм-м-м, – бормотал он, то нажимая, то постукивая, то пощипывая. От каждого прикосновения тело пронзала острая боль, и я сжимал зубы, чтобы не издать ни звука. – Трещина в ребре, несколько серьезных ушибов, но переломов нет.

Второй целитель раздвинул мне веки и повернул мою голову к свету.

– В глазах следы яда, но, к счастью, его слишком мало, так что вы не ослепнете. Дзёрогумо вас не кусала? – спросил он.

– Нет.

– В таком случае во время нашего разговора ваши внутренности не расплавятся. Приятно слышать. А еще вам удалось не растратить всю свою кровь, поздравляю. Уж очень мы устали от того, что вы заявляетесь посреди ночи в полумертвом состоянии. – Он отпустил мой подбородок и жестом подозвал слугу. – Мы закончили. Вымой его, обработай раны и отправь к учителю Итиро, как закончишь.

Целители вышли из комнаты. Слуга тихо поклонился, взял ведро холодной воды, стоявшее рядом со стулом, и вылил его мне на голову. Спину словно царапнули ледяные грабли, но я не шелохнулся. Слуга смыл грязь и сажу с моего тела и чистил раны от грязи, пока кожа вокруг них не стала розовой. Затем он вновь окатил меня водой, перевязал и ушел, не сказав ни слова.

Встав, я огляделся и увидел на краю ванной чистую одежду, оставленную другим слугой: штаны хакама, сизый пояс оби и черную рубашку хаори с белым полумесяцем и затмевающей его черной луной – гербом Клана Тени – на спине.

Итиро и Масао дожидались меня в соседней комнате. Они тихо переговаривались, а между ними стояли две чашки с саке. Аяме я не заметил, но знал, что она рядом. Сенсей что-то неразборчиво проворчал, когда я шагнул на татами и, сев на пятки, низко поклонился. Каге Масао с почти хищной улыбкой наблюдал за тем, как я касаюсь лбом пола.

– Ну наконец-то, – буркнул Итиро, когда я поднял голову. – Что ж, надо сказать, ты выглядишь так, будто тебя пожевала собака, но зато больше не похож на крысу-утопленницу. Перед домом ждут два каго, они отвезут вас с Масао-саном на другой конец города. Ты готов?

– Да, сенсей.

– Отлично! – Масао-сан поднялся, шурша одеждой и веером. – Тогда пойдем, маленький убийца демонов. Нельзя заставлять Ханшу-саму ждать.

Он вышел из комнаты. Я собрался последовать за ним, но учитель Итиро схватил меня за руку, впившись в кожу грубыми пальцами, и потянул к себе.

– Послушай меня, мальчик, – прорычал он, а я покорно застыл. – Тебе предстоит встреча с самым главным человеком в Каге, с лидером Клана Тени. Не посрами меня. Если ты в разговоре с госпожой опозоришь меня, уверяю, сегодняшняя битва с ёкаем покажется тебе легким массажем по сравнению с тем, что я с тобой сделаю. Ты меня понял?

– Да, учитель Итиро.

– Вспомни, чему мы тебя учили. И повтори сейчас же.

– Я ничто, – машинально произнес я. – Лишь оружие в руках Каге. Я живу для того, чтобы быть хозяином Камигороши и подчиняться приказам Клана Тени.

– Хорошо. – Он кивнул и отпустил меня. – Не забудь об этом, когда будешь говорить с госпожой. А теперь ступай.

Каге Масао стоял на крытой веранде и неприязненно поглядывал на дождь, держа над собой разноцветный зонтик. Четыре крепких носильщика и два каго – одноместных паланкина из лакированного дерева – поджидали нас у лестницы. Я еще ни разу не ездил в каго – в них обычно путешествовала знать и важные персоны, а не безродные убийцы. Но, окинув взглядом Каге Масао и его струящиеся одежды, я подумал, что такие люди не путешествуют верхом и уж точно не ходят пешком.

– Ну что за жуткая погода! – Он со вздохом прикрыл лицо веером, будто его оскорблял сам дождь. – Впрочем, такому захолюстью она к лицу. Как же мне не терпится отсюда уехать. – Каге Масао взглянул на меня, ослепительно

улыбнулся и жестом указал на каго. – Что ж, Тацуми-сан! Не пора ли нам в путь?

Поездка по небольшому городку много времени не заняла, и вскоре слуги распахнули дверцу каго. У грязной дороги стоял высокий двухэтажный рёкан – местная гостиница. Мы зашли внутрь, поднялись по лестнице и остановились у двери в конце длинного коридора. Я остался ждать снаружи, а Масао вошел в комнату. Через мгновение слуга вновь отодвинул дверь в сторону, выпустив клубы серого дыма, и пригласил меня войти. Комната была окутана сумраком и пахла табаком и ладаном. Я осторожно переступил порог, и когда дверь за мной закрылась, упал на колени и прижал лоб к татами.

– Каге Тацуми, – промурлыкал Масао. – Убийца демонов.

– Подойди сюда, мальчик, – проскрежетал незнакомый голос, поразивший меня жестокими нотками. – Выйди на свет. Хочу поглядеть на хозяина легендарного Камигороши.

Сморгнув густой дым, я поднял голову и медленно пополз вперед на коленях, силясь заглянуть за лампу, горевшую на краю низкого столика. Бутылки саке выстроились на блестящей столешнице, словно отряд воинов, защищающих своего генерала. Ладан курился в воздухе плотным туманом, сильно пахло дымом и сандаловым деревом.

Сквозь сизую дымку и бутылочное стекло я различил лицо говорившей и тут же сжал челюсти, чтобы сдержать судорожный вдох. Лишь благодаря многолетним тренировкам мне удалось сохранить невозмутимый вид. Казалось, лицо госпожи Ханшу сперва содрали, хорошенько избили, бросили выгорать на солнце и только потом вернули на голову, державшуюся на морщинистой шее. Складки кожи свисали с тонких, как палочки, рук, сморщенные ладони напоминали птичьи лапы; пальцы так крепко сжимали трубку с длинным мундштуком, словно это была единственная связь госпожи с миром живых. На голом черепе виднелось несколько тонких седых волосков, они колыхались в воздухе, как нити паутины. Один глаз с бельмом был полуприкрыт, а второй сверкал грозно, на грани безумия.

Я все молчал, и госпожа Ханшу улыбнулась мне широкой беззубой улыбкой.

– Не такого ты ожидал, да, убийца демонов? – хихикнула она. – Гляди, сколько душе угодно, но от того мое лицо симпатичнее не станет.

Я тут же прижался лбом к татами, но госпожа Ханшу только фыркнула.

– Вставай, мальчик. – В ее голосе послышалось нетерпение. – Я хочу посмотреть тебе в глаза. Милостивые Kami, да ты еще совсем юный, – воскликнула она, когда я поднялся. – Сколько тебе? Четырнадцать? – Не дожидаясь ответа, она шлепнула Каге Масао по ноге тыльной стороной ладони. – Масао-сан! Сколько ему лет?

– Семнадцать, моя госпожа.

– В самом деле? – Лицо Ханшу удивленно вытянулось. – На вид он гораздо младше. Хотя все вы мне кажетесь детьми.

Она потянулась за бутылкой саке, каким-то чудом не задев те, что уже успели опустеть. Масао взял бутылку и налил ей рисового вина. Осушив чашку одним глотком, госпожа Ханшу кивком повелела плеснуть еще.

– А ты неплохо скрываешь отвращение, – заметила она, и я вздрогнул, поняв, что она обращается ко мне. Госпожа Ханшу сверлила меня пристальным взглядом зрячего глаза. – Уж получше, чем Итиро-сан и даже сам Масао-сан. Я ведь не всегда была такой. – Она затянулась, выдохнула, и завитки дыма опутали меня, словно цепкие щупальца. – Я была так красива, что сам император Тайо но Гинтаро хотел жениться на мне и все убивался, когда я отказала.

Имя этого императора было мне незнакомо. Нынешнего императора, правящего из Дворца Солнца, звали Тайо но Гэндзио, а его предшественником был Тайо но Эйичи. Не зная, что ответить, я молчал. Ханшу продолжала внимательно меня разглядывать. Губы ее сложились в кривую улыбку.

– Я могла бы украсть даже твое сердце, убийца демонов, – лукаво проговорила она скрипучим голосом. – Заставить тебя жаждать меня так, как демон в твоём мече жаждет битвы. И ты не смог бы устоять. Как тебе идея?

Масао прочистил горло.

– Моя госпожа, времени мало. В такую погоду вам нельзя долго оставаться вне дома. Нам нужно сегодня же вернуться в замок Хакумей.

Ханшу надулась.

– Что ж, хорошо, – вздохнула она. – Пожалуй, не буду больше дразнить мальчика. Но какой же ты скучный, Масао-сан.

Немного выпрямившись, она взяла трубку в рот и посмотрела на меня сверху вниз.

– Убийца демонов Каге, я пригласила тебя сюда ради очень важной миссии. Сегодня я отправлю тебя на задание, для которого ты был рожден.

Она подала знак Масао, и тот шагнул вперед и разложил на столе передо мной несколько листов. Там были проездные документы с печатью даймё – бумаги, позволявшие свободно пересекать земли других кланов. Меня это удивило, но лишь на мгновение. Официально в стране царил мир. Последний император запретил открытые военные столкновения, и кланы наслаждались редким затишьем после долгих веков кровопролития. Но слишком сильна была вражда между Великими Кланами, слишком много злобы питали они друг к другу и слишком много поводов для мести лелеяли, и потому достаточно было одной стычки, одного оскорбления, чтобы даймё снова вцепились друг другу в глотки. Если меня поймают на чужой территории без разрешения, это вполне могут счесть поводом к войне. И хотя сам я был уверен, что меня не схватят, мне были понятны предосторожности госпожи Ханшу.

Еще среди бумаг лежал свиток. Я развернул его и увидел карту гор на территории Клана Земли. По карте змеилась река, она перерезала лес и равнины и убегала на север. Я решил, что это Хотару Кава, река, текущая до Кин Хейген Тоши, столицы в самом сердце земель Клана Солнца. Однако

мне нужно было вовсе не в столицу. Моя цель была отмечена крестом на вершине самой высокой горы.

– Храм Тихих Ветров расположен в горах Ниваки, у восточных границ земель Цучи, – сообщила госпожа Ханшу, подтверждая мои подозрения. – Подойдешь к воротам и притворишься путником, которому нужен ночлег. Если тебя пустят – замечательно. Если нет – проникнешь в храм иным способом. Неважно, как именно ты туда проберешься, – важно найти то, за чем тебя посылают.

– Понял, – ответил я. Обыкновенно в храмы меня не отправляли – большинство монашеских орденов были мирными и безвредными и предпочитали держаться в стороне от политики и клановой борьбы. Но кто я такой, чтобы спорить с даймё. – Кто моя цель?

– Ты проберешься туда не для убийства, – ответила госпожа Ханшу, и ее слова искренне меня удивили. – Ты должен принести мне одну вещь. Хотелось бы, конечно, обойтись без кровопролития, но твои таланты могут пригодиться. Я отправляю на задание именно тебя, Тацуми, потому что, по словам Итиро, ты лучший среди шиноби, а забрать то, что мне нужно, будет непросто даже такому искусному воину, как ты. – Она сощурила здоровый глаз и заговорила куда жестче: – Но ты обязательно должен принести мне то, что я попрошу. Меня не волнует, какую цену ты заплатишь и кого для этого придется убить. И не смей возвращаться с пустыми руками – таков приказ твоего даймё! – Голос у нее сделался еще суровее и превратился в скрипучий рык, от которого у меня по спине побежали мурашки. – Убийца демонов Каге, знай: если ты меня подведешь, последствия будут ужасны. Мы следим за тобой, и Клан Тени не потерпит неповиновения. Ты меня понял?

– Госпожа, моя жизнь принадлежит Каге, – сказал я, произнося ровно то, чего от меня ожидали, и снова низко поклонился. Не важно, насколько искренними были мои слова – это не мешало им быть правдивыми. – И вам. Я вас не подведу. Только расскажите, что я должен найти, и я все сделаю.

Зрячий глаз госпожи Ханшу лихорадочно сверкнул в полумраке, а губы изогнулись в полуулыбке.

– Один свиток, который я потеряла много лет назад, – прошептала она.

4. Чай у Тануки

Как же мне не нравилось зажигать свечи в главном зале!

Двести семьдесят семь. Двести семьдесят семь расставленных по всей комнате свечей, которые нужно зажечь. По очереди. Каждый вечер, перед закатом. Чтобы монахи могли предаться вечерним медитациям. Не помню, когда это официально вошло в мои обязанности, кажется, Дэнга или Нитору предложили идею учителю Дзину, старому монаху, отвечавшему за главный

зал, со словами, что это «научит меня терпению и усердию». Разумеется, для выполнения подобной задачи нужно и то и другое. Зал был огромным, с высоченными колоннами и полами из темного дерева, натертыми до зеркального блеска, так что в них отражался огонек каждой свечи. В глубине зала стояла громадная статуя Нефритового Пророка, чьим учениям стремились следовать все монахи. Окон не было, солнечный свет проникал только через дверной проем, поэтому там всегда было темно и тихо. От горящих свечей поднималось смутное оранжевое сияние, которое превращало зал в обитель теней и танцующих огоньков.

Но на то, чтобы их зажечь, уходила целая вечность!

Я вздохнула и, опустив подсвечник, печально оглядела комнату. Как же много еще осталось! Пока горели только свечи на алтаре, да и то не все. Если бы можно было зажечь их все разом..

Губы растянулись в проказливой улыбке. А ведь я же могу это сделать! В конце концов, я кицунэ! А кицунэ-би – это огонь! Волшебный огонь, которым нельзя обжечься и которым куда проще управлять, чем обычным пламенем. Монахам, само собой, не понравится. Нитору и Дэнга точно этого бы не одобрили, но они вообще не одобряли ничего из того, что я делала.

Я задула свечу и опустила ее на пол. Затем прикрыла глаза, поднесла руку к лицу и призвала свою волшебную силу. На ладони вспыхнуло и заплесало призрачное бело-голубое пламя; вторя ему, затанцевали на колоннах жутковатые тени. Разгоревшись, пламя превратилось в огненный шар, и я увидела на стене храма свою тень – человеческую фигуру с острыми ушками и пушистым хвостом.

Вскинув голову, я очертила рукой полукруг, и огоньки кицунэ-би разлетелись во все стороны, звездопадом рассыпавшись по залу. Я довольно огляделась: на каждой фитильке дрожало голубовато-белое пламя. Как по мне, лисий огонь был куда красивее обычного, хотя с ним вид у зала стал жутковатый.

Но свечи горели – это главное. А до вечерних медитаций оставался еще час-другой. Пока что я совершенно свободна. Отряхнув руки от пыли, я поспешила к выходу, как вдруг снаружи послышались голоса.

Я замерла, потом по стеночке дошла до двери и выглянула наружу. По лестнице в главный зал поднимался Дзин, но хуже всего было то, что он был не один, а с Дэнги.

О нет. Я испуганно прижала уши к голове и отскочила назад. Если меня поймут, то, скорее всего, начнут читать нотации о том, как важны в работе терпение и усердие. Возможно, даже запретят пользоваться магией. И наверняка заставят все переделывать и вновь зажигать свечи, но на этот раз уже под присмотром.

Спрятаться. Мне срочно нужно где-то спрятаться.

Я понеслась к дальней стене и, прошептав извинения, протиснулась за высокую статую Нефритового Пророка. Секунду спустя тишину нарушил громкий вопль.

– Лисий огонь! – Эхо шагов Дэнги разнеслось по залу, и я осторожно выглянула из-за статуи, чтобы понаблюдать за ним. Он в ярости метался по комнате, а кицунэ-би отбрасывал дрожащие белые отсветы на его разъяренное лицо. – Эта чертовка зажгла свечи лисьим пламенем! Нет, ну надо же... – прокричал он, брызжа слюной. – Я до нее доберусь...

– Будет вам, Дэнга-сан, – послышался голос Дзина, спокойный и даже немного веселый. – В конце концов, она еще ребенок, к тому же кицунэ. Она не понимает...

– Ну уж нет! – Дэнга еще раз резко развернулся и оглядел зал, а потом решительно направился к выходу. – Все зашло чересчур далеко. Теперь-то точно ясно, что в девчонке больше лисьего, чем человеческого, и что природа ёкая в ней затмевает людскую природу. Нужно что-то делать. Больше я эти выходы терпеть не намерен.

– Что вы задумали, Дэнга-сан? – сощурился Дзин.

– Хочу поговорить с учителем Исао и убедить его, что нужно с этим заканчивать, – ответил Дэнга, и у меня внутри все сжалось. Он переступил порог, и его голос поплыл вверх по ступеням. – Пора лишить ее лисьей магии. Пока мы не обнаружили в наших рядах настоящего демона.

Мое сердце бешено заколотилось. Дзин проводил взглядом Дэнга, который спешно покинул зал, вздохнул и принялся задувать кицунэ-би на свечах. Огоньки он гасил по очереди, медленно и сосредоточенно, полностью погрузившись в это занятие. Я знала, что через несколько минут он закончит и уйдет, но мне не хотелось здесь оставаться: я боялась, что Дэнга вернется с учителем Исао и исполнит свое обещание. А попытайся я выскользнуть из зала, Дзин непременно бы меня заметил. К счастью, в рукаве у меня оставался запретный козырь.

Я опустилась на колени, нащупала на полу нужную дощечку и отодвинула ее, открыв проход на нижний этаж. Для обычного человека – даже для маленького! – лаз был слишком узким. Но я была не просто человеком. Я была кицунэ.

Зажмурившись, я вновь призвала свою силу, и сердце забило в предвкушении. По большей части лисья магия и впрямь сводилась к обману и хитрости, как любил говорить Дэнга. К тому, чтобы заслонять правду иллюзиями, заставлять других видеть и слышать то, чего на самом деле нет. Создавать безупречные копии, которые не реальнее отражения в зеркале. Но была одна форма, которую я могла принимать, хотя мне строго-настрого запрещалось делать это без разрешения.

Но сегодняшний день как нельзя лучше подходил для того, чтобы нарушить все запреты.

Тело налилось теплом, и я ощутила, что резко уменьшаюсь в размерах и что меня окутывает знакомая белая дымка. Когда я открыла глаза, пол был куда ближе, чем раньше. Звуки стали громче, тени почти растворились, воздух наполнился новыми запахами – затхлостью земли, резким привкусом металла, ароматом дыма, еще висевшим в воздухе. В мутном отражении на пьедестале

статуи я разглядела остроносую мордочку, золотистые глаза и пушистый хвост с белым кончиком, обвившийся вокруг лап.

Учитель Исао не одобрял мои превращения в лису. «Ты человек, – твердил он. – Да, ты кицунэ, но быть Юмеко куда сложнее, чем быть лисой. Если проведешь в теле зверя слишком много времени, однажды позабудешь, что значит быть человеком».

Я не до конца понимала, о чем говорит учитель, но в тот момент это было неважно. Опустив голову, я скользнула в дыру, проползла под полом и выскочила из-под веранды. Убедившись, что поблизости нет монахов и в особенности учителя Исао, я поспешила в сад, к старому клену, растущему у храмовой ограды. Лисьи лапы двигались проворно и ловко, кора дерева была неровной, и потому я легко вскарабкалась на клен, перескочила через ограду и скрылась в прохладной лесной тиши.

Вечером я сидела на плоском камне у любимого пруда, опустив ноги в воду, и думала, что же делать дальше. Над зеркальной гладью проносились стрекозы, рядом лениво плавала усатая рыба и время от времени тыкалась мордой в мои пальцы, снова ставшие человеческими. Солнце нагрело камень, а легкий ветерок шелестел в бамбуковых зарослях, окружавших пруд. Это место помогало забыть обо всех бедах, и я часто приходила сюда, когда жизнь в храме становилась совсем уж невыносимой – или когда пряталась от Дэнги. Обычно вода, ветерок и рыбы в пруду мгновенно спасали меня от тревог. Но сегодня я не могла выбросить из головы услышанное в храме.

Лишить меня магии? Вот просто взять и лишить? Сделать так, чтобы я не могла больше создавать иллюзии, менять форму, призывать лисий огонь? Нет, это уж слишком. Мои выходки были безобидными, за все время от них пострадала разве что гордость Дэнги. Ну и, может быть, парочка раздвижных дверей.

Я взглянула на свое отражение в воде. На меня смотрела девушка с острыми ушками, желтыми глазами и пушистым хвостом, обвившим ее ноги. «В девчонке больше лисьего, чем человеческого, – в гневе выкрикнул Дэнга, выбегая из зала. – Природа ёкая в ней затмевает людскую».

– Это ложь, – сообщила я кицунэ, глядящей на меня из воды. – Во мне по-прежнему куда больше человеческого. По крайней мере, я так думаю.

– Разговариваешь сама с собой, лисенок?

Я подняла глаза. Пруд медленно огибала невысокая пожилая женщина. Платье у нее было поношенное, на голове – широкополая соломенная шляпа, а на ногах – тонувшие в траве деревянные сандалии на высокой подошве. Узловатой рукой она придерживала на плече бамбуковую удочку, а в другой несла веревку, на которой висело несколько мелких рыбешек. Из-под шляпы смотрели ярко-желтые глаза.

Я улыбнулась.

- Добрый вечер, Тануки-баба[12], - вежливо поздоровалась я. - Что вы тут делаете?

Старушка фыркнула и подняла связку рыбешек.

- Цветы сажаю, ты что, не видишь?

Я озадаченно нахмурилась.

- Но... это же рыба. Зачем вам вообще сажать цветы, Тануки-баба? Вы же их не едите.

- Вот именно. Некоторым из нас приходится хорошенечко потрудиться, чтобы добыть еду, в отличие от избалованных наивных полукровок, которых я уж не буду называть по имени. - Она взглянула на меня из-под шляпы, изогнув тонкую седую бровь. - А вот ты что тут делаешь, да еще так поздно, лисенок? Эти твои люди не шибко любят, когда ты слоняешься по лесу. - Она хихикнула, и во рту у нее сверкнули желтые зубы. - Что, Дэнга-сан вновь вышел на тропу войны? Ты опять превратила кошку в чайник?

- Нет, такого я уже давно не делала - кошка царапается, когда я пытаюсь положить лист ей на голову. Но... - Меня охватила дрожь, и я сцепила руки. Нагретый солнцем камень вдруг показался ледяным. - Дэнга-сан очень рассердился, - поведала я. - В жизни не видела его таким. Он сказал, что во мне больше от ёкая, чем от человека, и что учитель Исао должен отнять у меня волшебную силу. Что, если учитель Исао его послушает? Что, если меня и впрямь лишат магии? Я... - Я запнулась, и все внутри у меня сжалось. - Я и представить себе не могу, каково это - жить без магии. Уж лучше бы мне отрезали пальцы или глаза выкололи. Если меня лишат волшебства, что со мной будет?

Тануки-баба фыркнула.

- Пойдем, - позвала она, указав на тропу концом своей удочки. - Угощу тебя чаем.

Я соскочила с камня и последовала за сторбленной фигурой, которая повела меня по узкой извилистой тропе через бамбуковый лес. Удочка тихонько постукивала ее по плечу, а из-под платья то и дело высовывался кончик коричневого хвоста. Я сделала вид, что не замечаю его, зная, что и Тануки-баба притворяется, будто не видит моих ушей и хвоста. Таков был негласный закон ёкаев: они не привлекали внимания к своей... «ёкайности» во избежание слезки, травли или проклятий. Впрочем, Тануки-баба я не боялась. Со мной она всегда обращалась радушно, как с родной внучкой, любила рассказывать захватывающие, а порой и жуткие истории о том, какие фокусы проделывала над людьми, когда была еще совсем юной тануки[13].

Пройдя через заросли бамбука, мы углубились в чашу леса. Здесь древние деревья росли так близко друг к другу, что их ветви тесно переплетались, почти закрывая собой солнце. Свет слабыми лучиками пробивался сквозь листья и усеивал землю под ногами пестрыми пятнами, а в воздухе было разлито благоговейное спокойствие. Любопытные кодама, древесные лесные духи, глядели на нас из-за листьев, а некоторые даже скакали за нами вдоль тропы. Их полупрозрачные зеленые тельца были не больше пальца.

Тануки-баба провела меня вдоль знакомого говорливого ручейка, через маленький арочный мост, облепленный мухоморами и древесными грибами, к деревянной лачуге, полностью заросшей мхом. По рассказам Тануки, когда-то давно лачуга принадлежала одному ямабуши, бродячему отшельнику, который искал гармонии и баланса в природе и умел общаться с ками напрямую. Но потом он то ли умер, то ли оставил эти места, так что теперь в его доме поселилась Тануки. Соломенная крыша наполовину обрушилась, а вокруг было полно деревьев и кустов, так что если не знать, что здесь кто-то живет, лачугу можно было и не заметить среди зелени. Внутри, как обычно, царил бардак; мусор высокими кучами лежал по углам и вдоль стен.

- Садись, - прорычала Тануки-баба и указала на низкий деревянный стол посреди комнаты - единственное свободное пространство во всем доме. - Сделаю нам чаю - если найду чайник, конечно.

Я заметила три чайника в разных углах лачуги, но промолчала, потому что мои предложения всегда встречались в штыки. Непременно оказывалось, что тот чайник не годится, потому что в нем трещина или он грязный - или в нем живет птичья семья. А нужный чайник где-то в другом месте, но найти его под силу лишь ей одной. Я присела за маленький столик и стала ждать. Наконец Тануки-баба вытащила из кучи мусора старый и помятый железный чайник с тонким носиком.

- Пустой, - со вздохом объявила она, заглянув внутрь. - Пожалуй, это даже хорошо. В прошлый раз там были мыши. Но зато придется теперь его наполнять. Я скоро вернусь. Ничего тут не трогай, - сказала она и поковыляла за водой.

Я терпеливо ждала и гоняла по столу маленькие огоньки кицунэ-би, а Тануки-баба тем временем набрала воды в чайник, повесила его над жаровней и разожгла угольки. А потом стала деловито кружить по комнате, доставая из кучи мусора то одно, то другое и что-то бормоча себе под нос. Наконец она вернулась к столу с чайником, двумя чашками со сколотыми краями и подносом, на котором была выложена в ряд пойманная ею рыба, еще сырая и нечищенная.

С шумным вздохом она опустилась на старую, выдавшую виды подушку напротив меня. Потом немного поерзала, устраиваясь поудобнее, сняла шляпу и швырнула ее в угол, где та упала в кучу мусора. Я учтиво опустила глаза, стараясь не смотреть на круглые пушистые уши, торчавшие на седой голове.

- Налей, что ли, чаю, лисенок! - велела Тануки-баба, махнув рукой на чашки и чайник. - Пусть от тебя будет хоть какая-то польза.

Я осторожно разлила зеленоватую жидкость по чашкам и передала одну из них Тануки-бабе. Та с кривой ухмылкой поставила ее перед собой.

- Не возражаешь, если я изменю облик, пока мы едим? - спросила она, поглядывая на поднос с рыбой. - В этом теле проще готовить чай, но у себя дома мне хотелось бы расслабиться.

Я кивнула.

- Само собой, не возражаю, Тануки-баба. Как вам удобнее.

Она фыркнула, вскинула голову и встряхнулась. Ее тут же заволочло плотное облако пыли. Я чихнула и отвернулась, а когда снова посмотрела, напротив меня вместо старухи уже сидело пушистое коричневое создание с черной мордочкой и пышным хвостом. Я пододвинула ей чашку, и она взяла ее коричневыми лапами и поднесла к узкой морде.

- Так-то гораздо лучше, - проговорила она, с тихим стуком опустила чашку, стащила рыбку с подноса и забросила в пасть, а потом в мгновение ока стрызла своими острыми желтыми зубами. - Что ж, - продолжила она, пока я отпивала чай. Он оказался чересчур горьким, но говорить об этом было бы невежливо. - Расскажи-ка мне вот что, лисенок. Что ты такое натворила, что эти твои людишки так на тебя обозлились?

Я коротко поведала ей о фокусе со свечами и о том, как он разозлил монахов и особенно Дэнгу-сана. А когда дошла до слов Дэнги о том, что он хочет, чтобы учитель Исао отнял у меня волшебную силу, Тануки-баба оглушительно фыркнула, едва не уронив чашку.

- Нет, это просто смешно! - прорычала она и впилась зубами в последнюю рыбку так сильно, что послышался треск тонких косточек. - Отнять у ёкай волшебную силу, тоже мне! Да о таком и помыслить кошунственно! Нет, ни за что не стала бы связываться с такими дураками.

- Что же мне делать, Тануки-баба?

- Ну, могу сказать, что я бы сделала в подобной ситуации, - проговорила Тануки-баба, и по ее мордочке пробежало коварное выражение. - Но ты, пожалуй, слишком юна для такого смелого шага. И все же решение очевидно, разве не так? Нужно бежать.

- Монахам это ужасно не нравится, - призналась я. - Они всегда очень сердятся, когда я вот так убегаю. Сегодня наверняка устроят мне взбучку.

- Нет, - прорычала Тануки-баба. - Нужно убежать... и уже не возвращаться.

- То есть... навсегда покинуть храм?

- Само собой. - Пожилая ёкай указала на дверь своей лачуги. - Ты что, и впрямь думаешь, что храм - это единственное место, где можно поселиться? И что монашеский образ жизни - единственный из возможных? - Она поморщилась. - Лисенок, за стенами монастыря целый мир. Полный чудес, богатств, хаоса и того, что ты себе даже вообразить не можешь. Ты только попусту растрачиваешь свою жизнь и таланты, оставаясь в храме и слушая, как люди бубнят о том, что правильно, а что нет. Кицунэ рождена не для того, чтобы сидеть в клетке. Разве тебе не хочется сбежать из нее и увидеть все, чего тебя лишили?

Слова Тануки-баба вновь всколыхнули во мне тоску по миру за стенами храма, интерес и любопытство. Я и впрямь хотела познать этот мир. Увидеть места, о которых рассказывал учитель Исао, - огромные города и дикие чащи, где еще не ступала нога человека. Побывать в Кин Хейген Тоши, великой золотой столице, взобраться на самую высокую в Ивагото гору,

прозванную «Пальцем Бога» – поговаривали, что она достаёт до самого неба! Увидеть купцов и самураев, аристократов и крестьян, гейш и разбойников, фермеров и рыбаков...

Раньше я не обращала особого внимания на такие мысли, но я очень устала от того, что мою волшебную силу вечно норовят ограничить. Оттачивать лисью магию мне разрешалось только под наблюдением монахов, а когда я пользовалась ей, чтобы кого-нибудь разыграть или просто побыстрее закончить с работой, меня всякий раз наказывали. Но если я сбегу и стану по-настоящему свободна, то смогу делать все что захочу!

Но тогда мне придется распрощаться с монахами и с той единственной жизнью, которую я знала. А орден храма Тихих Ветров хоть и отличался малочисленностью, строгостью и закрытостью, но все же дарил мне защиту. А я как-никак просто кицунэ, даже не чистокровный ёкай. Я не была готова к такому смелому решению.

– Я не могу просто так взять и уйти, Тануки-баба, – сказала я сторбившейся фигуре напротив. – Куда я пойду? Как буду жить?

Тануки-баба сощурилась.

– «Как буду жить?» Что за вопросы? – фыркнула она. – Ты же кицунэ, девочка моя! Пойдешь, куда захочешь. Жить будешь, как тебе самой нравится.

– Но я ведь только наполовину кицунэ, – напомнила я. – И всю свою жизнь прожила с монахами. Я и не знаю, как быть лисой.

– Не знаешь, как быть лисой? – Тануки-баба откинула голову и рассмеялась так, что из пасти брызнула слюна. – Бедненькая кицунэ, – ехидно протянула она. – Слишком долго ты прожила с этими людишками – так долго, что заразилась их «человечностью»! – Она с негодованием взглянула на меня. – Пойми, ты лиса. Тебе вовсе не нужно учиться быть кицунэ. Ты уже кицунэ.

– Но...

– И не надо мне сказки рассказывать про эту твою «людскую сторону». – Тануки-баба оскалилась, обнажив острые желтые зубы. – Даже капли крови ёкая достаточно для того, чтобы полностью подавить в себе людскую природу, если ты того хочешь. Нужно всего-навсего решиться жить только как кицунэ, а не как человек.

Решиться жить только как кицунэ? Как это? Есть ли для этого особый ритуал? Мне вспомнились слова Дэнги о том, что природа ёкая во мне затмевает людскую природу. Может быть, именно этого боялись монахи? Того, что я превращусь в ногицунэ, злобную дикую лису, обожающую страх и хаос и охотящуюся на людей при любой возможности?

Я с трудом сплотнула.

– Но что, если мне не хочется жить только как кицунэ? – спросила я, и Тануки-баба нахмурилась. – Что если мне нравится быть получеловеком и полулисой?

- Значит, ты просто дурочка, - резко ответила она - И все твои старания впустую. Быть человеком очень трудно, лисенок. Даже у людей это плохо получается. Людской мир полон ненависти, предательства, печали и смерти. Он невыносим для большинства ёкаев и ками. Все, что так ценят люди - любовь, честь, сочувствие, понимание, - нам, ёкаям, совершенно без надобности, ведь оно приводит к страданиям и отчаянию. Куда проще оставить все человеческое и стать кицунэ. Мир духов и ёкаев куда проще мира людей.

- Я не понимаю, Тануки-баба.

- Само собой. - Тануки-баба помотала косматой головой, но ничего объяснять не стала. - Ты еще лисенок и совсем не знаешь мира. Но узнаешь. Непременно узнаешь, если продолжишь попытки удержать в равновесии две свои природы. Со временем ты разберешься, каков на самом деле этот людской мир, и поймешь, что лисой быть куда проще, чем человеком. - Она опустила голову и повела кончиком носа. - Что ж, чашки опустели, рыба вся съедена. Значит, пора спать.

Я встала и поклонилась старой тануки: не стоит спорить с привычками пожилых ёкаев.

- Я пойду домой, - проговорила я, отступая назад. - Монахи, наверное, уже ждут меня со своими нотациями. Спасибо за чай и за разговор, Тануки-баба.

Уже у двери старая тануки окликнула меня. Я обернулась: приземистое пушистое создание сидело посреди огромных куч мусора, и желтые глаза светились в полумраке.

- Лисенок, - проговорила она. - Ты ходишь по краю пропасти. - В ее голосе послышались предостерегающие нотки, но я не понимала, от чего она хочет меня уберечь. - Находиться на границе между царством духов и царством смертных очень непросто. Но помни, ты всегда можешь отказаться от своего человеческого «я», если станет невозможно. Для кицунэ - даже если она полукровка - это куда проще, чем стать обычным человеком.

Я по-прежнему не вполне понимала, к чему она клонит, поэтому молча кивнула и вышла, скользнув в сумеречную лесную тишину.

И тут же поняла, что что-то не так.

Пока я сидела у Тануки-бабы, в лесу стемнело и стало пугающе тихо. Затихли птичьи песни и возня мелких животных в траве, а на смену им пришло жуткое безмолвие. Лесные ками исчезли, будто их и не было, и лес стал каким-то безжизненным. Между деревьями сочился новый запах, от которого волоски у меня на затылке встали дыбом. Ядовитый, резкий запах дыма.

Я понеслась через лес мимо оврага, через ручей и заросли бамбука и наконец вернулась к пруду. За серебристо-зеленой стеной листвы я увидела ночное небо с бледным полумесяцем и алые всполохи на западе.

Сердце екнуло. Густой черный дым, напоминавший жуткого дракона, поднимался над верхушками деревьев. Он змеился и плыл все выше, застилая собой звезды. Он клубился ровно над тем местом, где стоял..

- Наш храм!

5. Демоны в бамбуковых зарослях

Я был уже близко.

Хотя я отправился в путь верхом, у меня ушло несколько дней на то, чтобы добраться до территории Клана Земли и гор Ниваки, где, как мне сообщили, располагался храм Тихих Ветров. Земледельцы, живущие в долине у лесистых гор, провожали меня удивленными взглядами, пока я ехал мимо распаханых полей и крытых тростником хибарок по извилистой тропе. Двое маленьких детей с явным любопытством побежали за моей лошадью, но когда они уже почти нагнали меня, обеспокоенные взрослые поймали их. Странствующие самураи явно были диковинкой в этих краях, а уж тем более воины Клана Тени, поэтому крестьяне предпочитали держаться от меня подальше. Одет я был в точности как самурай Каге – на мне были штаны хакама и черная рубашка хаори с белым полумесяцем на спине. снаряжение шиноби я на всякий случай убрал в седельную сумку, хотя воинам тени запрещено было разоблачаться перед чужаками. Я собирался перелезть через стену храма, бесшумно, словно юрэй[14], если меня не пустят, но пока что притворялся самураем, странствующим в поисках мудрости по святилищам Ивагото.

Худой крестьянин в рваной одежде и с тряпкой, повязанной на голове, опустил глаза в придорожную грязь и низко поклонился мне, когда я приблизился. Я остановил лошадь и посмотрел на него, точнее, на его лысину.

- Храм Тихих Ветров тут рядом? – тихо спросил я.

- Н-hai, мой господин! Езжайте прямо по этой дороге, храм будет на самой вершине горы, – торопливо ответил крестьянин, не сводя глаз со своих сандалий. Только плечи его заметно напряглись.

- Спасибо.

Я натянул поводья и поскакал дальше, оставив позади деревушку и углубившись в лес. Дорога делалась все уже, извилистее и опаснее. Судя по всему, монахи из храма гостей не любили и принимали весьма редко. Наверное, им просто нравилось медитировать и заниматься науками в одиночестве, подальше от этого суетного мира, – а может, они что-то прятали и защищали.

Близился вечер. Тени удлинились, а тропа почти пропала из виду, прячась под травой и кустами, словно лес оскорбляло вторжение чужаков. Но меня научили замечать все скрытое и невидимое, и мрак не был мне преградой. Я продолжил путь и проехал мимо зарослей бамбука и высоких деревьев, на которых висела священная веревка, знаменующая, что здесь живут ками.

Хакаимоно встрепенулся в моем сознании. Я остановил лошадь и прислушался, силясь уловить что-нибудь помимо вздохов запыхавшегося животного подо мной. Лес вокруг был тих и спокоен, тени заволокли почти все, кроме нескольких пестрых пятен закатного солнца.

С предельной осторожностью я слегка ослабил контроль над мечом и ощутил вокруг себя страх и учащенное сердцебиение множества живых существ. Чего они хотели, напасть на нас? Из кустов впереди послышалось негромкое шуршание, и моя лошадь вся напряглась и застыла как вкопанная.

В следующий миг из-за деревьев, треща ветками, выскочило перепуганное стадо оленей и понеслось на меня. Мой пульс мгновенно подскочил, а лошадь с громким ржанием встала на дыбы. Она хотела пуститься вскачь, но я удержался в седле, сжав коленями ее бока и натянув поводья, смог ее остановить. Она дрожала и то и дело фыркала, прижав уши к голове, пока олени проносились мимо нас в лесную чащу. Хакаимоно вспыхнул, и я с усилием усмирил еще и демона внутри себя.

Когда лошадь успокоилась, я тихо вздохнул и вдруг почувствовал в воздухе едва уловимый запах дыма. Присмотревшись, я заметил черный вихрь, поднимающийся над кронами деревьев, и пустил лошадь галопом. Мы неслись по тропе, и в моем сознании жарко пульсировал Хакаимоно, чувствуя приближение кровопролития – и смерти.

Воздух стал мглистым и отчетливо запахом горящим деревом. Внутри у меня все сжалось. Подняв глаза, я увидел в небе бледно-красное свечение. Маленькие лесные создания – кролики, белки и другие зверьки – спешили нам навстречу, торопясь убежать как можно дальше, и моя лошадь, вновь испугавшись, заартачилась. Я с силой ударил ее пятками под ребра, и мы продолжили путь. Я понимал, что ее напугал вовсе не огонь. В лесу ощущалось чье-то присутствие. Но кто бы ни прятался здесь, я никак не мог допустить, чтобы мне помешали исполнить мою миссию. Я должен был достать свиток.

Как только мы добрались до узких полуразрушенных ступенек, ведущих через бамбуковый лес, из кустов, вращаясь, вылетел серп кама и ударил мою лошадь в шею. Животное вскрикнуло и рухнуло на землю, а я, успев выпрыгнуть из седла, откатился в сторону. Еще один серп просвистел у меня над плечом.

Из бамбуковых зарослей высыпала ватага маленьких диковинных созданий. Скалясь и размахивая кинжалами, они обступили лошадь, которая все пыталась подняться на ноги, запрыгнули ей на спину и стали с криками тыкать в нее своим оружием. Смертельно раненное животное в ужасе вскочило и понеслось по тропе вместе с новыми демоническими наездниками, которые крепко схватились за седло. Остальные решительно зашагали мне навстречу.

Аманодзяку? Я ощутил одновременно и изумление, и беспокойство, а Хакаимоно вновь заволновался, почуяв новые смерти. Я уже сталкивался с этими существами, но в куда меньших количествах. Откуда их столько?

Я выхватил Камигороши, когда демоны с криком бросились в атаку. Одним ударом я рассек пополам первую волну нападавших, отправляя их напрямик обратно в Дзигоку; тела и головы полетели во все стороны, а воздух огласился истошными воплями. Я выскочил вперед, увернулся от копья, вонзил меч прямо в глаз очередному демону, а другого – обезглавил. А потом оказался в самой гуще аманодзяку, в непроглядном хаосе клыков, когтей и клинков. Неудержимый восторг Хакаимоно разлился по моим венам, и я отдался смертоносной пляске.

Вскоре, испуганно воя от страха и боли, демоны бежали в бамбуковый лес. Их невысокие силуэты быстро пропали из виду. Тяжело дыша, я опустил Камигороши и огляделся, гадая, откуда они взялись и кто их сюда привел. Аманодзяку – мелкие демоны из Дзигоку – никогда не являлись в наш мир по своей воле, но магия, с помощью которой их можно призвать, была крайне опасна и практиковать ее в империи категорически запрещалось. Ключевым компонентом этой магии была кровь. Порой требовались и другие ингредиенты: души, органы, части тела, – но чаще всего нужен был только эликсир жизненной силы, что струится по венам смертных. Чем мощнее и серьезнее заклинание, тем больше проливалось крови.

Опасный нюанс заключается в том, что кровь эта совсем не обязательно должна принадлежать тому, кто произносит заклинание. Дзигоку неважно, кого именно принесут в жертву – мужчину, женщину или ребенка, – главное, чтобы это был человек и чтобы плата была отдана целиком. Хотя, по известным законам мира зла и порока, чем дороже тебе тот, кто проливает кровь, тем мощнее получалось заклятие. Преданный возлюбленный, брат или ребенок придавал волшебству куда больше силы, чем безымянный чужак. Вот почему в империи темная магия была под запретом, а занятия ей карались смертной казнью. Для того чтобы призвать в людской мир хотя бы одного аманодзяку, нужна была кровь. И я с трудом мог представить, сколько крови понадобилось, чтобы в лесу появилось целое полчище демонов.

Я не знал, кто именно призвал демонов, но хорошо понимал почему. Спрятав Камигороши в ножны, я поспешил по тропе к храму, надеясь, что еще не поздно.

6. Пламя отчаяния

Храм был охвачен огнем.

Я выскочила из леса. Дыхание сбилось. Я в ужасе смотрела на ярко-оранжевые языки пламени, полыхающие на фоне ночного неба. Изящные крыши четырехэтажных пагод пылали адским огнем и громко трещали, в воздух

поднимался запах гари, пепла и горящего дерева. Жар волнами пробегал по моей коже. Я кинулась к задней стене, бессовестно влезла на нее и с глухим стуком спрыгнула в сад.

Кто его поджег? Как посмел? Я слышала немало историй о мире вне храмовых стен, историй о враждующих кланах и суровых, гордых самураях. Историй о воюющих господах даймё и их бесконечных препирательствах, о том, как они объявляли войны из-за ничтожного – а зачастую и надуманного – оскорбления их чести и сталкивали друг с другом целые армии. Но, по словам учителя Исао, даже самые дикие и кровожадные даймё уважали монахов или по меньшей мере боялись навлечь на себя гнев ками, напав на мирный храм.

Но если они знают о свитке, это все меняет.

Раздался истошный вопль, от которого у меня кровь застыла в жилах. Я тут же спряталась за кустом можжевельника. Украдкой выглянув из-за ствола и стараясь не вдыхать горький дым, я впилась ногтями в кору, чтобы не вскрикнуть от ужаса.

В отсветах пламени вокруг пруда приплясывали, невнятно переговариваясь, какие-то странные... существа. Сперва я приняла их за уродливых ребятишек с большими вытянутыми головами; одетые в лохмотья, ростом они едва доходили мне до колена. Но потом заметила рога и острые зубы, рваные уши и выступающие клыки. Кожа у них была крапчатая, синего и красного цвета, а в когтистых руках они сжимали серпы кама, копья и короткие кинжалы.

Я похолодела. Демоны? Милостивый Дзинкей, что они здесь делают? Я видела их на картинках в храмовой библиотеке, этих мерзких красно- или синекожих демонов с рогами, клыками и огромными дубинами, которые мучили души грешников в Дзигоку. На моих глазах они принялись колоть несчастного карпа, который в отчаянии заметался в пруду. Эти создания были поменьше монстров из книг, но я все равно узнала их.

Я ударила кулаком по стволу, чувствуя, как кора впивается в костяшки. Почему демоны напали на храм? Из-за свитка? Но я всегда думала, что адские существа живут лишь ради кровопролития и хаоса и что демонам наплевать на всякие свитки. Если только ими не руководит кто-то – или что-то – еще...

Нет, ничего не понимаю. Нужно поскорее отыскать учителя Исао. Но сперва надо пройти мимо этих демонов.

Я сорвала с можжевельника веточку и, положив ее себе на голову, закружилась вокруг ствола, призывая лисью магию. Насмешка судьбы: еще днем я жалела, что не могу пользоваться своей волшебной силой почаще. Сердце громко стучало в груди, но я изо всех сил сосредоточилась на том, во что хочу превратиться, а потом отдалась волшебству. Меня заволочло густым дымом, а когда я открыла глаза, кожа у меня уже была красной и крапчатой, а на ногах поблескивали изогнутые желтые когти.

Я глубоко вздохнула и отошла от дерева, и тут один из демонов у пруда поднял голову и заметил меня.

Несколько секунд он смотрел на меня, нахмурившись, и я затаила дыхание в надежде, что он видит именно тот облик, в каком я решила перед ним предстать: такого же демона, как и он сам, краснокожего и отвратительного. Я выдавила из себя улыбку, обнажив кривые клыки, и демон фыркнул и вернулся к увлекательным издевательствам над карпами. Обыкновенно кристально чистая вода в пруду теперь была красной от крови. Оставив несчастную рыбу им на растерзание, я поспешила дальше.

Когда я вышла из сада, то услышала громкий треск и вой пламени; облака золы не раз обожгли мне кожу, пока я спешила мимо обрушившейся пагоды к главному входу, держась поближе к кустам и прячась в тени. Храм обступила куда более многочисленная толпа демонов. Они размахивали факелами и скакали у ступеней, ведущих к главному входу. Я продралась сквозь кусты, и внутри все болезненно сжалось. В нескольких ярдах от меня на земле распласталось мертвое тело. Из груди несчастного торчало два копья, широко распахнутые глаза ничего не выражали.

Дзин. Я зажала рот обеими руками, чтобы не вскрикнуть. Глаза защипало от слез. Дзин всегда был добр и терпелив ко мне, всегда меня понимал, никогда не выходил из себя и не повышал голоса. А теперь он мертв. Позади него в храмовом дворике виднелась еще пара тел – они лежали в лужах крови, спиной ко мне, и потому в темноте их нельзя было узнать. Но только пока. Я точно знала, что стоит мне подойти поближе – и я сразу пойму, кто это.

Меня била дрожь. Я опустила руки и отвела взгляд от трупов. «Сейчас не время о них горевать, – сказала я себе, борясь с поступающими слезами, – нужно спешить». Я гадала, почему никто из демонов не прорвался внутрь здания, ведь главный вход не защищали даже двери. На моих глазах крупный синий демон издал пронзительный крик, поднял деревянный молот над головой и кинулся к ступеням. Но как только он добрался до лестницы, полыхнула яркая вспышка, и демон отлетел назад, будто врезавшись в каменную стену. Остальные визгливо захохотали.

Мои глаза округлились. Барьер ки? Мне уже доводилось видеть подобное – учитель Исао иногда демонстрировал монахам силу ки, создавая стены, которые невозможно пробить, или окружая какой-нибудь предмет невидимой оградой, чтобы его невозможно было коснуться. Но... защитить целый храм... Это потребовало бы невероятной, просто нечеловеческой концентрации.

Как же мне проникнуть в храм? Барьер окружает все здание. Если только...

Сердце забило быстрее. Мастера, в совершенстве владеющие ки и умеющие контролировать эту энергию, способны выбирать, кто может преодолеть защитный купол, а кто – нет. Если учитель Исао узнал о приближении демонов и понял, что меня в храме нет, он наверняка позаботился о том, чтобы я все-таки проникла внутрь. Так ведь?

Сжав зубы, я шагнула вперед из своего убежища, и тут земля задрожала. На храмовый дворик легла дьявольская рогатая тень. Сердце чуть не выскочило у меня из груди. Было отчетливо видно, как чудовище обходит здание, на глазах превращаясь в нечто гигантское и жуткое.

О... они? Я в страхе отскочила обратно в укрытие и уже оттуда наблюдала, как огромный красный монстр движется ко входу, разбрасывая мелких демонов, стоявших у него на пути. Когда в свете факелов проступили его угрожающие черты, клыки, рога и огромная шипастая дубина, меня прошиб ледяной пот. Вот оно, чудовище из книжек. Один из самых бесславных обитателей Дзигоку, если верить легендам, сущий ночной кошмар, который невозможно остановить. Зачем... зачем здесь они? Для чего?

Глупый вопрос! Я уже знала ответ: он пришел за свитком.

Ох, и почему я не слушала учителя Исао? Он ведь рассказывал об этом свитке, объяснял, почему тот так важен. Почему я его не слушала?

Дойдя до верхней ступеньки, они застыл, вглядываясь в коридор. На плече у него поблескивала дубинка тэцубо, вся в острых шипах. Поигрывая дубиной, он с размаху ударил по невидимому барьеру. С каждым ударом стена вспыхивала. Демоны поменьше струдились у его ног, с интересом наблюдая за происходящим. Их красные глаза хищно поблескивали. Они усмехнулся, расправил мощные плечи, и перехватил дубину обеими руками.

Он вновь атаковал защитный купол, и ударная волна, отразившись от невидимой стены, сотрясла деревья и отбросила ватагу маленьких демонов назад. На миг барьер пошатнулся и замерцал, будто мираж, но потом снова стал невидимым. Я вздрогнула, испугавшись, что барьер не выдержит: каждый удар сбивал монахов, мешал им сосредоточиться, а ведь именно концентрация помогала держать оборону. Защита выстояла, но они опять замахнулся дубиной, а орда демонов захихикала, предвкушая падение стены.

Нужно было срочно пробраться внутрь.

Защити меня, kami! Сделав глубокий вдох, я отошла от кустов и как можно спокойнее пересекла двор, молясь о том, чтобы моя маскировка не исчезла. Несколько демонов хмуро покосились в мою сторону, но большинство не сводили глаз с огромного они, который вновь со всей силы ударил по невидимой стене. Купол пошатнулся, и по нему побежали серебристые трещины. Я почувствовала, как кровь стынет в жилах. Долго барьер не продержится.

В попытке обойти они, я обогнула здание и завернула за угол... только чтобы столкнуться с демоном, спешащим вдоль стены. Его синяя вытянутая голова врезалась мне в живот и вышибла воздух из легких. Удар опрокинул меня на землю, я почувствовала, как контроль над иллюзией слабеет в облаке белого тумана.

Демон тоже отлетел назад. Он потер лоб когтистой рукой, поморщился и посмотрел на меня. Красные глаза изумленно округлились, когда он разглядел не собрата-демона, а девушку с пушистыми ушками и хвостом, сидящую в грязи. Он вскочил и попытался на меня напасть, но я успела увернуться от меча.

Из тени возникли еще двое демонов: один – с копьем, а второй – с парой серпов кама. Заметив меня, они захихикали и бросились в атаку, а синий демон продолжил размахивать своим мечом. Когда рядом со мной оказались

все трое, я, застонав от отчаяния, выпустила шар лисьего пламени прямо синему демону в морду.

Он отпрянул от меня с громким шипением, закрыв глаза когтистыми ладонями, будто боясь обжечься. Голубовато-белое пламя ярко блеснуло, а потом исчезло, не причинив ему никакого вреда. Но зато я, выиграв время, успела проскочить мимо демона, на ходу превратившись в лису, и скользнула под веранду. Что-то больно кольнуло меня, когда я преодолевала невидимый барьер – будто все мое тело пронзила молния, – но потом вокруг сомкнулась темнота подполья, и я успокоилась. Наконец-то я в безопасности.

Я ползла по холодной земле сквозь паутину в поисках шаткой половицы, через которую можно было выбраться к статуе Пророка, и лапы у меня тряслись. Где-то над головой слышалось гроыхание – это они вновь пытались прорваться в храм, и от его ударов на меня то и дело сыпалась пыль, а пауки в страхе убегали со своих паутин.

Впереди забрезжил оранжевый свет и проступил узкий грязный прямоугольник; я поспешила к нему. Протиснувшись между досками, я выбралась на пол просторного зала, неподалеку от статуи Нефритового Пророка, возвышавшейся над моей головой. Я стала озираться в поисках учителя Исао.

Внутри все сжалось. Он сидел у статуи Пророка с безмятежным лицом, сложив руки на коленях и закрыв глаза. Остальные монахи сидели вокруг него, тоже погрузившись в медитацию, но на их лицах поблескивали бусины пота, а брови были нахмурены от предельной сосредоточенности. Всякий раз, когда раздавался удар, кто-то из монахов морщился и сжимал губы или стискивал зубы. Рядом с учителем я заметила Дэнгу, который тоже изо всех сил старался укрепить барьер. Из носа у него текла красная струйка. Брови у него подрагивали от каждого удара, а зубы были крепко сжаты – казалось, он не замечает, что кровь струится по подбородку и капает на ладони.

Я вновь приняла человеческое обличье, и учитель Исао резко открыл глаза и посмотрел прямо на меня. Улыбнувшись так, словно монахи мирно сидели за обеденным столом, а я попросту чуть припозднилась, он жестом подозвал меня к себе.

– Вот ты где, Юмеко-тян. А я тебя жду.

– Учитель Исао! – воскликнула я и подбежала к нему. – Что же нам делать? Они почти пробил защиту. Как нам спастись?

– Никак, – спокойно ответил он, и сердце мое налилось свинцом. – Нам нет спасенья. Мы тут все свою службу уже сослужили. Кроме тебя, Юмеко-тян. Ты должна продолжить наше дело.

Я в ужасе уставилась на него.

– Я не... Я не понимаю, учитель Исао, – шепнула я. – Какое такое дело я должна продолжить? Как?

Я замолкла, заметив, как иссохший монах вытащил что-то из рукава и поднес к свету. Это был простой ящичек из темного лакированного дерева; внутри

лежал свиток, перевязанный красной шелковой ленточкой. Я ахнула, взглянув на него.

– Это и есть...

– Возьми, Юмеко-тян, – приказал учитель Исао и протянул мне ящичек. – Он не должен попасть в лапы к демонам. Охраняй его любой ценой. – Новый удар сотряс потолок, и один из монахов шумно втянул носом воздух. Учитель Исао все не сводил с меня глаз. – Возьми свиток, – повторил он. – И уходи. Беги и не вздумай оглядываться.

Я в ужасе покачала головой.

– Не могу! – шепнула я, а глаза вновь защипало, и в их уголках выступили слезы. – Я не могу вас оставить. Куда мне идти? Я ничего не знаю о внешнем мире. Как же я защищу свиток?

– Лисичка, – грозно произнес учитель Исао, и я удивленно посмотрела на него. Остальные монахи часто звали меня именно так, но учитель никогда не использовал прозвища, связанные с моей истинной природой. – Послушай меня. Я должен рассказать тебе кое-что о твоём прошлом, о чём всегда умалчивал. Когда мы нашли тебя в рыбной корзинке, на твоём одеяльце была прикреплена записка... – Он ненадолго замолчал, и во взгляде у него мелькнуло сожаление – так быстро, что я задумалась: не показалось ли мне. – Так вот, когда я пересказывал тебе содержание этой записки, я кое-что опустил, – признался учитель. – И вот та часть, о которой я не упоминал...

Его слова отдавались у меня в голове странным эхо, будто бы голос долетал откуда-то издалека.

«Смиранные монахи, умоляю вас проявить терпение и не осуждать меня, ибо мне было пророческое видение. Я видела кровь, пламя и смерть, кричащих демонов и реки, полные костей, видела, как мир потемнел от страха. И только одна лисица воспарила над этим мраком невредимой, а в ее тени был Великий Дракон. Имя ей – Юмеко, дитя грез, ибо она – наш свет надежды во тьме надвигающейся беды».

Я похолодела. Учитель Исао ласково мне улыбнулся и вновь протянул ящичек со свитком.

– Видишь, Юмеко-тян, – проговорил он, – наша судьба уже предсказана. Тот, кто оставил тебя у ворот, знал о том, что случится, как и о том, что тебе суждено сыграть важную роль в четвертом пришествии Дракона.

Утратив дар речи, я уставилась на него, едва разбирая его слова. Звук глухого удара разнесся по залу, и один из монахов с судорожным вздохом рухнул на пол, держась за голову. На лбу учителя Исао впервые проступил пот и заструился по лицу. Я стряхнула с себя оцепенение и схватила его за рукав.

- Но почему? - зашептала я. - Я совсем не готова. Почему именно я?

Его морщинистая рука сжала мою ладонь.

- Потому что справиться с этой задачей можешь лишь ты. Слушай внимательно, Юмеко-тян. - Он сжал мою руку крепче, и сила его пальцев отчего-то придала мне спокойствия. - Мы выполняем нашу миссию не в одиночку, мы не единственные стражи. Свиток охраняет и другой орден из другого храма. Ты должна отправиться туда и предупредить монахов о том, что у нас случилось. Они защитят тебя и Драконью молитву. Это их священный долг.

- Но где их искать?

- Этого я сказать не могу, - признался учитель. - Я и сам не знаю. Это легендарное место, о котором ходит множество мифов и слухов, а где оно находится - теперь уже никто не ведает. Я знаю лишь его название - храм Стального Пера. И то, что оно где-то очень далеко отсюда, - сообщил он. - Однако, - поспешно добавил он, не успела я воспротивиться, - есть один человек, который точно знает, где искать этот храм. Ты должна отправиться в Кин Хейген Тоши, столицу, расположенную в самом сердце земель Клана Солнца. В городе отыщи святилище Хайяте и спроси главного священника, учителя Дзиро. Он и сообщит тебе, где находится храм Стального Пера.

- Учитель... - прошептала я. По щекам у меня струились слезы, внутри все сжималось от страха и невыносимой тоски. - Я не смогу. Я не справлюсь одна.

- Сможешь, - твердо сказал учитель Исао и вновь протянул мне ящичек. - Ты должна. Это моя последняя просьба. Отнеси свиток в храм Стального Пера. Расскажи монахам о том, что здесь случилось, о том, что кто-то хочет вновь соединить фрагменты Драконьей молитвы. Не допусти, чтобы мы погибли напрасно. - Тут зал огласил гул нового удара, и учитель закрыл глаза. - Пообещай мне, Юмеко-тян, что защитишь свиток. От него зависит судьба всей страны.

Я взяла у него свиток и дрожащими пальцами обхватила ящичек. Он оказался на удивление легким.

- Обещаю, - прошептала я. - Клянусь, что найду храм Стального Пера, расскажу обо всем монахам и защищу свиток. Я вас не подведу.

Он улыбнулся.

- И вот это возьми, - добавил он и вложил мне в руку танто - короткий, прямой кинжал. - Он защитит тебя, когда слова и уловки окажутся бессильны. И вот еще что... - С этими словами он набросил мне на плечи фуросики - обычную ткань, в которую заворачивали одежду, подарки и другие вещи. - Надо спрятать твою ношу от окружающих. А теперь иди. - Он кивнул на статую. - Не волнуйся о нас и не плачь. Мы непременно встретимся, Юмеко-тян. На Чистой Земле или в следующей жизни.

Мощный удар, пошатнувший весь храм, расколол барьер. Монахи измученно выдохнули и застонали, схватившись за головы, а пол задрожал. Огромный они входил в зал вместе с ватагой мелких демонов.

– Уходи, Юмек-тян, – ледяным тоном приказал учитель Исао. Сохраняя невозмутимость, он поднялся и шагнул навстречу громадному чудовищу, застывшему в дверном проеме. Чувствуя себя полной трусихой, я метнулась за статую Нефритового Пророка. Я понимала, что надо бежать, но не могла отвести глаз от монахов и чудовища. Учитель Исао и остальные спокойно ждали приближения они. Его жуткие глаза горели во мраке как раскаленные угольки.

Они вошел в зал с улыбкой. У порога ему пришлось пригнуть огромную голову, но потом он вновь ее поднял. Его размеры ужасали. Он был таким гигантским, что рога почти царапали потолок.

– Монахи храма Тихих Ветров! – прогремел он, и его жуткий голос сотряс воздух. – Меня зовут Ябурама, я четвертый генерал демонов Дзигоку, и я пришел за Драконьим свитком. – Он вскинул свою дубину и звучно похлопал ей по второй ладони, а мелкие демоны у него за спиной радостно зашипели и захихикали, ожидая сигнала к нападению. – Отдайте мне то, за чем я пришел, и тогда, может быть, умрете без боли.

– Какая мерзость! – воскликнул Дэнга, перекрикнув хихиканье и рычание мелких демонов. Он бесстрашно зашагал вперед и остановился всего в нескольких ярдах от огромного как гора они. – Мы ни за что не отдадим свиток такому негодяю. Тебе здесь не рады. Именем Нефритового Пророка, заклинаю тебя, уходи и прислужников своих забирай!

Они склонил голову набок. Он размахнулся поразительно быстрым и резким движением и со всей силы ударил Дэнгу дубиной. Монах с жутким треском врезался в колонну и рухнул на пол. Из носа и рта заструилась кровь, а сам Дэнга уставился невидящим взглядом в пространство. Я прикусила губу, чтобы не вскрикнуть, а они презрительно осклабился.

– Плевать мне на вашего Нефритового Пророка, – процедил он, а демоны разразились хохотом и смело вбежали в зал.

С гневными и яростными криками монахи выскочили вперед, в центр зала. Никакого оружия при них не было, а вот демоны размахивали копьями и мечами и охотно пускали в ход клыки и когти. Однако монахи не были беззащитны. В них пульсировала энергия ки, превращая кулаки в молоты, а ноги – в смертоносные дубины. Нитору одним ударом пробил демону голову, и в стороны хлынула кровь; безжизненное тело подернулось черно-красным дымом и исчезло. Трое демонов набросились на Сатоши, но он перехватил нацеленное на него копье, вырвал его из рук демона и всадил в его распахнутую пасть. Он не заметил позади врага, и второй демон вонзил ему глубоко в ногу серп кама. Сатоши пошатнулся и рухнул на колени. Монстры накинулись на него и повалили на пол.

– Юмек! – прозвенел у меня в голове голос учителя Исао, вокруг которого потрескивала энергия ки, пока он решительно шел в центр зала навстречу жуткому они. – Уходи, сейчас же!

Я повернулась к дыре в полу и приготовилась превратиться в лису. Но тут между досками показалась луковицеобразная синяя голова, а потом из дыры вылез демон, а за ним – двое его товарищей. Заметив меня, они зашипели и вскинули копыта, и я поспешно отскочила.

Милостивый Дзинкей, я попала в ловушку. Впереди лаз закрывали трое демонов, вернуться в зал, где шла жаркая битва, я тоже не могла. Шум стоял оглушительный; крики и стоны смешивались со вспысками ки, с падением тел, с кровью. Трое демонов недобро мне улыбнулись и приготовились к атаке, но я вскинула руку, и на ладони зажегся шар голубовато-белого лисьего пламени. Синий демон взглянул на полупрозрачный огонь и усмехнулся. Сердце у меня ушло в пятки. Едва ли трюк с метанием шара кицунэ-би демону в морду и на этот раз сработает.

С громким рычанием огромный о́ни отлетел назад и врезался в статую Нефритового Пророка, сбив ее с основания. Статуя пошатнулась, а потом рухнула прямо на стену – я едва успела отскочить. Раздался оглушительный треск камня и дерева. Трое аманодзяку оказались погребены заживо под тяжелой фигурой, а из дыры, пробитой в стене, потянуло дымом и гарью.

Я съежилась и спряталась за одной из колонн, а о́ни потряс головой и поднял взгляд на учителя Исао, стоявшего посреди зала. Монах тяжело дышал, воздев ладони к небу, кровь из-под шапочки струилась по его лицу.

Сидя на обломках статуи, о́ни утробно зарычал.

– Неплохой удар для смертного, – заметил он, поднимаясь на ноги. – Весьма похвально, вот только тебя это не спасет. Пока мы тут разговариваем, аманодзяку раздирают твою братию на кусочки. В живых никого не оставят. – Он наклонил голову влево, а потом вправо, размял плечи и вскинул дубину. – Пора заканчивать эти игры. Посмотрим, выручит ли тебя ки на этот раз!

О́ни с рычанием кинулся в атаку. Пока он бежал к центру зала, размахивая оружием, учитель Исао перевел свой спокойный взгляд на меня. На мгновение наши глаза встретились, и он улыбнулся.

– Уходи, Юмек-тян, – прозвучал у меня в голове его шепот, мягкий и безмятежный. – Беги.

На этот раз я не стала ждать, что случится, не стала смотреть, попадет ли удар дубины о́ни точно в цель или нет. Я резко повернулась и поспешила к дыре, оставшейся после падения статуи, перелезла через сломанные стропила и осколки нефрита, шепотом извинившись перед Пророком, когда случайно наступила на разбитую зеленую руку, и наконец оказалась на улице. Воздух там был горячий и удушливый. Глаза мне застилала слезы, поэтому я, не заметив доску, споткнулась и упала, ободрав руки. Ящичек со свитком вылетел и откатился в сторону, поблескивая в отсветах пламени.

Кровь застыла у меня в жилах. Я схватила свиток и понеслась, спотыкаясь, по саду, мимо пруда, полного мертвых карпов, к старому клену, растущему у стены. Быстро завернув ящичек в фуросики, а танта – сунув под пояс оби, я полезла по сучковатым ветвям, дивясь тому, каким странным и нереальным может казаться столь привычное действие. Действие, которое больше никогда не повторится.

Взобравшись на стену, я бросила прощальный взгляд на мой дом, на храм, где я прожила всю жизнь, и в горле встал ком. Пагода превратилась в объятый пламенем каркас, напоминавший скелет, а огонь успел охватить и другие здания, в том числе и главный храм. Я видела только крышу над кронами деревьев, но на моих глазах едва заметное тление в одном углу превратилось в жаркое пламя, которое быстро расползется по зданию и поглотит его без остатка. Мне не хватало духу вообразить, что творится внутри, представить, сколько душ погибло, сколько монахов рассталось с жизнью, отважно защищая храм от демонов. Все, кого я знала, – Дзин, Сатоши, Нитору, Дэнга, учитель Исао и остальные – умерли. Они погибли добровольно, отдали свою жизнь, чтобы защитить свиток.

Крошечный светящийся шар, совсем бледный на фоне дыма и темноты, поднялся над крышей горящего храма, а за ним – еще и еще один, и вот уже в небо медленно взлетело более дюжины сияющих шариков, оставляя за собой светящийся след. Горло сдавило, и по щекам потекли новые слезы. Ни один из шаров не завис и не остался рядом с храмом – все решительно устремились к звездам. Их ничего не удерживало в этом мире – ни сожаления, ни печали, ни мысли о возмездии. Они были бесконечно свободны.

В груди у меня запыхал крошечный голубовато-белый огонек ярости, выжигая отчаяние, и я глубоко вздохнула, прогоняя слезы.

– Я вас не подведу, – пообещала я, глядя, как огоньки медленно уплывают в Мэйдо или на Чистую Землю – или куда там они так стремились. – Если... Если моя судьба и впрямь такова, я сделаю все, что в моих силах. Не волнуйтесь, учитель Исао и все остальные. Я отыщу храм Стального Пера и защищу свиток. Обещаю.

Мои слова не произвели никакого эффекта на быстро летящие вверх огоньки. Они так и продолжили свой путь в небо, а потом и сами стали не больше звезд, пока вовсе исчезли из виду.

Я быстро заморгала, смахивая слезы.

– Мирной дороги вам всем. Надеюсь, мы непременно встретимся – в этой жизни или в следующей.

Мое внимание привлекло странное шипение в саду. Опустив глаза, я встретила взглядом с демоном, который тоже насторожился, увидев меня. Он пронзительно вскрикнул, подавая сигнал тревоги, и вскинул свое оружие, а я быстро соскочила на землю по ту сторону стены и поспешила в лес.

7. Неожиданное предложение

Тропа передо мной исчезла.

Я замер в тени высоких деревьев, прислушиваясь и не убирая ладони с рукояти меча. Я либо сбился с тропы, пока взбегал на гору, либо она неожиданно оборвалась, ибо теперь меня окружал непроглядный лес, темный и густой. Впрочем, не сказать, чтобы это сильно мне помешало: до меня по-прежнему доносился шум пожара, а ветерок, шелестящий ветками, приносил запах дыма и крови. Я шел в правильном направлении.

И боялся того, что увижу, когда доберусь до места.

Впереди послышался шелест листьев, и Камигороши предупреждающе запульсировал, когда кто-то выскочил из темноты прямо на меня. Я рефлекторно выхватил меч и поднес его к лицу нападающего. Тот – вернее, та! – взвизгнула и резко остановилась, а я усилием воли притормозил свои рефлексы. В сознании ярился Хакаимоно, подстрекая меня продолжить начатое движение, омыть лезвие кровью. Но я заглушил эти кровожадные мысли и заставил себя остановиться.

Лезвие замерло в дюйме от ее шеи. Тяжело дыша, я взглянул чуть выше кончика меча и увидел девичье лицо и испуганные черные глаза.

Девушка была примерно моего возраста, может быть, немного младше. Невысокая, миниатюрная, в коротком красном кимоно с белыми завитушками. Распущенные черные волосы спадали на плечи и спину, а большие темные глаза округлились от ужаса.

Мгновение мы смотрели друг на друга, окутанные бледно-красным светом Камигороши. Лицо у незнакомки было перепачкано золой и сажей, она тяжело дышала, словно до этого долго убегала от пожара, как и лесные жители.

Но тут деревья у нее за спиной громко затрещали, и я понял, от кого она спасалась.

– Назад, – скомандовал я и толкнул ее так, что она оказалась у меня за спиной, и тут из-за деревьев с воем выскочил аманодзюку, размахивая острым серпом. Я выбил изогнутое оружие у него из лап и царапнул его по лицу острием Камигороши, и он с воплем отскочил. Из-за кустов, кромсая когтями и лезвиями все на своем пути, выскакивали новые демоны. Я бросался на них, отсекая им руки и головы, и в воздух то и дело взмывали кровавые фонтаны. Хакаимоно упивался их смертями, а я старался отстраниться от демонической ярости. Я был рукой, управлявшей Камигороши, – не более. И совершенно ничего не чувствовал, отправляя этих существ обратно в Дзигоку.

Расправившись с последним демоном, я смахнул кровь с меча, убрал его в ножны, несмотря на жаркие протесты в моем сознании, и огляделся в поисках девушки.

Она смотрела на меня из-за дерева огромными черными глазами. Я удивленно повернулся к ней. По правде сказать, я думал, что она убежит, покинет лес, пока демоны отвлеклись на меня. В ее руке блеснула сталь, и я заметил, что незнакомка крепко сжимает танто. Кого она намеревалась атаковать – меня или демонов, – я точно не знал.

– Милостивый Дзинкей, – прошептала она и огляделась, а потом посмотрела на уже начавшую рассеиваться черноту. Глаза у нее ярко блестели. – Ты.. это было.. – Она замигала и посмотрела на меня. На лице у нее застыло выражение страха и почтения. – Кто ты такой?

Никто. Ничто. Тень на стене, пустая и ничтожная. Я отвернулся, прислушиваясь к треску далекого пожара.

– Беги, – велел я ей, не оглядываясь. – Выбирайся отсюда. Ступай в деревню у подножья горы. Там ты будешь в безопасности.

– Стой! – взмолилась она, когда я зашагал вперед. – Не ходи туда! – воскликнула она, выскочив из-за дерева. – Это слишком опасно. Там полно демонов – целая стая. А еще там о́ни!

О́ни. Я прищурился, а Хакаимоно полыхнул небывалым восторгом. С тринадцати лет я убивал опасных ёкаев по заданию Клана Тени, став хозяином Камигороши, которым вот уже много лет никто не владел, но еще ни разу не сталкивался с настоящим о́ни. По словам моего сенсея, сильнейшие демоны Дзигоку не шли ни в какое сравнение с чудовищами, с которыми я бился до этого. Выносливые, яростные и поистине неостановимые, способные быстро залечивать собственные раны и переломы и даже отращивать отрубленные конечности с головокружительной скоростью. Таких врагов непросто одолеть даже при помощи Камигороши. Не один убийца демонов погиб во время схваток с о́ни.

К счастью, они встречались не так часто, поскольку для того, чтобы призвать беспощадного демона из Дзигоку и заставить выполнить свою волю, требовалась невероятная сила. И, судя по всему, тот, кто послал о́ни в этот лес, как это ни прискорбно, преследовал те же цели, что и я. Госпожа Ханшу не объяснила мне, зачем ей этот свиток, а я был не вправе спрашивать. Моя миссия состояла в том, чтобы добыть его вопреки любым препятствиям.

– А где именно этот о́ни? – спросил я у девушки, все еще чувствуя на спине ее взгляд.

– В храме, – ответила она немного глухим голосом. – На вершине горы. Он убил всех, кто там жил, и поджег здание. Не пощадил никого.

Новость была удручающая. Если демоны напали на храм и разрушили его до основания, значит, свитка там уже нет. Он уничтожен или попал в лапы к о́ни. Сжав челюсти, я решительно углубился в чашу. Нужно было проверить, на месте ли свиток и можно ли его забрать. И если о́ни и впрямь успел забрать его, я сражусь с ним и отниму артефакт – или погибну в бою.

– Вака[15]! – Кто-то схватил меня за край рубашки и дернул, заставив остановиться. Я развернулся, еле удержавшись от того, чтобы выхватить Камигороши и расцечь моего обидчика надвое. – Ты что, не понял? – спросила девушка с огромными от страха глазами. – В той стороне – целая армия демонов и о́ни! Если отправишься в храм, они убьют тебя, как убили остальных!

Глаза у нее увлажнились, по щеке потекла слеза. И вдруг я все понял.

– Так ты прибежала из храма, – заключил я. – Ты своими глазами все видела.

Она кивнула, утираясь грязным рукавом.

– Погибли все, – шепнула она. – Я еле унесла ноги. Мой учитель принес себя в жертву ради меня. Он сам вышел против о́ни, хотя понимал, что его убьют.

– А зачем пришли демоны? – спросил я, внимательно глядя на незнакомку. Если она из храма, то, вероятно, знает о свитке, а возможно, и о том, где именно он хранится. – Почему на вас напали? – не сдавался я. – Они забрали что-нибудь?

На мгновение она замаялась. Щеки побледнели, а темные глаза уставились на меня. Отчего-то от ее взгляда по коже пробежал холодок, и я поспешил отвести глаза.

– Не знаю, – призналась она. – Не знаю, зачем они приходили и чего хотели. Знаю только, что храм разрушен и что демоны убили всех, кого я любила. И что если ты туда пойдешь, тебя тоже убьют. – Она немного помолчала, а потом протянула руку, словно решившись на что-то. – Пойдем со мной, – предложила она, к моему изумлению, – пока нас не нашли демоны. Не могу... не хочу сейчас оставаться одна. Давай дойдем до деревни и там решим, что делать дальше.

– Нет, – отрезал я, отступив от нее. – Ты беги. Уходи из леса. У меня в храме дела. Я должен кое в чем убедиться.

– Что? – Она изумленно поглядела на меня, а я развернулся и пошел к храму. – Ты шутишь, да? Что там такого важного, ради чего ты готов рискнуть собственной головой, которую с радостью оторвет о́ни? Стой!

За спиной у меня послышались торопливые шаги. Я вновь обернулся, выхватив Камигороши, и моя преследовательница тут же застыла и с испугом подняла взгляд на лезвие.

– Не ходи за мной, – велел я. – Ступай в деревню. Предупреди жителей о нападении. Забудь обо всем, что здесь видела. – Спрятав меч в ножны, я шагнул в темноту, спеша к храму, торопясь вступить в битву, которая ждала меня на вершине горы. – Что будет дальше – не твое дело.

– Свитка там больше нет.

Я застыл на месте, а затем медленно обернулся. Девушка стояла на прежнем месте и смотрела на меня настороженно и почти дерзко, стиснув зубы.

– Свиток ты там не найдешь, – повторила она, чтобы не оставалось никаких сомнений. – Его в храме больше нет.

– А где он?

Она снова запнулась. Выхватив меч из ножен, я пошел к ней. Лицо ее резко побледнело, она попятилась, но наткнулась спиной на дерево.

– Не знаю, – начала она и застыла, когда я вновь приставил кончик Камигороши ей к горлу. – Подожди, прошу! Ты не понимаешь!

– Где свиток? – вновь спросил я, шагнув ближе. – Говори, а не то я тебя убью.

– Пропал! – выпалила девушка. – Его больше нет в храме. Учитель Исао... Он предчувствовал появление демонов. Он знал, что им нужен свиток, и потому отправил его куда-то... Н-не... несколько дней назад.

– Куда?

– Не знаю!

Я повернул меч так, что его кончик уперся ей в кожу чуть ниже подбородка, и она судорожно схватила ртом воздух.

– Честное слово, не знаю! – повторила она и отвела голову назад, спасаясь от меча. – Учитель Исао не сказал мне, где свиток. Но... я знаю того, кто в курсе.

– Кого?

Она замолчала, глядя на меня черными глазами поверх лезвия. И вновь от ощущения ее присутствия по коже пробежали странные мурашки.

– Откуда мне знать, что ты меня не убьешь, если я скажу?

– Даю слово, – пообещал я. – Слово чести. Если ты мне все расскажешь, я оставлю тебя в живых.

Она осторожно покачала головой.

– Мне этого мало, самурай, – произнесла она, и я нахмурился. Клятва воина считалась совершенно бесспорной, ведь воинская честь не допускала предательств, и сомнения в этом были просто оскорбительны. Самурай, нарушивший клятву, навлекал на себя такой позор, что единственным выходом оставалось сэппуку.

Конечно, я был шиноби, воином тени, и следовал иному кодексу, нежели самураи. Мы действовали под покровом мрака и выполняли такие задания, которые заставили бы любого достопочтенного самурая поморщиться от ужаса и отвращения. Но девушка этого не знала.

Она все смотрела на меня, прижавшись спиной и затылком к стволу дерева и вскинув подбородок как можно выше, чтобы избежать смертельного прикосновения лезвия к горлу. Я крепко стиснул меч в руках и попытался погасить его пыл в моем сознании, ибо Хакаимоно жаждал, чтобы я убил эту наглую простолюдинку.

– Можешь меня убить, – проговорила она, – но тогда ты так и не найдешь то, что ищешь. – Я сощурился, и она вздрогнула под моим взглядом. Казалось, храбрость на миг оставила ее, но потом она сделала глубокий вдох и снова посмотрела мне в глаза. – У меня к тебе.. предложение, – сообщила она. – Так что прежде чем отрубить мне голову, послушай меня, пожалуйста. Демоны начнут охоту на меня. Как только они поймут, что свитка в храме нет, они меня выследят. Сейчас свиток на пути в другой храм, в тайное убежище, которое находится далеко-далеко отсюда. Мне нужно добраться до этого храма и предупредить местных монахов о нападении демонов. Я обещала это учителю.

– Но ты ведь не знаешь, где этот храм, – заметил я.

– В-верно, – подтвердила она. – Не знаю. Но учитель Исао сообщил мне имя человека, который знает. Это священник, он живет в Кин Хейген Тоши. Ему известно месторасположение этого храма, и он расскажет, как его найти. Но я едва ли смогу добраться туда в одиночку. Я не справлюсь с целой ватагой демонов. – Она оценивающе посмотрела на меня, и я понял, к чему она клонит. – Но.. ты с демонами справляешься весьма неплохо. Если ты.. отправишься со мной и будешь защищать меня во время нашего путешествия, тогда.. – Голос ее затих, но произнесенные слова повисли в воздухе, и не уловить их смысла было просто невозможно.

Тогда она приведет меня к свитку.

Я задумался. Клан, само собой, в восторге не будет. Как убийца демонов Каге и хозяин Камигороши, я не должен был иметь продолжительные контакты с теми, кто не входил в Клан Тени. На то были двойкие причины. Семейство Каге бережно хранило свои тайны. Наши шиноби были лучшими в стране и обладали талантами, неведомыми остальному миру. Мы были близки к теням, и это отражалось на тех из нас, кто был одарен ками, потому что мы говорили на языке тьмы и неведомого. Клан Тени оберегал свои секреты и охотно убивал чужаков, которым удавалось узнать слишком много. И потому простолюдника, путешествующая вместе с убийцей демонов Каге, вызвала бы немало подозрений.

Но не менее веской причиной был и я сам. Мне особенно ярко запрещали общаться с чужаками, потому что я представлял серьезную опасность, ведь мог в любой момент покориться демону меча. Особенно опасны в моем случае были эмоции, потому что благодаря им Хакаимоно проникал ко мне в душу. Гнев, страх, неуверенность – чем сильнее было чувство, тем ближе демон подбирался к тому, чтобы поработить своего хозяина. Меня не раз предупреждали о том, что едва Хакаимоно возьмет надо мной верх, пути назад уже не будет. Мне пророчили, что я стану чудовищем и у Клана не будет иного выбора, кроме как лишить меня жизни.

Но меня отправила на задание даймё Клана Тени сама госпожа Ханшу. Я поклялся, что заберу свиток, и от меня ждали повиновения любой ценой, пусть даже ценой моей собственной жизни – или жизни кого-то из окружающих. Неудачу мне бы ни за что не простили.

– Ну что, по рукам? – спросила девушка.

8. Два путника

Незнакомец задумчиво молчал. Мы стояли близко друг к другу, и я видела черты его лица – высокие скулы, полные губы, шрам, тянувшийся от самого лба до переносицы. И глаза... фиолетовые, яркие, цвета ириса. Когда я смотрела в них, по спине пробегали мурашки. Взгляд у него был пустой, в нем не читалось никаких эмоций, никакого сочувствия или понимания. В них нельзя было разглядеть душу. Никогда прежде я еще никого не боялась. Несмотря на многочисленные угрозы и наказания Дэнги-сана, в глубине души я всегда помнила о том, что монахи храма Тихих Ветров никогда не причинят мне зла. Но этот юноша, с виду совсем молодой, с личиком ангела, смотрел так, что ошибиться было невозможно. Смотрел, как настоящий убийца.

И все же этот бездушный убийца был моим единственным шансом добраться до храма Стального Пера живой. Сердце бешено заколотилось от этой мысли, но, понаблюдав за тем, как незнакомец расправляется с аманодзяку, как легко побеждает их, в голове у меня возникла идея – безумная, рискованная, пожалуй, чересчур опасная. Демоны наверняка отправятся за мной в погоню, как только поймут, что свитка в храме нет. Скорее всего, они начнут охоту на меня, и как бы мне ни хотелось отомстить за учителя Исао и остальных, тягаться с этим отвратительным чудовищем я была не в силах.

Меня била дрожь, в груди затянулся болезненный узел. Я никак не могла поверить, что их больше нет. Что еще сегодня днем я зажигала в зале свечи и мечтала очутиться как можно дальше от храма. Я ведь никогда не бывала за пределами леса. Я не знала, куда идти, как разговаривать с людьми. Всю свою жизнь я общалась лишь с монахами, ками и странным ёкаем в лесу. А теперь мне предстояло отнести свиток в храм Стального Пера, как я и обещала учителю Исао, но я понятия не имела, как туда добраться и что делать при встрече с демонами.

Но... этот человек был способен их убивать. Так легко и играючи. Быть может, он не менее опасен, чем чудовища. И если он станет меня защищать, любому демону, ёкаю или кровожадному человеку, жаждущему заполучить свиток, сперва придется сразиться с ним.

Оставалась одна маленькая проблема.

Он тоже искал Драконью молитву. И не важно, по чужому ли заданию, как и демоны, или по доброй воле. Я почувствовала прикосновение узкого лакированного ящика, спрятанного под фуросики, которой я обмотала плечо, и сердце громко заколотилось. Если он узнает, что свиток у меня, меня ждет такая же жуткая смерть, какой умерли демоны, рассеявшиеся по ветру. Придется соблюдать предельную осторожность и действовать с умом, иначе мой возможный защитник станет моим главным врагом.

На мгновение меня посетила отрезвляющая мысль о том, что учитель Исао ни за что не одобрил бы моей лжи, того обманного маневра, при помощи

которого я заставила этого юношу сопроводить меня до храма Стального Пера. Дэнга непременно назвал бы это очередной лисьей уловкой и обманом. Но воин из меня никудышный, я не умела рубить врагов на куски мечом, а о внешнем мире знала лишь по рассказам монахов. Мой храм разрушили до основания, мою семью перебили у меня на глазах, а мне самой поручили почти невыполнимое задание, о котором монахи, судя по всему, знали еще с тех самых пор, как я появилась в храме. То самое предсказание пробуждало во мне непонятные чувства, но мне страшно хотелось одного – закопаться в глубокой норе и не высовываться наружу. Я понимала, что одной мне не справиться, а помощников у меня не было. Как сказала старая тануки сегодня вечером, я кицунэ, ёкай. Не человек. Вот и все мои умения.

Я неотрывно смотрела в глаза незнакомца, который обдумывал мое предложение, и видела, что внутри у него происходит борьба. Наконец он кивнул и отступил от дерева, убрав от моей шеи свой жуткий меч.

– Хорошо, – проговорил он. – Если это единственный способ добраться до свитка, я провожу тебя в столицу, а потом и в храм Стального Пера. Но... – Он сощурился и ледяным взглядом посмотрел на меня, а затем вскинул меч, и отблеск луны пробежал по длинному лезвию. – ...Но если ты меня обманешь или попытаешься сбежать, я тебя убью. Поняла?

Я кивнула, стараясь не обращать внимания на волну страха, накатившую на меня вместе с облегчением. Нет, я вовсе не планировала от него убежать, но что-то подсказывало, что этот человек пустыми угрозами не разбрасывается. Со вздохом юноша наконец убрал меч в ножны, и его бледный огонек погас, погружая нас во тьму.

– Пешком до столицы идти несколько недель, – спокойно и деловито сообщил он, отступив назад. – Моя лошадь сегодня вечером убежала, так что нам придется пройти, во всяком случае, пока я не найду новую. Ты как, готова к путешествию? Все необходимое при тебе?

– Да, – кивнула я. У меня, как у воспитанницы аскетичных монахов, всегда было мало вещей, к тому же все мои скудные пожитки уже наверняка рассыпались золой и пеплом. У меня были сандалии, небольшой узел с одеждой за спиной, нож, а под фуросики – кусочек свитка, обладающий безграничной силой и способный исполнить любое желание. Этого мне должно было хватить.

– Я так понимаю, дорожных документов у тебя нет? – осведомился юноша.

Я непонимающе нахмурилась.

– Нет. А что это такое?

– Ну... – Он покачал головой. – Забудь, – пробормотал он. – Сейчас это все равно не исправит. Будут проблемы – решим их на месте.

– Ано, – добавила я, когда он отвернулся. – А как тебя зовут?

Он замешкался с ответом, но потом проговорил тихим, ничего не выражающим голосом:

- Каге Тацуми.

Каге. Семейство Каге иначе называли Кланом Тени, и оно хранило множество секретов и тайных знаний, насколько мне было известно. Загадочный юноша с ледяным взглядом очень подходил под это описание.

- А я - Юмеко, - представилась я и попыталась улыбнуться, хотя он вряд ли это заметил, потому что стоял ко мне спиной. - Спасибо, что согласился проводить меня до столицы, Тацуми-сан. Ну и за то, что спас от демонов.

Он никак не отреагировал на мои слова. Шепнув мне «Пойдем», он шагнул вперед и исчез во мраке, будто слившись с самой ночью воедино. Я вновь взглянула на небо, на дым и искры, все еще видневшиеся над деревьями и знаменующие конец прежней жизни.

Закрыв глаза, я быстро прошептала молитву Дзинкею, богу милосердия, и Дорошину, богу дорог, и попросила у них благословить нас на путь и помочь благополучно добраться до цели, а потом повернулась и поспешила во тьму вслед за Каге Тацуми.

Часть вторая

9. Неприкаянная душа

Быть призраком не так-то легко - для этого необходимо редкостное терпение.

В далеком детстве, при дрожащем мерцании свечей, мама рассказывала Суюки сказки о призраках. Под конец дня, пока Мура Акихито еще трудился над новым шедевром в своей лавочке, Суюки садилась на табуретку рядом с мамой, когда та подметала или готовила, и с увлечением слушала истории о красавицах, которых предали или бросили возлюбленные и которые так сохли от тоски, что тела их умирали, а печаль продолжала жить. Суюки замечала, что во всех этих сказках сердце разбивают именно женщинам. Кто-то из них заканчивал жизнь самоубийством. Кто-то погибал от кровожадной руки и потом возвращался, чтобы отомстить. Порой безнравственные женщины обретали страшные и отталкивающие черты. Например, у жадной на затылке появлялся еще один рот, который поглощал все, что попадалось на пути. А неверная обнаруживала, что, пока она спала, шея у нее удлинилась до невероятных размеров и теперь ее голова свободно болталась, выпивая масло из лампы и нападая на мелких животных. В худших случаях женская печаль, ревность или ярость превращала ее в они, ханью[16] или даже в гигантскую

жуткую змею, которая обыкновенно погибала от меча какого-нибудь великого самурая.

О таких страшных судьбах и думала душа Суюки, бесшумно скользя по узкому коридору дворца. Само собой, превращение женщин в столь страшных чудовищ – это выдумки, и таких героинь полагалось жалеть. Но сейчас Суюки думала о том, что сама бы с удовольствием превратилась в демона.

На расстоянии нескольких ярдов от нее по узкому коридору заброшенного замка шествовала госпожа Сатоми, беззаботно размахивая зонтом и не догадываясь, что за ней по пятам следует чья-то душа. После той страшной ночи Суюки уже пыталась выследить женщину, но заблудилась в извилистых коридорах. Призрак девушки, которую когда-то звали Суюки, бесцельно и робко бродил по комнатам, по коридорам и двору. Призрачная Суюки точно помнила, что когда-то была служанкой во дворце императора. А вот как она оказалась в этом мрачном заброшенном замке – было для нее загадкой; последнее, что она помнила, – это как несла моток веревки в амбар в императорском саду. Но эта постройка явно не была императорским золотым Дворцом Солнца. Все здесь казалось холодным, безжизненным, покинутым. Даже демоны – и те отсюда ушли. Подкрепившись ее останками, Ябурама вместе с демонами поменьше тоже покинул дворец, оставив девушку в компании пауков и крыс, и с тех пор время тянулось медленно, будто окутанное плотным густым туманом.

Но в этот вечер госпожа Сатоми вернулась и стала рассказывать по коридорам заброшенного замка так, словно для нее это было обыденным делом. Суюки изумленно последовала за ней, стараясь не упускать женщину из виду и судорожно размышляя, что делать дальше.

Сперва она, разумеется, подумала о возмездии. О том, чтобы безжалостно преследовать Сатоми, пока та не сойдет с ума от мук совести. Но в отличие от призраков из маминых сказок, где духи могли проклинать и даже физически ранить своих жертв, взаимодействие Суюки с миром живых было весьма ограниченным. Тела у нее не было; ее бесплотная сущность легко проходила через любые преграды. При должном сосредоточении она превращалась в призрачную версию себя прежней, но стоило отвлечься, и она становилась светящимся шаром. Говорить было сложно – Суюки с трудом вспомнила, как это делается, а потом оказалось, что голос у нее стал слабым и еле слышным. В маминых историях некоторые юэри превращались в непобедимых онрё, духов мести, чьи гнев и ненависть проявлялись в разрушительных, а порой и убийственных проклятиях, но Суюки понятия не имела, как такой стать. Даже если она и явится своей убийце, госпожа Сатоми едва ли сильно опечалится встрече с призраком бывшей служанки.

И потому она просто беззвучно следовала за женщиной по пустым коридорам, пока Сатоми наконец не распахнула парадные двери и не вышла во двор.

Он был полон демонов. Суюки застыла на месте, дрожа от страха, а потом метнулась за высохший куст и стала наблюдать за происходящим сквозь ветки. Аманодзяку скакали по мостовой, рыча и размахивая своими орудиями. В самом центре над всей этой беспокойной чернью, отбрасывая на нее тень, возвышалась жуткая фигура Ябурамы.

Госпожа Сатоми направилась к о́ни через толпу демонов, не обращая внимания на шипение и хихиканье и сохраняя совершенно невозмутимое лицо. Суюки, которая теперь пряталась за обломком стены, показалось, что Ябурама не в духе. Он скалился на любого аманодзяку, подошедшего чересчур близко. Завидев Сатоми, зеленый аманодзяку поспешно отошел, чтобы не мешать ей, и они беспощадно пнул его, да так, что демон перелетел через ограду. Госпожа Сатоми озадаченным взглядом проводила демона и взглянула на Ябураму.

- Вижу, настроение у тебя так себе, зато ты в кои-то веки не опоздал, - фыркнула женщина, а потом бросила на аманодзяку, подошедшего слишком близко, предупреждающий взгляд. - Увы, время поджигает, а у меня полно дел. Если ты, Ябурама, будешь так любезен и отдашь мне свиток прямо сейчас, мы тут же завершим наше не столь приятное общение, и ты спокойно займешься... займешься тем, чем обычно занимаются демоны, пока их не призовут. Итак, - она вытянула стройную белую руку, - Драконий свиток, пожалуйста.

О́ни раскатисто зарычал.

- У меня его нет.

- Что? - госпожа Сатоми уронила руку и сощурилась. - Прошу прощения, Ябурама, но именно по этой причине я призвала из Дзигоку именно тебя! Тебя послали в храм фанатиков ки, потому что я решила, что такой о́ни, как Ябурама, без труда расправится с горсткой плешивых стариков. А теперь ты заявляешь, что свитка у тебя нет. Как так?!

- Его не было в храме, женщина, - прорычал о́ни. - Я перебил всех монахов и их учителя, перевернул весь храм, но свитка не нашел.

- Ты точно убил всех? - поинтересовалась госпожа Сатоми с таким спокойствием, будто спрашивала у служанки, везде ли та поискала ее любимую чашечку, а не обсуждала жестокое убийство целой монашеской братии. - Никто из прислужников не сбежал? Никто из монахов не призвал силой ки троих воробушков и не перелетел с их помощью через стену?

- Нет, - прорычал о́ни. - Я убил всех. В живых никто не остался.

Тут неожиданно парочка маленьких демонов у ног о́ни начали скакать на месте и что-то тараторить резкими и писклявыми голосами. Суюки их слов не разобрала, но Ябурама резко повернулся и в приступе ярости схватил одного из демонов. Второй испуганно взвизгнул и нырнул в толпу, но его собрат был не столь проворен и оказался в огромной ладони Ябурамы. Он истерично извивался в воздухе и размахивал руками, пока чудовище несло его к лицу. О́ни что-то зловеще прорычал, а демон пискляво ответил, продолжая беспомощно извиваться в цепкой хватке.

Издав утробный рык и сверкнув зубами, о́ни сжал кулак и раздавил демона. Кровь хлынула у него из носа, рта и ушей, и существо рассеялось на ветру кольцами кроваво-черного дыма.

Если бы Суюки могла, она бы непременно поморщилась при виде такого насильственного кровопролития, а вот госпожа Сатоми едва ли удивилась.

– О, дай угадаю, – проговорила она, когда они разжал ладонь, выпустив в воздух остатки дыма. Кончики пальцев и ногти у него были в крови, но, казалось, он этого не замечал. – Пока ты в свое удовольствие убивал всех вокруг, из твоих больших глупых пальцев кто-то ускользнул. Прихватив с собой свиток.

Они опустил руку.

– Там была... какая-то девчонка, – пробормотал он с неохотой и раздражением. – Аманодзяку преследовали ее в лесу, но ей удалось скрыться... – он сделал паузу, сощурился и понизил голос до пугающего низкого рычания, – ...при помощи убийцы демонов Каге.

Убийца демонов Каге? Суюки не знала, кто это, но горстка аманодзяку моментально затихла, будто одно только имя их устрашало. Суюки задумалась, какому человеку под силу напугать целую стаю беспощадных демонов из ада и захотела бы она когда-нибудь с ним столкнуться.

– Что ж, – проговорила госпожа Сатоми после недолгой напряженной тишины. Ее голос был так холоден, что легко сковал бы льдом озеро в императорском саду, и так резок, что разрубил бы напополам местную рыбу. – Стало быть, мы столкнулись со сложностями, так? Скажи-ка мне, Ябурама, как же мы добудем свиток, не потеряв целую армию демонов, если эта девушка путешествует вместе с убийцей демонов Каге, которому, как я полагаю, Ханшу поручила ту же миссию, что и я тебе?

Они осклабился.

– Я им займусь.

– Нет. С тебя хватит.

Они зарычал и навис над женщиной, но госпожа Сатоми отвернулась от него и поглядела на ворон, сидящих на стенах, и на высохшие деревья.

– Слушать меня! – вскричала она, вскинув руку, и пернатые создания закопошились, оправляя крылья. Птицы подняли головы и посмотрели на нее глазами-бусинами. – Отыщите их, мои карасу[17]! – приказала Сатоми. – Найдите девчонку и убийцу демонов Каге. Будьте моими глазами, загляните туда, куда я не могу, и покажите мне врага. Вперед!

Раздалась какофония вороньего карканья, и птицы взлетели, растворяясь во тьме. Госпожа Сатоми глядела им вслед, наблюдая за тем, как черная стая летит на фоне грязно-серых облаков, а потом повернулась к рычащему они.

– О, Ябурама, гнев здесь совсем ни к чему, – заметила она и раскрыла зонтик, укрываясь от моросящего дождя. – Ты свой шанс упустил. Если девчонка с убийцей демонов будут путешествовать вблизи от городов, они с ватагой аманодзяку незамеченными не останутся, а мне бы хотелось как можно меньше головной боли, пока я не заполучу свиток. Мне есть кому поручить эту миссию, – заметила она, крутя ручку зонтика. – Кадзекира и ее мерзкое окружение мне по-прежнему кое-что должны, – задумчиво проговорила она. – К тому же они не привлекут внимания. Пожалуй, этот

план сработает. – Она взглянула на *они*, и голос у нее вдруг сделался ласковым и напевным: – Ну будет тебе, Ябурама, вот мы и придумали, как решить нашу проблему. А ты пока оставайся тут, как верный пес, а когда понадобится – я тебя позову.

Суюки показалось, что *они* сейчас набросится на Сатоми и оторвет голову от ее белой тонкой шеи. Но он только фыркнул и отступил назад.

– Глупая женщина. Ты недооцениваешь убийцу демонов Каге. Да, на вид он обыкновенный человек, но на самом деле это чудовище опаснее меня. Вспомни об этом, когда понадобится моя защита от его меча.

Сатоми подняла безупречную бровь.

– Я это учту.

Она отвернулась и направилась обратно, к дверям дворца, а зонтик подпрыгивал у нее в руке. У самых ступенек она остановилась и посмотрела ровно туда, где пряталась Суюки, и ее губы тронула улыбка. Похолодев, призрак Суюки поспешил стать невидимым. Когда ему наконец хватило смелости вновь появиться на виду, женщины уже не было.

10. Путь в столицу

Нас явно преследовали.

– Тацуми-сан, – позвала меня Юмеко, когда я застыл на пути и, обернувшись, принялся разглядывать деревья. – Что ты ищешь? Что там такое?

Я молчал. Вокруг нас высились древние сосны. Они росли совсем близко друг к другу, протягивая над тропой ветви и отбрасывая на нее тень. Кругом стрекотали цикады, и их монотонная песня пульсировала между деревьями; над нашими головами летал одинокий ястреб, и его тень быстро скользила по тропе. Воздух был прохладный и пах смолой и сосновыми иглами. Если не считать стрекота насекомых, вокруг было тихо. Но я чувствовал, что что-то не так, краем глаза замечая недосягаемое черное пятно.

Мы с моей спутницей покинули гору и ушли от сгоревшего храма Тихих Ветров и аманодзяку, наводнивших лес, три дня назад. Дорогой мы почти не разговаривали – девушка молчала, замкнувшись в себе, а у меня не было ни малейшего желания вступать с ней в беседы. Было самое начало лета, погода стояла жаркая и душная, небо грозило вот-вот излиться дождем. Мы прошли несколько деревень с крытыми тростником хибарами и террасными полями, где крестьяне сажали ростки риса, стоя по щиколотку в воде. С наступлением темноты мы устраивались на ночлег под деревьями или в заброшенных святилищах. Ночи были теплыми, так что мы вполне обходились без одеял,

что было очень кстати, потому что все мои пожитки унесла сбежавшая лошадь. В том числе и документы, большую часть снаряжения шиноби и паек. К счастью, лето выдалось поздним, и потому в Ивагото было вдоволь еды – при условии, что знаешь, где искать. Грибы, ягоды и сансай – дикие съедобные растения всевозможных видов – были повсюду, а реки и ручьи изобиловали рыбой для тех, кто умел ловить ее без удочки. Меня учили тому, как выживать в дикой природе и чем питаться, так что голодная смерть нам не грозила, но я с удивлением обнаружил, что моя спутница тоже немало знает о диких растениях. Как-то вечером, когда я чистил рыбу, пойманную в ближайшем ручье, она принесла и положила на землю у костра целую горсть плодов мелкой дикой хурмы. Я не питал особой страсти к сладостям, но сочный вкус оранжевого плода хорошо контрастировал с пресной рыбой, и в тот вечер мы славно попиروвали.

Присутствия демонов я не чувствовал, хотя Хакаимоно проявлял непривычное беспокойство – то ли чувствовал невидимую слежку за нами, то ли реагировал на мою неожиданную спутницу. Я так привык путешествовать в одиночку, что чужое присутствие отвлекало и меня, и меч. Я старался не обращать на девушку внимания, не замечать слезы, которые иногда текли у нее из глаз, не слышать тихих вздохов и сопения, когда она засыпала.

Однако тем утром она встретила меня улыбкой и радостным «Ohayou gozaimasu [18] Тацуми-сан». Мрачное настроение явно ее оставило. Мы продолжили путь, но в тот день я никак не мог избавиться от ощущения, что за нами следят. Это чувство преследовало меня и неизменно злило Хакаимоно, так что в конце концов мне пришлось остановиться и осмотреть деревья в поисках неизвестного преследователя. Да, я тем самым дал понять, что чувствую, будто что-то не так, но в то мгновение я с куда большей охотой вступил бы в схватку с реальным врагом, чем продолжил беспокоиться о невидимой угрозе.

Наконец я заметил причину своего беспокойства. На ветке одной из сосен над самой тропой сидело небольшое согбенное существо и не мигая смотрело на нас.

Опять вороны. Я сощурился, не сводя глаз с птицы. Та оправила крылья, но с ветки не улетела. В Ивагото вороны были повсюду. Они десятками сидели на крышах и ветках деревьев, дрались за свободное место, гортанно гаркали на любого прохожего. Порой встречу с ними называли дурным знаком и считали, что они приносят беду, но чаще всего этих шумных птиц никто не замечал – они успели стать частью привычного пейзажа.

То и дело, особенно во время путешествия, появлялась какая-нибудь одинокая ворона и начинала меня преследовать. Наблюдать за мной. Убийство птицы проблемы не решало – вскоре вместо нее появлялась другая, будто смеясь над моими усилиями. Или же преследователи оставались вне поля зрения, зля Хакаимоно до такой степени, что он требовал крушить и резать все живое. Теперь я, по крайней мере, узнал причину своего беспокойства, а значит, мог подготовиться к нападению неизвестного врага.

– Тацуми-сан?

Я обернулся и увидел, что девушка смотрит на меня, чуть склонив голову. Птицы в ветвях она не заметила, а объяснять ей что-либо мне не хотелось. Тем более что мы все равно ничего не могли поделать.

- Все в порядке, - бросил я и пошел дальше. - Идем.

Она кивнула и поспешила за мной. Я наблюдал за ней краем глаза - ветер трепал ее темные волосы, а она сама то и дело окидывала лес любопытным взглядом. Совсем не то что в предыдущие дни, когда она просто бесшумно плелась за мной, глядя себе под ноги. Плечи у нее были туго обмотаны фуросики, которую она ни разу не сняла и каждую ночь затягивала потуже. Я решил, что в ней она прячет свои жалкие пожитки и, видимо, боится, что я их украду, хотя вещи юной простолюдинки меня ни капли не интересовали.

- Не[19], Тацуми-сан, - позвала она, оторвав взгляд от ветки, на которой секундой раньше сидела белка. Я обратил внимание на то, как она наблюдает за мелочами. Словно кошка, играющая с бегущими тенями. - Мы ведь так и не нашли никакой пищи. Что мы будем есть?

- Чочин-Мачи всего в нескольких милях отсюда, - ответил я. - Пополним припасы, как только доберемся до города.

Она кивнула.

- Как бы хотелось сейчас нормальной еды! - заметила она. - Ничего не имею против пойманной в реке рыбы и хурмы, но страсть как скучаю по горячему рису. И по настоящей кровати. Где я не проснусь с кучей пауков в складках одежды. Против пауков я тоже ничего не имею, просто не хочется их раздавить во сне. - Она скосила на меня взгляд. - А ты, Тацуми-сан?

Я пожал плечами. Бывало, я несколько дней путешествовал без сна и еды - и во время выполнения миссий, и на тренировках с сенсеем. Порой в качестве наказания, но чаще всего - для проверки моей выносливости, для того, чтобы узнать, как быстро я упаду без сил. Я привык довольствоваться малым; пища, сон и личный комфорт были для меня не так важны, как выполнение миссии.

Девушка медленно выдохнула и посмотрела на небо, на солнце, опускавшееся за кроны деревьев.

- А в храме мы в это время собирались на ужин, - тихо проговорила она. - Еды у нас было немного, но мы всегда ели вместе три раза в день. У Сатоши был маленький сад с овощами за храмом - он выращивал по-настоящему огромную редьку дайкон, ты такой в жизни не видывал! - Она поморщилась. - Дайкон я терпеть не могла, а его у нас было полно. Я выкидывала кусочки в щели в полу, а потом мне снились кошмары, что у меня под половицами прячутся чудовища, с виду похожие на маринованную редьку, а ночами выбираются оттуда и лезут мне в рот. - Она приуменьшила, а потом продолжила еще тише: - А сейчас я бы дюжину этих редек съела, лишь бы снова посидеть за столом вместе со всеми.

На это я ей ничего не ответил. Она затихла, а потом вновь подняла на меня взгляд.

- А у тебя есть семья, Тацуми?

- Нет.

- Но... ты ведь самурай, - заметила она, склонив голову. -носишь при себе меч, а на спине у тебя символ Каге. Стало быть, ты из Клана Тени, верно?

Я сощурился. У всех родовитых семей были собственные гербы, называемые монами, - они показывали, к какой семье принадлежит человек и какова его родословная, но по моему опыту простолюдины не умели их различать. Для них все самураи были одинаковыми.

- А ты откуда знаешь? - спросил я.

Юмекo тоже прищурилась.

- Учитель Исао рассказал мне про разные семьи и кланы, - пояснила она. - Хотел, чтобы я знала хоть немного о внешнем мире на случай, если придется покинуть храм. Проверим, все ли я запомнила. - Она нахмурилась. - Хино, Мицу, Цучи и Кадзе - это четыре главных клана Огня, Воды, Земли и Ветра, - проговорила она. - А Каге, Сора и Цуки - это кланы поменьше, - кланы Тени, Неба и Луны. Правильно?

- Один забыла.

- Ну да, точно, - кивнула Юмекo. - Еще есть Клан Солнца - это семья императора, Тайо. Но большинство членов этого клана живут в столице, поближе ко двору. Они редко покидают свою территорию - разве только, чтобы навестить даймё других кланов. По крайней мере, так рассказывал учитель Исао.

Я внимательно посмотрел на нее.

- Что тебе известно о Каге?

- Что это самый малочисленный из подобных кланов. Их территория граничит с Кланом Огня, и они проиграли несколько битв с Хино, которые теснят их последние лет десять.

Все так. Клан Огня был давним врагом семьи Каге. Даже в мирные времена, когда император запретил войны по всей стране, Хино и Каге не прекратили враждовать. Клан Огня был большим и влиятельным, и его члены считали, что если другому клану не хватает сил, чтобы защитить собственную территорию, ее нужно передать тому, кто в состоянии ее защищать. Само собой, семейство Каге не одобряло этот замысел.

Но это был общеизвестный факт. Вражда двух кланов была столь же привычным явлением, как ливень в сезон дождей, и потому границы менялись так часто, что чиновникам было трудно за ними уследить.

- Что еще? - мягко спросил я.

- Ну, поговаривают, что Каге отличается от других кланов. Его воинам разрешено использовать темные и сомнительные техники в битве с более

сильным соперником. Что они умеют превращаться в тень или исчезать в облаке дыма и что их даймё – это загадочная госпожа, по слухам, бессмертная.

Я выдохнул. Это были довольно распространённые слухи – частично правдивые, частично – нет, и Клан Тени поощрял их, дабы ввести врагов в заблуждение. Выходит, девушка не слышала ничего такого, что не одобрили бы Каге, и меня это обрадовало, ибо чужакам нельзя было знать истинные секреты Клана Тени. Тех, кто узнавал слишком много, как правило, заставляли умолкнуть – быстро и навсегда.

Хакаимоно очень нравилась эта идея, и он подначивал меня напасть на девушку, убить ее немедленно. «Она тебе не нужна, – шептал демон у меня в голове. – Один быстрый удар – и все кончится». Она не почувствует боли. Она даже не поймет, что случилось, пока не проснется в кругу предков.

Но я отгонял эти мысли. Приказа убить девушку мне не поступало, а сам я не видел в ней угрозы для Клана Тени. К тому же я пообещал сопроводить ее до храма Стального Пера и мне очень нужна была ее помощь, чтобы отыскать свиток. Пока не возникнет новых приказов, именно эта задача оставалась для меня главной.

Лесные тени удлинились. Я по-прежнему ощущал на себе вороний взгляд, но больше не видел птиц на ветках. Солнце опустилось ниже, и в воздухе стали то и дело мелькать крошечные огоньки светлячков.

– Не, Тацуми, – вновь проговорила Юмеко и вытянула руку так, что светлячок присел ей на палец, мерцая в сумерках зеленовато-золотым светом. Она поднесла его поближе к глазам и с любопытством оглядела, и его сияние жутковатым отсветом легло на ее кожу. – Солнце садится, – сообщила она, не замечая, что я остановился и смотрю на нее. – Мы уже близко к Чочин-Мачи?

– Да.

Она подняла руку, и насекомое улетело в рощу.

– А почему его называют Городом Фонарей?

Мы вышли из леса. Дорога плавно вела к подножью холма, к реке и нескольким причалам на противоположном берегу.

– Сейчас сама увидишь.

Взглянув на город, она ахнула.

Чочин-Мачи был расположен на берегах реки Хотару и сиял в ночи, будто факел. Он был не таким крупным, как столица, Кин Хейген Тоши. Здесь был один маленький замок, несколько постоянных дворов, лавки, таверны и рыбное хозяйство, которое во многом и обеспечивало город. Хотя Чочин-Мачи славился не этим и вовсе не поэтому сюда стекались паломники и путешественники со всей Ивагото.

Почти на каждой улице, на каждом углу, на каждой лавочке и храме мягко поблескивали сотни красных бумажных фонариков, освещая весь город. Они свисали с крыш и веток, с дверных проемов и навесов, с румпелей лодок, плавающих в реке. Сияние города было видно за много миль, и путешественники спешили сюда, словно мотыльки на свет.

– Sugoī... – прошептала Юмeko. Изумительно. Глаза у нее округлились и стали совсем черными. Где-то в их глубине отражалось сияние городских огней. – Какая красота. Монахи никогда не рассказывали, что за стенами храма можно увидеть подобное. – Она ненадолго примолкла и склонила голову, словно прислушиваясь. – Это что, барабаны?

Я сдержал стон. Лето в Ивагото было сезоном фестивалей, а значит, сегодня в Чочин-Мачи будет особеннолюдно.

– Будь рядом, – велел я девушке. – Городок небольшой, но лучше нам не терять друг друга из виду.

Я отвернулся и начал спускаться по склону, слыша за собой ее торопливые шаги. Мы перешли арочный мост через реку, на котором через каждые несколько шагов стояли столбики, украшенные фонарями, и вошли в объятый неземным сиянием Чочин-Мачи.

Юмeko по-прежнему глядела на все округлившимися глазами, пока мы шли по широкой пыльной улице, ведущей через торговый район. В отличие от многих городов, где с наступлением темноты все двери запирались, магазины и лавочки в Чочин-Мачи в ночи процветали. Над головой у нас висели гирлянды фонариков, порой закрывая собой все небо, а отдельные чочины[20] мерцали у дверей магазинчиков, постоянных дворов и таверн, указывая, что они открыты. Были здесь и прилавки уличных торговцев, на которых лежало все – от еды до сандалий и миниатюрных бумажных фонариков, популярных местных сувениров.

На подходе к центру города снова послышался стук в барабаны, низкий и гулкий. Лавируя в толпе, мы вышли на большую площадь, в центре которой стояла высокая деревянная платформа красно-белого цвета, напоминавшая маяк. На сцене двое обнаженных по пояс мужчин с красными повязками на головах били в огромные деревянные барабаны, и их громогласные удары эхом проносились по толпе. Над площадью висели гирлянды из фонариков, которые сходились в одну точку на крыше сцены и освещали все внизу. Вокруг барабанщиков, выстроившись в круг, плясали танцоры, то и дело хлопая в ладоши и топя в такт музыке.

Увиденное разозлило меня, и Хакаимоно встрепенулся, рассерженный шумом и суетой. Я не любил толпу. Слишком многое могло произойти – чувства рисковали выйти из-под контроля, могли возникнуть потасовки, людская паника. Если бы на фестивале начались беспорядки и Хакаимоно взял надо мной верх, праздник тут же превратился бы в кровавое побоище.

Я ускорил шаг, надеясь как можно быстрее уйти от огней и музыки во мрак, где я чувствовал себя гораздо спокойнее. Я был так поглощен своими мыслями, что не сразу заметил, что Юмeko нет рядом. Обернувшись, я увидел, что она стоит на краю площади и смотрит на танцоров, покачиваясь в такт музыке.

С мрачным видом я ринулся к ней и подошел так близко, чтобы меня было слышно за шумом барабанов.

– Юмеко, что ты делаешь?

– Тацуми-сан! – воскликнула она и посмотрела на меня сияющими глазами, явно не желая стоять спокойно. – Потанцуй со мной! – взмолилась она, кивнув на поющую и приплясывающую толпу. – Научи меня танцевать!

Я отшатнулся от нее. Танцевать меня никогда не учили – это занятие сенсей считал frivolным и совершенно бессмысленным. Понять и оценить по достоинству мастерство музыканта я еще мог, но в танцах не понимал ничего – да и не хотел.

– Нет.

– Ну пожалуйста, Тацуми-сан! – Она шагнула к кругу танцующих. В воздухе снова послышался стук барабанов, сопровождающийся аплодисментами. – Хотя бы чуть-чуть, – попросила она, улыбнувшись. – Будет весело!

Весело. Я с трудом подавил презрительную гримасу. Мой сенсей считал веселье опасным понятием. «Ну что, нам уже весело, Тацуми? – напевно спрашивал Итиро, когда у меня не получалось справиться с заданием, а потом неизменно наказывал меня за неудачу. – Раз тебе так весело, повторим то же самое завтра».

– У нас нет времени, – отрезал я.

Она поморщилась и вздохнула.

– Тацуми, ты когда-нибудь слышал притчу о речной выдре каваусо и Нефритовом Пророке? – спросила она и начала свой рассказ, не дав мне ответить: – Жил-был каваусо, который ничего не принимал всерьез и все превращал в игру. Где бы он ни появлялся, он приносил с собой радость и беззаботность. Рядом с ним люди смеялись, плясали, пели и напрочь забывали о своих бедах. Но однажды каваусо встретил Нефритового Пророка, который сказал: «Жизнь – это страдание. Веселье – пустая трата времени. Прекрати эти дурацкие игры и постарайся трудиться усердно, без промахов. Только в страдании, тоске и скуке можно обрести истинное счастье». Каваусо воспринял его совет очень серьезно. Он перестал играть, замучил себя работой и умер несчастным старым ёкаем без друзей, семьи и радости.

– Нет, эту притчу я раньше не слышал, – с сомнением ответил я.

Юмеко улыбнулась.

– Само собой. Я ее выдумала. – С этими словами она сделала три шага назад и смешалась с толпой танцующих, пока я не успел ее остановить.

Сжав кулаки, я смотрел ей вслед. Она влилась в разномастную толпу, которая пела и танцевала под новые удары барабана. Юмеко извивалась всем телом и хлопала в ладоши в такт музыке. Наблюдая за ней, я затаил дыхание и вдруг поймал себя на том, что не могу отвести взгляд. Волосы у нее

растрепались, кожа сияла в свете фонарей. На краткий миг она меня зачаровала.

Опомнившись, я прошелся вдоль края площади, поглядывая на Юмeko и людей вокруг. «Как глупо, – шептали мне инстинкты. – Как же это глупо. Пустая трата времени». Танцы никоим образом не вязались с моей задачей и никак не приближали нас к цели. «Не дай ей себя отвлечь. Она важна для выполнения миссии, не более того».

Краем глаза я заметил какое-то движение – мне показалось, это крупный мотылек или летучая мышь. Я тут же вскинул руку, чтобы поймать существо, пока оно не врезалось мне в голову. В руке оказалось что-то бумажное и хрупкое. Я опустил ее и разжал пальцы. В ладони лежал помятый журавлик из черной как смоль бумаги без каких-либо украшений.

И тут я все понял. Меня вызывают? Сейчас? Я встревоженно оглядел толпу в поисках скрытой угрозы, знакомых лиц или пристальных взглядов. Ничего необычного я не заметил, но по спине пробежал холодок беспокойства – не за себя, а за девушку, танцующую в толпе.

Что же мне делать? Взять ее с собой я не мог. Они ее убьют. Я отгляделся, гадая, какова вероятность того, что если я сейчас тайком ускользну, а потом вернусь, Юмeko по-прежнему будет на площади. Нет, это было слишком рискованно. Благодаря Юмeko я могу добраться до храма Стального Пера, а она моментально отправится меня искать, если я исчезну. Но стоит ей только сунуться в дела Клана Тени – и пощады ей не будет.

Отглядевшись, я заметил большое квадратное здание на углу улицы. Синие занавески над дверью завлекали посетителей. Рёкан.

Кажется, то, что нужно.

Я обогнул круг танцующих, отыскал в людском море Юмeko и схватил ее за руку. Она подскочила и подняла на меня округлившиеся черные глаза, и у меня внутри что-то всколыхнулось.

– Тацуми-сан! – воскликнула она от неожиданности, а потом губы ее тронула кривая ухмылка. – Ты передумал, да? Притча о каваусо и Нефритовом Пророке так тебя впечатлила, что ты все-таки решил немного повеселиться?

Я взглянул на нее.

– Между прочим, твоя притча была выдуманной.

– Но она все равно поучительная! Ты же не хочешь стать старой вредной выдрой, а?

Стиснув зубы, я подтолкнул ее к краю площади, а потом кивком указал на конец улицы.

– Видишь вон то здание на углу? – негромко спросил я. – С большим фонарем и синими занавесками над дверью.

Она посмотрела вперед поверх голов горожан.

- Рёкан?

Итак, она хотя бы знает, что такое гостиница. Славно.

- Вот, возьми, - шепнул я и сунул ей в ладонь три серебряные торы[21]. Монеты - три серебряных диска с изображением скалящегося тигра в центре - столкнувшись, зазвенели. - Ступай в гостиницу. На эти деньги сними себе комнату на ночь. Тут должно хватить.

Она посмотрела на монеты, а потом на меня.

- А ты куда?

- У меня... кое-какие дела. Я скоро вернусь.

- Дела, - повторила она, нахмурившись. - Так поздно? - Я не ответил, и она нахмурилась еще сильнее. - А почему мне нельзя с тобой?

- Это невозможно.

- Но почему?

Во мне вспыхнуло раздражение, но вместе с тем в душу закрался смутный страх.

- Ты задаешь слишком много вопросов, - холодно осадил ее я. Вопросы опасны. Вопросы убьют ее быстрее всего. - Есть на свете вещи, о которых тебе знать не следует.

Она отпрянула, а потом со вздохом сжала кулак с монетками.

- Но... пообещай, что вернешься, - тихо попросила она. - Что не сбежишь под покровом ночи, что я снова тебя увижу. Поклянись, что вернешься.

- Я и не думал от тебя убежать.

- Так ты обещаешь вернуться?

- Обещаю.

Она кивнула и отошла в сторону, но я успел схватить ее за рукав, и она вновь ко мне обернулась.

- Пообещай и ты мне кое-что, - сказал я, и по ее лицу пробежала тень смущения. - Пообещай, что останешься в гостинице. Что не станешь сбегать и не пойдешь меня искать. Оставайся в комнате до моего возвращения, Юмеко. Пообещай, что так и сделаешь.

Она кивнула.

- Хорошо.

– Что ж, ступай. – С этими словами я отпустил ее, и она поспешила по улице к рёкану, сжимая в кулаке деньги. Я следил за ней, пока она не нырнула под занавески и не вошла в здание, а потом отвернулся и направился тем же путем, каким мы сюда пришли.

Что-то зашуршало у меня в руке. Я разжал пальцы, и бумажный журавлик расправил помятые крылья и встрепенулся. Несколько раз взмахнув крыльями, бумажное создание поднялось в воздух, будто умирающая бабочка, и полетело вперед.

Я последовал за ним. Журавлик повел меня вдоль площади, где барабаны по-прежнему отбивали оглушительный ритм, к узкой тропе между чайной и лавкой тканей. Бумажное создание продолжило путь, порхая над самой землей, но я остановился и всмотрелся в темноту. Надо мной футов на пятьдесят вперед тянулась гирлянда из фонариков, освещая деревянные стены по обе стороны от тропы и обрываясь на перекрестке. Помня о том, что в тенях могут таиться незримые враги и опасности, я шагнул на тропу.

Фонарь надо мной мигнул и погас. А потом следующий, словно кто-то задул огонь, а за ним еще и еще. Один за другим все чочины над тропинкой с шипением потухли, и на узкую дорожку опустился мрак.

Я продолжил путь. Сама по себе темнота меня не тревожила – в тени мне было куда уютнее, чем на свету. Я шел за гаснущим светом фонарей, пока не добрался до перекрестка, где остановился, разглядывая обе дороги. Они петляли между зданиями, пересекая узкую дорожку между лавочками и амбарами. Кругом было темно и безлюдно.

– Здравствуй, Тацуми.

Позади раздался тихий высокий голос. Узнав его, я едва подавил желание резко повернуться и выхватить меч; вместо этого заставил себя обернуться спокойно. У черного хода одного из амбаров, где раньше было пусто, сидел человек, окутанный тенью. Его черное кимоно безо всяких рисунков вздымалось, а длинные волосы ниспадали на плечи и спину. Лицо было разукрашено белой краской, вокруг глаз и под подбородком темнели черные линии. На поясе висел короткий меч, но не в нем была его главная сила, причем не менее опасная. Он был одарен ками – таких людей еще называли мадзуцуши, они умели пользоваться магией. В каждом клане было несколько необычных членов, чьи таланты были связаны со стихией семьи, но мадзуцуши были самыми сильными и могущественными. Будучи шиноби Каге, я умел выполнять простейшие волшебные трюки – становиться невидимым или создавать себе близнеца-призрака, владел искусством тьмы и умел запутывать следы. В Ивагото жили мадзуцуши, которые могли, например, настроить против врага саму землю, призвать молнию или огонь или за несколько секунд залечить смертельные раны. Маги Каге не обладали такой разрушительной силой, как представители Клана Огня, и не умели творить чудеса, как волшебники Клана Воды; они повелевали мраком куда незаметнее, но их приказы были не менее опасны.

– Дзёмэй-сан, – поприветствовал я его и поклонился, чувствуя, что он пристально следит за каждым моим движением. – Стало быть, пришла ваша очередь меня проверять?

- Не слишком учтивое приветствие, Тацуми-сан, - заметил Дзёмэй своим звонким чувственным голосом. - На такое можно и обидеться, но это не в моем характере. Ты знаешь, почему нам приходится так делать.

- Да, знаю.

- С Камигороши нельзя вести себя легкомысленно, - продолжил Дзёмэй, не обратив никакого внимания на мои слова. - Мы, Клан Тени, лучше всех знаем, что такое тьма. Мы каждый день имеем с ней дело и ходим по тонкой грани между тенями и бездной. Мы прекрасно знаем, какое зло таится в укромных местах Ивагото и в людских душах. И нам лучше остальных кланов известно, как легко оступиться. А ты ведь хозяин Проклятого Меча. Камигороши, Хакаимоно - называй, как хочешь. Это оружие совратило души людей куда лучше тебя, Каге Тацуми. Мы научили тебя сопротивляться его влиянию, научили искусству шиноби Каге. И все же ты несешь в себе страшное зло, и однажды оно вполне может тебя поработить, - сказал он и сощурился. - Вот почему мы следуем за тобой, вот почему эти встречи так нужны. При малейшем намеке на то, что ты проигрываешь битву с Хакаимоно, мы тут же вмешаемся, пока ты еще не потерял себя и не подарил истинному демону полную свободу.

Я поклонился. Да, разумеется, он был прав. И что это на меня нашло? Я никогда еще не разговаривал с мадзуцуши подобным образом. Возможно, так на меня действовали бесхитростные манеры Юмеко.

- Простите мне мою вспышку, учитель Дзёмэй, - поспешно извинился я. - Такого я больше не допущу.

- Хорошо. Что ж... - Дзёмэй прислонился спиной к двери, сплел пальцы и положил на них подбородок, не сводя с меня глаз. - Судя по всему, с Камигороши ты пока справляешься, а с миссией? Ты добрался до храма Тихих Ветров? Забрал свиток?

- Нет, - ответил я, выпрямившись и стараясь подавить в себе чувства. Я был оружием. Я не ощущал ничего. - Когда я туда добрался, свиток уже пропал.

- Пропал? - резко спросил Дзёмэй. - То есть как это пропал? Хочешь сказать, ты провалил задание?

- На храм напала армия аманодзяку под предводительством о́ни, - сообщил я, и Дзёмэй удивленно приподнял брови. К демонам Клан Тени относился со всей серьезностью. - Настоятель монастыря почувствовал их приближение, - продолжил я. - И отправил свиток в другое место, чтобы он им не достался.

- О́ни, говоришь, - мрачно произнес мадзуцуши. - Милостивые Ками, и кто только призывает о́ни в царство живых? Ты убил его?

- Нет.

Он поджал губы.

- Тацуми-сан, я знаю, что ты привык отвечать только на поставленные вопросы, но мне нужны более подробные сведения. Пожалуйста, предоставь мне полный отчет о твоей миссии во всех подробностях, ничего не упуская.

- Как вам будет угодно. - И я рассказал ему все, что случилось в ту ночь, начиная с битвы с аманодзяку и заканчивая встречей с Юмеко и моим согласием проводить ее до Кин Хейген Тоши. Я поведал ему о плане отыскать учителя Дзиро из святилища Хайяте с расчетом на то, что он покажет нам путь к храму Стального Пера и свитку, который ускользнул у меня из рук.

- Ясно, - проговорил Дзёмэй, когда я закончил. Он соединил указательные пальцы домиком и задумчиво приложил их к губам. - Храм Стального Пера окутан легендами, - пробормотал он. - Ходят слухи, что его охраняют сверхъестественные стражи, но никто не знает точно, существует ли он вообще... - Он снова взглянул на меня - оценивающе, пристально. - А ты уверен, что до учителя Дзиро можно добраться лишь при помощи этой девчонки?

- Мне известно название святилища, - ответил я. - Я смогу отыскать его и в одиночку. Вот только священник вряд ли станет делиться со мной своим знанием. А та девушка жила в храме Тихих Ветров и была частью ордена, защищавшего свиток. С ней он точно поговорит. Если она и впрямь может привести меня к цели, куда разумнее идти с ней.

Дзёмэй вздохнул и кивнул.

- Что ж, ладно. Продолжайте путь вдвоем. Если этот самый Дзиро и впрямь знает, где расположен храм Стального Пера и где свиток, нужно непременно его найти. Но будь осторожен - девчонка не должна узнать ничего такого, чего она еще не слышала о Клане Тени. Как только удастся заполучить свиток, немедленно возвращайся к госпоже Ханшу.

Я коротко ему поклонился.

- Понял.

- Мне придется сообщить Ханшу-саме о произошедшем, - проговорил Дзёмэй. - Демонам свиток ни к чему. Их кто-то подослал. - Он грациозно поднялся, и полы кимоно распрямились. - Мы продолжим наблюдать за тобой, Тацуми-сан, - сообщил он с едва заметной улыбкой. - Смотри не разочаруй нас.

Я вновь поклонился, а когда поднял голову, его уже не было.

Фонарики замигали, а потом загорелись один за другим, осветив пустую тропку. Я вернулся тем же путем на широкую улицу, а потом направился к гостинице.

Я пролез под синими занавесками, висящими над дверью, распрямился и оглядел вход. В нескольких шагах от меня виднелся высокий деревянный настил, вдоль стен стояла парочка скамеек для путешественников. В противоположном углу я увидел лестницу, ведущую на второй этаж, где, как я решил, располагаются комнаты для гостей. Ко мне с улыбкой поспешила какая-то женщина - наверное, хозяйка гостиницы. Подойдя к краю настила, она поклонилась.

- Добро пожаловать, господин, - поприветствовала она меня. - Проходите. Вам нужна комната на ночь?

- Да, - подтвердил я. - Сюда не так давно пришла одна девушка. В красном кимоно с белым поясом. Она должна была оплатить нашу комнату.

- Вот оно что, - проговорила хозяйка и слегка нахмурилась, поглядев на дверь. - Это ваша спутница, стало быть? Сейчас ее тут нет.

Я сощурился.

- Что случилось? Где она?

- Эта девушка и впрямь к нам приходила, - подтвердила хозяйка слегка нервным голосом. - И было это всего несколько минут назад. Симпатичная такая, в красном кимоно. Но потом вдруг ни с того ни с сего задул ветер - такой сильный, что меня едва с ног не сбил. И я смотрю - а девушки уже и след простыл.

11. Ласка на ветру

Все началось со странного ветра.

Мне, честно, хотелось снять нам комнату. И найти еду. И, пожалуй, принять ванну. Но больше всего - найти еду. Я умирала от голода, поэтому идея разместиться в чистой комнате и отведать горячей пищи, а не жевать дикие растения в лесу казалась мне самой что ни на есть чудесной. И хотя мне было страшно любопытно, куда убежал Тацуми, следить за ним, особенно с Драконьим свитком под фурсики, было бы нелепо.

Да и потом, он же обещал вернуться. Я верила, что он сдержит свое слово и скоро придет.

Но стоило мне переступить порог, как мощный порыв ветра взъерошил мне волосы и толкнул вперед. Он ворвался в гостиницу, растрепав занавески, и погасил все фонари внутри и снаружи, и комната погрузилась во тьму.

Я выпрямилась и вдруг заметила, как прядь моих волос летит на пол, будто срезанная острым лезвием.

Глаза у меня округлились, внутри всколыхнулась тревога. Я подняла голову и увидела, что с одного из фонарей, висящих под потолком, за мной наблюдает пара красных глаз-бусинок. Глаза принадлежали пушистому коричневому созданию с острой мордочкой, маленькими круглыми ушками и длинным мускулистым телом.

Это что, ласка? Я нахмурилась. С виду совершенно обычная ласка, если не считать...

Если не считать длинных, загнутых, как серпы, лезвий, растущих у нее из передних лап. Я распахнула рот от изумления. Изогнутые и с виду крайне опасные лезвия торчали в разные стороны и поблескивали во мраке. «Нет, это не обычная ласка», – подумалось мне. Это существо обладает волшебной силой и сверхъестественными способностями. Это ёкай.

Такой же, как и я.

Ласка зашипела, обнажив острые желтые клыки, соскочила с фонаря и исчезла.

В рёкан ворвался новый порыв ветра – он разметал занавески и заставил меня отскочить. Когда я наконец восстановила равновесие, я почувствовала жжение на щеке и коснулась ее рукой.

Пальцы окрасились кровью.

Сердце бешено колотилось. Я выглянула в дверной проем. Ласка сидела на крыше деревянной торговой палатки через дорогу и пристально следила за мной. Ее глаза горели во мраке как угольки. Я отняла руку от неглубокого пореза на щеке.

Она хочет, чтобы я пошла следом.

Больше никто в комнате чужака не заметил. Люди потихоньку вставали и оправлялись после странного ветра, который дважды едва не сбил всех с ног. Я подумала, что если не пойду за лаской, она вернется и набросится на кого-нибудь со своими жуткими лезвиями. К тому же мне было любопытно встретиться с еще одним ёкаем – в отличие от меня чистокровным. Их часто можно встретить в лесах и горах, но большие города и места скопления людей они обходили стороной. И если ёкай-ласка явился мне, на то явно были веские причины.

Вытирая щеку рукавом, я вышла из гостиницы и поспешила на улицы Чочин-Мачи.

Ёкай летел по ветру, временами делая остановки. В полете он сохранял невидимость и только в неподвижности вновь появлялся. Я шла за ним по главной улице, наблюдая за тем, как он перелетает с крыши на крышу, как сильно начинают раскачиваться при его приближении фонари. Когда он пролетал над людьми, они начинали спотыкаться и судорожно хватались за свою одежду или зонтики.

– Ну и погодка! – пожаловался один из прохожих, когда я проходила мимо. – Я и не знал, что в Чочин-Мачи так ветрено.

Потом ласка повела меня по узкой тропе. Фонари над головой раскачивались и подсакивали, и наконец мы завернули за угол и уперлись в тупик. Подхваченная порывом ветра, ласка завертелась в воздухе и исчезла. Я подождала некоторое время, но не дождалась ни зверька, ни ветра. Вокруг было тихо и спокойно; в тупик никто не забредал.

Я нахмурилась. Так, значит, эта ласка просто меня одурачила. И теперь я потерялась. Я огляделась, гадая, смогу ли вернуться в рёкан тем же путем. Едва ли, учитывая, что я не знаю, где нахожусь. Дэнга-сан сейчас от души бы надо мной посмеялся.

Сзади послышалось тихое хихиканье.

- Ну здравствуй, лисичка, - насмешливо сказал незнакомый мне голос. - Гуляешь по опасным переулкам одна-одинешенька?

Я обернулась. На крыше стояла женщина, охваченная лунным светом, высокая и стройная, в элегантном кимоно с рисунками в виде белых ураганов на фоне голубого неба. Волосы у нее были длинные и черные, а пряди, которыми играл ветер, походили на чернильные росчерки. Широкие рукава свисали почти до лодыжек. На меня незнакомка смотрела светлыми, ярко-голубыми глазами.

- Гм... Здравствуйте, - с опаской поприветствовала ее я. - Это ваш переулок? - Женщина не шелохнулась, и я осторожно шагнула назад. Раз она поняла, что я кицунэ, она вряд ли примет незнакомого ёка с распростертыми руками на своей территории. - Я, кажется, заблудилась. Не могли бы вы подсказать мне дорогу?..

Она оглядела меня с головы до ног, и ее полные губы тронула улыбка.

- Вредитель, - отметила женщина, и я нахмурилась. - Грязный и мерзкий вредитель. Совсем как мой камаитати. - Она вскинула руку, и на ней возникла та самая ласка, а меня обдало новым порывом ветра, растрепавшим волосы и одежду. - Но это хотя бы чистокровный ёкай, от которого бывает польза. А ты - просто жалкая полукровка, ведь так?

Я прижала уши к голове.

- Как-то это не слишком вежливо, - заметила я, ощутив на кончиках пальцев кицунэ-би. - Мы ведь только встретились. К тому же лисы - не вредители. По-моему, вы перепутали их с крысами или тараканами. - Я осторожно отступила на несколько шагов. - У вас, должно быть, неудачный день. Что ж, я тогда пойду поскорее...

- О нет, вредитель, никуда ты не пойдешь.

Она сделала рукой резкий выпад, и на меня снова обрушился порыв ветра, взъерошив одежду. Я пошатнулась и почувствовала резкую боль в ноге, будто ее пронзили ножом, хотя удара я не заметила. Все случилось так быстро, что я даже вскрикнуть не успела. Нога ослабела, и я рухнула на землю.

Тяжело дыша, я увидела, что на втором плече женщины появилась еще одна ласка, которая тоже уставилась на меня своими глазами-бусинами. Край серпа, растущего у ласки из передней лапы, был перепачкан кровью.

- Меня зовут госпожа Кадзекира, - представилась она. Ласки на ее плечах не сводили с меня глаз. - Я одна из одаренных ками, в народе меня еще называют ведьмой ветра, а камаитати - это мои приближенные. Так что не

думай, что тебе удастся легко сбежать, маленькая вредительница. – Она погладила одного из камаитати по голове, но в этом жесте не было любви – только власть, и ласка-ёкай съезился от ее прикосновения. Ведьма ветра, казалось, этого не заметила – или не придавала этому значения. – Вижу, ты не только простушка, но и дурочка, – заметила она, потирая ладони, будто они были грязными. – Я тебя сюда заманила не для того, чтобы поболтать. А для того, чтобы убить.

Внутри все похолодело и сжалось.

– Но за что? – спросила я, с трудом поднявшись. Нога болела и жарко пульсировала, и я едва не упала снова. Мое лисье пламя вырвалось наружу, я подняла руку и призвала его на помощь, и на ладони возник голубовато-белый шар. Он не мог сильно навредить даме с ласками, но они, возможно, об этом не знали. – Я ведь ничего не сделала ни вам, ни вашим ласкам. Зачем вам меня убивать?

Ведьма ветра от души засмеялась, волосы яростно взметнулись в воздух.

– Ох, маленький вредитель, – прохихикала она, подняв руку. Камаитати у нее на плечах подобрались, готовясь наброситься на меня, а их лезвия сверкнули. – Если и это тебе непонятно, то ты, право слово, слишком глупа, чтобы жить дальше.

– Как же громко, – со вздохом проговорил новый незнакомый голос у меня за спиной. – Будь так любезна, убей ее тихо. Мы тут, в конце концов, уснуть пытаемся.

Ведьма ветра изумленно опустила руку, и я обернулась на голос. У стены на одной из бочек в тени крыши кто-то сидел. Подняв голову, незнакомец встал и вышел на свет.

Сердце у меня заколотилось – то ли от страха, то ли от восхищения. Передо мной стоял мужчина, высокий и стройный, окутанный серебристым лунным светом. Его широкое безупречно белое кимоно без рисунков, символов и семейных гербов было отделано красным и черным. Волосы у него были невероятно светлые и даже длиннее, чем у ведьмы; они отливали серебром, а цветом напоминали начищенное до блеска лезвие. На спине у него висел поразительно длинный, изогнутый меч. Его ножны на несколько дюймов превосходили длиной ножны катаны, и рукоять тоже была вдвое длиннее. Глаза цвета расплавленного золота с тяжелыми веками лениво посмотрели на меня, а потом на ведьму, возвышавшуюся сзади.

– Ты ужасно шумишь, – тихо проговорил незнакомец, и в его голосе послышалась усмешка, будто бы происходящее очень его забавляло. – Повезло тебе, что люди глухие, а не то тебя бы за много миль услышали. Неужели убить маленькую полукровку в пустом переулке и впрямь так сложно?

– Сейгецу-сама, – прошептала ведьма, уставившись на мужчину. Лицо у нее побледнело, а ветер стих до негромкого шелеста. – Что ты здесь делаешь? Ты знаешь эту вредительницу?

- Полукровку-то? - уточнил незнакомец, и его губы тронула усмешка. - Да нет, я просто оказался тут неподалеку и решил вздремнуть. Продолжай на здоровье. - Он небрежно махнул в мою сторону и пошел восвояси.

Душа у меня ушла в пятки. Я думала, что незнакомец мне поможет. Вид у него был могущественный благодаря золотым глазам и огромному мечу, к тому же ведьма явно его испугалась. Она победно улыбнулась и снова вскинула руку, и ветер опять встрепенул ее волосы и одежды.

- Хотя... - незнакомец вдруг остановился, задумчиво потер подбородок и вновь воззрился на ведьму. - Говорят, камаитати двигаются так быстро, что невооруженным глазом их и не заметишь. Мне всегда было любопытно, так ли это.

Вскинув руку за спину, он снял с себя меч, не вынимая его из блестящих ножен. Придерживая ножны левой рукой, он отвел одну ногу назад, вставая в позу атакующего, а правую руку задержал в нескольких дюймах от рукояти огромного меча.

- Давай сыграем в игру, - предложил он, глядя на ведьму, и губы его скривились в недоброй улыбке. - Ты натравишь своих приближенных на полукровку, а я попытаюсь прикончить их прямо в воздухе. Если камаитати и впрямь такие проворные, как о них судачат, то бояться им нечего. А если нет... - Он пожал стройным плечом. - Ничего ведь страшного, ты же быстро сможешь найти новых, так?

Ведьма ветра застыла на месте. Камаитати, сидящие у нее на плечах, боязливо съежились. В повисшей тишине мое сердце громко заколотилось. Прекрасный незнакомец не шевельнулся, его рука застыла над рукоятью меча, готовая выхватить оружие в мгновение ока.

Наконец Кадзекира вскинула подбородок и хмыкнула.

- Мне бы очень хотелось сыграть в твою игру, Сейгецу-сама, - высокомерно проговорила она. - Только вряд ли мне удастся убедить этих трусливых ласок-вредителей в ней поучаствовать, так что прошу нас извинить. - Она с издевкой взглянула на меня. - Считаю, что тебе повезло, полукровка. Сегодня ты не умрешь. Но Сейгецу-сама не сможет вечно быть рядом и защищать тебя. Мы с камаитати скоро опять с тобой встретимся.

Снова подул сильный ветер, вызвав волну пыли и раскачав фонари. Ведьма поднялась в воздух, складки ее одежды заколыхались, и она полетела прочь. Через миг она исчезла.

Когда ветер стих, я взглянула на незнакомца. Он выпрямился и снова убрал ножны за спину. Ведьма называла его Сейгецу-сама, используя суффикс, который указывал на высокопоставленное положение. Значило ли это, что он - господин или даймё одного из Великих Кланов? Мне казалось очень маловероятным, что я могу встретить настолько важную персону на задворках Чочин-Мачи, но я ведь совсем мало знала о внешнем мире. Может, он решил отправиться на вечернюю прогулку по городу... без самураев и охранников. Все это казалось невероятным, но было ясно одно: каковы бы ни были его мотивы, он появился в самый подходящий момент.

- Апо... - неуверенно протянула я, когда незнакомец поднял ленивый взгляд. Его золотые глаза пригвоздили меня к месту. Я на миг почувствовала себя обнаженной, казалось, он видит меня насквозь вместе со всеми тайнами. Взяв себя в руки, я с трудом изобразила улыбку. - Спасибо!

Уголок его губ изогнулся.

- Да не за что, - ответил он просто. - Считаю, что тебе и впрямь повезло. Мне несвойственно спасать рассеянных лис-полукровок от разъяренных камаитати, но сегодня я решил сделать исключение. - Он окинул меня холодным и насмешливым взглядом. - Ты же знаешь, почему Кадзекира тебя выследила?

Откуда ему известно о свитке? И раз уж на то пошло, откуда Кадзекира это знает? Я сглотнула, чувствуя плечом узкий ящичек, спрятанный в фурсики.

- Честно сказать, понятия не имею.

Он изогнул серебристую бровь.

- Полукровка, придется тебе научиться врать убедительнее, если жить охота, - заметил он. - Кругом полно искателей свитка, готовых на все, чтобы его заполучить. - Услышав эти слова, я напряглась, и он фыркнул, покачав головой. - Да не бойся. Дракон, желая, ты - все это меня совершенно не интересует. Но хотел бы дать тебе маленький совет: не рассказывай убийце демонов о Кадзекире.

Я наострила уши. Так он и о Тацуми знает? Кто же он такой?

- Почему?

Он сверлил меня чарующим взглядом золотых глаз.

- Потому что сильные ведьмы, одаренные ками, просто так не нападают на обыкновенных простолюдинок, особенно в городах. И убийца демонов прекрасно это знает. Если ты ему расскажешь, что тебя хотели убить ведьма ветра и ее камаитати, ему непременно захочется выяснить, с какой стати они за тобой охотились. И что ты ему на это скажешь?

Я охнула и прикусила губу.

- Ваша правда.

Незнакомец кивнул и пошел восвояси, но вскоре остановился и скосил на меня глаза.

- Думаю, это не последняя твоя встреча с Кадзекирой, - предупредил он. - На случай, если вы вновь встретитесь, а убийца демонов не сможет тебя защитить, запомни вот что. - Он вскинул руку и показал мне три длинных изящных пальца. - Камаитати всегда держатся по трое. Их скрепляет нерушимая верность, и если одному угрожает опасность, другие два делают все, что в их силах, чтобы спасти брата или сестру. Запомни это и подумай, почему у Кадзекиры только двое приближенных. Sayonara[22].

Не успела я ничего ответить, как он решительно зашагал по тропе и растворился во мраке.

Идти было больно. Стиснув зубы, я заковыляла вдоль стены, при каждом движении чувствуя мощную пульсацию в ноге. Я осторожно приподняла край кимоно, ожидая увидеть огромную рану с капающей на землю кровью. След от укуса – узкая прямая царапина прямо над коленом – нашелся довольно быстро. С виду рана была довольно глубокой, но не кровоточила.

Когда я с трудом вышла на главную улицу, передо мной мелькнула тень, и неожиданно ослепительное лезвие меча перекрыло мне путь. Застыв на месте, я подняла глаза и посмотрела в бесстрастное лицо Тацуми.

Я отшатнулась, когда он подался вперед; его страшный меч, повисший между нами, отбрасывал бледный отсвет на его лицо. Влетев спиной в стену, я поморщилась и охнула, ощутив горящую боль в ноге.

– Ite! – простонала я. – Ай!

Лезвие, застывшее было у моего горла, опустилось на несколько дюймов, и Тацуми нахмурился, оглядывая меня.

– Ты ранена, – заметил он, и его ледяная ярость утихла. – Что случилось?

– На меня... э-э-э... на меня напали, – запинаясь, ответила я. Помня совет Сейгецу, я судорожно подыскивала слова. – Я хотела снять комнату в гостинице, но потом подул этот странный ветер и... и что-то меня ударило. Я бросилась бежать, и оно загнало меня сюда.

– И где оно сейчас?

– Оно было невидимым, – продолжила я, и он сощурился. – Или очень шустрым. Я никого не видела, когда почувствовала, что меня ранили. Но потом подняла глаза и заметила... ласку, у нее из лап торчали ножи. Она сидела на краю крыши.

– Камаитати? Здесь? – Тацуми отступил на шаг и оглядел переулок и крыши ближайших домов. Его меч восторженно полыхнул, но в тенях вокруг нас никого не было.

– Кама... итати? – повторила я, сделав вид, что впервые слышу это слово. – А кто это?

– Ласки с лапами-серпами, – ответил Тацуми, продолжая пристально осматриваться. – Ёкаи, которые перемещаются по ветру. По легенде, они всегда ходят по трое и защищают свою территорию особым образом – один сбивает незваного гостя с ног, второй его ранит, а третий прикладывает к ране лекарство, чтобы жертва не погибла от кровопотери. Все это происходит почти одновременно, и потому жертва даже не замечает, что на нее напали, пока не обнаруживает кровоточащую рану. – Он отвел взгляд от крыш и оценивающе осмотрел меня. – Но на деле у камаитати выделяется секрет из железа, которым они покрывают свои когти, и потому после их

нападения рана начинает кровоточить не сразу. Они, как правило, встречаются куда севернее – ни разу не слышал, чтобы они нападали на людей в городе. Ты точно ничего не напутала?

– Нет, я точно видела ласку с гигантскими ножами, растущими из передних лап! – уверенно заявила я. Я была рада тому, что он мне верит. Рассказывать ему о Кадзекире было страшно. Лучше объяснить все внезапным нападением ёкая, а себя выставить беспомощным невезучим туристом, которого угораздило оказаться не в том месте и не в то время. – Это были не слишком обходительные ласки, – проворчала я, поморщившись, когда ногу обожгла новая волна боли. – Камаитати всегда такие своенравные, или это мне не повезло?

Тацуми со вздохом убрал меч в ножны.

– Идти можешь? – спросил он, не глядя на мою рану. Я кивнула и оттолкнулась от стены. Боль вспыхнула в ноге с новой силой, и я чуть не потеряла равновесие, но стиснула зубы и похромала за Тацуми.

По пути в рёкан я постоянно была начеку – не подует ли вновь неожиданный ветер, не появятся ли ёкаи. Тацуми медленно шел впереди, подстроившись под мою скорость, но не убирал руки с рукояти меча. Я оглядывала крыши, тени и толпы Чочин-Мачи в поисках женщины с длинными волосами, развевающимися на ветру, но даже если Кадзекира со своими саблелепными ласками была где-то поблизости, то умело скрывалась.

Вернувшись в рёкан, мы по обычаю разулись при входе и пошли искать нашу комнату. Снедаемая любопытством (как, интересно, выглядит комната в рёкане?), я решительно переступила порог – но за дверь обнаружился совершенно обычный номер. Комната с коричневато-желтыми стенами, плотными татами, маленьким альковом и вазой с цветком ириса аямэ была элегантна в своей простоте. Кроватей в номере не было, а вытаскивать футоны[23] из шкафа было еще слишком рано, поэтому посреди комнаты стоял низенький столик, а на нем – поднос с чайником и чашечками. Из чайного носика поднимался пар.

Тацуми закрыл дверь, снял соломенные гостиничные сандалии и поставил их у двери. Я последовала его примеру, и он кивнул мне на одну из подушек, лежащих у стола.

– Сядь, – приказал он, не объяснив зачем и что собирается предпринять. Я послушно и осторожно присела на синюю подушку, стиснув зубы, – нога по-прежнему отзывалась острой болью на любое мое движение.

Тацуми опустился на колени по ту сторону стола, нырнул рукой себе за пояс и достал небольшого размера сверток из цветной бумаги – он мог бы поместиться у меня на ладони. Затем положил сверток на стол и осторожно развернул. Внутри оказалась небольшая горка незнакомой мне зеленоватой пыли. Я зачарованно наблюдала, как он наливает в чашку кипяток, а потом аккуратно добавляет воду в порошок.

– Что... что это такое? – спросила я.

Не обращая на меня никакого внимания, Тацуми принялся смешивать зеленую пыль с водой, пока не получилась паста. Осторожно взяв ее в ладонь, он посмотрел на меня. Взгляд сияющих фиолетовых глаз встретился с моим, и по телу пробежала дрожь.

– Куда тебя ранил камаитати?

Я замешкалась, чувствуя, как ускорился стук сердца под кимоно. Он был так близко! Свиток надежно спрятан под фуросики у меня за плечом, но вдруг он его заметит? Вдруг подберется так близко, что почувствует его присутствие?

Тацуми не шелохнулся, ожидая моего ответа. Его глаза не выказывали никаких чувств, лицо оставалось бесстрастным. Я помедлила немного, а затем осторожно приподняла подол кимоно и показала ему длинную, прямую рану на бедре. Она была ярко-красной, выглядела устрашающе и болела, как десяток осиних укусов, но крови по-прежнему не было. Почему-то от того, что я на нее взглянула, боль только усилилась.

Тацуми даже не поморщился. Плавным движением он обмакнул в зеленую жижу два пальца, потянулся ко мне и уверенно нанес ее на рану.

– Ите! – простонала я и отдернула ногу от одновременно внезапной, головокружительной боли и небрежности человека, сидящего напротив меня. Он посмотрел на меня с удивлением, будто не понимая мою реакцию.

– Это целебная мазь, – пояснил он. – Она ослабит боль и защитит рану от заражения. – Он потянулся к моей ноге, но я снова отпрянула, и он нахмурился. – Тебе что, не нужно лекарство? Необходимо залечить рану как можно скорее, иначе пойдет кровь. Дай мне посмотреть.

– Мне очень больно, – процедила я, вновь приподнимая подол и обнажая перед ним рану. – Может, тебя, Тацуми, ёкаи с серпами уже ранили, но со мной такое впервые, и мне больно. Пожалуйста, будь поласковее.

– Поласковее, – повторил он и снова озадаченно взглянул на меня, как будто впервые слышал об этом понятии.

– Ну да. По-доброму. Нежно. Не так, чтобы мне казалось, что нога вот-вот отвалится, – пояснила я, но взгляд у него по-прежнему оставался непонимающим. Я помрачнела. – Ты что, никогда до этого не лечил раны?

– Лечил, разумеется. Но задача всегда состояла только в том, чтобы как можно быстрее и эффективнее добиться улучшения. Показывать боль – это слабость, ведь все сразу видят твое состояние, а враги могут воспользоваться твоей уязвимостью.

– Вот оно что. – Я начинала лучше понимать моего хмурого и опасного спутника. – Мне кажется, нас по-разному воспитывали.

Он склонил голову и оценивающе поглядел на меня фиолетовыми глазами.

– Тебя не наказывали за проявление слабости после ранения?

– Нет. Дэнга-сан как-то сказал, что нет нужды наказывать меня, если я поранюсь во время своих дурацких выходов, потому что раны как раз и научат меня не повторять этих глупостей.

Тацуми нахмурился.

– Не понимаю.

– Так, например, я узнала, что не стоит лазать по крыше храма в полночь, да еще и в ливень. И что если хочешь выскочить из шкафа и напугать мастера боевых искусств, будь готов увернуться от удара. А если хочешь спрятаться от разъяренного медведя на дереве, сперва проверь, нет ли там осиных гнезд.

Тацуми молча глядел на меня с легким изумлением. Я вздохнула.

– Учитель Исао учил нас проявлять доброту и терпение во всем, особенно когда кто-то ранен, – продолжила я. – Он говорил, что забота о душе не менее важна, чем забота о теле. – Пока я всматривалась в суровое, ничего не выражающее лицо Тацуми, меня вдруг посетила страшная мысль. – К тебе что, никто никогда не был добр, да?

– У тебя кровь идет, – сообщил Тацуми, и я, замолчав, опустила взгляд на ногу и увидела, что по коже побежала алая струйка. Тацуми быстро прижал к порезу кусочек ткани, пока кровь не капнула на пол, и я заскрипела зубами от боли. Пока он промывал и перевязывал рану, разговоры стихли. Возможно, на этот раз он действовал чуть аккуратнее, но нежности в его движениях не было.

К счастью, вскоре принесли еду: миски с рисом, подносы с маринованной капустой и глубокий черный горшок, под крышкой которого оказалась густая горячая похлебка с мясом и овощами – от одного ее вида в животе заурчало. Тацуми назвал это блюдо «набэ», и я с такой жадностью съела его, что под конец трапезы не смогла бы проглотить и грибочка. На этом ночные опасности не закончились. После ужина, когда со стола убрали поднос, я увидела в его блестящей поверхности свое отражение – желтые глаза и острые ушки на фоне темного дерева. К счастью, в тот момент Тацуми глядел вслед служанке и не заметил, как во мне проступила кишунэ. Я отсела в угол комнаты, сославшись на боль в ноге, и впредь старалась держаться как можно дальше от предательской поверхности стола.

Вскоре в комнату снова пришла служанка – чтобы расстелить на полу futоны. Когда я забралась под одеяло, Тацуми погасил свет. Я украдкой нащупала лакированный ящичек под фуросики и удостоверилась, что он на месте, а потом еще долго лежала в темноте, думая про камаитати, ведьм ветра и разных демонов, охотившихся за свитком.

И о Тацуми. О Каге Тацуми, убийце демонов из Клана Тени. О юноше, который ничего не знает о добре, сочувствии и милосердии. О юноше опасном и беспощадном, способном убить любого, кто перейдет нам дорогу, – будь то человек, демон или ёкай. О юноше, который не догадывается, что главная цель его миссии сидит от него в каких-то десяти футах. Если он узнает, что свиток у меня...

Я вздрогнула и затянула ткань на плече чуть крепче, чувствуя под пальцами твердый и длинный футляр. Я понимала, что его стоит бояться; что он, вне всяких сомнений, убьет меня, если узнает, что я ему солгала. Не только о свитке, но и о своей истинной природе. И хотя я была ёкаем лишь наполовину, я сильно сомневалась в том, что убийца демонов из Клана Тени по-доброму отнесется к кицунэ, которая все это время притворялась обычным человеком.

Тацуми и впрямь был опасен, и я это понимала. Но в то же время чувствовала к нему... жалость. И ничего не могла с этим поделать. Он не умел смеяться, улыбаться, веселиться. Ему были неведомы простые радости – он не умел беспечно хохотать, танцевать, видеть красоту вокруг. Его жизнь казалась мне до ужаса скучной. Сегодняшний недолгий танец, вне всяких сомнений, улучшил мне настроение, и я помнила о том, что учитель Исао и остальные монахи не хотели бы, чтобы я чувствовала себя несчастной. Смогу ли я показать Тацуми, как прекрасна жизнь? Может, тогда он перестанет быть таким угрюмым и пугающим? Ему не мешает улыбаться время от времени. Нужно мне этим заняться.

Я заметила, что Тацуми не лег на футон, а предпочел спать в углу, лицом к двери, прислонив меч к ноге. Когда я проснулась рано утром, он сидел там же.

12. Медведь-демон Суймин-Мори

На следующее утро искусственная магия Чочин-Мачи рассеялась вместе с ночной темнотой.

Мы с Юеко покинули гостиницу на рассвете, еще до того, как солнце поднялось над далекими горами. Озаренные серым предутренним светом, улицы казались почти пустыми, а красные фонари, висящие в воздухе, – темными и безжизненными. Лавочки тоже были закрыты, свет в них не горел; но прошлой ночью я успел прикупить кое-какие припасы в дорогу на несколько дней – пополнил мешочек с рисом и достал нескоропортящиеся продукты. Но вот запас монет начал потихоньку иссякать, особенно после незапланированной остановки в рёкане. Будь я один, я бы не стал затеваться с гостиницей. Юеко вынуждала растрачивать неожиданно много денег и времени.

Ну так убей ее.

Я рефлекторно подавил в себе чувства и закрыл от меча свое сознание, чтобы ему было не за что уцепиться. Жажда крови во мне пропала, как и враждебность к Юеко, и все внутри застыло и заледенело.

Юеко зевнула и прикрыла рот ладонью. Она шла рядом, почти не обращая внимания на ногу. Целебная мазь из тайных болеутоляющих ингредиентов, созданная лучшими знахарями в Ивагото, делала свое дело.

– Сейчас город выглядит совсем не так, как прошлой ночью, – заметила она, разглядывая опустевшие улицы. – Видимо, он оживает только с наступлением темноты. Жаль, что мы так скоро уходим, – мне бы хотелось еще тут погулять. Только чтобы на меня при этом не нападали ласки с серпами, само собой. – Она посмотрела на меня и улыбнулась. – А что они любят, Тацуми-сан?

– В смысле?

– Ну, если мы еще раз с ними столкнемся, может, их чем-нибудь угостить и тогда они нас пощадят? – Она склонила голову набок. – Ты ведь столько всего знаешь о демонах и ёкаях. Что они любят? Может, жареный тофу? Я вот очень его люблю.

– Без понятия.

Она вздохнула.

– А если бросить им рисовый шарик и посмотреть, что будет?

К тебе что, никто никогда не был добр, да?

Ее слова, сказанные вчера вечером, отдавались в голове звучным эхо, преследуя меня, но я отмахивался от них. Доброта? Доброта – это уязвимость, роскошь для тех, кто не охотится за демонами. Чтобы быть добрым, нужно позабыть о предосторожностях, а я не мог себе этого позволить, особенно с Хакаимоно, который спешил взять надо мной верх, стоило мне отвлечься. Мои бесчисленные учителя – мужчины и женщины, тренировавшие меня, – прекрасно это понимали. Я был оружием клана, не более. Доброте в моей жизни не было места.

На выходе из Чочин-Мачи я заметил на гирлянде из фонариков ворону. Я гадал, не связан ли мой загадочный наблюдатель и нападение на Юмeko, и если да, то где и когда враг объявится снова.

Я был полностью готов к встрече с ним.

Когда солнце поднялось в зенит, мы уже покинули Чочин-Мачи и шли вдоль реки Хотару к северу, в сторону столицы. Через несколько миль равнины и зеленые поля сменились гористой местностью, и тропа отклонилась от берега и повела нас в горы.

На подходе к лесу Юмeko неожиданно остановилась. Ее внимание привлек старый дорожный знак, воткнутый в землю.

– «Это лес Киба-самы, – медленно прочитала она – знак был старый и облезлый, и слов было почти не разобрать. – Соблюдайте тишину. Опасайтесь Киба-самы». – Она нахмурилась и посмотрела на меня. – Кажется, это кто-то очень опасный. Кто такой Киба-сама? Ты знаешь, Тацуми?

Да, я знал. Мое обучение включало и внимательное изучение историй и легенд обо всех демонах, ёкаях и духах, живущих в нашей стране.

– Киба-самой местные жители называют оникуму, медведя-демона, который поселился в этом лесу, – пояснил я. – По легенде, если сложить рост двоих мужчин, Киба-сама все равно окажется выше, поговаривают, что он такой огромный, что хватает лошадей одной лапой и утаскивает их к себе в берлогу, где и съедает.

Глаза у Юмeko округлились, она стала внимательно оглядывать край леса.

– Как интересно! Но он, судя по всему, не слишком любезен. Что, если мы на него наткнемся?

– Это маловероятно. Киба-саму вот уже почти двадцать лет никто не видел. Но идти и впрямь лучше осторожно. – Я вновь поглядел на дорожный знак. – По легенде в глубине леса есть пещера, куда не осмеливаются забредать животные. Даже птицы не поют на окрестных деревьях. В ней последние двадцать лет и спит Киба-сама. Поэтому идти через лес нужно тихо и осторожно, иначе разбудишь огромного медведя-демона Суймин-Мори, до смерти голодного после двадцатилетней спячки.

– Вот оно что, – проговорила Юмeko, поглядев на лес, и кивнула. – Идти тихо. Это я умею. Даже листик не почувствует, что я на него наступила.

Мы вошли в лес, и вокруг нас сомкнулись деревья – высокие сосны и секвойи, закрывавшие ветвями небо, из-за чего в лесу было темно и холодно. Мы пошли по тропе, которая вела через заросшие мхом валуны, упавшие деревья, меж стволами древних гигантов, и пересекли те участки леса, где солнце никогда не касалось земли. Здесь было до непривычного тихо; как и рассказывала легенда, на деревьях не пели птицы, кругом не гудели насекомые, по кустам не скакали олени и зверьки поменьше. В воздухе висело зловещее напряжение, едва уловимая аура страха, которая целиком заглушала лес.

Мы вышли к ущелью – к косой расщелине в земле, на дне которой виднелось пересохшее русло реки. На противоположную сторону ущелья можно было перебраться по хлипкому деревянному мостику, который тихо раскачивался в воздухе. У одного из столбиков моста стояло святилище Дорошина, бога дорог и путешествий, фундамент был усыпан монетами и засохшими цветами. Пока Юмeko ходила к самому краю ущелья и глядела вниз, на реку, я положил на фундамент медный каэру[24], закрыл глаза, соединил ладони и коротко помолился Дорошину о безопасном путешествии. Я отнюдь не был уверен, что боги услышат молитву убийцы, особенно учитывая тот факт, что мои руки были запятнаны кровью и перепачканы грязью, но перестраховка не бывает лишней. Пусть лучше Ками не услышит твоей молитвы, чем разозлится на тебя или найдет несчастья.

Открыв глаза, я с удивлением увидел, что Юмeko стоит рядом, плотно прикрыв веки и соединив ладони. Потом она опустила руки, сделала шаг назад и повернулась ко мне с улыбкой.

– Раньше я каждый вечер молилась Дорошину, – пояснила она, бросив быстрый взгляд на святилище. – Я всю жизнь мечтала о путешествиях, мечтала покинуть храм и посмотреть, что творится за его пределами, хотя мне было страшно. Я просила Дорошина помочь мне. – Она со вздохом поглядела на мост и на то, что виднелось за ним.

Глаза у нее потемнели, лицо омрачилось, но она быстро зажмурилась, взяла себя в руки и вернула лицу привычное выражение.

– Конечно, мне хотелось, чтобы все вышло иначе, – пробормотала она. – Однако я теперь в пути, как и просила. Я подумала, что надо бы поблагодарить его на всякий случай. – Она окинула меня любопытным взглядом, вновь склонив голову. – А вот ты совсем не похож на молитвенника, Тацуми-сан!

– Ками видят всех, – просто ответил я. – От их надзора не укрыться, к тому же мой меч носит имя Убийцы богов, и потому я стараюсь лишний раз их не обижать.

Мы пошли через мост. Старые деревяшки поскрипывали и пошатывались под нашими шагами. В расщелине завывал ветер, раскачивая мост, но веревки были толстыми и крепкими и выдерживали этот натиск.

Когда мы дошли до середины моста, внезапный порыв ветра с силой всколыхнул дощечки. Я припал на колени, чтобы сохранить равновесие, а Юмеко вскрикнула и крепко схватилась за веревочные перила. Когда ветер ослаб и мост перестал раскачиваться, над ущельем разнесся визгливый, пронзительный хохот, и я посмотрел на край обрыва.

На той стороне, куда мы направлялись, стояла женщина, преграждая нам путь. Высокая и стройная, с длинными черными волосами, в деревянных сандалиях гэта и сине-белом кимоно, едва прикрывавшим ее тело. Холодный взгляд ее ярко-голубых глаз был прикован к нам.

Я присел на корточки и схватился за рукоять Камигороши, и тот радостно вспыхнул. Женщина улыбнулась.

– Грозный убийца демонов Каге, – проговорила она, все улыбаясь. – Хозяин знаменитого Камигороши. Весьма о вас наслышана. Позвольте представиться. – Она насмешливо поклонилась. – Меня зовут госпожа Кадзекира, ведьма ветра Воющих Гор, и я давно вас поджидаю.

Ведьма ветра. Стало быть, камаитати – ее приближенные. И нападение на Юмеко – отнюдь не случайность, а угроза или предупреждение, нацеленные именно на меня.

Я шагнул к ведьме, крепче сжимая рукоять меча.

– Если знаешь, кто я такой, то наверняка догадываешься, что произойдет, если ты на меня нападешь, – предупредил я. – Уходи, иначе я тебя пополам перережу.

Ведьма рассмеялась.

– Как-то это невежливо, Каге-сан, – заметила она, и ее голос разнесся по ущелью гулким эхо. – Угрожать человеку, с которым только что познакомился, тем более женщине. Это непростительно грубо. Тебя что, совсем не учили хорошим манерам?

Ветер закружил вокруг ведьмы, раздувая рукава кимоно и подхватывая длинные волосы. Юмeko ахнула и схватилась за веревки, чтобы вернуть равновесие, когда мост вновь начал опасно раскачиваться и подсакивать, будто корабль в море. Я удерживался на ногах, распределив вес так, чтобы не упасть на шатких досках.

Ведьма ветра взмыла в воздух и улыбнулась нам. Ветер бешено трепал ее кимоно.

– Нет, я не настолько глупа, чтобы вступать в битву с самим убийцей демонов. Терпеть не могу вида крови. Однако, боюсь, пропустить вас дальше я не могу. – Вскинув руку, она шелкнула пальцами, и ветер задул еще сильнее. – Камаитати, слушать мою команду. Перегрызите веревки – посмотрим, умеют ли они летать.

– Юмeko! – крикнул я, повернувшись к своей спутнице. – Беги! Убирайся с моста!

Снова послышался вой ветра, и веревки, державшие нашу сторону моста, лопнули. Дощечки вздыбились, и Юмeko вскрикнула от страха – а затем мы пулей полетели вниз.

Пока мост падал, я успел развернуться, дотянуться до девушки и обхватить ее за талию. Другой рукой я поймал одну из веревок и схватился за нее крепче, пока мы летели к скале вместе с уцелевшей частью моста. Юмeko ахнула и судорожно схватилась за мою рубашку, увидев, что мы летим прямо в стену ущелья.

– Держись крепче! – прорычал я и развернулся так, чтобы защитить ее своим телом. Мы врезались в стену, но, к счастью, не в камни, а в кусты; часть моста загремела и запрыгала рядом. Этот удар выбил из легких весь воздух и едва не оторвал мне руку – я с трудом удерживал и девушку, и веревку.

Стиснув зубы, я посмотрел наверх, на край обрыва, видневшийся футах в тридцати над нами, и повернулся так, чтобы можно было упереть одну ногу между досками. Давление на руку ослабло, и я посмотрел на свою спутницу.

– Юмeko, – процедил я сквозь зубы, и она уставилась на меня огромными черными глазами. Одной рукой она вцепилась мне в хаори, а второй крепко держалась за фуросики, повязанную у нее на груди. – Нам придется лезть наверх. Сможешь схватиться за веревку?

Она решительно кивнула. Потянувшись, она взялась за веревку, но не успела залезть на нее, как писклявое хихиканье вновь разнеслось по ущелью, а доски сотряс очередной порыв ветра.

Ведьма подлетела к краю ущелья.

– Вот это затруднительное положение, ничего не скажешь, – с издевкой заметила она. – Каге-сан, если ты отпустишь девчонку, ты, вероятнее всего, справишься с этой загвоздкой. Само собой, она разобьется насмерть, но какая разница, правда? Знаменитого убийцу демонов это волновать не должно. – Она вновь захихикала, и на плече у нее появилась крупная коричневая ласка, которая принялась внимательно наблюдать за нами

красными глазами-бусинками. – А вообще я хочу предложить тебе сделку, Каге-сан. Отдай мне свиток, и мы с камаитати уйдем.

Я почувствовал, как напряглась Юмeko и как заколотилось сердце у меня самого, и нахмурился. Так, значит, ведьма тоже охотится за свитком. Может, именно она и подослала демонов в храм.

– У меня его нет, – сказал я.

– Эх, Каге-сан, какая скука, – заявила ведьма, скрестив на груди руки. – И какое разочарование. Ну что ж, не хочешь по-хорошему – будет по-плохому. Передавай от меня привет Киба-саме.

Оставшиеся веревки порвались. Юмeko вскрикнула и зарылась лицом в мою рубашку, когда часть моста вновь понеслась к стене обрыва – и мы вместе с ней. Я развернулся, опустив голову и ссутулив плечи, чтобы большая часть удара пришлась на меня. Несколько мгновений мир проносился мимо на головокружительной скорости, но вскоре замер.

Я выпрямился и огляделся. Мы упали на дно ущелья; остатки моста валялись в кустах вокруг нас. Тело у меня ломило – и от удара о скалу, и от скольжения вниз по стене, но переломов не было, ссадины заживут. Куда больше меня тревожил вид девушки, лежавшей с закрытыми глазами. Если она мертва, дорогу к храму Стального Пера мне придется искать в одиночку.

– Юмeko, – позвал я. Отбросив с ее лица темные пряди, я увидел тонкую струйку крови, стекающую по ее виску. Внутри затянулся ледяной узел страха, и я потряс ее за руку. – Ну же. Вставай.

Она со стоном приоткрыла один глаз.

– Мы что, умерли?

Мена накрыло волной странного облегчения, а холодный ужас внутри рассеялся.

– Нет, – тихо ответил я, поднимаясь на ноги. – Но ведьма все еще здесь. Нужно...

Я резко замолчал, разглядев, что находится по ту сторону ущелья.

– Тацуми? – позвала Юмeko, уже успевшая встать на ноги у меня за спиной. – Ты ее видишь? Где...

Я потянулся к ней, схватил за руку и прижал палец к губам. Она тут же затихла, уставившись на меня, а потом проследила за моим взглядом и увидела то, что так меня насторожило.

По ту сторону реки, где-то в сорока ярдах от нас, зиял черный вход в пещеру. Берег рядом был весь усыпан костями, белыми и блестящими, а изнутри тянуло странным зловонным запахом.

Юмeko ахнула, а потом зажала рот ладонью, припоминая надпись на табличке. «Соблюдайте тишину. Опасайтесь Киба-самы».

Звонкий смех и новый порыв ветра ознаменовали появление ведьмы. Она зависла в воздухе над нами, ее длинные волосы и кимоно вздымались вокруг нее.

– О, нет-нет-нет, Каге-сан, – злобно проговорила она. – Куда это ты собрался? Я проделала столь долгий путь вовсе не для того, чтобы наблюдать, как ты сбежишь, словно перепуганный грызун. – Она посмотрела в сторону пещеры, улыбнулась и набрала побольше воздуха. – О, Ки-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-ба-сама! – истошно прокричала она, и меня передернуло. Ее голос эхом разнесся по ущелью, отскакивая от стен, а неприятный запах у входа в пещеру, казалось, начал густеть. – Ты слишком долго спишь! Вставай, вставай! Я тебе новых друзей привела, иди поиграй с ними!

Из пещеры донеслось низкое утробное рычание, от которого Юмeko вздрогнула.

– Ну же, ну же, Киба-сама! – крикнула ведьма. – Выходи! Ты, наверное, страшно проголодался после такого долгого сна! Смотри, кого я тебе привела!

Послышался новый кашляющий рык, а за ним тяжелые шаги, от которых задрожала земля. Я покорно повернулся, а Хакаимоно радостно вспыхнул. Из пещеры показалось гигантское лохматое существо, издавшее такой рев, что стены ущелья сотряслись.

– Киба-сама, – ахнула Юмeko, когда жуткое создание поглядело на нас в приступе неумолимого голода. Медведь-демон Суймин-Мори был вдвое больше своих обыкновенных собратьев и обладал широкими плечами и огромными когтями на передних лапах, которыми без особого труда мог расколоть и камни. Из шкуры у него торчали поломанные стрелы и копья. Он встал на задние лапы, возвышаясь над нами, и в его глазах полыхнуло красное пламя.

– Юмeko, – позвал я. – Держись в стороне. Найди, где можно спрятаться, и не двигайся, пока опасность не минует.

– Ты же не станешь драться с этим великаном, да?

– Я справлюсь. – Я схватил рукоять меча, чувствуя, как внутри пульсируют жажда крови и возбуждение. – Это моя работа.

Я выхватил Камигороши и ощутил прилив демонической силы, почувствовал, как он взвыл во мне, когда я обнажил меч. Юмeko спряталась у меня за спиной, а Киба-сама с ревом бросился в нашу сторону, двумя гигантскими прыжками преодолев расстояние между нами. Он замахнулся и попытался было ударить меня, но я успел отскочить. Огромная лапа врезалась в камни и сотрясла землю под ними. Киба-сама извернулся с удивительной для его неповоротливого тела проворностью и снова ударил. Я опять увернулся от смертоносных когтей и бросился на него с мечом. Лезвие глубоко вошло в его косматую шкуру, но не успело оставить и царапины – мне пришлось быстро отскочить назад. Хакаимоно разочарованно зарычал.

Проклятье, у него слишком густая шерсть. Чтобы нанести смертельный удар, нужно подойти ближе.

Киба-сама заревел и встал на задние лапы. Я проворно отскочил, когда он попытался навалиться, задавить меня весом своего многотонного тела из мощных мускулов, костей и плоти. Поднявшись на ноги, я достал единственный кунай, который был у меня при себе, и кинул его в демона. Кинжал полетел напрямик демону в лоб, но отскочил от массивного черепа, не поранив, а только взбесив медведя.

Киба-сама вновь с ревом кинулся на меня, и я опять увернулся. Но пока он ко мне приближался, по ущелью пролетел мощный порыв ветра, и что-то ударило меня сзади, оставив пылающую рану на спине. Я пошатнулся и едва успел отскочить в сторону, когда Киба-сама нанес новый удар по стене ущелья, пробив огромную дыру там, где были скалы и кусты.

Над головами у нас пронесся смех ведьмы.

- Ты был на волоске, Каге-сан, - насмешливо заметила она, когда я бросил на нее взгляд. В нескольких ярдах от меня Киба-сама медленно попятился и помотал головой, стряхивая пыль и камешки. Ведьма ветра опять рассмеялась. - Стоит оставить без внимания моих камаитати - и они разрежут тебя на кусочки. Стоит оставить без внимания Киба-саму - и он сожрет тебя в мгновение ока. Интересно, как же ты собираешься... ите!

В воздухе засвистел булыжник размером с кулак и с силой ударил ее по голове. Прижав ладонь к виску, ведьма уставилась на противоположную сторону ущелья, где стояла Юмеко, сжимая в худенькой руке камень.

- Вы слишком много болтаете, - зло проговорила девушка. - И голос у вас противный такой. Камаитати! - выкрикнула она, и ведьма застыла в ярости. - Послушайте меня. Я знаю, что на самом деле вы хотите другого. Вас просто обманывают, вас сделали приближенными против вашей же воли. Помогите нам, и я сделаю все, чтобы вас освободить!

- Замолчи, вредитель, - бросила ведьма и резко вскинула руку. Вихрь ветра с воем подхватил Юмеко и ударил ее о стену ущелья. Девушка вскрикнула и безвольно рухнула на камни.

Юмеко. Я сжал кулак, понимая, что не могу сейчас броситься к ней, ведь нас разделяет огромный медведь. Ведьма презрительно хихикнула, отвернувшись от обмякшего девичьего тела.

- Не надо воображать, будто понимаешь наше положение, - заявила ведьма. - Камаитати мои, и останутся моими независимо от того, что ты там себе напридумывала.

Киба-сама снова набросился на меня, замахнувшись огромной лапой и попытавшись прижать меня к стене ущелья. Я вновь увернулся и хотел было убежать от него вдоль стены, но ноги двигались как-то странно, по ним разлилась непривычная слабость, а тело охватила дрожь. Киба-сама развернулся и нанес новый удар. Я рассек мечом огромную морду, и медведь с воем отпрыгнул. Из носа у него хлынула кровь.

- Ого-го, да ты нарываешься на драку, Каге-сан! - хихикнула ведьма. - Кстати, странного самочувствия не пугайся. Это яд с когтей моих камаитати

– он уже начинает тебя парализовывать. Через несколько минут ты вообще двигаться не сможешь. Поблагодари Киба-саму за то, что так замечательно тебя отвлек. Если бы не он, мои камаитати не смогли бы так близко к тебе подобраться.

Яд. Черт возьми. Ноги у меня онемели, и передвигать их было крайне трудно; начало покалывать пальцы. Киба-сама решительно пошел на меня; по морде у него стекали кровь и слюни, глаза горели безумием. Хакаимоно взъярился на меня, принялся крушить барьеры моего сознания, стремясь вторгнуться, ворваться в него.

«Впусти меня, – яростно выль он у меня в голове. – Иначе погибнешь! Впусти меня в свои мысли!»

– Нет, – пробормотал я сквозь стиснутые зубы и поднял меч. – Еще не время.

С очередным душераздирающим рыком Киба-сама вновь меня атаковал. На этот раз я не отскочил в сторону, а начал пятиться, уклоняясь от острых зубов и когтей и обрушивая удары при любой возможности. По ущелью гулко разнесся ведьмин смех, стремительный вихрь ударил меня в ногу, и я пошатнулся, а затем упал на спину, и Киба-сама тут же бросился на меня, раскрыв огромную пасть, чтобы перекусить меня пополам.

Пора, Хакаимоно!

По лезвию пробежал алый огонь, подсветив символы, вырезанные на стали. Меч ослепил медведя белоснежным светом, и тот отшатнулся, встревоженно фыркнув. Меня наполнила невероятная сила, которая выжгла из меня слабость хилого человеческого тела, и я с ревом набросился на Киба-саму, перескочив через мощную переднюю лапу и оказавшись у него между плеч. Из шкуры у него торчали стрелы и копья. Я поднял меч повыше, повернув его лезвием вниз, и со всей силы всадил демону в шею.

Киба-сама взревел и встал на задние лапы. Он принялся неистово трясти головой в попытках сбросить меня. Я схватился за кончик копья, торчащего из его шкуры, и всадил меч еще глубже, а медведь все ревел и подпрыгивал. Я бросил быстрый взгляд на Юмеко, лежащую на земле, и тут Киба-сама резко повернулся и слепо ринулся к ней.

Нет, ты ее не тронешь! Я всадил меч еще глубже, и острие вышло с другой стороны медвежьей шеи, проткнув ее насквозь. Киба-сама хрипло застонал и повалился вперед с глухим ударом, эхо которого моментально разнеслось по всему ущелью. По его огромному телу несколько раз пробежали судороги, когти глубоко вонзились в землю, а потом великий медведь-демон Суймин-Мори испустил дух и застыл.

Я высвободил Камигороши и поднялся, ощущая дикую радость меча, черпающего наслаждение в битве, в насилии, в кровопролитии. По моим венам бежали сила и адреналин, но я, как и всегда, чувствовал, как скребутся в мое сознание невидимые когти Хакаимоно, который пытается прорваться в мысли, поработить мою душу. Я вновь закрыл ему путь, вытеснив из мыслей и отогнав в темноту, где ему было самое место.

Когда я соскочил с огромного тела, ноги у меня подкосились, словно мне перерезали мышцы. Я пошатнулся, выпустил меч из онемевших пальцев и рухнул рядом с Киба-самой под звуки медленных аплодисментов, разнесшихся по ущелью.

– Bravo, Каге-сан, bravo, – произнесла ведьма ветра, подлетев в поле моего зрения и с улыбкой поглядывая на меня. Я лежал на спине и тяжело дышал, держа руки поблизости от Камигороши. – Впечатляющая битва. Теперь я понимаю, почему демоны тебя боятся.

Проклятье, я не могу пошевелиться. Я хотел было приподняться на локтях, чтобы перекатиться на живот и схватить меч, но тело оказалось каменным, а руки и ноги поднялись лишь на несколько дюймов. Ведьма подлетела ближе, достала из рукава короткий кинжал и опустила на землю.

– Ничего личного, Каге-сан, – проговорила она и изящным движением приподняла оружие, метя острым кончиком прямо мне в сердце. Я вновь попытался шевельнуться, впустить Хакаимоно в свое сознание, но мысли были неповоротливыми, а присутствие демона едва ощущалось. – Но мне нужно убить тебя как можно быстрее, пока действие яда не прекратилось. Твое последнее слово?

– Кто... тебя подослал? – сквозь зубы спросил я.

– Боюсь, этого ты так и не узнаешь, Каге-сан, – ответила ведьма, качая головой. – Не могу выдать моего клиента. Что тогда станет с моей репутацией? Да даже если бы я тебе ответила, сейчас это уже никак тебе не поможет, потому что я вот-вот отправлю твою душу прямоком в Мэйдо [25]. Или в Дзигоку – тут уж как боги распорядятся. Ну что ж... – с этими словами она занесла кинжал еще выше. – Думаю, пора уже со всем этим заканчивать. Sayonara, убийца демонов...

В поле зрения у меня пронеслось красно-белое пятно, и в следующую секунду на ведьму набросилась Юмекко, обхватив ее за талию. Ведьма яростно вскрикнула, они повалились на землю и сцепились в беспощадной драке. Краем глаза я видел их резкие движения, видел, как взметались и опалили одежды, видел взмахи рук.

– Прочь от меня, мерзкий вредитель! – Мощный порыв ветра отбросил Юмекко в сторону и ударил о землю в нескольких ярдах от нас. Ведьма поднялась и злобно отряхнула рукава; на лице у нее отчетливо проступило выражение ненависти. – Как ты посмела меня коснуться, грязное создание?! – прорычала она. – Ты заплатишь за это безобразие! Ты умрешь с криками о пощаде на устах, потому что мои приближенные разорвут тебя на мелкие кусочки, всю – начиная с лодыжек и заканчивая головой! Камаитати! – вскричала она, ткнув в девушку. – Убить ее! Разделайте-ка ее, да помедленнее. Пусть примет мучительную смерть!

Я задержал дыхание, ожидая завывания ветра и криков Юмекко, которую вот-вот порежут ласки. Но в ущелье было тихо; не слышалось ни дуновения, ни шелеста листьев, и ведьма озадаченно нахмурилась.

– Камаитати! – снова вскричала она. – Бесполезные, ленивые твари! Вы меня что, не слышали?

– О, прекрасно слышали, – заметила Юмеко, присаживаясь. Одной рукой она обхватила живот, а второй придерживала что-то сбоку. – Но, судя по всему, единственная причина, по которой они стали вашими приближенными, кроется в этом.

Она подняла руку и показала маленькую нэцкэ из слоновой кости – этим украшением закрепляли шнурок дорожной сумки к поясу оби. Фигурка была вырезана в форме спящей ласки, свернувшейся калачиком. Она поблескивала в лучах солнца, и, увидев ее, ведьма ветра заметно побледнела.

– Кое-кто рассказал мне, что камаитати всегда держатся по трое, – продолжила Юмеко, тяжело дыша. – И что они всегда стремятся друг друга защитить. Я правильно понимаю, что вы похитили одного камаитати, чтобы заставить остальных вам прислуживать, и угрожаете его убить в случае их неповиновения?

– Ах ты воришка! – Ведьма ветра подлетела к Юмеко. Кожа у нее приобрела землисто-серый оттенок, глаза расширились от страха. – Немедленно верни то, что стащила. Отдашь – я сохраню тебе жизнь.

Юмеко покачала головой, ее губы тронула зловещая улыбка.

– Никого нельзя принуждать к повиновению, даже ёкаев, – сказала она. – Я возвращаю им их собрата, чтобы они сделали выбор сами.

– Нет! – вскричала ведьма, когда Юмеко замахнулась рукой, в которой держала нэцкэ. – Стой! Ты не понимаешь, что делаешь!

Юмеко швырнула фигурку в воздух. Та описала изящную дугу, сверкнув на солнце; кругом резко потемнело, подул сильный ветер, и фигурка расколосась. На мгновение камаитати удивленно завис в воздухе, но быстро опомнился и растворился в головокружительном вихре.

Действие яда начало проходить. Я сел на колени и схватил меч, а ведьма тем временем с яростным криком набросилась на девушку.

– Вечно суешь нос не в свое дело, дуреха, – процедила женщина, вновь вскинув руку. Вокруг нее закружил ветер.

Я выпрямился, но ноги все еще дрожали, и я снова чуть не упал.

– Ты отняла у меня камаитати, но я могу убить тебя и без этих вредителей. Я разорву тебя на кусочки, моя... а-а-а-а!

Ее лицо перекосилось от боли, и она схватилась за запястье, которое торчало из разодранного надвое широкого рукава. Я поднял взгляд и увидел, что перед Юмеко возникли три маленькие пушистые фигурки; лезвия, торчавшие из их лап, блестели. Глаза у них горели яростным алым огнем, они осклабились, обнажив острые желтые зубы, при виде которых ведьма отпрянула.

– Нет! – вскричала она, когда подул ветер и ёкаи исчезли. – Прочь от меня! Прочь!

С оглушительным визгом на нее обрушился беспощадный смерч, взъерошив ей волосы и одежду. Ведьма вскрикнула, когда ее кимоно разорвали на куски, и с нее ветром сорвало лоскуты ткани, а на коже проступили сотни глубоких ран. Юмеко поморщилась и отвернулась, закрыв глаза, а ведьма все кричала под неутихающим ветром.

Наконец смерч с шипением затих, а вихрь осел. Ведьма, точнее, то, что от нее осталось, пошатнулась, глядя перед собой невидящими глазами, и рухнула на камни.

Я присмотрелся повнимательнее, желая убедиться в том, что она мертва, затем перевел взгляд на Юмеко. Она сидела, прислонившись спиной к стене ущелья, а у ее ног пристроились трое камаитати. Серпы они спрятали и теперь не сводили с девушки внимательных красных глаз. Я напрягся и схватился было за рукоять меча, но ёкаи, судя по всему, не собирались на нее нападать.

Юмеко с улыбкой поднялась на ноги, стараясь не смотреть на тело ведьмы ветра, расprostертое в грязи.

– Теперь вы свободны, – ласково сказала она, и камаитати склонили головы, будто внимательно слушая ее слова. – Мне вы ничего не должны. Очень рада, что смогла помочь.

Ёкаи в унисон опустили головы и поклонились, а потом с радостным тьякканьем и рычанием взлетели в воздух. Вокруг них закружились ветер и листья, и камаитати исчезли.

13. Песнь кодама

Остаток дня ушел у нас на то, чтобы выбраться из ущелья.

– Тацуми, стой, – сказала я, когда мы отошли от пещеры Киба-самы, оставив трупы медведя-демона и ведьмы лежать там, где они пали. Он обернулся и посмотрел на меня холодными фиолетовыми глазами. После битвы с ведьмой и медведем он не промолвил ни слова. Не обращая внимания на прилив страха, я указала на его порванную хаори – по ней чуть ниже плеч расплзлось темное пятно. – У тебя кровь.

Голос у меня слегка дрогнул. В ушах до сих пор звенело, и мне казалось, что меня стошнит завтраком, если я задумаюсь слишком усердно об определенных моментах. Встреча с ведьмой ветра, с камаитати и огромным медведем-демоном казалась невозможной, словно все это случилось не со мной, а с кем-то другим. Битва вспоминалась мне фрагментами: страх разбиться в ущелье, дрожание земли в момент, когда Киба-сама вышел из пещеры, беспомощность при виде Тацуми, который пытается защититься и от

медведя, и от камаитати, злость от осознания того, что ведьма натравила своих приближенных на убийцу демонов, когда его отвлек медведь. Я тогда схватила со дна реки камень, чтобы сбить ведьму с толку, и тут мне вспомнился голос, который я слышала накануне, точнее, последние слова, которые он произнес, прежде чем исчезнуть.

«Камаитати всегда держатся по трое. Их скрепляет нерушимая верность, и если одному угрожает опасность, другие два делают все, что в их силах, чтобы спасти брата или сестру. Запомни это и подумай, почему у Кадзекиры только двое приближенных».

Тогда-то я и поняла, что причина кроется в том, что ласки не хотят ей помогать. Эти ёкаи стали ее приближенными только потому, что она их заставила. Потому что взяла в заложники единственное существо, которое было им дорого.

Третьего камаитати.

Во всяком случае, я очень на это надеялась, хотя полной уверенности у меня не было. Да, я кинула камень на свой страх и риск, но я должна была сделать хоть что-то, чтобы освободить ласок и спасти Тацуми, который не смог бы одолеть и медведя, и ведьму. И я не придумала ничего лучше, чем обратиться к ее приближенным. Когда ведьма отбросила меня на стену и я упала на землю, я старалась оставаться в сознании и терпела жгучую боль, пока не услышала тихий скрипучий голосок, прошептавший мне на ухо:

– У нее наш брат. Она прячет его в складках пояса оби. Спаси его и освободи нас!

Я подняла голову, и перед глазами мелькнула коричневая шерсть. Я увидела, как ведьма ветра занесла над Тацуми кинжал, метя точно ему в сердце, и по моим жилам заструился страх. Времени на фокусы, на лисью магию, на иллюзии и кицунэ-би не оставалось. В голове пульсировала единственная мысль: «Надо спасти Тацуми!»

По счастливой случайности, когда мы с ведьмой повалились на землю и стали драться, я нащупала у нее под поясом что-то маленькое и твердое и успела схватить это, пока она меня не отбросила. А дальше... от воспоминаний у меня внутри все сжалось. Я нисколько не жалела о содеянном – ведьма прикончила бы нас обоих, к тому же камаитати обрели свободу. Однако это не отменяло того, что ведьма ветра погибла, разодранная в клочья собственными приближенными, и все из-за меня.

Я старалась отогнать плохие мысли, пока мы шли вдоль берега реки и искали место, где было бы удобнее влезть наверх. Когда действие адреналина поутихло, дали о себе знать многочисленные раны и ссадины. Еще я заметила дыру на черной хаори Тацуми и темное пятно, расплывшееся у него по спине.

– Тацуми! – вновь позвала я и поспешила к нему. – погоди! У тебя кровь. Нужно сперва осмотреть и перевязать рану и только потом идти дальше!

На мгновение мне показалось, что он не остановится. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, оставаясь маской безразличия. Но потом он коротко

кивнул и подошел к тонкому ручейку, пробивающемуся сквозь ущелье. Он скользнул рукой себе под рубашку, опустил на колени и аккуратно вытащил бумажный сверток, в котором оставалась щепотка зеленого порошка.

Я смотрела, как он добавляет в порошок несколько капель воды и замешивает знакомую мне пасту. Потом он застыл, уставившись на мазь, будто ему в голову пришла неожиданная мысль.

– Юмeko, – нерешительно, почти беззвучно позвал он. Я шагнула ближе, чтобы лучше слышать, и наклонилась к нему. – Я не могу... – выдохнул он. – Не могу сам дотянуться до раны. Ты мне не поможешь?..

Я тут же поняла, к чему он клонит.

– Ах да, конечно, – запинаясь, проговорила я и осторожно взяла у него мазь, стараясь не обращать внимания, как напряглись его мышцы от прикосновения моих пальцев. – А бинтов у тебя нет?

Он передал мне моток тонкой белой ткани, а потом повернулся, и решительно вынул руки из свободной рубашки и куртки и отбросил их в сторону. К счастью, в тот момент он смотрел в другую сторону и потому не заметил, что лицо у меня покраснелось, словно котелок, который забыли на огне. Монахи в монастыре часто тренировались или медитировали обнаженными, поэтому вид оголенного мужского торса не казался мне вызывающим, но я так привыкла к монахам, что не замечала их наготы. А с Каге Тацуми получалась совершенно иная история. Лучи вечернего солнца скользили по его широким плечам и спине, подсвечивая гладкую кожу и крепкие мышцы.

И шрамы. Плечи и спина были покрыты десятками шрамов. Какие-то совсем изгладились, какие-то были яркими и глубокими. Мне страшно захотелось провести рукой по трем шрамам, вертикально пересекающим его правую лопатку, но я сдержалась. Когда я поняла, что это, по мне пробежала дрожь.

Следы.. от когтей.

Я собралась с духом и убрала руку. Камаитати оставили на коже Тацуми длинную тонкую царапину, которая тянулась от лопатки до нижнего ребра. Кровь обильно струилась из раны, заливая кожу.

Окунув лоскут ткани в ручеек, я, выдохнув, чтобы успокоиться, начала стирать кровь вокруг раны. Тацуми дернулся вперед, упер ладони в колени и наклонил голову. Он не издал ни звука, у него не дрогнул ни один мускул, даже когда я промыла рану, а потом как можно осторожнее намазала ее зеленой пастой. Мышцы у него были твердые как сталь, казалось, он ждет, что я вот-вот всажу в рану нож. А может, он напрягся от боли. Я вспомнила, что он тогда говорил мне в рёкане, вспомнила, как он смутился, когда я просила быть со мной поласковее, как поинтересовался, не наказывали ли меня за проявление слабости.

Помазав рану, я забинтовала ему грудь и плечо, и он поморщился, когда я затянула повязку потуже.

– Так, – проговорила я, чуть отстранившись. – Кажется, все.

- Arigatou[26], - пробормотал он, немного помолчав, словно ожидая, что сейчас настанет худшее. Я наблюдала за тем, как он надевает рубашку, ни разу не поморщившись, и мне вновь вспомнились шрамы на его спине и плечах. Ведьма назвала его убийцей демонов Каге. Зачем же он охотился и убивал столь опасных тварей?

- Тацуми, - осторожно начала я, не сдержавшись, хоть и понимала, что доносить столь опасного человека расспросами не стоит. - А ты.. не раз бился с демонами, правда?

- Да.

- Что это, месть? - Мне вспомнился о́ни, легко перебивший всю братию нашего храма, оставивший после себя смерть и разруху, и кровь у меня вскипела. - Ты охотишься за ними из мести? Твою родню убил демон?

- Нет.

- А зачем тогда?..

- Юмекко. - В его голосе не слышалось ни резкости, ни злости, ни угрозы, но от его бесцветности у меня по спине пробежали мурашки. Не вставая с колен, он повернулся ко мне, внимательно глядя на меня фиолетовыми глазами.

Отложив меч в сторону, он уперся кулаками в бедра и склонил голову, и я удивленно опустила на колени.

- Прости меня, - проговорил он. Голос у него был торжественный и такой серьезный, словно он обращался к даймё, а не к безродной простушке. - Ты спасла мне жизнь, но я не могу ответить на твой вопрос. Я поклялся своему клану в том, что сохраню тайну, и если я нарушу эту клятву, нас обоих жестоко накажут. Пожалуйста, придумай другой способ, каким я мог бы отдать тебе долг.

- Тацуми-сан... - Внутри вспыхнул стыд, я совсем не рассчитывала на такой исход. - Я.. Ты ничего мне не должен, - проговорила я, но он так и не шелохнулся, опустив глаза. - В конце концов, я пыталась спасти нас обоих.

- Ведьма убила бы меня, - сказал он. Голос у него был ровный; он не шевельнулся, не поднял головы. - Кодекс чести Клана Тени требует компенсации. Жизнь за жизнь. Я в долгу у тебя до тех пор, пока не смогу отплатить тем же.

Я кивнула.

- Хорошо, - тихо ответила я, осознавая всю серьезность этого заявления. Учитель Исао рассказывал мне о самураях, и я знала, как важен для них кодекс и что ему подчиняется вся их жизнь. Позабить о долге или не вернуть его было серьезным оскорблением чести, непростительным преступлением, которое заканчивалось либо смертью обидчика, либо самоубийством опозоренного воина.

- Хорошо, Тацуми, ловлю тебя на слове, - проговорила я. - Однажды и ты меня спасешь.

Он опустил голову в беззвучном поклоне, и мы молча продолжили путь.

К вечеру, когда мы наконец выбрались из ущелья, пошел дождь. Я то и дело стискивала челюсти и морщилась, когда струйки воды, стекая с листьев деревьев, капали на волосы и затекали под одежду. Тацуми спокойно шагал впереди; казалось, холод и сырость совершенно его не заботят. Я очень жалела, что не прихватила с собой шляпу и мино, плащ-дождевик из плотно сплетенной соломы, - их мне пришлось оставить в храме.

Дождь шел не переставая; иногда он превращался в ледяную изморось. Когда стало смеркаться, мы укрылись под старым арочным каменным мостиком. Неподалеку от моста росла пара дубов, пустивших под него свои изогнутые корни. Я села на один из таких корней и стала наблюдать за Тацуми, который вырыл ямку, заполнил ее ветками и разжег маленький костер. Тот радостно потрескивал и даже слегка разогнал холод, и, когда тепло коснулось кожи, а неуклюжие пальцы потихоньку согрелись, я выдохнула.

- Вот, держи, - тихо сказал Тацуми и положил мне в ладони шарик риса. Я пробормотала слова благодарности и посмотрела ему вслед. Он обошел костер с другой стороны, сел и уставился на огонь.

Вдруг в темноте что-то засветилось, и волоски у меня на затылке встали дыбом. Подняв взгляд, я увидела бледно-зеленую фигурку ростом не больше пальца, которая стояла на корне в нескольких футах от нас и смотрела на меня. На голове у существа была круглая грибная шляпка, из-под которой поблескивали глаза, напоминавшие черные точки.

Тацуми, проследив за моим взглядом, тут же схватился за меч.

- Тацуми, стой! - предупреждающе вскрикнула я, вытянув руку. - Это кодама, древесный kami. Он не причинит нам зла.

Эти слова успокоили Тацуми, и он убрал руку с меча, а я улыбнулась лесному духу.

- Здравствуйте, - тихо сказала я, и крошечный kami склонил голову набок, внимательно глядя на меня. - Пожалуйста, простите нас, мы просто шли мимо. Надеюсь, мы не потревожили ваше дерево?

Кодама не шелохнулся. Он продолжил смотреть на меня, потом шагнул вперед и запрыгнул на камень, не сводя с меня черных немигающих глаз без зрачков. Послышался тихий звук, похожий на шорох листьев, потревоженных ветром.

Я кивнула.

- Понимаю. Обещаем, что будем идти строго по тропе и не станем топтать молодые растения и кусты. Даю вам слово.

– Ты знаешь язык ками, – заметил Тацуми, и это был не вопрос, а утверждение, хотя в его голосе звучало легкое удивление. – Откуда?

– Научилась у монахов, – ответила я. Умолчав, разумеется, о том, что это не вся правда и что я вижу обитателей мира духов – ками, ёкаев, юрэев и других сверхъестественных существ – столько, сколько себя помню. Это одна из радостей (или проклятий) полукровки. Хотя монахи и впрямь кое-чему меня обучали – например, рассказывали, чем отличаются друг от друга мириады духов Ивагото. По всему Ивагото почитались девять великих Ками: Дзинкей, бог милосердия, Дорошин, бог дорог, и так далее. Были и менее могущественные божки, духи природы и стихий. Они обитали повсюду: в земле, на небе и между ними. Никто не знал, сколько в мире ками на самом деле; но о них часто упоминали как о «восьми миллионах богов», и это всех устраивало.

Кроме ками страну населяло огромное множество странных волшебных существ. Например, ёкаи – этих сверхъестественных созданий порой называли монстрами, или бакэмоно. Они умели менять свое обличье и обладали волшебной силой. К ним относились тануки, камаитати и, конечно, кицунэ. Юрэями[27] называли беспокойных духов, обитающих среди смертных, например дзасики-вараси, онрё, убумэ и других. А еще были растения-монстры, охотящиеся на людей, и существа, которые не вписывались ни в одну категорию, поэтому полный список богов, призраков и чудовищ был поистине бесконечен. Но пусть некоторые ёкаи и представляли опасность, а у юрэев были недобрые намерения, все они были жителями Нингенкай, царства смертных, и потому заслуживали уважения.

В отличие от демонов: аманодзяку и жутких существ вроде Ябурамы. Они призывались из ада, из царства зла и порока, и не принадлежали миру смертных.

– Учитель Исао и монахи уважали ками, – продолжила я. – Они старались жить в гармонии со всеми формами жизни. Самые духовно чистые из них могли видеть ками и даже общаться с ними. Наверное, у меня тоже есть к этому способности.

– Так вот почему камаитати тебя послушались?

– Ну... не совсем так. Это я их послушалась.

К кодама присоединился еще один. Затем еще трое ками замерцали между корней, а четвертый появился у костра. Я подняла глаза и увидела десятки крошечных ками, рассеявшихся по камням и веткам и наблюдающих за нами сквозь пелену дождя. Воздух вновь наполнился странными звуками – казалось, это шелестят сотни сухих листьев.

Тацуми, заметив, что кодама вокруг становятся все больше, не шелохнулся, но поза у него стала напряженной. Я чувствовала, что он изо всех сил сдерживается, чтобы не схватить меч.

– Чего они от нас хотят? – спросил он.

– Хм... – Я быстро закрыла глаза, стараясь сосредоточиться на одном голосе. Речь кодама трудно понять даже при более спокойных обстоятельствах. –

Можно помедленнее? – попросила я, подняв руку. – И по очереди, пожалуйста. Когда вы кричите хором, я ничего не понимаю – это все равно что пытаться расслышать каплю в шуме водопада!

Звук, похожий на шум листьев, затих. Кодама, стоявший на камне, шагнул вперед и заговорил тихим голосом, напоминая негромкий шелест лепестка, парящего над землей.

– Они хотят знать, ты ли хозяин Камигороши, – сообщила я Тацуми. – И ты ли сегодня убил Киба-саму.

Тацуми сощурился и посмотрел на кодама, наблюдавших за нами с деревьев.

– У меня не было выбора, – признался он спокойным голосом, в котором не слышалось ни хвастовства, ни раскаяния. – Я бы с удовольствием избежал этой битвы. Но тогда Киба-сама убил бы нас обоих.

Кодама вновь оживленно заговорили – казалось, на ветру опять зашелестели тысячи листьев, притом что никакого ветра в помине не было. Наконец, духи замолчали, и трое из них приблизились к костру. Тот ками, что шел посередине, нес за черенок огромный лист, напоминая знамя, края которого раскачивались из стороны в сторону. И хоть лица у них были крошечные и нечеткие, я поняла, что намечается какое-то торжественное событие. Трое духов подошли к Тацуми и поклонились, а затем кодама, шедший посередине, шагнул вперед и протянул лист убийце демонов.

– Это еще что такое? – настороженно спросил он.

– Это подарок, – изумленно пояснила я, слушая разговоры ками. – Судя по всему, давным-давно Киба-сама пал жертвой голода и жадности, – перевела я рассказ маленьких духов, отдававшийся в ушах легким щекотанием. – И они испортили его до такой степени, что из медведя он превратился в порочное и бессердечное существо. Даже когда он спал, от него исходил запах страха, который пугал всех живых существ. Птицы больше не пели, звери жили в постоянном страхе и не покидали своих убежищ, люди редко заходили в лес. Страх душил землю, но теперь, когда ты убил Киба-саму, здесь все снова оживет.

Тацуми наклонился, осторожно взял лист и поднес его к глазам.

– Лист – это символ того, что теперь ты друг леса, – пояснила я. Листок слабо мерцал в темноте теплым зеленоватым светом. – Если тебе когда-нибудь понадобится помощь ками, прошепчи свою просьбу ипусти лист по ветру. Он донесет твои слова до местных кодама, которые окажут тебе посильную помощь.

Взгляд у Тацуми помрачнел. Он покачал головой.

– Я не могу принять такой подарок, – сказал он, опуская руку. Над головой у меня зашелестели голоса кодама – они все повторяли вопрос, который крутился и у меня на языке.

– Но почему?

- Я убиваю демонов. Такова моя работа. И медведя я убил не из милосердия или доброты, а только ради того, чтобы выжить. Если бы Киба-сама на нас не напал, я бы с радостью оставил его в живых.

- Они все равно просят тебя взять листок, - сообщила я, послушав беседу кодама. - Ты сослужил лесу добрую службу, а kami всегда возвращают долг. - Но Тацуми все стоял в нерешительности, и тогда я добавила уже от себя: - Тацуми-сан, лучше не отказывайся от подарка kami. Они всегда возвращают долг, но никогда не забывают обиду.

Он серьезно кивнул, явно хорошо понимая такую позицию.

- Arigatou gozaimasu[28], - сказал он ближайшему кодама и почтительно опустил голову. - Я не достоин такого подарка, но я приму его.

Крошечный kami поклонился ему в ответ, а потом выпрямился и уплыл восвояси, будто влекомый ветром лепесток. Остальные кодама тоже исчезли, попрятавшись по деревьям, и мы с Тацуми вновь остались одни.

Он пристально поглядел на лист, поблескивающий в темноте, а затем спрятал его в мешочек, под пояс. Брови у него были слегка нахмурены, и я, склонив голову, спросила:

- Что-то не так, Тацуми-сан?

Он покачал головой.

- Нет. Вот только... Этот лист стоило подарить тебе, - произнес он, наконец встретившись со мной взглядом. - Это ты поговорила с камаитати. Ты придумала, как освободить их и сделать так, чтобы они напали на ведьму. Если бы не ты, мы бы погибли.

- Но ведь это награда не за убийство ведьмы, - мягко заметила я. - А за то, что ты избавил Киба-саму от страданий и вернул лесу его привычное состояние. Для любого кодама здоровье леса куда важнее жизни отдельных людей. А демона убил именно ты, поэтому тебе и достается их признание.

Тацуми снова нахмурился.

- На моем счету десятки убитых демонов и ёкаев, - пробормотал он. - Возможно, еще и нескольких kami. Но до сегодняшнего дня я и не знал, что с ёкаями можно общаться и договариваться.

- Далеко не все ёкаи злые, - тихо проговорила я. Слова Тацуми неожиданно меня задело. - Они - такая же часть естественного порядка, как и kami. И порой понять, что им нужно, можно, только если с ними поговоришь.

Несколько секунд он молчал, задумчиво глядя на огонь. Я подбросила в костер пару веточек, наблюдая, как их пожирает пламя, и думая о том, что было бы, если бы ведьма ветра меня разоблачила. Стал бы Тацуми тогда сидеть со мной у костра? Как бы он отреагировал, узнав, что я кицунэ? Повлияло бы на него то, что я спасла ему жизнь? Или он выхватил бы свой сияющий меч и отсек мне голову?

Он только что сказал, что на его счету десятки убитых демонов и ёкаев. Значит ли это, что он убивал и кицунэ? По словам монахов, мои чистокровные собратья – ловкачи и авантюристы, но бывали случаи, когда от них исходила реальная угроза. Возможно ли, что клан Тацуми посылал его на убийство лисы, и если да, считает ли он, что все лисы – дикие подлые существа, которых нужно беспощадно лишать жизни?

– Я должен тебе кое-что рассказать, – произнес Тацуми, резко прервав мои мысли. Я посмотрела на него и увидела, что он по-прежнему задумчиво смотрит на огонь. – Чтобы ты сама решила, хочешь ли продолжать со мной путь.

Я выпрямилась, удивленная тем, что он сам решил что-то мне сообщить. Раньше он уклонялся от расспросов о себе, семье, клане. После сегодняшнего вымученного признания я пообещала себе, что больше не буду его допытывать – пусть хранит свои тайны и дальше. В конце концов, у меня тоже немало секретов.

– Говори, не бойся! – подбодрила его я. – Я не испугаюсь, обещаю. Ну, если только ты не юрэй, все это время притворявшийся человеком. Впрочем, в этом случае ты и сам бы не знал, что ты призрак, правда?

Он не сводил глаз с огня. Я чувствовала, что внутри него идет борьба, что он сомневается, стоит ли говорить то, что надумал. Но потом он все же склонил голову и вздохнул.

– За... За мою голову обещано огромное вознаграждение, – признался он. – Причем не магистратами, кланами и людскими организациями. А демонами и ёкаями. Миром духов. Духи жаждут моей смерти. Точнее сказать, жаждут смерти хозяина Камигороши.

– Но почему?

– Потому что Камигороши был создан, чтобы убивать демонов, – ответил Тацуми. – В этом смысл его существования. Причем не только демонов, но и ёкаев, духов и даже ками. Существ, которых обычным мечом не убить.

– Вот оно что... – проговорила я. Я догадывалась, что Камигороши – не самый простой меч, но не догадывалась, что о нем и о его хозяине знает весь мир духов и демонов. – Получается, если из стены вылезет призрак и попытается напасть на тебя, ты сможешь его убить?

– Именно так.

– А как же огненные ёкаи? У них ведь нет тела. Неужели Камигороши способен убить и их?

– Я убивал и таких.

– И они?

– Да, Юмеко, – кивнул Тацуми. – Даже их. С они важна быстрая реакция. Но я не об этом. В мече заключен дух демона. Его зовут Хакаймоно; это

старый, очень сильный и злобный дух. Владелец Камигороши постоянно рискует тем, что демон поработит его душу.

Я медленно вдохнула, стараясь осмыслить услышанное. Так, значит, у него в мече живет демон – вот почему от одного взгляда на его оружие у меня по спине бегали мурашки.

– А что будет, если демон поработит твою душу? – едва слышно спросила я.

Тацуми бросил на меня ледяной взгляд.

– А ты сама-то как думаешь?

Теперь уже я задержала взгляд на костре, наблюдая, как извивается и шелкает пламя. На мгновение я осознала, сколько печальной иронии в том, что в ходе нашего самого долгого разговора за все время знакомства, он говорит о том, о чем мне лучше не знать.

– Для чего ты мне все это рассказываешь?

– Ты спасла меня, – ответил он. – И я хочу, чтобы ты понимала, каково это – быть рядом со мной. – Он поднес к свету меч, спрятанный в ножны. – Камигороши – проклятый меч, Юмеко. Это проклятие распространяется и на его хозяина. Демоны и ёкаи постоянно ищут меня, чтобы убить, а значит, они попытаются убить и тебя. А я... Совсем не тот человек, которому стоит доверять. Лучше бы я тебе ничего не обещал.

Я подняла на него взгляд.

– Что ты хочешь этим сказать, Тацуми?

Он замаялся. Сердце гулко стучало у меня в груди, живот свело. Отсветы пламени плясали у него в глазах и мерцали на лице, выражение которого было до странного изнуренным.

– Быть рядом со мной опасно, – наконец проговорил он. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебя защитить, как и обещал, но за нами будет охотиться множество врагов. Очень сильных врагов. Все они будут пытаться меня убить. И не списывай со счетов постоянную угрозу со стороны Хакаимоно. Мне бы хотелось, чтобы ты была готова ко всему.

– Тацуми-сан... – начала я и замаялась, понимая, что нужно тщательно подбирать слова, чтобы он не догадался, что Драконья молитва у меня. И что именно за ней охотятся демоны, ведьмы и ёкаи. – Мне нужно найти учителя Дзиро, – сказала я. – Я должна добраться до храма Стального Пера и рассказать местным, что случилось с учителем Исао и остальными монахами. Это мой долг, более того, это последняя просьба учителя Исао. Я пообещала, что отыщу храм и предупрежу всех об опасности. Остается только надеяться, что демоны меня не опередят.

Плечи у Тацуми поникли. Как воин он хорошо понимал, что такое долг. К тому же, сколь бы холодным, черствым и опасным он ни был, он совершенно не походил на человека, который может нарушить клятву.

– Я тоже дала обещание, – продолжила я. – И потому отправлюсь в храм Стального Пера, с тобой или без тебя, Тацуми-сан. Но я приглашаю тебя с собой. Буду очень рада твоей компании, к тому же ты меня не пугаешь. И ни к чему быть таким мрачным.

Он нахмурился и посмотрел на меня.

– Мрачным?

Судя по всему, в этом его тоже еще ни разу не упрекали.

– По-моему, я ни разу не видела, как ты улыбаешься, – проговорила я. – Учитель Исао сказал бы, что ты похож на обезьянку, нечаянно уронившую в пруд последнюю хурму. – На его лице возникло недоумение, и я улыбнулась. – Я доверяю тебе, Тацуми. Как по мне, ты очень сильный, и демону тебя не поработить. Не тревожься о том, что нас будут преследовать чудовища и ёкаи. Не такая я беспомощная. Сегодня вот порядком удивила ведьму ветра.

– О, еще как. – Тень улыбки пробежала по его лицу. – А этот твой учитель Исао часто сравнивал людей с обезьянами?

– Нет, что ты. Обычно только меня.

Тут Тацуми захихикал, и у меня внутри все затрепетало. Но через мгновение он взял себя в руки и успокоился.

– Что ж, в таком случае продолжим путь вместе, – заключил он. – Я буду защищать тебя столько, сколько смогу. Пока не верну долг.

Кодама присматривали за нами до самого утра.

14. Остерегайтесь бродячих псов

– Тацуми, только послушай, – воскликнула Юмеко утром. – Птицы снова запели!

Я посмотрел на нее. Она шла рядом по тропинке, запрокинув голову и с интересом разглядывая ветки. Пробиваясь сквозь густую листву, косые солнечные лучи освещали пятнистый лиственный ковер под ногами, а вокруг нас порхали и щебетали крошечные пернатые создания. Теперь я и сам обратил внимание на то, что сегодня здесь было куда светлее и радостнее. Видимо, гибель Киба-самы и впрямь пошла лесу на пользу, как и говорили кодама.

Я задержал взгляд на Юмеко. Она восторженно следила за птицами, и на губах у нее играла радостная улыбка. Солнце блестело в ее черных волосах и скользило по коже. Утром она оставила у ствола одного из дубов

небольшую порцию риса – подарок для кодама. Хотя солнце светило так ярко, что трудно было представить, что накануне ночью лес был полон ками.

Я поспешно взял себя в руки. Прошлая ночь выдалась во многих отношениях невероятной. Я до сих пор не мог поверить, что столько рассказал о себе и о мече. Каге будут не в восторге, что я рассказал Юмeko о Хакаимоно, но раз уж мы путешествуем вместе, стоило ее предостеречь. Она вчера не на шутку меня удивила – и когда спасла мне жизнь, и когда говорила с ками от моего лица. Никогда не думал, что окажусь в долгу у простушки, совершенно не знакомой с военным искусством, но Юмeko явно была не так проста, как сперва показалось. И мне... отчего-то стало легче, когда выяснилось, что правда о Камигороши ее не пугает.

В глубине души я ощущал холодную радость Хакаимоно. «Отлично, – шептал он мне. – Пусть пока остается с тобой. Убеди ее в том, что бояться нечего и что ты ее в случае чего защитишь. Тем слаще будет миг, когда ты ее прикончишь».

Я мрачно заглушил голос демона и почувствовал, как он затихает, хотя эхо его смеха еще долго звучало где-то внутри, напоминая о моей ошибке. Я рассказал Юмeko о демонах, ёкаях и других существах, жаждущих моей смерти, но на самом деле куда опаснее для нее был я сам.

Через несколько часов мы вышли из леса и опять двинулись вдоль реки, неспешно пересекавшей долину, по направлению к северу, то есть к столице. По моим подсчетам, до границы оставалось еще день-два ходу, а там нас могли ждать неприятности. Я потерял путевые документы, когда моя лошадь сбежала, испугавшись аманодзюку, а получить новые – легально или нет – не было никакой возможности. Простолюдины никого особо не заботили, так что Юмeko опасаться было нечего, а вот неизвестный самурай, тайком проскользнувший на территорию другого клана, наверняка вызовет тревогу. Без необходимых документов меня вполне могут задержать на погранпосту на неопределенное время, пока будет решаться, что со мной делать дальше. Такой поворот событий меня совершенно не устраивал, поэтому надо было найти какой-то обходной путь: проскальзывать украдкой мимо пропускных пунктов с Юмeko было слишком опасно.

Краем глаза я заметил, что у полустанка, стоящего особняком на краю тропы, колышется что-то синее. Небольшие деревянные домики нередко можно было встретить у дорог, соединяющих города, – в них путешественники могли передохнуть, купить горячий обед и даже заночевать. Над входом трепетали синие занавески, а маленькая фигурка тануки, протягивающая кувшин с sake, стояла на подоконнике, зазывая посетителей.

Юмeko остановилась посреди дороги и глубоко вздохнула.

– Что это за место? – спросила она. – Пахнет тут чудесно!

– Небольшая зона отдыха, – пояснил я. – Тут можно перекусить, если есть деньги. Мы, видимо, в нескольких милях от города... – Я замолчал, увидев, какими большими, полными надежды глазами она смотрит на меня, и вздохнул. – Кажется, ты снова проголодалась.

– Я отдала свой утренний рис кодама, – напомнила она с жалобным видом. – И за весь день съела только одну сливу.

Сунув руку в мешочек с деньгами, я молча передал ей несколько медных каэру. Она улыбнулась мне и бросилась к окошку. Затем вернулась с двумя мисками дымящейся лапши соба, и мы обошли здание в поисках места для трапезы. Вдоль стены стояли низкие деревянные скамейки, которые разделяло несколько футов. Но далеко не все из них пустовали.

На скамейке неподалеку от нас сидел, сторбившись, одинокий путник с чашей в руке, а перед с ним стояла бутылка. На вид он был несколькими годами старше меня. На нем был поношенный рваный жилет и брюки, а темно-рыжие волосы хоть и были собраны в хвост, все равно выглядели неряшливо. Из-под obi у него торчал короткий кинжал, а рядом на скамейке лежал большой лук. Он заметил мой взгляд и усмехнулся, подняв в воздух чашечку с sake в насмешливом приветственном жесте, а потом одним движением осушил ее.

Я не обратил на него особого внимания, потому что уже не раз видел таких людей. Это был ронин, самурай без хозяина, лишенный всех богатств и титулов и бесславно блуждающий по стране из-за собственного позора, бесчестья или смерти его господина. Особо упрямым ронинам удавалось найти новых хозяев, но многие брались за любую работу, которая им подворачивалась, и становились охранниками или носильщиками, а некоторые превращались в разбойников и убийц. Они считались неотесанными и дикими, не соблюдающими кодекс Бусидо и все свои прежние принципы, и самураи открыто презирали их. Потому что ронины постоянно напоминали самураям, что может в любой момент случиться и с ними.

Я прислонился к краю скамейки, а Юмeko опустилась рядом и с аппетитом принялась за еду. Я осознанно не смотрел в сторону ронина, хотя чувствовал, что он за нами наблюдает, на этот раз попивая свое вино прямо из горла. В путешествиях мне попадались негодяи двух видов: одни обижались, когда их замечали, другие – когда их игнорировали. Само собой, бывали еще и любители нарваться на неприятности, и отделаться от них было невероятно трудно. Но я надеялся, что этот ронин совсем не такой.

– Oi[29]! – насмешливо прокричал незнакомец с другого края скамейки, на корню перерубив мои надежды. Ронин внимательно смотрел на Юмeko, расплывшись в широкой улыбке. – Я все видел! Вы что же, госпожа, не знаете, что пялиться на людей невежливо?

Юмeko удивленно заморгала и оторвала взгляд от миски. С губ у нее свисало несколько узких полосок лапши, но она поспешно их проглотила.

– Простите, но на вас я не пялилась, – заметила она. – Если только на лапшу. Но ее это нисколько не заботит, я в этом уверена.

– Не обращай на него внимания, – тихо велел я, сосредоточившись на своей еде. – Он пытается развести тебя на разговор.

– Так, я все слышал, – заметил ронин, выпрямившись. – И это было очень грубо. Будь я по-прежнему самураем, я бы потребовал сатисфакции у твоего молчаливого дружка, – заявил он и поднялся. В этот миг я пожалел о том, что у меня в нарукавнике нет метательного ножа. Одно угрожающее движение

- и я убил бы его с такой скоростью, что он не успел бы понять, что происходит.

Хакаимоно пробудился, почуяв опасность, и я с трудом изгнал демона из своих мыслей.

Набросив на плечи лук, ронин вышел вперед с той же дерзкой улыбкой.

- На ваше счастье, я ронин, грязный пес, утративший всю честь. Бойтесь запятнать свою светскую беседу с таким, как я, да?

Юмеко склонила голову. В ее глазах сверкнуло замешательство, а вот страха не было совсем.

- А кто такие ронины?

Брови незнакомца поползли вверх. Он явно не ожидал такого поворота.

- Но, гм. Это.. Ты что, и впрямь не знаешь, кто такие ронины?

Юмеко покачала головой.

- Всю свою жизнь я провела в храме, - пояснила она. - И потому практически ничего не знаю о внешнем мире. Простите, если я вас обидела. Будьте так любезны, расскажите, кто такой ронин, чтобы я больше никого так не оскорбляла.

Ронин молча уставился на нее. Потом хихикнул и покачал головой.

- Прошу прощения, моя госпожа, - начал он, отвесив Юмеко насмешливый, преувеличенно учтивый поклон. - Как я уже упоминал, я ронин. Мы - грязные, неотесанные варвары, которые напрочь позабыли о манерах и доблести, так что уж извините, по части этикета я не мастак. - Он выпрямился, широко улыбаясь, будто бы этот факт пробуждал в нем неподдельную гордость. - Ну-ка, давайте проверим, помню ли я, что такое вежливость. Меня зовут Хино Окамэ. С кем имею честь беседовать в этот чудесный день?

- Юмеко, - представилась моя спутница. - И никакая я не госпожа, обычная простолюдинка с гор. Поэтому с этикетом я тоже не в ладах.

- В самом деле? - Ронин невозмутимо уселся рядом с Юмеко, и моя рука тут же скользнула к рукояти меча. Ни ронин, ни Юмеко этого не заметили. - Так, значит, ты с гор? А здесь ты что делаешь?

- Путешествую. Мы с Тацуми направляемся в столицу.

- Бывала там уже?

- Нет. - Юмеко покачала головой. - Ни разу. Внешний мир - такой.. странный. Но мне очень нравится. - Она с улыбкой посмотрела на дорогу, простирающуюся до самых гор. - Я столько всего нового узнаю! Не терпится увидеть, что там, за следующим поворотом.

- Ха! - фыркнул ронин. - Боюсь, со временем ты разочаруешься, Юмеко-сан. Мир полон разбойников, убийц, лжецов и воров. Верить нельзя никому. И особенно ронину. Когда-нибудь встречала диких псов? - Он вновь нахально улыбнулся. - Если им покажется, что у тебя есть еда, они будут неотступно идти за тобой, но попробуй их приласкать - они перегрызут тебе горло.

Я очень сомневался, что Юмеко, выросшая в безопасности и достатке, поймет, что ронин имеет в виду, но она опустила миску и посмотрела чужаку в глаза.

- А я вот слышала истории о диких псах, которые защищали странников до последнего вздоха просто потому, что эти самые странники кинули им крошку хлеба, а не камень.

Ронин опять ухмыльнулся.

- Довольно странная логика, Юмеко-сан, - покачав головой, заметил он. - Бьюсь об заклад, твой задумчивый друг считает иначе. - Его взгляд скользнул по мне, и он сощурился. Он обвел глазами мою одежду и меч, и во взгляде мелькнуло узнавание. - Как-то далековато ты забрел от своего дома, Каге, - заметил он с подозрением в голосе. - Что ты забыл на территории Клана Земли?

- Улаживаю кое-какие дела.

- Ох-ох, как загадочно! - Ронин со смешком повернулся к Юмеко. - Госпожа Юмеко, соблюдайте осторожность рядом с представителями Клана Тени. Говорят, что Каге никогда не лгут - так вот, всей правды они тоже не раскрывают.

- Звучит как-то противоречиво, Окамэ-сан. Как можно лгать и говорить правду одновременно?

- О, поверь, в этом они мастера.

Я отставил миску и поднялся, глядя на ронина, который осторожно взглянул на меня из-за Юмеко.

- Кажется, тебе пора, - тихо сказал я.

- Ну да, что-то я засиделся, - хихикнув, согласился ронин и тоже встал. - Я и сам не думал, что так получится. - Он поправил лук на плечах и помахал рукой моей спутнице. - Sayonara, Юмеко-сан, - сказал он. - Может, еще увидимся где-нибудь в пути.

- Окамэ-сан! - позвала Юмеко и протянула ему кулак. Между пальцами что-то блеснуло. - Возьми!

Ронин в замешательстве протянул ей руку, и она вложила ему в ладонь медный каэру. Незнакомец нахмурился, поглядел на монету и перевел взгляд на девушку.

- Что это? - спросил он.

- Крошка хлеба! - с улыбкой объявила девушка, поднимая свою миску.

- Странная ты девочка, - тихо проговорил ронин, а монета исчезла из виду еще до того, как он завершил свою мысль. - Но, черт побери, от дармовых денег я не откажусь! Удачи тебе в пути, куда бы ты ни направлялась. Она тебе точно понадобится.

Бросив на меня насмешливый взгляд, он развернулся и быстро ушел. Я не сводил с него глаз, пока одинокая фигурка не исчезла за поворотом, а потом опустился на скамейку.

- Ты ему так легко отдала мои деньги, - напомнил я.

Юмеко виновато улыбнулась.

- Gomen[30], Тацуми. Я верну тебе все, как только смогу.

Мне подумалось, что это весьма маловероятно, и я мысленно свыкся с тем, что уже не увижу ту монету.

- Да ничего, - бросил я и снова взял в руки свою миску. - Надеюсь только, что ты не будешь раздавать деньги всем ронинам, какие встретятся нам по пути в храм Стального Пера.

- Конечно нет. - Она покачала головой. - У меня этого и в мыслях не было. Мне просто... подумалось, что так правильнее всего поступить. - Она откинула волосы, вид у нее стал задумчивый. - Учитель Исао любил говорить, что даже самый крохотный камешек, если его кинуть в пруд, оставит круги, которые будут расходиться и шириться непредсказуемым образом. - Она немного помолчала, потом улыбнулась и потрянула головой. - Конечно, временами мне от этого было совсем не сладко, например, когда я решала немножко подшутить над Дэнгой или Нитору. Последствия становились все серьезнее, потихоньку выходили из-под контроля, и в итоге все заканчивалось тем, что в зал для молитв пробиралась стая обезьян, а меня потом заставляли целый месяц драить веранду. - На ее лице отразилась то ли неприязненная гримаса, то ли улыбка, но потом оно снова разгладилось. - Теперь, когда его нет со мной, так хочется запомнить все, чему он меня научил, - тихо призналась она. - У меня такое чувство, что я вот-вот перестану понимать, что на самом деле важно, а что - нет. Мне совсем не хочется забывать о том, что поможет мне... не терять почвы под ногами.

Казалось, она хочет сказать что-то еще, но я ее не торопил. Мы медленно доели лапшу, а потом вернулись на дорогу и продолжили наш путь. Я вновь заметил ворону - на этот раз птица сидела на крыше полустанка и смотрела нам вслед.

- Тацуми, а чем тебе так не понравился тот ронин?

Я удивленно посмотрел на Юмеко. Мы оставили полустанок позади, и теперь нашему взору открылись крутые холмы, между которыми ютились фермы и домики с соломенными крышами. Пейзаж испещряли рисовые террасы, разбитые на склонах, между которыми сновали крохотные люди, трудящиеся на полях,

что кормили всю страну. Мы с Юмекко шли в полной тишине, пока она не задала мне свой неожиданный вопрос.

Она с любопытством склонила голову.

– Ну, тот ронин, который нам встретился. Окамэ-сан, – уточнила она. – Вроде бы не такой он и плохой и от остальных людей ничем не отличается, разве что постоянно зовет себя псом. Но почему? Он что, на кроликов охотится? Или у него блохи?

– У ронинов нет хозяев, – пояснил я. – И чести. Они живут в позоре и потому вынуждены скитаться и выживать.

– У меня тоже нет хозяина, – напомнила Юмекко. – Был учитель, но он умер. Значит ли это, что и я живу в позоре?

– Нет. Ты простолюдинка.

– А что, простолюдин сильно отличается от ронина?

– Начнем с того, что у простолюдинов вообще нет чести, – сказал я. – В том смысле, что никто не ждет от них великих свершений. А вот ронины – это бывшие самураи, утратившие свое положение.

– Но людьми они остались теми же! – озадаченно заметила Юмекко. – Да, они потеряли хозяина и титул. Но разве это меняет их душу?

– Порой меняет.

– Но как?

– Кодекс для самураев – смысл жизни, – ответил я. – А честь для них превыше всего. И нет ничего важнее долга перед хозяином, перед семьей или кланом. Стоит им это потерять – и они превращаются в пустое место, становятся никчемными. В том числе и в глазах окружающих.

– Вот ты все говоришь: «они» да «они»... Но ты ведь и сам самурай, разве не так? – заметила Юмекко.

На это я ничего не ответил, а она, к счастью, не стала на меня давить.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы прошли всю долину и углубились в очередной лес, который с каждым шагом становился все гуще. Узкую тропинку то и дело преграждали кусты, бревна и кривые корни, и нам приходилось обходить их или перешагивать. Над нами возвышались кедр, сосны и камфорные лавры, закрывая небо кронами; воздух стоял густой и неподвижный.

Мы поднялись на несколько ступеней по мшистой лестнице, по обеим сторонам от которой вверх тянулись высокие ветвистые стволы, и Юмекко застыла.

– Что-то не так, – проговорила она, настороженно оглядывая деревья. – Здесь слишком тихо. Даже птицы замолчали...

И тут из кустов стремительно вылетела стрела и вонзилась в ствол за моей спиной – я едва успел отскочить.

Вокруг нас зазвучал хриловатый смех. Между деревьями показалось с полдюжины незнакомых мужчин с луками за спиной; широко улыбаясь, они окружили лестницу, отрезая нам отступление. Крупный лысый мужчина с плоским носом, похожим на переспелый инжир, появился на самой верхней ступеньке. На мясистом плече у него лежала огромная деревянная дубина. Он улыбался, обнажив желтые неровные зубы.

– Каге-сан! – поприветствовал он меня, и тут справа и слева от него возникли двое мужчин поменьше и прицелились в нас из лука. – Как здорово, что ты наконец здесь! – отметил он. Говорил он неспешно и хрипло.

Жажда крови вскипела в моих венах, а Хакаимоно встрепенулся, почуяв, сколько вокруг врагов. Желание выхватить меч стало почти нестерпимым, я с трудом отвел руку от рукояти и посмотрел на предводителя разбойников, заставив себя говорить спокойным тоном.

– Мы знакомы?

– Не, – бросил рослый мужчина, чуть пошатнувшись, словно пьяный, и указал жестом на кого-то позади. – Но Окамэ нам все про тебя рассказал, приятель. Так что мы теперь, считай, одна семья.

– Окамэ? – изумленно позвала Юмеко, бросив взгляд через плечо и заметив у нижней ступеньки нашего нового знакомого. Он стоял, прицелившись из лука и натянув тетиву. Лицо у него было мрачное, в глаза Юмеко он не смотрел. – Что ты делаешь?

– Он не просто так слонялся по дороге, а искал подходящую жертву, – пояснил я Юмеко, оценивая ситуацию: двое лучников на верхней ступеньке, трое позади нас, включая ронина-предателя. – Как только мы с ним расстались, он тут же поспешил к своим приятелям и сообщил им, что мы идем.

Юмеко не сводила глаз с ронина.

– Это правда, Окамэ-сан? – тихо спросила она.

На мгновение повисла тишина, а потом ронин вскинул голову, дерзко ухмыльнувшись.

– Не стоит доверять грязным псам ронинам, Юмеко-тян. – Он широко улыбнулся, а его товарищи загоготали. – У них ведь не осталось никакой чести. В следующий раз дай нетерпеливому самураю отрезать мне голову, пусть валяется и гниет на солнце.

Рослый незнакомец расхохотался.

– Хорошо сказано, пес. А что будет дальше, нам отлично известно. – Он со смачным шлепком ударил себя по ладони огромной дубиной и улыбнулся мне. – Самурай, отдай нам все, что у тебя есть, и мы тебя отпустим. А если не

отдашь, то сперва убьем, а потом заберем все сами. О, и девчонку тоже оставь. Она сегодня скрасит мое одиночество.

- Что? - недовольно воскликнул ронин и шагнул вперед, хмуро глядя на жоака. - Мы так не договаривались, Нобору! - воскликнул он и взбежал по ступенькам. - Ты обещал, что мы просто заберем деньги и отпустим их.

- А я передумал, - сообщил рослый разбойник и провел толстым языком по зубам. - Я ведь тогда не знал, что с самураем придет миленькая служаночка. У меня уже давно не было женщины.

- Все потому, что ты воняешь за милю, - с отвращением бросил ронин. - Нет уж, я на это не подписывался. Может, я и грязный пес, но не похотливая свинья.

Бандит сердито посмотрел на него.

- Насколько мне известно, главный здесь я, - многозначительно протянул он. - А ты - ничтожество, паршивый бродяга, которого мы приняли из жалости. Если не нравятся наши порядки, Окамэ, проваливай. Но девчонка остается со мной. Парни... - Он обвел взглядом своих приспешников, а потом кивнул на меня. - Убейте самурая. А девчонку приведите мне.

15. Последствия крошек

Внутри у меня все оборвалось, когда на Тацуми обрушилось несколько ударов. Воин припал к земле, опустив руку на рукоять меча и ожидая нападения. Сердце в груди бешено застучало, я ощутила, как пальцы обожгло лисьей магией, и сжала кулаки. На мгновение все затаили дыхание и повисла тишина, напряженная, как натянутая тетива.

- Ой, да пошли вы все!

Окамэ резко развернулся и пустил стрелу прямо в горло разбойника, стоявшего рядом, затем выдернул ее и вновь натянул тетиву; раненый разбойник с ошарашенным лицом и громким бульканьем в горле повалился на землю. Вскинув лук, ронин снова выпустил стрелу, и один из лучников, стоявших на верхней ступеньке и метивших в Тацуми, повалился навзничь. Стрела угодила ему прямо в живот.

- Окамэ! - взревел предводитель разбойников. - Подлый предатель! Как ты посмел на нас напасть?

- Эй, не забывай, что я подлый пес ронин! - дико оскалившись, напомнил Окамэ и выстрелил в бывшего жоака. Нобору проворно поднял дубину, и стрела ударила по деревянной головке. - Мы всегда так поступаем!

– Убить его! – проорал Нобору, обращаясь к оставшемуся в живых лучнику, и поспешил вниз по лестнице. – Их обоих!

Тацуми со свистом выхватил меч из ножен и поспешил вверх по лестнице, навстречу огромному разбойнику. Меня накрыла волна ужаса, когда Нобору схватил дубину обеими руками и замахнулся, метя Тацуми в голову. Но воин увернулся, и удар разбойника пришелся на ствол дерева, на котором остались трещины. Раздался громкий щелчок. Камигороши сверкнул и полоснул Нобору прямо по толстому животу, и разбойник завопил от боли и ярости.

За спиной у меня кто-то громко ругнулся. У самой лестницы на спине лежал Окамэ, вскинув лук и изо всех сил мешая другому разбойнику ударить его кинжалом. Тацуми был занят главарем, и Окамэ никто не мог помочь. Его жизнь зависела от меня.

Я достала свой кинжал танто и на мгновение застыла, глядя на него. Руки у меня тряслись. Я еще никогда не использовала его против людей, но сейчас я не могу положиться на лисью магию и кичунэ-би. Я кинулась по лестнице и набросилась с кинжалом на разбойника, который напал на Окамэ, глубоко порезав ему руку. Он вскрикнул и отскочил, глядя на меня; пока он приходил в себя, Окамэ успел сесть, выхватить меч, висевший у него на поясе, и проткнуть разбойнику грудь.

– Arigatou, Юмекосан, – прошептал Окамэ, поднимаясь на ноги. На щеке у него виднелась глубокая царапина, а из колотой раны на груди сочилась кровь, орошая жилетку, но он по-прежнему улыбался. – Вот это крошечку ты мне сейчас кинула, а, – одобрительно протянул он, кивнув мне.

Ронин выпрямился, но вдруг его лицо исказила гримаса – ему в спину вонзилась стрела, пущенная со ступеней, и он завалился вперед. Я поймала Окамэ, пошатнувшись под его весом. Он схватил меня за кимоно, случайно ослабив фуросики, и из-под ткани что-то вылетело. Блестящий лакированный ящичек со свитком с тихим стуком упал на ступеньку и медленно подкатился к самому краю лестницы.

Сердце ушло в пятки. Я поспешно наступила на ящичек, пока он не упал со ступеньки. Тяжелым задыхающимся грузом ронин навалился на меня, и мы оба пошатнулись, едва не упав с лестницы.

– Окамэсан, – позвала я сквозь зубы, отчаянно глядя на ронина и стараясь удержать на ногах нас обоих и не дать свитку скатиться вниз по ступенькам. – Как вы? Стоять можете?

Он поднял голову, и по его телу пробежала дрожь.

– Kuso[31], – ругнулся он и пошатываясь отступил на шаг назад. – Черт, надо быть осмотрительнее и не поворачиваться к ним спиной!

Обернувшись, он вновь вскинул лук и выстрелил в сторону верхней ступени. Стрела вонзилась прямо в горло последнему лучнику, метившему в Тацуми, и тот повалился в заросли спиной вперед. Улучив момент, я наклонилась, схватила свиток, лежавший у края лестницы, и поспешно спрятала его в кимоно. Фух! Кажется, пронесло! Остается надеяться, что Тацуми ничего не заметил.

Посреди лестницы послышался оглушительный треск, и Нобору повалился вперед, ударился о ступени и покатился вниз. Его пустые выпученные глаза смотрели на нас невидящим взглядом, голова склонилась набок, разделенная надвое алой стружкой. Я с содроганием отвернулась, а Окамэ едва слышно ругнулся.

– Мда... – вздохнул он и сделал шаг назад. – Это было... ужасно глупо, Окамэ.

Он повалился на камни.

Я огляделась в поисках Тацуми. Стоя на верхней ступеньке, он спокойно стряхнул кровь с меча, а затем повернулся ко мне. Кровь струилась у него по лицу и рукам. Фиолетовые глаза горели в сумерках. Я напряглась, ожидая, что он что-нибудь скажет о свитке или о том, что случилось с ронином, но Тацуми только молча убрал меч в ножны и отвернулся.

– Ну вот и все, – тихо сказал он. – Пойдем, пока совсем не стемнело.

Я обернулась и посмотрела на Окамэ, скрючившегося на нижней ступеньке, и у меня внутри все сжалось.

– Тацуми, подожди! – крикнула я. Он остановился, а я кивнула на окровавленного затихшего ронина. – А как же Окамэ?

Тацуми нахмурился и склонил голову набок.

– А что Окамэ?

– Нельзя его тут бросать. Он ранен.

– Он хотел нас убить, – напомнил Тацуми бесстрастным голосом. – Он завел нас в ловушку. Разбойники нас бы не пощадили.

– Но ведь в конце концов он нам помог! – возразила я. – Он совсем не такой, как другие. Нельзя оставлять его здесь – это верная смерть. – Тацуми не шелохнулся, и я бросила на него рассерженный взгляд. – Что ж, ладно. Ты иди, а я догоню, когда смогу.

Я подошла к ронину, опустилась рядом на колени и осмотрела стрелу. Она торчала у него под левой лопаткой, вокруг ее острия по жилетке расплзлось темное пятно крови.

– Если собираешься ее вынимать, то давай быстренько, – с трудом проговорил кто-то. Я опустила взгляд и увидела, что глаза ронина открыты и он внимательно за мной наблюдает. – Возьми стрелу как можно ближе к кончику и дергай со всей силы.

– А больно не будет?

– Да брось, меня вот так все время подстреливают. Иногда я даже стреляю из лука в себя самого, чтобы потом вдоволь повинимать стрелы из ран.

- Что, правда? - ахнула я. - Как это? Это что, упражнение такое? А увернуться от стрел и схватить их налету ты тоже пытаешься?

- Юмеко-сан, это сарказм, - с болезненной улыбкой признался Окамэ. - Само собой, будет больно. Но стрелу в любом случае придется вынуть. Не могу же я заявиться в город с торчащей стрелой! Выдерни ее - и оставь меня тут. Я справлюсь.

Собираясь с духом, я обвела взглядом длинное древко стрелы, торчащее из спины ронина. Глубоко вздохнув, я потянулась было к наконечнику, но тут нас накрыла тень. Я подняла взгляд и увидела Тацуми, который решительно потянулся к стреле, схватил ее и выдернул из раны одним быстрым движением.

- А-а-ай! - взвыл ронин, откинувшись на камни. - Kuso! Ай! - Тяжело дыша, он посмотрел на нас. - Черт побери, Каге, если хочешь меня убить, то отрежь мне голову и закончим на этом. Не обязательно мучить меня пустыми надеждами.

Тацуми бросил окровавленную стрелу на землю.

- Если бы я хотел тебя убить, ты бы уже был мертв, - спокойно произнес он. - Где твоё убежище?

- Убежище? - переспросил Окамэ, с трудом сев, и стиснул челюсти. - Зачем оно тебе? Ты перебил всю банду. Больше убивать некого.

- А затем, что я не хочу тащить в город твоё окровавленное тело, если ты вдруг потеряешь сознание от потери крови. - Скрестив руки на груди, Тацуми внимательно разглядывал лестницу. - А Юмеко не хочет оставлять тебя умирать посреди дороги. Так что если убежище неподалеку, лучше нам отправиться туда. Полагаю, все самое необходимое - вода, бинты, - у тебя есть.

- Вода есть. А бинты... хм, что-нибудь найду.

Я удивленно взглянула на воина.

- Ты решил остаться?

Он посмотрел на меня своими фиолетовыми глазами без всякого выражения.

- Я же дал обещание, помнишь? Сказал, что сопровожу тебя в столицу, к тому же за мной должок. А потому... - Он наклонился, одним плавным движением схватил ронина, помог ему подняться и закинул его руку себе на плечи. Ронин взвыл и ругнулся от боли, а потом пожалел вслух, что не умер. Тацуми не обратил на его остроты никакого внимания. - Пойдем, - сказал он. - Покончим уже со всем этим.

Если бы тебя увидел учитель Итиро, он бы избил тебя до беспамятства.

Я с усилием отогнал эту мысль, сосредоточившись на том, чтобы не дать окровавленному ронину упасть по пути через лес, к убежищу, скрытому меж деревьев. Разбойники укрывались в заброшенном лесничем доме неподалеку от места нападения. Сам дом был старым и ветхим: веранда просела, перила стгнили, соломенная крыша зияла дырами. Внутри было и того хуже: на полу, покрытом тонкими матрасами, валялись грязные миски, деревянные палочки, игральные кости, одеяла, пустые бутылки из-под саке. Здесь невыносимо пахло потом, мочой и немытыми людскими телами. Я опустил ронина на грязный матрас и вышел на веранду, предоставив перевязку Юмeko.

Прислонившись к подгнившему столбику, я смотрел на небо, на то, как садится за деревьями солнце, одолеваемый мрачными мыслями.

Тацуми, что ты творишь? Надо было его убить. Теперь в это дело замешан еще один человек, и если клан об этом узнает, он в любом случае прикажет убить ронина.

При других обстоятельствах меня это нисколько бы не затруднило. Смерть ронина, бесславного и одинокого, не играла большой роли. Кроме разве что Юмeko. По совершенно непонятным мне причинам она прониклась сочувствием к подлому разбойнику. Или, видимо, просто не могла не лезть не в свое дело. Если клан прикажет мне убить ронина, я подчинюсь, как и всегда. Но его смерть может напугать или разозлить Юмeko, и тогда она от меня уйдет, и этого я тоже не мог допустить.

Я вздохнул. Как же все сложно. Сперва Юмeko, теперь этот ронин. Вот почему клан предупреждал тебя о привязанностях. Ты – оружие; любая привязанность лишь замедлит тебя и заставит сомневаться в собственных целях. Запомни, ты должен хранить верность лишь Каге – и никому больше.

Из домика послышался стон, а за ним – поспешные извинения Юмeko. Я потрянул головой. Все это не важно. Ронин – кратковременная преграда. Как только мы с ним закончим, мы продолжим путь в столицу, а потом направимся в храм Стального Пера. Оставалось продержаться еще немного.

Послышалось хлопанье крыльев, и большая черная ворона опустилась на перекладину перил в нескольких ярдах от меня. Опустив голову, она с любопытством оглядела гнилое дерево, а потом уставилась на меня черными глазами-бусинами. Мы смотрели друг на друга, застыв в полумраке. Казалось, кроме вороны, не сводящей с меня немигающих глаз, за мной наблюдал кто-то еще.

Достав свой единственный кунай, я запустил им в перила. Он с глухим стуком воткнулся в дерево совсем рядом с птицей, и она взлетела, возмущенно каркая. Ворона пролетела над крышей дома и скрылась из виду. Проводив ее взглядом, я поднялся, подошел к перилам и вытащил нож.

– Тацуми.

На веранду вышла Юмеко. Старые половицы тихо скрипели под ее весом, и я поспешно спрятал кунай в рукав.

- Я промыла и обработала рану, - сообщила она. - Можем пускаться в путь, вот только Окамэ говорит, что до ближайшего города идти полдня. Может, заночуем здесь и выступим завтра?

Я с трудом сдержал вздох, заметив сквозь ветви бледные очертания луны.

- Если хочешь.

Она склонила голову, словно в ожидании моих возражений.

- А ты не будешь убивать Окамэ-сана? - спросила она.

- Нет.

- И не сбежишь от нас посреди ночи? И не привяжешь его к дереву, повесив ему на уши сладкий картофель, чтобы по нему шныряли белки?

- ...нет.

- Ох, какое облегчение. Хотя с картошкой было бы забавно. Дэнга разок грозился так со мной поступить. Я решила, что он шутит, но с Дэнгой-саном никогда нельзя быть ни в чем уверенной.

- Oi, Каге! - позвал меня ронин, высунувшись из дверного проема. В руке у него была маленькая белая бутылка. - Не хочешь выпить? - с улыбкой спросил он, с виду несколько не страдая от своих ран. - Мы тут стащили пару бутылок несколько дней назад, а я терпеть не могу, когда хорошее sake зря пропадает. Пойдем, я тебя угощу. - Он улыбнулся мне как-то по-волчьи, и его острые, как у собаки, клыки сверкнули в темноте. - В знак моей благодарности за то, что ты не отрезал мне голову и не оставил ее гнить на солнце!

Я отвернулся.

- Пожалуй, воздержусь.

Распитие sake, сёту и других спиртных напитков категорически не одобрялось моими учителями. Нельзя было допустить, чтобы алкоголь притупил остроту чувств, нужно всегда оставаться настороже.

- Ну ладно, - проговорил ронин, пожав плечами. - Но ты многое теряешь. Пить sake в одиночку - так себе веселье. Что ж, пойдем, Юмеко-тян. Остаток нам придется, судя по всему, допить на двоих.

- Я еще ни разу не пробовала sake! - с воодушевлением сообщила ему Юмеко по пути обратно в домик. - Монахи пили его в праздники, но меня не подпускали. Дэнга говорил, что лучше поджечь комнату, чем предложить мне алкоголь.

– Так-так, так ты у нас винная девственница, – насмешливо заметил ронин.
– О, Юмеко-тян, ты представить себе не можешь, чего была лишена все это время. А монахи твои настоящие зануды. Не давать человеку sake! Да это же преступление! Нужно немедленно это исправить.

Я закрыл глаза ладонью, мысленно жалея, что обещал не убивать ронина. Защищать мою спутницу становилось все труднее – и не потому, что меня тревожили ее поступки, а потому, что она была красива и наивна, а ронин, по его собственному признанию, утратил всякую честь. Я подумал о них в пьяном уединении.

Стиснув зубы, я отстранился от перил и собрался было вернуться в домик, но вдруг заметил краем глаза какое-то свечение – по веранде ко мне катился маленький белый шар.

Я не отскочил, хотя рука тут же метнулась к рукояти меча. Мы были не одни. Вполне возможно, что в доме лесничего обитал юрэй или другой неприкаянный дух, хотя в таком случае не вполне понятно, как разбойникам удалось провести здесь столько времени и не столкнуться с этим самым духом. Шар беззвучно прокатился по доскам до самого края веранды и упал на землю. Подскочив, он заскользил по двору, но вскоре врезался в поленницу и замер.

Из-за бревен вдруг показался ребенок, взял шар и улыбнулся мне. Это был мальчик лет пяти-шести в черном кимоно с чересчур широкими и длинными рукавами, в сандалиях гэта и дырявой соломенной шляпе. Голова у него была гладко выбрита, только на лбу темнел клочок волос, а под ним поблескивал огромный глаз, занимавший всю верхнюю часть лица.

Хакаимоно встрепенулся. Нет, это не ребенок и даже не человек. Это ёкай, вот только практически не опасный. Я ощутил разочарование демона: раз ёкай не опасен, биться с ним ни к чему. И все же не обратить внимания на странного ёкая, возникшего из ниоткуда, было совершенно невозможно. Особенно учитывая тот факт, что он, сидя на пеньке у края поленницы, явно ждал меня.

– K-konbanwa[32], Каге-сан, – поприветствовал он, когда я подошел ближе, и поклонился. Яркий глаз продолжал наблюдать за мной из-под полей шляпы.
– Чудесный вечер, не правда ли?

– Кто ты такой?

Одноглазый мальчик съезжился от холодности моего тона. Он слегка отклонился назад, сунул руку в складки кимоно, достал маленькую лакированную коробочку и снял крышку. Внутри оказался белый квадратный кусок тофу; ёкай протянул коробочку обеими лапами.

– Это подарок! – объявил он и снова поклонился. – Или искупительная жертва. Чтобы показать, что я не желаю вам зла. Я – полное ничтожество, грязь подсапожная и совсем не стою внимания великого убийцы демонов Каге. Пожалуйста, не отсекайте мне голову своим Камигороши.

Хакаимоно выразил бессловесное презрение; он не считал, что об этого ёкая стоит пачкать лезвие.

– Если ты и впрямь не желаешь мне зла, то бояться тебе нечего, – сказал я одноглазому существу, не обращая внимания на его подарок. – Однако учитывая, что ты дождался, пока я останусь один, и вышел лишь сейчас, полагаю, ты здесь не просто так. Чего ты хочешь?

– Каге-сан воистину милосерден! – Ёкай выпрямился и слизнул тофу толстым красным языком, а потом отправил его в рот. Утерев рот рукавом, он оглядел меня своим огромным глазом, и в его взгляде не было ни капли детской невинности. – Мой хозяин послал меня передать одну новость великому убийце демонов Каге, – сообщил ёкай. – Ему известно, что вы ищете, и он просил меня предупредить, что Каге-сан должен соблюдать осторожность, потому что есть те, кто ищет то же самое. Воры, мистики, даймё – многие слышали легенду о Драконьей молитве и ищут фрагменты свитка по всей стране.

Драконья молитва? Это ведь за ней меня отправила госпожа Ханшу? О важности свитка мне было известно; и раз даймё Клана Тени поручила мне добыть его, значит, она ожидает какой-то серьезной напасти сверхъестественного толка. Что подтверждает моя встреча с целой стаей аманодзяку неподалеку от храма, но о самом свитке это ничего не говорит. Драконья молитва. Что это, древняя реликвия невероятной силы? Бесценная священная рукопись, утраченная в веках? Я все гадал, что это может быть и почему кому-то понадобилось отправлять целое полчище мелких демонов и, по словам Юмеко, еще и они, одного из самых сильных обитателей Дзигоку, чтобы его достать.

Но это было не моего ума дело. Моя задача в том, чтобы добыть свиток вне зависимости от того, что в нем написано, вне зависимости от того, кто за ним охотится.

– Обратите внимание на предупреждение моего хозяина, Каге-сан, – помрачневшим голосом продолжил ёкай. – Большинство смертных, ищущих Драконью молитву, знают слишком мало и потому не представляют угрозы. Они слышали отрывок легенды, и, возможно, им этого хватило, чтобы попытаться собрать все фрагменты свитка, но их знание весьма ограничено. Они слепо движутся в кромешном мраке, толком ничего не смысля. Но есть один соперник, которого стоит опасаться убийце демонов Каге. Тот, чья сила может сравниться даже с мощью Камигороши. – Он бросил взгляд на мой меч, будто опасаясь оскорбить его, а потом понизил голос почти до шепота. – Когда-то давно на этих землях жило существо, ставшее сущим проклятием для Ивагото. Даже сегодня его имя внушает страх и презрение. Это ненавистное создание называли множеством разных имен, но большинство помнит его как Генно, Владыка демонов.

Я выпрямился, и Хакаимоно тоже встрепенулся – нам обоим было знакомо это имя. Владыка демонов был знаменитой и страшной фигурой самой непростой для страны эпохи. Четыре сотни лет назад, в разгар самой жестокой гражданской войны на памяти Ивагото, волшебник по имени Генно собрал целую армию из демонов и восставших из мертвых, намереваясь захватить столицу и свергнуть императора. Из-за того, что в стране царил страшная раздробленность, его план почти сработал. Императора убили, а столицу империи чуть не разрушили, однако в самый последний момент кланы позабыли о раздорах и объединились перед лицом более опасной угрозы. Очень многие

погибли, а страну едва не разорвали на части, но совместных усилий кланов хватило на то, чтобы изменить положение дел. В финальной битве Генно был убит, армии воскресших мертвецов повержены, а демоны изгнаны восвояси. Но на этом история не закончилась. Новому императору убийства Владыки демонов оказалось мало – он приказал его обезглавить и сжечь тело, а голову спрятать в глубинах священной гробницы, чтобы Владыка никогда больше не воскрес и не принес стране новых бед.

Во всяком случае, так принято считать.

Я посмотрел на ёкая и нахмурился. Он съежился под моим взглядом.

– Владыку демонов убили четыреста лет назад, – медленно проговорил я, желая убедиться, что верно понял речи одноглазого существа. – Хочешь сказать, ему удалось вернуться?

Ёкай поспешно закивал.

– Так считает мой хозяин. Напавшая на вас ведьма ветра была одной из его прислужниц. Его – это Генно-самы, а не моего хозяина. Мой хозяин ни за что не стал бы связываться с такими, как она. – Он закатил свой единственный глаз в приступе отвращения и покачал головой. – Но Генно служит множество демонов, ёкаев и даже людей. Теперь, когда он пустился на поиски свитка, он беспощадно уничтожает всех соперников. А значит, попробует убить и вас, убийца демонов. И ваших близких.

Мне представилась Юмеко, ее сияющий взгляд и радостная улыбка, представилось, как свет гаснет в ее глазах, как демон разрывает ее на части. Почему-то эта картина взволновала меня так, как еще не волновало ничто в жизни.

– А зачем ты мне это рассказываешь? – спросил я у ёкая. – Если свиток обладает такой силой, почему твой хозяин за ним не охотится?

– Я не сомневаюсь в приказах хозяина, – сообщило одноглазое создание, слегка побледнев от одной мысли об этом. – Моя единственная цель – служить ему. Он велел мне предупредить вас о том, что Владыка демонов ищет Драконью молитву и хочет вас убить. Я и предупредил. Моя миссия выполнена. – Он несколько раз моргнул огромным глазом и нервно поглядел на меня. – Я могу идти, да? Вы на меня не нападете?

Демон внутри меня требовал именно этого, он жаждал расцечь жалкое создание надвое, едва оно отвернется, считая, что это достойный конец для такого ничтожества. Но я подавил тягу и кивнул головой в сторону деревьев.

– Иди, – велел я ёкаю, который немедленно соскочил с пенька и поспешил прочь, не оглядываясь. – И передай своему хозяину вот что: пусть не попадается мне под ноги. Если он будет угрожать мне или кому-то из моих спутников, я убью его. Это единственное предупреждение. Если мы встретимся на пути как враги, я тут же его прикончу.

Глаз ёкая округлился и стал похож на крошечную луну. Он испуганно кивнул.

– Конечно, Каге-сан, – с запинкой пробормотал он, подскочив. – Я непременно передам ему ваши слова. – Он бросил взгляд на деревья, и я вдруг понял со всей отчетливостью, что этот самый «хозяин» совсем рядом, что он слышал весь наш разговор. – Что ж... – закончил ёкай, готовясь ринуться в чашу. – Д-доброй вам ночи, Каге-сан. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Он бросился наутек, и его белая кожа сверкнула в лунном свете, а затем исчезла в густом лесу. Я почувствовал, с каким отвращением Хакаимоно встретил тот факт, что я не разрубил ёкаю позвоночник, но оставил демона без внимания и всмотрелся во мрак. Кто-то прятался за деревьями. Загадочный хозяин, который потрудился предупредить меня о возвращении волшебника Генно в Нингенкай, действовал отнюдь не из альтруизма. Кем бы он ни был, он выступал еще одним игроком в игре, в которую нередко вступал и я сам. Госпожа Ханшу, император, даймё кланов – все они были генералами, главными игроками, обладателями безупречного знания, а мы были лишь фишками на игральной доске. Я и сам был маленький пешкой в партии сёги[33], движимой невидимыми силами и идущей туда, куда отправят, не задавая вопросов, почему и зачем. Таков многовековой порядок.

А теперь, судя по всему, на игральную доску выступил еще один генерал. Генно, Владыка демонов, вернулся, вероятно, ведомый жадой мести. Госпоже Ханшу, пожалуй, было бы крайне любопытно об этом услышать, как остальным даймё и самому императору, но долг перед кланом превыше всего. Как только я достану свиток, я вернусь и подробно расскажу ей об услышанном, а может, сообщу эти сведения Дзёмёю или другим служителям Клана Тени, когда они явятся проверить, как мои дела. А до тех пор я продолжу идти к цели своей миссии, не тревожась о демонах, пока они сами не появятся на пути.

Я повернулся и пошел к домику, чувствуя на себе чей-то взгляд.

Переступив порог, я увидел, что ронин одиноко сидит в центре комнаты, окруженный пустыми бутылками. Юмеко лежала в углу, на матрасе, обнимая соломенную подушку; рядом с ней валялась перевернутая чашечка из-под саке. Проследив направление моего взгляда, ронин вздохнул и покачал головой.

– Всего полбутылки – и она стала клевать носом, – пожаловался он, и губы его тронула печальная улыбка. – Такая жалость, вот честно. А я-то надеялся найти в ней стойкого собутыльника! Видимо, сегодня придется пить одному, если только ты не присоединишься, Каге-сан.

– Не присоединюсь. – Сняв Камигороши с пояса, я опустился у порога и сел, прислонившись спиной к косяку и закрывая проход своим телом. Если ёкай все еще где-то поблизости и жаждут пробраться в домик, им придется сперва сладить со мной.

– Сам себе наливаю свое же саке! Какой кошмар, – фыркнул ронин, налил себе чашечку, а потом отпил прямо из горла. – Как же славно, что от псов вроде меня не требуют соблюдения этих ваших хороших манер и этикета. Слушай, Каге-сан... – Он взял чашечку с саке второй рукой, поднес к губам и хитро поглядел на меня своими черными глазами. – Что за история у вас с Юмеко? Ты принадлежишь к Клану Тени и вовсе не ронин, так зачем тебе сопровождать простолюдинку в столицу? Она не служанка, это мне совершенно

ясно. Представители клана ни за что бы не позволили служанке ими помыкать. – Он выплеснул содержимое чашечки себе в рот, проглотил и улыбнулся мне. – А может, она на самом деле принцесса, переодетая в простолюдинку, чтобы ее не разоблачили, а ты – ее телохранитель? Это кое-что объясняет. То, как она вертит тобой, как ты безропотно делаешь все, что она велит, даже помогаешь незнакомому разбойнику по пути. – Он немного помолчал, а поняв, что отвечать я не собираюсь, улыбнулся еще шире. – Послушай, Каге-сан, если так и будешь молчать, мне останется предположить худшее.

Я запрокинул голову и прижался затылком к косяку. Его болтовня была для меня как вода, его слова рассеивались туманом, стоило ему их произнести.

– Мне плевать на твои соображения, – сообщил я, и ронин фыркнул. – Думай, что хочешь.

– В самом деле? Тогда, полагаю, ты не станешь возражать, если я немного развлекусь с юной простолюдиночкой. – Ронин отставил бутылку и бросил голодный взгляд в угол. Глаза у него поблескивали. – Под этим тряпьем скрыто прекрасное тело, более того, готов поставить мой последний золотой рю[34] на то, что она невинна. Ты же все равно не собирался с ней делать ничего такого, правда, Каге-сан? В конце концов, она лишь простолюдинка...

Он осекся. Его взгляд упал на мой меч, на пальцы, обхватившие рукоять. Я сидел совсем неподвижно, готовый в любой момент броситься в атаку, и внутри меня вспыхнуло новое чувство, которого я прежде не испытывал. Чем-то оно напоминало любовь к насилию и кровожадность Хакаимоно, но лишь отчасти. Только чуть погодя я смог подыскать ему подходящее название, потому что чувство, вспыхнувшее у меня в груди, не было эмоцией демона. Впервые за много лет оно было только моим.

И это был гнев.

– Вот оно что. – Ронин ухмыльнулся и взял бутылку sake. – Я так и думал. Расслабься ты, Каге-сан. Не в моих правилах спать с незнакомыми простолюдинками, особенно если их защищает опасный убийца, которому не терпится отрубить мне голову. – Он вылил остатки sake в чашечку и нахмурился, когда из горлышка вытекла только тоненькая струйка. – Kuso. Не везет так не везет. Я ведь еще трезв. Что ж, остается только одно. – Он залпом допил остатки вина, взял бутылку и поднялся, слегка пошатываясь. – Нобору, ублюдок, я же знаю, что у тебя где-то спрятана секретная заначка. – Он нетвердой походкой направился куда-то, но потом остановился и посмотрел на меня, и его губы вновь тронула волчья улыбка. – Знаешь что, если вы направляетесь в столицу, я, пожалуй, немножечко прогуляюсь с вами. Окрестные дороги очень опасны – разбойники всех мастей поджидают на них честных путников. Со мной опасностей будет чуть меньше. Ты будешь телохранителем, а я – сторожевой собакой. Чем нас больше, тем безопаснее путь, а? – Он хихикнул, оценив собственную иронию, и посмотрел в угол, где по-прежнему крепко спала девушка. – Думаешь, Юеко будет против? Как по мне, вряд ли. Впрочем, неважно. Я сам ее спрошу завтра, когда она проснется. Так-так... – Он повернулся ко мне спиной и, пошатываясь, зашагал в глубь домика, в другую комнату. – Где же sake, Нобору? – бормотал он. – Не думай, от меня ты его не скроешь, я чую алкоголь, где бы он ни был спрятан.

Я слышал, как он копается в комнате и между делом хрипло ругается. Через несколько минут послышался радостный крик, а потом звуки стихли, кроме легкого звона бутылок. Чуть позже затих и звон, и на смену ему пришло гортанное сопение. Я положил Камигороши себе на колени и стал ждать рассвета, планируя разбудить Юмеко, как только солнце коснется горизонта. Если повезет, к моменту, когда ронин оклемается от похмельного сна, мы будем уже далеко.

А если он все же увяжется следом, мне, вероятно, придется нарушить данное Юмеко обещание и убить его.

17. Гостеприимство

– Mabushii [35]... – пробормотала я, когда ослепительные лучи прорезались сквозь сосновые ветки и ударили мне в глаза. Какое же солнце яркое. – И почему солнце сегодня так слепит? Пожалуйста, передайте птицам, чтобы они не пели так громко. Премного благодарю.

Тацуми, шедшего впереди, судя по всему, никоим образом не раздражали таинственные яркость света и шум. Он ничего не ответил, но я почувствовала, что мои слова его позабавили.

– Тацуми, я слышу твой смех! – сердито предупредила я. – Тебя что, веселят мои страдания? – Он вновь промолчал, и я застонала и принялась тереть глаза, пытаюсь унять пульсацию в голове. – Я ведь и дня в своей жизни не проболела! – пробормотала я. – Не пойму, почему мне сейчас так плохо.

– У тебя еще не выработалась терпимость к алкоголю, – сообщил Тацуми, бросив на меня взгляд через плечо. – Для новичка sake – довольно крепкий напиток. Увы, сейчас ты претерпеваешь побочные эффекты от его распития.

– Хочешь сказать, это в порядке вещей? – Я мысленно вернулась к предыдущей ночи, точнее, к тому, что осталось в памяти. Мне вспомнился странный крепкий напиток, который Окамэ несколько раз подливал мне в чашечку и который обжигал мне нутро, а затем разлился по желудку приятным теплом. Вспомнилось, что потом на меня накатила сонливость, а голова начала странно кружиться. Дальше – как в тумане.

– Такое чувство, что у меня в голове сидит стая обезьян, орет и кидается шишками мне в глаза, – пожаловалась я. – Зачем люди вообще пьют sake, если наутро чувствуешь себя так отвратительно? А Окамэ-сан тоже сейчас страдает? Я и половины из нашего разговора не могу вспомнить...

По спине у меня пробежал холодок. Я не смогла вспомнить ничего из того, что было сказано прошлой ночью. Что еще я забыла? Или натворила? А вдруг

я случайно показала то, чего не следовало бы, например свою истинную природу? Если я и впрямь прокололась, если Тацуми узнал, что я кицунэ...

Несмотря на яркое солнце, меня затрясло. Надо быть осторожнее! Может, смертную девчонку, ведущую его к Драконьей молитве, убийца демонов и потерпит, но вот ёкая – ни за что. Если он узнает, что я его обманула, я точно увижу, как он выхватывает Камигороши, чтобы отрубить мне голову.

– Юмеко?

Я подняла взгляд и увидела, что Тацуми по-прежнему наблюдает за мной через плечо. На его лице читалось хоть и не сочувствие, но серьезная озадаченность.

– Ты как, в порядке? – спросил он. – Может, остановимся и передохнем?

Я покачала головой, улыбнувшись той искренней тревоге, какая прозвучала у него в голосе.

– Нет-нет, Тацуми-сан, все хорошо. Я просто...

– О-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и!

Откуда-то позади раздался тихий крик. Я обернулась и увидела, что к нам, вскинув руку, спешит темная размытая фигура. Когда фигура приблизилась, я узнала Окамэ, который, запыхавшись от долгого бега, спешил к нам.

– Наконец-то... нашел вас, – задыхаясь, выговорил он, упершись ладонями в колени, и поднял на меня взгляд, криво ухмыляясь. – Думали, получится от меня избавиться? Юмеко, неужели Каге-сан не сказал тебе, что я отправляюсь в столицу вместе с вами?

Я посмотрела на Тацуми, который глядел на далекие горы и не обращал на нас внимания.

– Нет, – сдвинув брови, призналась я. – Об этом он мне не говорил.

– Ну, на ваше счастье, я очень чутко сплю. – Окамэ выпрямился и поправил юми – боевой лук, висящий у него за спиной. – Да еще твердо решил вам помочь. Потому что вы, с позволения сказать, идете совсем не туда.

Я нахмурилась.

– Что, правда?

– Неправда! – встрял Тацуми. – Эта дорога ведет к императорскому шоссе, а оттуда можно добраться напрямик до столицы. Мы на верном пути.

– Если хотите идти в обход гор, то конечно, – заметил Окамэ, кивнув на укутанные туманом и полумраком склоны. – Но это займет по меньшей мере несколько дней. А я неплохо знаю эти места и особенно тайные пути и тропки через горы. – Он поднял большой палец и указал на себя. – И могу провести вас в столицу куда быстрее, чем если вы пойдете по главным дорогам. К тому же нам не придется задерживаться на пограничном посту.

Мне показалось, что Тацуми оживился, услышав последние слова. Впрочем, наверное, оживился – сильно сказано, но он явно обратил на них внимание.

– Да, здорово было бы оказаться в столице поскорее, – задумчиво сказала я.

– К тому же, – добавил Окамэ, – чем скорее вы доберетесь до Кин Хейген Тоши, тем быстрее от меня избавитесь. Беспроигрышная ситуация, а, Кагесан?

Тацуми с ледяным молчанием оглядел нас, а потом пожал плечами и отвернулся.

– Это-то как раз неважно, – сказал он, стоя спиной к нам. – Главное – попасть в столицу. И не заплутать по пути.

– Славно! – воскликнул Окамэ и потер ладони. – Тогда следуйте за мной. И оглянуться не успеете, как мы будем на территории Клана Солнца!

– Хм-м, – задумчиво протянул Окамэ около полудня. – Я был уверен, что где-то тут проходит тропа.

Несколько часов назад мы свернули с главной дороги и уже успели углубиться в горы. Окамэ быстро нашел звериную тропу, и мы пошли за ним по темному лесу, среди высоких сосен и кедров, по толстому ковру мха, покрывавшему камни, корни и упавшие деревья. Окамэ оказался на удивление ловким, несмотря на все его рассказы о собственной неотесанности; он легко скользил меж кустов и деревьев, будто был частью этого леса. Тацуми следовал за мной так тихо, что мне приходилось то и дело оглядываться, проверяя, рядом ли он.

Но когда тропа резко оборвалась у небольшого горного ручейка, Окамэ остановился и скрестил руки на груди, устремив взгляд вниз, словно надеясь, что новая тропа появится сама собой.

– Странно, странно, – пробормотал он, оглядывая ручеек. – Я его совсем не помню.

– Ты заблудился, – заключил Тацуми таким ледяным тоном, что, казалось, ручеек вот-вот замерзнет.

– Нет же, – запротестовал Окамэ, посмотрев на него. – Я.. Я просто удивлен, что здесь течет ручей, но это временное замешательство. Я прекрасно знаю, где мы находимся. – Он почесал шею и задумчиво нахмурился. На той стороне ручейка из-за дерева выглянул грациозный олененок и уставился на нас, подергивая большими ушами. – Видимо, мы пропустили боковую тропу, – рассудил Окамэ, – но если пойти на север, то скоро мы на нее выйдем. Итак.. – Он огляделся, а олененок ринулся в кусты. – Солнце вон там, тени указывают вон туда..

- Кхм. - Я ткнула пальцем вверх по течению ручья. - Север вон там, Окамэ-сан.

- Точно. - Окамэ широко мне улыбнулся. - Ну что, Юмеко-тян, в путь! Уже очень скоро мы будем в Кин Хейген Тоши!

Через несколько часов, когда солнце начало опускаться за далекими горами, а светлячки замерцали в ветвях, Окамэ остановился, привалился к огромному, поросшему мхом валуну и покачал головой.

- Ну что ж, - радостно проговорил он и поднял руки в безнадежном жесте. - Теперь мы и впрямь заблудились.

С леденящим кровью скрежетом Тацуми выхватил меч. Окамэ поспешно спрятался за валуном, а я встала между ронином и убийцей демонов.

- Тацуми, не надо! - Я вскинула руки, заметив его холодный и беспощадный взгляд. - Убийство дела не исправит!

- Зато исправит ошибку, которую я допустил ранее, - заметил Тацуми и сощурил глаза до фиолетовых щелок.

- Но сейчас это бессмысленно! - упрямо воскликнула я. Он перевел на меня свой взгляд убийцы, и сердце в груди бешено заколотилось. Камигороши слабо светился, и этот свет пульсировал в ритме сердца. Он вовсе не походил на тот яркий алый огонь, который я видела в день нашего знакомства, но все равно тревожил. Уже от одной близости к обнаженному Камигороши по коже поползли мурашки, но я стояла на своем. - Тацуми, что вышло, то вышло. Мы уже заблудились. Давай постараемся найти дорогу и добраться до столицы без кровопролития.

- А то, что он прямо сейчас целится тебе в спину из лука, тоже, по-твоему, совершенно неважно?

- Я не в нее целюсь, - послышался из-за валуна голос Окамэ. - А в парня с жутким светящимся мечом. И если Юмеко отступит чуть вправо, я буду ей премного благодарен.

Тацуми холодно улыбнулся краем губ.

- Думаешь, тебе хватит сноровки, чтобы прикончить меня, а, ронин?

- Учитывая, что кроме этого варианта у меня есть только один - смиренно стоять и улыбаться, пока ты разрубаешь меня напополам - я предпочту рискнуть, - парировал Окамэ. На секунду я задержала взгляд на ронине и заметила на его губах опасную улыбку, а в глазах - упрямство и дерзость. - Я ведь не аристократ. И не стану добровольно отдавать тебе жизнь как плату за совершенную ошибку. Хочешь отсечь мне башку - будь добр, воспользуйся старомодным методом.

- Не будет никто ничего отсекаать! - возмущенно воскликнула я. - Это грязно и отвратительно. Давайте просто попытаемся выбраться отсюда. Скоро стемнеет, и... - Я умолкла и наострила уши, на что мои спутники не обратили никакого внимания. У самого склона, в тесном пространстве между

двумя горами, я заметила бледные мерцающие огни. – Погодите-ка. Кажется, там деревня!

Мои спутники выпрямились и тоже всмотрелись в долину.

– Так вот она где! – с довольным видом воскликнул Окамэ. – Я же знал, что она где-то неподалеку. – Не обращая внимания на мрачный взгляд Тацуми, он повесил лук на спину и спрятал стрелу в колчан. – Так чего мы ждем?

Мы начали спуск, но склон был крутым и опасным, камни покрывал скользкий мох, и потому приходилось внимательно глядеть под ноги. Продвигались мы медленно, но я решила сыграть в игру, в которую часто играла с лесными обезьянами, и стала бесшумно перескакивать с камня на камень. Один раз Окамэ поскользнулся, ободрал руку о булыжник и разразился впечатляющей бранью. Тацуми, разумеется, передвигался с грациозностью лани, спокойно перешагивая с камня на камень, будто делал это изо дня в день.

Когда мы наконец спустились в долину, солнце уже скрылось за вершинами гор, а тени удлиннились. Мы перешли мост над крошечным ручейком и пошли по грязной извилистой тропе к горстке домов с тростниковыми крышами, видневшихся впереди. Воздух в долине был густой и влажный; цикады стрекотали в деревьях, а разноцветные стрекозы носились над рисовыми полями, отражаясь в мутных водах. Крохотные ростки риса были высажены аккуратными рядами на всех ярусах террасного поля. Еще немного – и они превратятся в бескрайние зеленые моря. Вдоль берегов медленной реки я заметила сети, которые сушились на солнце, и маленькие рыбацкие лодки. Лучи закатного солнца поблескивали в воде, а вся долина, казалось, жила неспешной, обособленной жизнью, позабытая остальным миром.

За рисовыми полями извилистая тропа пересекалась с дорогой пошире, тянущейся вдоль самой деревни. На перекрестке стояли указатели, сбитые и подписанные вручную, и на них темнели иероглифы кандзи. «Вы прибыли в Яматори, – гласила табличка. – Путникам здесь всегда рады».

– Звучит вполне дружелюбно, – заметил Окамэ. – Это хороший знак. В некоторых горных деревушках страшно не любят визитеров. Терпеть не могут странников, самураев и особенно ронинов.

– Почему? – изумленно спросила я.

– Потому что ронины хватают, что хотят, – холодно пояснил Тацуми. – И крестьяне ничего не могут с этим поделать.

– Самураи ничем не лучше, – парировал Окамэ, бросив взгляд на убийцу демонов. – Думаешь, они следуют этому идиотскому кодексу Бусидо? – с усмешкой спросил он. – Да я своими глазами видел, как самурай забрал у одного человека жену, а его самого убил, потому что тот посмел сопротивляться. Видел, как самурай отсек ребенку голову за то, что тот напугал его лошадь. Может, я и впрямь всего лишь грязный пес ронин, но я, во всяком случае, не вытворяю, что в голову взбредет, прикрывшись кодексом.

- В голову взбредет? - тихо повторил Тацуми и покачал головой чуть ли не с жалостью. - Тот, у кого нет ни капли чести, никогда не поймет поступков того, у кого честь есть.

- Говорит человек с жутким светящимся мечом.

- Это здесь вообще ни при чем.

- Само собой, ведь жуткие светящиеся мечи обычно используют только с самыми невинными намерениями.

- А что, таких мечей несколько? - удивилась я. - Я видела только один такой вот жуткий светящийся меч. Они так часто встречаются, да, Окамэ-сан?

Окамэ вздохнул.

- Нужно будет на досуге рассказать тебе, что такое сарказм, Юмекотян. Но не сейчас: за нами наблюдают.

Я обернулась. На дороге собралась группка мужчин и женщин - преимущественно крестьян, судя по загорелой коже и простым рубашкам. Они не сводили с нас глаз.

Окамэ усмехнулся.

- Раз они уже все равно нас заметили, - начал он и медленно направился к толпе, - надо бы поздороваться, что ли.

Под пристальным взглядом деревенских жителей мы направились к ним. Многие из них улыбались и кивали или кланялись нам, опуская глаза и не глядя в наши лица. Несколько мужчин о чем-то перешептывались, и лица у них были воодушевленные, хоть и напряженные. Седовласая старушка, сидевшая у дверей своей хибарки, беззубо улыбнулась нам, когда мы проходили мимо, и ее глаза едва не утонули в морщинистых щеках. Маленькая девочка в желтом кимоно скакала на месте и отчаянно махала Тацуми, который шел чуть позади нас с Окамэ. Он не обратил на малышку никакого внимания, но это не остудило ее пыл. Казалось, все нам невероятно рады.

И все же...

- Добро пожаловать, путники!

К нам с улыбкой подошел мужчина. Его лысый лоб поблескивал от пота, а темные жидкие волосы, растущие на макушке, были стянуты в пучок на затылке. Одет он был получше остальных жителей деревни - на нем была сине-серая рубашка и черные штаны хакама. Он шагнул вперед и отвесил нам низкий поклон, согнувшись в поясе.

- Добро пожаловать в Яматори, почетные гости! - поприветствовал он. - Меня зовут Манзо, и я глава этой деревни. Вы к нам надолго или так, просто мимо идете?

– Идем мимо, – ответила я к его заметному удивлению – он явно ожидал, что ему ответит Окамэ или Тацуми. – Мы скоро двинемся дальше. Надеюсь, мы не сильно вас побеспокоим...

– Но если у вас отыщется для нас комната и несколько постелей, мы будем очень благодарны, – добавил ронин, вставший рядом со мной. Он обезоруживающе улыбнулся главе деревни и потянулся к своему поясу. – Могу заплатить за доставленные неудобства.

– Заплатить? Нет-нет-нет! – Мужчина энергично замотал головой и вытянул руку. – И слушать о деньгах не желаю. Вы – почетные гости Яматори. Какие еще неудобства?! Проходите, прошу.

– А они на удивление дружелюбны, – заметил Окамэ, когда мы вслед за главой направились по дороге к центру деревни. Жители кивали и улыбались нам, когда мы проходили мимо; они высовывались из дверных проемов и таились между домами. Окамэ помахал маленькому мальчику, наблюдавшему за нами из-за своей хибарки, и тот испуганно спрятался за стену. – Что с ними случилось, что они так самураям радуются?

– Не нравится мне это, – признался Тацуми, понизив голос. – Все это... странно.

– Что именно? То, что люди благодушно к тебе относятся? Да, теперь и я понимаю, что это может не на шутку бесить.

Глава деревни повел нас к огромному дому, стоявшему на небольшом возвышении. У этого дома тоже была крытая тростником крыша, но его окружала деревянная веранда, и справа и слева виднелись крылья, в отличие от однокомнатных хибаров, в которых жили крестьяне. По пути я заметила старого монаха в черных одеждах с железным посохом на плечах, присевшего под деревом у дороги. Он тоже улыбнулся нам и кивнул; я остановилась на пару секунд, отвесила ему быстрый поклон и поспешила за остальными. Окамэ очень странно на меня посмотрел, когда я его нагнала, но ничего не сказал.

Мы вошли в бамбуковые ворота и оказались в маленьком саду, где под длинными ветвями сосны блестел крохотный прудик, освещаемый заросшим мхом фонарем. Вспомнив пруд при храме Тихих Ветров, я всмотрелась в воду, ожидая увидеть там карпов или упитанных золотых рыбок, беззвучно открывающих рты. Но, увы, пруд был почти пересошим, и плавали в нем только гнилые листья, и я разочарованно поморщилась. В сумерках на меня уставилось мое отражение – девушка с острыми пушистыми ушками и золотистыми глазами, и внутри все сжалось.

– Кицунэ, – проговорил глава деревни, и сердце у меня заколотилось как бешеное, а живот скрутило от страха. Я повернулась к мужчине, и он нервно улыбнулся. – К нам тут последнее время лисы повадились, – пояснил он. – Тащат все, что найдут. У моих бедных рыбок не было шансов.

Я с облегчением выдохнула и поспешно отошла от края пруда, надеясь, что никто не заметил в воде отражения кицунэ.

– Ох, мне очень жаль.

Позорная промашка, Юмеко. Будь осторожнее. Не время сейчас с рыбками играть.

Глава деревни распахнул дверь в дом. Я заметила, что она тяжелая и деревянная, вовсе не из тонкой рисовой бумаги.

– Асами! – позвал он, пока мы разувались у порога, прежде чем проследовать в дом. – У нас гости. Накрой стол еще на троих.

– Что вы, не нужно! – сказала я главе деревни, когда в дверном проеме появилась женщина средних лет в темно-синем кимоно и, ахнув, поспешила обратно. – У нас есть свои припасы. – Мне вспомнилось небольшое поселение крестьян у подножия гор, неподалеку от храма Тихих Ветров. Порой они забредали к нам и просили помолиться об урожае или изгнать злых духов из их домов. Монахи всегда выполняли их просьбы, в качестве платы за услугу принимая какие-нибудь мелочи вроде мешочка ячменя или тощих морковок. Учитель Исао рассказывал мне, что эти люди едва сводят концы с концами. Жизнь крестьян была нелегка; деревни голодали, потому что половину урожая риса приходилось ежегодно отправлять даймё Клана Земли – таков был налог. И мне совершенно не хотелось отбирать у этих людей пищу, раз я ничем не могу им помочь.

Но глава деревни не желал ничего слышать. Он вновь повторил, что мы – почетные гости Яматори и что непростительно не оказать нам должного гостеприимства. Поэтому когда мы уселись, скрестив ноги, на плотные татами, перед нами поставили лакированные подносы, а потом супруга главы деревни и его дочери стали приносить нам угощение за угощением. В целом еда была простая и полезная: маринованная капуста, речные угри, запеченные в мисо, чернослив и бесчисленное множество мисок чистейшего риса без единого пшеничного зернышка. По словам главы деревни, несколько крестьян настаивали собственное саке, которое с огромным энтузиазмом продегустировал Окамэ; мы с Тацуми предпочли чай. Но сколько бы раз я ни опустошала свою миску с рисом, передо мной, будто по волшебству, тут же появлялась другая. Я явно не справлялась с таким количеством еды, а Окамэ с аппетитом ел все, что попадалось под руку. Тацуми, напротив, был очень сдержан и сидел молча, только единожды вежливо отказавшись от предложения добавки. Сомневаюсь, что он вообще притронулся бы к еде, если бы глава деревни не ел то же самое.

Наконец, когда я уже так наелась, что не могла больше съесть ни зернышка, глава деревни встал из-за стола, улыбнулся и хлопнул в ладоши.

– Вы, наверное, очень устали после такого долгого путешествия, – произнес он, бросив взгляд в окно, за которым виднелась огромная желтая луна, висящая над деревьями. – Пойдемте со мной, я покажу, где вы будете спать.

Я с трудом поднялась, чувствуя, как желудок давит на ребра, и подавила зевок.

– Вы очень любезны! – сказала я, и глава деревни вновь очень странно на меня посмотрел, будто бы его опять озадачило, что за всех говорю именно я, а не молчаливый, одетый в черное самурай, стоящий позади. – Но нам не хотелось бы вторгаться в ваш замечательный дом.

– О, нас это нисколько не затруднит, моя... госпожа, – проговорил глава деревни. – У нас есть гостевой дом специально для таких случаев. Дом отдельный, и там очень тихо – поверьте, вас никто не потревожит. – Он быстро мне улыбнулся, а две его дочери, стоя на пороге, смотрели на нас, широко распахнув глаза... от испуга? – Прошу, за мной.

Мы вышли из дома через черный ход. По ту сторону бамбукового забора нас ждала небольшая толпа. Стоило нам выйти за ворота, как вперед выступила улыбающаяся девушка, которая протянула нам связку дайкона. Поклонившись, она сунула овощи мне в руки и поспешно отступила – я даже не успела ничего сказать.

– Э-э-э... спасибо! – Едва я произнесла эти слова, как к нам подошла еще одна женщина и отдала мне целый кочан капусты. А третья положила на растущую гору овощей три огурца (они чуть не улетели в грязь, я едва успела их поймать). Обе женщины поклонились и быстро отошли, не обращая внимания на мои протесты.

Я посмотрела на Окамэ и увидела, что его тоже осаждают крестьяне. Белобородый старик повесил ему на шею тыквенную бутылку с sake, широко улыбаясь, а старушка – возможно, его супруга – сунула тростниковую корзину с сушеной рыбой. Глава деревни никак не препятствовал происходящему, так что гора еды, которую нам надавали, только росла. Крестьяне улыбались и кланялись нам, будто и впрямь были невероятно счастливы делиться своими запасами.

Я заметила, что Тацуми стоял в стороне от всей этой суеты – возможно, потому, что от него исходила аура враждебности, а взгляд фиолетовых глаз предупреждал: «Не трогайте меня». И все же когда к нему подбежала маленькая девочка в поношенном кимоно и протянула слегка помятую хурму, он принял ее подарок и серьезно ей поклонился, но затем мама девочки, поспешно извиняясь, подхватила малышку на руки и унесла.

Когда мы наконец отделились от толпы, у нас с Окамэ руки были заняты едой, и я едва видела дорогу за высокой горой подарков. Оставалось надеяться, что гостевой дом недалеко. Глава деревни провел нас грязной тропой мимо полей и амбаров с рисом, больших деревянных построек на высоких сваях, помогающих избежать подтопления. Вокруг деревни на фоне неба, усыпанного звездами, темнели очертания гор. Во мраке жалобно прокричала ночная птица, из высокой травы доносилось пение сверчков, а светлячки, будто крошечные созвездия, мерцали над полями. В таких местах обыкновенно ощущаешь полное спокойствие.

Почему же тогда я чувствую себя такой... уязвимой?

Я оглянулась и увидела, что крестьяне разошлись.

Кроме одного человека.

Монах. Он вернулся и теперь неподвижно стоял у дороги, словно статуя. Его черные одежды слились с темнотой, но посох и широкополая шляпа поблескивали в бледном свете луны.

Его лицо скрывала тень, но я чувствовала, что он следит за нами – и особенно за мной.

Я отвернулась и едва не врезалась в Окамэ – они вместе с главой деревни остановились посреди дороги. Я отскочила с поспешным «Gomen» и чуть не столкнулась с Тацуми, который вовремя отошел и даже поймал огурец, выпавший из моих рук.

– Так вот, – сказал глава деревни, бросив на меня слегка раздраженный взгляд и указав толстым пальцем на тропинку. – Отсюда видно гостевой дом. Дойти до него можно по этой тропе.

Я выглянула из-за капустных листьев и разглядела на краю полей приземистый домик. Он был очень похож на те, что мы видели в деревне, – здесь тоже были деревянные стены, остроугольная тростниковая крыша. Сквозь оконные решетки и дверной проем лился мягкий оранжевый свет, в окне виднелся огонь, мерцавший в жаровне. Прямо за домом дорога изгибалась и уходила вниз по склону, а потом и вовсе пропадала из виду.

– Там все для вас подготовлено, – сообщил глава деревни, обращаясь к Окамэ и не удостоивая меня даже взглядом. – Огонь разожжен, постелено чистое белье. За домом есть ручей, если вам вдруг понадобится вода, а если проголодаетесь – над жаровней найдете кастрюлю.

Вряд ли она нам понадобится – я даже думать о еде не могла. Но Окамэ горячо поблагодарил главу деревни, который нервно улыбнулся и отвесил ему низкий поклон.

– Спасибо, что почтили своим присутствием, – проговорил он, не сводя глаз с земли. – Надеюсь, вам у нас хорошо. Oyasuminasai [36].

– Доброй ночи, – проговорила я в ответ, и глава деревни поспешил уйти. Его силуэт все отдалялся, но что мне бросилось в глаза, так это то, что монаха, стоявшего у дороги, уже не было на прежнем месте.

18. Проклятия и гаки

Что-то в этой деревне было не так.

Мы с Хакаимоно отчетливо это ощущали, Юмеко, судя по всему, тоже, а вот ронин вел себя предельно беспечно. И дело было не только в атмосфере ярости и страха, которая висела над деревней плотной пеленой. И не в том, что крестьяне с непонятной поспешностью отдавали нам свою еду, несмотря на то что зимой им нередко приходилось голодать и что рис для них был дороже золота. Подозрительное поведение, впрочем, отчасти объяснялось тем, что они наверняка натерпелись бед от странствующих самураев и потому пытались нас задобрить. В любом случае цели отравить нас у них не было: в

свое время меня научили различать яды и их вкус, и в еде, которой нас угощали, их точно не было.

Но меня настораживали другие, едва заметные знаки. Заборчики вокруг рисовых полей с заточенными до остроты ножа кончиками. Дома с основательно укрепленными дверями. Полное отсутствие животных в деревне – мы не встретили ни собак, ни кошек, ни куриц. Яматори хранила какую-то тайну. Непонятно было лишь одно: должна ли она нас тревожить.

В гостевом доме было темно, угольки в жаровне отбрасывали длинные тени на голые деревянные стены. Зайдя в дом, Юмеко первым делом опустилась на колени и со вздохом облегчения сложила в угол подаренную крестьянами еду. Ронин последовал ее примеру, оставив при себе только бутылку с саке. Приложившись к ней, он убрал ее в карман рубашки.

– Не знаю, как вам, а мне тут нравится! – объявил он и растянулся рядом с огнем. – Я вот уже много недель так хорошо не ел, а ведь дальше будет только больше, – лениво улыбнувшись, он погладил себя по животу. – По пути в столицу будем объедаться как принцы.

– Вака, – тихо проговорил я. Вот идиот. – Эти крестьяне что-то скрывают. Они не из доброты нас так накормили. И не просто так поселили сюда.

– Ох, так, значит, я не одна это почувствовала! – с облегчением выдохнула Юмеко, и я кивнул. – Так странно, – продолжила она, поглядев в окно на деревню. – Мне показалось, что им очень хочется, чтобы мы поскорее ушли, и все же они отчаянно пытаются нас задержать. Жители изо всех сил стараются сделать так, чтобы нам здесь было уютно, а сами страшно напуганы. – Она немного помолчала, а потом встревоженно посмотрела на меня. – Как ты думаешь, они поселили нас сюда, чтобы ограбить и убить? Это невероятно подло.

С пола послышался смех ронина; он лежал на боку, подложив под голову ладонь.

– Крестьяне – народ очень хитрый, – сказал он, будто делаясь личным опытом. – Они способны перерезать тебе глотку, только когда ты спишь, но, судя по всему, даже на это им не хватает смелости. – Он зевнул, почесал шею и бросил взгляд на дверной проем. – Но хорошо бы нас ночью кто-то посторожил – мало ли что.

Я подошел к двери, чтобы поплотнее ее закрыть, но обнаружил, что двери и в помине нет. Нахмурившись, я оглядел местность вокруг и обратил внимание, что дорога огибает гостевой дом и уходит вниз. Совершенно не в восторге от мысли о том, что за нами вполне может быть еще одна часть деревни, я вышел на улицу и обошел хибару, добрался до холма и увидел то, что лежало у его подножия.

У холма раскинулось кладбище, окруженное простым бамбуковым забором. Могилы темнели внизу беспорядочными рядами, грубо вытесанные надгробия торчали из грязи, украшенные каменными фонариками и покосившимися статуями Дзинкея, ками милосердия и усопших. Много – начиная с мемориальных досок и заканчивая фонариками и каменными фигурками – было покрыто мхом, а лица статуй разрушены от времени. Но несколько надгробных

плит, в особенности те, что были ближе всего к гостевому дому, явно возникли не так давно.

Рядом появилась Юмeko и тоже оглядела кладбище. Странно, но несмотря на ее близость, несмотря на острое ощущение ее присутствия, мне не захотелось отшатнуться и отойти в сторону.

- Хм... Как... интересно, - проговорила она, немного помолчав. - Почетных гостей принято селить по соседству с кладбищами?

- Вообще-то, нет, - отозвался я.

Юмeko продолжила разглядывать могилы.

- Как думаешь, юрэй тут есть? - спросила она. Голос у нее был не особо встревоженный, будто вероятность встречи с призраком не пугала ее, а вызывала сильное любопытство. Но я ее интереса не разделял. Большинство юрэев были безобидными и довольствовались тем, чтобы не покидать места своей гибели с трагичным и скорбным видом; опасности они не представляли. Существовали и другие духи, самыми опасными из которых были онрё и горё - призраки людей, умерших со злобой и ненавистью в сердце, вернувшиеся для того, чтобы покарать тех, кто лишил их жизни. Порой их ярость не утихала годами и даже веками, и проклятие падало на головы не только тех, кто их предал, но даже на их потомков.

- Зависит от некоторых нюансов, - сказал я, не горя желанием объяснять это все Юмeko.

- От каких?

- Скажем, от того, правильно ли похоронили усопших. Если это произошло с соблюдением всех ритуалов, то их душа на земле не задерживается. Или от того, как именно они умерли: испытывали ли в этот момент сильные чувства, остались ли у них незавершенные дела. Если да, то их душа вполне могла задержаться в нашем мире. - Я окинул взглядом кладбище. - Так что, может быть, мы сегодня столкнемся с юрэями.

- Ну, в деревне есть по меньшей мере один монах, - заметила Юмeko. - Он наверняка провел все необходимые ритуалы, как думаешь?

Я слегка нахмурился и посмотрел на нее.

- Какой еще монах?

- Ну, он был рядом с домом главы деревни, когда мы только прибыли, а потом у дороги, неподалеку отсюда. Ты разве его не видел?

- Нет. - Не то чтобы я сомневался в ее словах. Истории с кодама и камаитати показали, что Юмeko хорошо видит мир духов. Даже лучше меня. Я остро чувствовал присутствие демонов и ёкаев, но мои способности проявлялись благодаря влиянию Камигороши и ненасытной кровожадности Хакаимоно, который всегда предупреждал меня об их приближении. А поскольку юрэй демона совсем не интересовали, присутствие призраков я

чувствовал хуже, если только они не были сильными и по-настоящему опасными.

- Да был там монах, - упрямо повторила Юмeko. - В черных одеждах, соломенной шляпе и с посохом с железными кольцами, которые позвякивали на ходу. - Она задумчиво помолчала, а потом спросила: - А может, он и есть юрэй, обитающий в деревне, и потому все ведут себя так странно?

- Возможно. - Раскусить призраков было гораздо сложнее, чем демонов. Обычно ими занимались священники или колдуны-оммёдзи, которые либо изгоняли духов, либо убеждали их покинуть заселенное место. Клан еще ни разу не поручал мне убийство юрэй; никто не знал наверняка, что происходит с существами, убитыми Камигороши - перерождаются ли они или вовсе прекращают свое существование. Одна мысль о том, чтобы уничтожить навсегда и без остатка человеческую душу, казалась жуткой и крамольной даже представителям клана Каге, и потому рисковать они не решались. Демонов и ёкаев я мог убивать толпами, но нападать на призраков мне запрещалось, если только они не представляли угрозы для жизни.

Юмeko вздохнула.

- Кажется, сегодня мне выспаться так и не удастся.

Мы вернулись в домик. Едва мы переступили через порог, как нас оглушил громкий храп. Ронин крепко спал на грубых досках у огня, приобняв бутылку с sake. Юмeko покачала головой, перешагнула через ронина и направилась к одному из соломенных матрасов, лежащему в углу. Я сел у порога, снял с пояса ножны и положил меч на колени. Юмeko свернулась на матрасе и натянула потрепанное одеяло до самых глаз, внимательно наблюдая за мной.

- Тацуми-сан? - позвала она меня после того, как мы несколько минут молча слушали храп ронина. Тело, растянувшееся у огня, кашлянуло и перевернулось на спину, на мгновение затихнув.

- М-м-м? - глухо промычал я.

- Я... рада, что ты здесь, - проговорила она из-под одеяла, глядя на меня черными сияющими глазами. - Знаю, наш путь очень опасен, но мне куда спокойнее от мысли, что ты рядом. Одна я ни за что не смогла бы заснуть в деревне, населенной призраками! Так что спасибо... за то, что остался.

Почему-то от этих слов внутри у меня все сжалось - сам не знаю почему.

- Но мы ведь оба дали обещание, - напомнил я. - Ты обещала отвести меня в храм Стального Пера, а я - защищать тебя по пути. Моя цель - свиток, не более.

- Да, знаю. - Во мраке гостевого дома ее голос прозвучал мягко и тихо. - Но я все равно очень рада, что ты решил остаться. Я... - Она прикрыла рот ладонью, зевнула и продолжила: - Я, наверное, даже усну сегодня. Потому что знаю, что ты рядом. - Она поморщилась, когда со стороны очага вновь послышался громкий храп. - Если, конечно, этот дуралей Окамэ меня не разбудит. Доброй ночи, Тацуми-сан.

Я ничего не ответил. Вскоре ее дыхание замедлилось, и она погрузилась в сон.

На мгновение поддавшись своей тайной симпатии, я, вдали от осуждающих глаз, украдкой посмотрел на Юмеко. Ее бледная кожа, казалось, сияла в свете луны, пробивавшемся сквозь решетчатые окна, а волосы чернильным покрывалом лежали на плечах и спине. Юмеко дышала спокойно и размеренно, ее лицо во сне было таким же беззащитным, как и наяву. На глаза ей упала черная как смоль прядь, и мне вдруг нестерпимо захотелось ее убрать.

Меня накрыло волной отвращения, и я отвернулся, сжав ладонь в кулак. Почему в последнее время я вечно отвлекаюсь? Моя задача состояла в том, чтобы любой ценой заполучить свиток и вернуть его госпоже Ханшу, – и мне прекрасно было это известно. И вот до чего я докатился: сижу тут с девчонкой и неотесанным ронином, пообещав, что никуда не уйду.

На миг внутри вспыхнули сомнения. Моя бдительность ослабела, и отвращение превратилось в обжигающую, нестерпимую ярость. Меня переполнило невыносимое желание зарезать моих бесполезных спутников, убить их во сне, а потом смотреть, как их кровь заливает пол и шипит в жаровне.

Я бесшумно поднялся и шагнул в комнату, схватив рукоять меча. Моя тень упала на мирно спавшую девушку. Глядя на ее щеку, такую беззащитную и уязвимую в лунном свете, я подумал о том, как легко будет воплотить свой замысел. Никто из моих спутников даже не поймет, что умер, пока не проснется в виде юрэя или пока не очнется в загробном мире. Зато я смогу спокойно продолжить поиски свитка. Я вполне мог найти его и без девчонки, да и держать данное слово мне было ни к чему. Я был убийцей демонов Каге и лучшим шиноби Клана Тени. Честь и людские жизни не значили для меня ровным счетом ничего.

Пальцы крепче сжали рукоять меча, и я начал медленно вынимать его из ножен.

– Нет, Хакаимоно! Довольно!

Наконец вернув себе власть над Хакаимоно, я спрятал меч в ножны и отскочил от спящей девушки. Пошатываясь, я вышел из комнаты, прижал ладонь к лицу, тяжело дыша и силясь очистить сознание от гнева и кровожадности. Не желая сдаваться, Хакаимоно отчаянно боролся со мной, ярость и жажда насилия пульсировали в моих венах. Закрыв глаза, я припомнил мантру, которой меня учил сенсей, и монотонно прочел ее про себя, будто сутру.

Будь ничем. Ты не человек; ты – оружие. А оружие ничего не чувствует. Оружие не испытывает эмоций, они не мешают ему, не замедляют его. Ничего не чувствуй. Ни о чем не жалея. Ты всего лишь тень, пустая и бездушная. Ты ничто.

– Я ничто, – прошептал я и почувствовал, как Хакаимоно пропадает из моего сознания. – Я лишь оружие в руках Каге. Я не предаю их и ни за что не провалю свою миссию.

К тому моменту, когда я открыл глаза, я уже полностью себя контролировал. Злость, смущение и сомнения покинули мое тело – остался только холодный разум. Нельзя было терять бдительность, нельзя было отвлекаться ни на что и ни на кого. Да, жажда битвы в Хакаймоно временно погасла, но стала жутким напоминанием о том, что стоит на кону. Я вовремя остановился, но если бы меч вкусил крови, я мог бы перерезать всю деревню ради удовлетворения демонской прихоти, начиная с девушки, которую обещал защищать.

Юмеко. Я сощурился. Юмеко отвлекала меня от цели, интриговала, смущала, вызывала чувство опасности. Я и сам не понимал, почему она вызывает во мне такие сильные эмоции, но дальше так продолжаться не могло. Хакаймоно выигрывал время, окутывал меня ложным чувством безопасности, чтобы в конце концов поработить меня. И ведь у него почти получилось! Нельзя допустить, чтобы это произошло еще раз.

Тишину пререзал слабый звон.

Я поднял глаза. На дороге, огибающей дом, стоял монах, и его фигура в лунном свете казалась размытой и туманной. Он был в черных одеждах и широкополой соломенной шляпе и опирался на посох с четырьмя железными кольцами, иными словами, полностью походил под описание, данное Юмеко. Не сводя с меня глаз, он поднял посох, ударил по тропе... и исчез.

Я осторожно обошел дом, помня о том, что знаки, поданные мертвецами, никогда не стоит оставлять без внимания, и окинул взглядом кладбище.

Оно больше не пустовало.

От него исходил странный бледно-зеленый свет, который освещал десятки трупов, неуклюже расхаживающих между надгробий. Это были голые истощенные существа, с тонкими, как палочки, ногами и руками и круглыми раздутыми животами. Они смутно напоминали людей и ходили сторбившись или ползали по грязи, словно животные, раскрыв рты, в которых поблескивали изогнутые сколотые зубы.

Гаки.

Я припал к земле в тени от гостевого дома, осознавая свою ошибку. Деревня и впрямь была населена призраками, вот только дело не ограничивалось одним юрэем. Гаки были духами жадных или злых людей, проклятых после смерти и потому испытывавших ненасытный голод. Сколько бы они ни ели, страшный голод не утихал – его невозможно было утолить. Они вызывали скорее жалость, более того, один гаки не мог причинить серьезного вреда, но если эти существа не находили для себя пищи, они делались по-настоящему опасны и бросались на все, неважно, живое или не живое, – лишь бы ослабить мучительный голод.

Наблюдая за тем, как гаки расхаживают между могилами, я почувствовал, что в моих жилах закипает холодная ярость, расплаемая Хакаймоно. Деревенские жители знали. Теперь становились понятны их страхи и опасения. Мы не были «почетными гостями», как нас убеждал глава, – мы были жертвами, которых деревня хотела принести гаки.

Я осторожно сделал несколько шагов назад и вдруг понял, что я не один. Рядом со мной стоял монах и тоже наблюдал за передвижениями гаки, пряча лицо в тени шляпы. Не успел я ничего сделать, как он поднял свой посох. Металлические кольца блеснули во тьме, и монах со стуком опустил посох в грязь. Кольца зазвенели, а металлический гул, напоминавший звук гонга, эхом разнесся в ночной тиши, и все гаки одновременно повернулись ко мне и уставились на меня пустыми пылающими глазами.

Со стонами и оглушительными воплями гаки, перескочив через бамбуковую ограду, поспешили ко мне по склону холма. Я резко отпрянул и убежал в дом. Не обратив внимания на храпящего ронина, я подскочил к Юмeko и схватил ее за руку.

– Юмeko! – Я дернул ее и поставил на ноги. Она широко распахнула глаза и удивленно уставилась на меня. – Вставай!

– Тацуми? Что ты..

Ее вопрос прервал вопль, и на пороге появилось кривое тощее создание. Гаки раскрыл рот, издал оглушительный крик и набросился на нас, растопырив изогнутые, как у хищной птицы, когти. Юмeko ахнула, а я закрыл ее собой, выхватив из ножен Камигороши. Меч пронзил костлявую грудь гаки, раненый дух застонал, забился в конвульсиях и рассыпался клубами черно-зеленого дыма.

– Поднимай ронина! – крикнул я, когда в проем посыпали новые гаки с горящими безумием и голодом глазами. Я встал у порога, выставив вперед меч и перекрывая путь. Хакаймоно, позабыв о ярости, вспыхнул радостью, предчувствуя убийства, и осветил толпу призраков алым светом.

Гаки с воем бросились на меня, обнажив зубы и выставив вперед когти. Я отбивался, отрубая нападавшим руки, ноги и головы, разрезая истощенные тела напополам. Духи, судя по всему, не знали ни чувства страха, ни чувства самосохранения – они отчаянно, с бездумной яростью бросались на мой меч; неуемный голод пожирал их, сводил с ума. Даже если я отсекал гаки руку или ногу, он все равно упрямо шел на меня, размахивая культами, или пытался меня укусить, если я умудрялся отрубить ему обе руки. Уничтоженные духи растворялись бесплотным туманом, но вместо них появлялись все новые. Бесчисленная толпа гаки ломилась в узкие двери гостевого дома. Чей-то коготь таки добрался до моей шеи и оставил на ней глубокую царапину, и от запаха крови толпа духов обезумела еще сильнее.

В нескольких дюймах от меня, прямо над ухом что-то просвистело, и в лоб одного из гаки вонзилась стрела – призрак тут же развеялся дымом. Когда я набросился на следующего духа, у меня между рук пролетела вторая стрела, и гаки с пронзительным воем растворился. В хаосе и пыли битвы я смутно подумал о том, что раз ронин попадает во врага из-за моей спины, то он либо действительно такой меткий и ловкий, либо невероятно везучий.

– Кто это такие? – испуганно крикнула Юмeko позади меня. – Чего они хотят?

– Это гаки! – ответил ей ронин, и еще одна стрела со свистом пролетела у самых моих ребер и вонзилась одному из духов в живот. – Голодные

призраки! Договориться с ними нельзя. Эти несчастные твари умирают от голода и готовы сожрать все, включая нас.

Еще один коготь зацепил меня за рукав, проткнув ткань и содрал с руки кожу. Хакаимоно вспыхнул от ярости и ринулся вперед, требуя, чтобы я позволил ему перерезать эту жалкую толпу, но я оставил его ярость без внимания, подавив влияние демона, – в ту минуту я не доверял ни себе, ни мечу.

Нечто крупнее и тяжелее стрелы пролетело мимо моей головы и врезалось гаки в лицо. Призрак отскочил, а на пол шлепнулась большая редька. Не обратив особого внимания на овощ, гаки зарычал и снова набросился на меня. Хакаимоно довольно зашипел, когда меч перерезал щуплую шею. Голова упала на пол, рядом с редькой, подскочила разок и рассеялась дымом.

Еще несколько таких «угощений» пролетело мимо меня прямо в толпу гаки, которые либо не обращали на еду никакого внимания, либо пытались отбить ее в сторону.

– Кажется, традиционная еда их совсем не занимает, – заметила Юеко, а я стиснул зубы, мысленно пожелав, чтобы мои спутники прекратили швырять предметы в такой близости от моей головы. – Видимо, они хотят сожрать нас.

Над головами у нас послышался громкий шорох, и Юеко испуганно взвизгнула.

– Окамэ, они лезут через крышу!

– Черт возьми! – Зашипела тетива, и над нами послышался глухой стук и треск – и очередной гаки встретил свой конец.

– Еще лезут! – предупредил ронин, когда над головами у нас разнесся треск соломы, и вниз посыпались стебельки сушеной травы. – Эй, Каге, сколько их там у тебя?

Я разрубил пополам двух гаки, кинувшихся на меня, и бросил быстрый взгляд на толпу призраков в дверях.

– С десятков, – задыхаясь, сообщил я и отскочил, уклоняясь от демона, собравшегося было рассечь мне лицо когтями. – Отвлеки их еще на несколько секунд. И не дай им подобраться к Юеко!

У меня за спиной послышались новые крики и шипение, но я не сводил глаз с толпы в дверях. Я услышал поспешный топот, ругань ронина и крик Юеко, от которого внутри все похолодело. Обезглавив последнего гаки, я стремительно обернулся, готовый броситься на защиту моей спутницы в надежде, что не увижу на полу ее безжизненное тело в окружении монстров, рвущих его на куски.

Ронин лежал, распластавшись на спине, неподалеку от жаровни, держа лук прямо перед собой, словно пытаясь отогнать невидимого врага. Рядом стояла Юеко, в ее вытянутой руке поблескивал танто, а вокруг клубились остатки зеленого дыма. Рукав у нее был порван острыми когтями, но крови не было.

- Это что... последний? - запыхавшись, спросила она и посмотрела на меня.

Я коротко кивнул и спрятал Камигороши в ножны, ощущая, как в груди вспыхнуло странное чувство. Неужели это облегчение от осознания того... что она жива и здорова?

- Тацуми... - Юмеко шагнула вперед, обеспокоенно глядя на мою шею, поцарапанную гаки. Я чувствовал, что кровь, текущая из раны, уже начала просачиваться под воротник. Из руки тоже закапала кровь - прямо на деревянный пол. - Перво-наперво нужно перевязать раны. У тебя осталось лекарство?

Она сделала еще один шаг ко мне, и внезапно я вспомнил ее нежное прохладное прикосновение, вспомнил ее руки, скользящие по моей спине. Как это было непохоже на целителей из Клана Тени - те обрабатывали мне раны поспешно и грубо, нисколько не заботясь о том, причиняют ли мне неудобства. По своему обыкновению, я привык к той боли, которую они мне причиняли в ходе своих манипуляций, и считал ее нормальной. Как любил говорить Итиро-сенсей, боль - это хорошо; если она есть, значит, ты жив. Но в случае с Юмеко... На моей памяти это был первый случай, когда меня касались... не причиняя боли.

Я весь напрягся и отпрянул от нее. Нельзя отвлекаться, - напомнил я себе - Никаких чувств, никаких послаблений. Стоит поддаться очарованию моей спутницы и начать мечтать о безболезненных прикосновениях, как Хакаимоно воспользуется моей слабостью и превратит меня в демона.

- Не нужно, - ледяным тоном остановил ее я, и она застыла на месте, смущенно заморгав. - Не подходи ко мне, - велел я, сделав шаг назад. - Мне не нужна твоя помощь. Я сам справлюсь.

Она нахмурилась. Во взгляде мелькнуло смущение и что-то еще. Не обращая никакого внимания на этот взгляд и на неясное удушающее чувство в груди, я быстро прошел мимо нее, к ведру с водой, стоящему в углу комнаты. Мне была поручена миссия, медлить нельзя. Нужно найти свиток и передать его госпоже Ханшу - все остальное не имело значения. Оружие не ставит под сомнения требования его обладателей или цели, ради которых его создали. Оружие существует лишь для того, чтобы подчиняться... и убивать.

- Эй! - требовательно позвал ронин, когда я отошел в сторону, и указал на мелкие порезы на своем лице. - А как же я? Это, знаете ли, не макияж театра кабуки.

- А разве я бы сама этого не поняла, Окамэ-сан?

Он вздохнул.

- Забудь.

Юмеко оторвала лоскут ткани от своего пояса, подошла к ронину, присела рядом и внимательно осмотрела его лицо.

- А что гаки? - спросила она, касаясь его щеки. - Как думаешь, мы их всех перебили?

- Очень на это надеюсь. Ite! - Он отпрянул от ее рук, и Юмeko нахмурилась. - Будь они прокляты, эти голодные призраки. Ну ничего, вот рассветет, и несколько моих знакомых крестьян умрут с криками о пощаде на устах.

Юмeko опустила ладонь со сжатой в ней тканью и округлила глаза:

- Но за что?

- Юмeko-тян. - Ронин гневно тряхнул головой. - Уж поверь мне, они все подстроили. Глава деревни прекрасно знал о гаки, да что уж там - о них знала вся деревня. Мы были приманкой - с таким же успехом можно было повязать нам на шею колокольчики. Я отлично это понимаю, да и Каге-сан, верно, самурай?

- Да, они ждали нашей смерти, - подтвердил я, втирая лекарство в свою рану. - Вот почему так радушно разместили нас здесь на ночь. А все ради того, чтобы гаки сожрали нас и оставили деревню в покое.

- Ага. - Ронин мрачно кивнул. - Вот только я вполне себе жив, а еще страшно зол. - Он забрал у Юмeko лоскут ткани, встал и вразвалочку направился в мой угол, не сводя с меня глаз. - Каге-сан, послушай, - начал он. - Как по мне, за такое полагается мстить. Что, если мы, скажем, выьем главе деревни дверь, насадим его голову на кол и скормим гаки, а деревню сожжем к чертям собачьим?

19. Разговор с юрзем

Нет, он шутит. Я уставилась на ронина, который выжидающе возвышался над Тацуми. На губах Окамэ играла мрачная улыбка, но взгляд был холодный и угрожающий - как у человека, жаждущего мести.

Он говорил совершенно серьезно.

- Нет, Окамэ-сан, так нельзя! - воспротивилась я. - Они ведь даже не вооружены. Мы не можем просто так взять и перебить местных жителей в их собственных домах!

- Это ты не можешь, - заметил Окамэ, и его губы скривились в недоброй ухмылке, обнажив острые, как у пса, зубы. - А я вот не могу с добром относиться к подлым, бесчестным крестьянам, которые хотели скормить нас гаки! Я считаю, что по меньшей мере дом главы нужно сровнять с землей, а его башку насадить на столб при входе в деревню - как предупреждение для всех путешественников. Что скажешь, Каге?

Тацуми обмотал рану на руке куском ткани и затянул повязку потуже при помощи зубов.

- Нет.

- Нет?! - Ронин изумленно уставился на него, а я с облегчением выдохнула.
- Черт побери, почему нет? Ты что, не самурай? Да ведь эти крестьяне едва нас не убили!

- Моя миссия не в том, чтобы сжигать деревни, - ответил Тацуми, не поднимая глаз. - Это напрасная трата времени. Если хочешь - оставайся и мсти местным сколько угодно - мне на это плевать. Мы с Юмеко уходим отсюда на рассвете.

Ронин с отвращением фыркнул.

- Ой, да пожалуйста, - пробормотал он. - Думаю, есть даже какая-то романтическая справедливость в том, чтобы не мешать голодным призракам пожирать своих же родичей. Готов биться об заклад, что через несколько лет тут вообще никакой деревни не останется - будет одно лишь кладбище, полное гаки.

- Но почему тут так много гаки? - спросила я. - Откуда они берутся? Неужели возникают прямо из-под земли, голодные и злые?

- Гаки - это души жадных людей, чье самолюбие принесло им немало бед, - пояснил Тацуми. - Неутолимый голод - это их наказание за жадность, и он будет мучить их вечно, пока они не искупят своих грехов.

- Но ведь жители этой деревни совсем не жадные! - возразила я. - Ты же сам их видел. Они чуть ли не из кожи вон лезли, отдавая нам угощения.

Окамэ пожал плечами.

- Может, они просто надеются не переродиться в гаки, когда их неизбежно сожрут. Может, это все чья-то недобрая шутка, но я слишком устал, чтобы в нее вникать.

Я покачала головой.

- Что-то здесь не так, - пробормотала я, подошла к двери и посмотрела на дорогу. - Деревня и гаки не так просты, как нам кажется. Думаю, во всем этом замешан и тот монах.

- Монах? - мрачно переспросил Окамэ. - Какой еще монах?

- Юрэй, который... ох, забудь. Нужно поговорить с главой деревни, - сказала я, обернувшись. Окамэ недоверчиво поглядел на меня, но я не обратила на него внимания, ловя взгляд Тацуми. - Думаю, он расскажет нам, что происходит. Одно нападение мы уже пережили, и никто не ждет, что мы вновь появимся в деревне, все думают, что нас сожрали гаки. Пожалуй, теперь-то он нам все расскажет. - Тацуми ничего не ответил, и я, нахмурившись,

посмотрела ему в глаза. – Ты что, не хочешь во всем разобраться, Тацуми? Неужели тебе ни капельки не интересно?

– Нет.

– А мне вот интересно!

– Мне тоже! – к моему изумлению заявил Окамэ. – После твоего предложения мне и впрямь захотелось поболтать с нашим дружелюбным главой деревни и выяснить у него, зачем он скармливает путников местным таки. Как по мне, идти надо прямо сейчас. – Он решительно подошел к двери и оглядел черными глазами окрестности. – Никаких голодных призраков я поблизости не вижу, – сообщил он. – А даже если мы на них наткнемся, теперь нам точно известно, что их можно убить, изгнать и все в таком духе. – Он обернулся, и его губы тронула вызывающая улыбка. – Что ж, стало быть, в дом к главе деревни! Каге-сан, ты с нами или нет?

Тацуми холодно взглянул на нас, продолжая молчать. Наконец он грациозным движением поднялся на ноги, спрятал Камигороши в ножны и заскользил по комнате. При его приближении внутри у меня что-то странно закололо, а сердце застучало сильнее.

– Хорошо, только быстро.

Пока мы шли к дому главы деревни, за нами внимательно наблюдали местные жители. Оказалось, что этой ночью никто не сомкнул глаз. На улицах не было ни души, но все притаились у окон – мы видели, как крестьяне глядят на нас округлившимися от изумления и страха глазами. Судя по всему, они и впрямь не ожидали, что мы выживем после нападения таки, и осмотрительно решили держаться от нас подальше. Никто не задержал нас, когда мы шли через поселение, пересекали главные ворота у дома главы деревни и поднимались в этот самый дом по ступенькам. Только тогда я заметила, что дверь сделана из тяжелого, обитого сталью дерева, и увидела на ней несколько длинных царпин.

Дверь оказалась заперта изнутри, что, разумеется, никого не удивило. Окамэ несколько раз подергал за ручку, а потом отступил со зловещей улыбкой.

– Каге-сан! – позвал он, бросив взгляд на Тацуми и указав ему жестом на дверь. – Не хочешь ли исполнить почетную миссию?

Тацуми выхватил меч из ножен и разрубил массивную деревянную дверь, будто она была сделана из рисовой бумаги. Шагнув вперед, Окамэ поднял палец, легонько по ней стукнул, и дверь со стоном распахнулась.

Мы осторожно вошли внутрь. В прихожей было пусто, но в глубине виднелся бледный свет, подрагивающий на стенах и полу. Отодвинув дверь, мы увидели главу деревни – он стоял посреди комнаты на коленях, огонь из жаровни отбрасывал на его лицо красноватый отсвет.

Как только дверь распахнулась, он рухнул на пол, прижав лоб к доскам.

- Помилуйте! - раздался с пола глухой голос главы деревни. Его била дрожь, и он был страшно напуган. - Помилуйте, господа! Убейте меня, если хотите, но деревню помилуйте. Она не заслуживает вашего гнева.

- Да ладно? - Окамэ скрестил руки на груди. - Хочешь сказать, крестьяне не пытались скормить нас гаки? И совершенно ничего не знали о том, что сегодня случится? - Он фыркнул с недоверием и презрением. - Ой, а я уж подумал, что вся деревня подстроила все таким образом, чтобы сожрали именно нас. Ну я и дурак!

Я нахмурилась и посмотрела на Окамэ.

- Но ведь это очень похоже на правду! Вот почему... а, ясно. Опять сарказм.

- Прошу... - Глава деревни не поднимал головы. - Пощадите. Мы были в отчаянном положении. Вы сами видели, с чем нам пришлось столкнуться. Вы и не знаете, каково это - жить бок о бок с этими тварями. Мы не знаем, что еще предпринять.

- Они вовсе не бессмертны, - подал голос Тацуми. Эту фразу он произнес сурово и равнодушно. - Если бы жители деревни попытались их одолеть, число гаки в округе поубавилось бы.

- Но мы же пытались! Мы пытались их убивать, поджигать, отрезать им руки и ноги, закапывать в землю! Но что бы мы ни делали, скольких бы ни лишали жизни - они всегда возвращаются! - Глава деревни в отчаянии сжал кулаки. - Это все проклятие! Проклятие, наложенное на нас монахом, будь он неладен. Из-за него мы обречены терпеть набег гаки до конца наших дней.

Вот оно что. История начинала проясняться.

- Какое еще проклятие? - спросила я, выступив вперед. - Мы видели монаха. Это он виноват в том, что вас осаждают гаки?

- Вы видели монаха? Милостивый Дзинкей, неужели он никогда не уймется? - Главу деревни забила крупная дрожь, и он сел на полу и закрыл глаза. - Наверное, нет больше смысла скрывать правду, - прошептал он. - Прошу, присаживайтесь, и я расскажу вам о величайшей тайне и самом страшном позоре нашей деревни.

Мы с Окамэ шагнули вперед и опустились на татами. Тацуми остался стоять, где стоял, - в дверном проеме, но глава деревни не обратил на него внимания.

- Наша деревня всегда процветала. По легенде, мой прапрапрадедушка, в бытность свою главой деревни, заключил сделку с самим Одзинари, Kami урожая, благодаря которой земля всегда будет давать богатый урожай при условии, что местные крестьяне будут о ней заботиться. Еды в деревне всегда хватало, даже после уплаты рисового налога в конце каждого сезона, даже после того, как даймё забирал часть урожая. Поля никогда не истощались и не пересыхали. Ручьи и озера всегда изобиловали рыбой, а сады, пусть и небольшие, - овощами и фруктами. Богатыми мы никогда не были, но и не голодали. И хорошо понимали, что нам повезло куда больше,

чем жителям других деревень, которые каждую зиму страдали от голода, и мы благодарили богов за то, что они благословили нашу землю. Так прошло несколько десятилетий, и со временем жители деревни начали опасаться, что об их достатке прознают другие и попытаются отобрать у них пищу. Деревня у нас маленькая, обособленная от остального мира, и если бы кто-то о чем-то прознал, могли бы начаться набеги ронинов и разбойников, охочих до наших припасов. И тогда мы бы не знали мира и спокойствия. Так мы думали в те времена. И хотя земля продолжала давать изобильный урожай, мы начали копить и прятать еду, словно белки – орешки. Редким путешественникам, забредавшим в наши края, мы ввали, что мы – всего лишь бедные крестьяне, которые едва могут себя прокормить, – и отправляли их восвояси с пустыми руками. И вот однажды, в одну из холоднейших зимних ночей, в деревне объявился монах. Он ходил от дома к дому и просил тарелку риса, картофелину – что угодно, что не жалко отдать. Но деревня встретила его недружелюбно – мой прадедушка приказал всем запереть двери и не обращать на монаха внимания. Целых три дня он бродил по окрестностям деревни, передыхая в снегу, в одной только соломенной шляпе и легких одеждах. Он предлагал помолиться за ближних, благословить поля в обмен на кусок еды. Но никто не обращал на него внимания. Никто так ему ничего и не дал. Все кругом притворялись, что не слышат его просьб, что не замечают, что он умирает от голода, а монах тем временем ни единым словом не жаловался на свое положение. Через три дня его нашли у двери главы деревни, замерзшим до смерти. В обледеневшей ладони он сжимал обрывок бумаги, на котором его же собственной кровью было выведено проклятье за нашу жадность. Через три месяца после того, как его похоронили на кладбище недалеко от деревни, маленькая дочь одного из крестьян упала на серп кама и погибла. Ее тоже похоронили на кладбище. Но ночью она вернулась, голодная и разъяренная. Она ворвалась в свой бывший дом и разорвала родных на кусочки. Через месяц возвратилась уже вся их семья – она неприкаянно блуждала по деревне в поисках теплой плоти, и ее ненасытный голод стубил немало жизней. Так и начался этот бесконечный круг, – проговорил глава деревни, а его черные глаза встревоженно глядели перед собой. – В последние три ночи каждого месяца – по числу дней, в которые мы морили монаха голодом – ненасытные призраки восстают из могил и забредаются по деревне в поисках пищи. Обыкновенная еда их не интересует – угощения вроде риса, овощей или sake они не принимают. Они жаждут одной только живой плоти и пожирают даже родных. Те гаки, которых вы видели сегодня, когда-то были нашими возлюбленными и родственниками – это все те, кто умер после того, как монах испустил последний вздох у этой самой двери. Он – онрё, дух мести, и его проклятие продолжает карать нас за грехи наших предков.

– Почему бы не покинуть эти места? – спросил Окамэ, когда глава деревни закончил свой рассказ. – Как по мне, самое простое решение. Собирайтесь и отправляйтесь на поиски новой деревни, а все беды, кладбище и голодные призраки пусть остаются позади.

– Не так все просто, – покачав головой, сообщил мужчина. – Само собой, некоторые уже пытались бежать. Но проклятие каждый раз следовало за ними. Гаки идут по пятам таких беглецов; призраки преследуют их, куда бы они ни пошли, и появляются каждую ночь, а не только в конце месяца. В итоге беглецы либо в ужасе возвращаются в деревню, либо погибают и сами становятся голодными демонами. – Глава деревни бросил на дверь тусклый, безжизненный взгляд. – Выхода нет. Мы в ловушке, и проклятье не спадет до тех пор, пока призраки нас не перебьют, пока мы не превратимся в гаки.

- Хм-м, - протянул Окамэ, поднимаясь на ноги. - По правде сказать, я подумывал о том, чтобы убить вас за то, что вы бросили нас на растерзание гаки, но если посудить, у вас и без того житье незавидное. - Он поглядел на меня и ухмыльнулся. - А что, если мы поскорее уйдем отсюда, пока проклятье не перекинулось и на нас?

- А это возможно? - спросил Тацуми, мрачно взглянув на ронина. - Станут ли гаки нас преследовать, если мы попытаемся сбежать?

- Нет, - безжизненно проговорил глава деревни. - Ваши предки не злили монаха. Так что вас проклятие не затронет. Можете уходить, не оглядываясь. Само собой, я вас за это не осужу. Это наше наказание и ничье больше.

- А кто-нибудь пытался поговорить с монахом? - спросила я, и безжизненные глаза задержались на мне. - Ведь его призрак по-прежнему бродит здесь.

- Монах... - По лицу мужчины пробежала тень непритворного ужаса. - Порой его видят в деревне - то тут, то там, - сообщил он. - Но он пропадает из виду прежде, чем мы успеваем сказать слово. Нам кажется, что дело в воздействии проклятия, в его отзвуке, а не в самом призраке монаха. - Глава деревни поежился. - А онрё... порой он появляется на кладбище и гуляет между могилами. Выглядит он как светящийся призрак в белом. Но никто из нас не осмеливается к нему приблизиться - иначе гаки разорвут нас в клочья.

- А без гаки он не появляется? - спросила я.

- Именно так. Будто жаждет понаблюдать за нашими страданиями, убедиться, что мы действительно мучаемся, - со вздохом поведал глава. - И я не могу винить его за этот гнев - наши предки и в самом деле поступили с ним отвратительно. Но меня мучает мысль, что мне самому суждено стать злобным духом, который будет охотиться за собственной семьей. Я даже убить себя не могу, потому что все равно стану одним из них.

- Юмекко, - предупреждающе проговорил Тацуми, будто прочитав мои мысли. Я сделала вид, что не слышу его, встала и повернулась к своим спутникам.

- Нужно им помочь.

- Что?! - не веря своим ушам, переспросил Окамэ. - Продираться через кладбище, полное гаки, чтобы поболтать с призраком? Если ты не заметила, меня несколько минут назад едва не съели. И я как-то не горю желанием еще раз испытывать подобное. Спасибо, обойдусь.

Я пропустила слова ронина мимо ушей и встретилась взглядом с Тацуми, который прислонился к дверному косяку, скрестив на груди руки.

- Тацуми-сан, мы должны им помочь. Как мы можем уйти теперь после всего, что услышали? Эти люди и так пострадали, а ведь они ничем не заслужили такой беды! Если мы поговорим с монахом, возможно, нам удастся убедить его снять проклятие.

- Юмеко. - Тацуми мрачно и пристально посмотрел на меня и покачал головой. - С духами мести нельзя договориться, - серьезно произнес он. - Злость поглотила их без остатка, как и неутолимая жажда отмщения. Если монах и вправду онрё, у тебя нет шансов его успокоить. С большой вероятностью ты навлечешь его гнев и на себя тоже.

Внутри меня все похолодело от страха.

- Но я... очень хочу попробовать, - проговорила я. - Много времени это не займет. Нужно только, чтобы кто-нибудь отвлекал гаки, пока я беседую с монахом. Сегодня - последняя ночь месяца, - напомнила я ему, когда он нахмурился. - Единственная возможность с ним поговорить. На заре монах и гаки исчезнут, и мы упустим возможность избавиться от проклятия.

Тацуми еще мгновение не сводил с меня глаз, а потом медленно выдохнул.

- Ты твердо решила с ним поговорить, даже без моей помощи? - пробормотал он.

Я кивнула.

- Да, может, я не умею управляться с мечом и стрелять из лука, - проговорила я, - зато умею разговаривать с призраками и ками. Это то, что мне под силу, и я очень хочу помочь местным жителям.

Он снова вздохнул и бросил взгляд на дверь.

- У нас мало времени, - объявил Тацуми, и сердце у меня в груди громко застучало. - Духи, как правило, исчезают, когда над горизонтом восходит солнце. Если мы хотим переговорить с монахом, нужно спешить.

Окамэ застонал.

- Погодите! - прорычал он, когда мы поспешили к двери. Затем достал из-под пояса тыквенную бутылку с sake, сорвал с нее крышечку, выплеснул содержимое себе в рот, утер губы, швырнул бутылку главе деревни и с широкой улыбкой повернулся к нам. - Что ж, вот теперь я готов.

Когда мы шли через деревню обратно к кладбищу, кругом стояла тишина. Над головой ослепительно сияла луна, заливая дома вокруг серебром, а рисовые поля - бледным светом. По пути нам не встретилось ни одного гаки, но когда мы приблизились к кладбищу, я заметила бледно-зеленый свет.

Бочком мы обошли гостевой дом и осторожно посмотрели, что происходит внизу холма.

Гаки вернулись. Во всяком случае, некоторые из них. Само собой, их было куда меньше в сравнении с той толпой, что напала на нас в доме, но все равно больше, чем я ожидала, надеясь, что Тацуми и впрямь их всех уничтожил. К тому же в момент их нападения мы были в доме, благодаря чему убийца демонов смог биться с ними по очереди. В условиях открытого пространства обороняться от огромной ватаги призраков будет куда сложнее.

- И ты всерьез хочешь, чтобы мы туда спустились, - проговорил Окамэ со вздохом и скорчил недовольную мину, наблюдая за теньями, бродящими у подножья холма. - М-да, весело точно не будет, но чего уж, веди нас.

- Стойте. - Тацуми остановил нас жестом. - Может, нам и не придется с ними драться.

Я удивленно посмотрела на него. Он замялся, будто борясь с самим собой, но потом выдохнул и пояснил:

- Если мы спустимся вниз у всех на виду, гаки тут же ринутся в атаку. Но, полагаю, у меня получится применить одну технику, благодаря которой мы ненадолго станем невидимыми.

- Ха! - Окамэ скрестил руки на груди. - Так значит, ты все-таки одарен ками! Я так и думал. Впрочем, уже один твой жуткий сияющий меч о многом говорит. - Он бросил взгляд на облаченного во все черное самурая, стоявшего позади нас, театрально понизил голос и склонился ко мне. - Ходят слухи, - поведал он, - что если в семействе Каге рождается дитя, одаренное ками, его забирают и воспитывают как шиноби.

Я нахмурилась.

- А кто такие шиноби?

- Воины тени. Тайные убийцы. Они всегда нападают неожиданно: могут наброситься сзади и перерезать горло, а могут убить тебя спящего. - Окамэ фыркнул. - Их нанимают на службу все кланы, не верь слухам о чести на поле битвы. Но о шиноби из семейства Каге поговаривают, что они умеют проходить сквозь стены, превращаться в тени... или становиться невидимыми.

- А еще поговаривают, что те, кто болтает о шиноби, внезапно исчезают, - тихим ледяным голосом добавил Тацуми.

- Как же славно, что я не верю в эту чушь.

Со стороны кладбища послышался тихий звон.

Мы обернулись и посмотрели вниз. По кладбищу двигалась призрачная белая фигура монаха; полы его соломенной шляпы и посох покачивались. Фигура скользила между еле волочащих ноги гаки, но они не обращали на нее никакого внимания. Двигался монах медленно, сосредоточенно, оставляя за собой завитки дыма, которые поднимались в воздух. В конце концов монах подошел к огромному кедру и исчез.

- Это он, - шепнула я и посмотрела на воина в черном, стоявшего позади Окамэ. - Тацуми, ты сказал, что можешь провести нас вниз, да так, что нам не придется драться?

Он отошел на шаг назад и мрачно посмотрел на кладбище.

- Да, но есть несколько условий. Чары подействуют, только если мы будем вести себя тихо и незаметно. Любой звук громче шепота, как и любое резкое движение, разрушит иллюзию. Кроме того, нельзя смотреть гаки прямо в

глаза, нельзя привлекать их внимание. Так что веди себя тихо, опусти голову и держись поближе ко мне. Справишься?

- А как же я? - шумно поинтересовался Окамэ.

Тацуми окинул его ледяным взглядом.

- Чем больше людей спустятся с холма, тем сложнее мне будет поддерживать действие чар. Я уже и так злоупотребляю лимитом дозволенного, беря с собой одного человека, - а с двоими и подавно ничего не выйдет. Лучше оставайся здесь.

- Пытаешься от меня избавиться, а, Каге-сан? Я ранен. Право, как же будет досадно, если меня сожрут гаки!

Тацуми сощурился.

- Фехтовальщик из тебя неважный, - отрезал он. - Если чары ослабнут и гаки увидят нас, никакой помощи от тебя не будет. Твои жалкие попытки защитить Юмеко этим твоим ножом ничего не дадут, и в итоге вы оба пострадаете.

Окамэ фыркнул.

- Не нужно меня оскорблять, Каге-сан. Я не вправе требовать сатисфакции, но вот обидеться вполне могу. И, кажется, уже обиделся.

- А вот лучник из тебя неплохой, - продолжил Тацуми, оставив слова ронина без внимания. - Если чары рассеются и гаки нападут на нас, с твоей стороны будет куда осмотрительнее оставаться на почтительном расстоянии и прикрывать наше отступление. В худшем случае ты сможешь убивать гаки до того, как они доберутся до нас, и мне тогда не придется заботиться о том, чтобы защитить тебя и Юмеко.

- Что ж... Разумное зерно в этих словах есть, как ни больно мне это признавать, - заметил Окамэ, со вздохом скрестив руки на груди. - Ну ладно. Идея мне не особо нравится, но о магии я знаю не больше, чем об икебанае[37]. Я останусь здесь и буду засаживать стрелы в черепашки всем гаки, какие только посмеют к вам приблизиться. Юмеко-тян... - Он кивнул мне и улыбнулся. - Удачи. Пожалуйста, не дай им тебя сожрать - с тобой моя жизнь только-только стала по-настоящему интересной!

- И ты тоже будь осторожен! - велела я и повернулась к самураю. - Что ж, Тацуми, я готова. Что я должна делать?

Он вновь заколебался, но потом вытянул руку ладонью вверх.

- Нам надо соединиться, - сказал он, и в животе у меня взлетело облако бабочек. - Чары окутают нас обоих, но они не рассчитаны на группу людей. Если мы разъединимся, гаки увидят тебя, так что не отпускай мою руку что бы ни случилось.

Я кивнула, тихо вздохнула и вложила свою ладонь в его. Рука у него оказалась грубой, покрытой мозолями, но пальцы, переплетающиеся с моими,

были на удивление длинными и тонкими, почти изящными. Сердце застучало быстрее, а бабочки в животе закружились еще неистовее и оживленно забили крыльями.

Тацуми застыл в полной неподвижности, глядя на наши соединенные руки и словно борясь с инстинктивным желанием отшатнуться. Я всмотрелась в его лицо и заметила, что в его фиолетовых глазах вспыхнуло какое-то чувство – были в них и тень неуверенности, и нешуточный страх. Но через мгновение его лицо приняло невозмутимое выражение. Ледяная маска вернулась на место. Он поднес к лицу два пальца другой руки, прикрыл глаза и пробормотал заклинание, которое я не разобрала.

Волна энергии, исходящая от Тацуми, пронеслась в воздухе. Она закружилась вокруг нас, ласковая и прохладная, заглушая звуки и затемняя тени. Где-то в стороне тихо ругнулся Окамэ. Я почувствовала себя очень странно, казалось, тело утратило плотность, и свет луны, льющийся с небес, пронзает меня насквозь.

Тацуми открыл глаза. Сияющие фиолетовые зрачки уставились на меня, но я не могла разглядеть в них своего отражения.

– Пойдем, – прошептал он. – Не забудь: держись как можно ближе, не смотри на гаки и не отпускай мою ладонь. Готова?

Я кивнула и крепче сжала его руку. Он развернулся, и мы вместе направились к кладбищу по узкой извилистой тропе.

Среди могил возвышалось несколько старых деревьев – кедров, сосен. Как только мы добрались до входа на кладбище, Тацуми нырнул в сторону от тропы – в тень от высоких деревьев. Гаки, пошатываясь, бродили между надгробиями; я шла с опущенной головой, но видела их боковым зрением, видела их обнаженные, раздутые тела, нелепо поблескивающие в лунном свете. Сердце в груди гулко заколотилось, но призраки, как и предсказывал Тацуми, обращали на нас не больше внимания, чем на падающие листья, несмотря на то что несколько гаки проскользнуло в пугающей близости от нас. Один раз Тацуми резко прижал меня к дереву, и мы оба вжались в его шершавую кору, когда ствол обогнул один из гаки, едва не столкнувшись с нами. На несколько мгновений призрак задержался рядом с деревом, прерывисто и хрипло дыша и оглядываясь – он будто чувствовал, что рядом кто-то есть. Я покрепче сжала рукоять кинжала танто и зажмурилась, не смея шевельнуться и даже вздохнуть. Сердце громко стучало в груди, я старалась держаться как можно дальше от Тацуми, надеясь, что он не заметит лакированный ящичек, спрятанный у меня под фуросики. Если он найдет Драконий свиток прямо сейчас, кладбище, полное голодных призраков, станет меньшей из моих бед.

Наконец шаги гаки затихли, и Тацуми заметно расслабился.

– Идем, – шепнул он мне, и мы отделились от ствола и пошли мимо могил.

Когда мы пробирались между двумя соснами, краем глаза я заметила какое-то свечение, резко остановилась и схватила Тацуми за рукав.

– Тацуми-сан, – прошептала я. – Кажется, я вижу монаха! Вон он!

Воин посмотрел туда, куда я указывала. На противоположном краю кладбища в тени огромных кедров возвышалось одинокое надгробие. Луч лунного света пробивался сквозь ветки, освещая могильную плиту и поблескивая на посохе с металлическими кольцами.

– Могила монаха, – прошептала я, наблюдая за тем, как от надгробия отделилась призрачная сияющая фигура. Монах-кхэй, по-прежнему в соломенной шляпе и с железным посохом, поймал мой взгляд и удивленно поднял призрачную бровь.

– Он нас видит! – прорычал Тацуми.

Послышался пронзительный вопль, от которого у меня заledenела кровь в жилах, и один из гаки перескочил через ближайшее надгробие и застыл, распахнув пасть, словно бешеный волк. Тацуми резко обернулся, выхватив Камигороши, и рассек тщедушное тело, при этом он отпустил мою руку, и я явственно ощутила, как рассеивается волшебство и растворяются чары – словно обрывается тонкая паутинка, в которую попали камнем. Все таки, что были на кладбище, повернулись к нам; их глаза горели голодным огнем, а воздух наполнился шипением и воплями.

Тацуми выступил вперед. Альый свет Камигороши, холодный, как и взгляд воина, залил ближайшие надгробные камни.

– Иди, – приказал он, размахивая мечом. – Поговори с монахом. Я задержу их.

Я подняла взгляд на приближающихся гаки, разрываясь между желанием поскорее побежать к монаху и выхватить мой танто и броситься в битву вместе с Тацуми. Внутри вспыхнула лисья магия, и пальцы у меня зашипало. Я подумала, остановит ли призраков шар лисьего пламени (пусть ради этого и придется показать свою истинную природу)?

Когда один из гаки подобрался к нам слишком близко, в воздухе позади него что-то просвистело и с силой ударило чудовище в спину. С душераздирающим стоном гаки повалился вперед – из шеи у него торчал наконечник стрелы, – и растворился в облаке зеленого тумана. Следующий гаки завалился набок, на ближайшее надгробие, третий упал прямо в грязь, беспомощно взмахнув конечностями, а затем исчез без остатка.

– Окамэ, – выдохнула я, бросив взгляд на вершину холма. Не успела я разглядеть на крыше дома стройную фигуру, как еще один гаки с воплем рухнул в траву. Тацуми терпеливо ждал, пока первая волна нападавших подобрется поближе, опустив руку с мечом вдоль тела.

– Юмeko. – Голос у него был до мурашек спокойный, но я уловила в нем поистине страшные нотки, отголосок кровожадности, которую Тацуми едва удавалось сдерживать. – Иди же.

И я пошла.

Я отгибала надгробия и петляла между каменными статуями в поисках сияющего белого призрака. Он ждал меня в тени деревьев, терпеливо возвышаясь рядом

с собственной могилой, и на его бледном лице застыло озадаченное выражение. Я нырнула за ближайшее надгробие, прячась от гаки, и поморщилась, когда его ногти оставили на камне четыре белые царапины. Гаки обошел могилу и собрался было кинуться на меня, хищно расставив длинные когти, но в воздухе просвистела стрела и вонзилась ему в шею. Гаки с воплем превратился в дым и развеялся, а я поспешила дальше.

Судорожно ловя губами воздух, я пробежала мимо последней могильной плиты, обогнула дерево и застыла перед прозрачной фигурой в белом.

– Что ж... – Голос монаха походил на порыв ледяного ветра, на тихий отзвук давно забытого чувства. Его лицо то бледнело, то проступало четче, напоминая отражение в воде, в которую бросили камешек. – Эта ночь воистину полна сюрпризов. Здравствуй, лисичка. Что же привело тебя на мою одинокую деревенскую окраину?

Я медленно втянула воздух, несколько не удивившись тому, что он знает о моей истинной природе. Манерой речи он совсем не походил на онрё, жестокого духа мести, о котором рассказывал Тацуми. Голос у него был спокойный и даже приятный – и, может, немного грустный.

– Konbanwa, юрэй-сан, – начала я. Позади послышался громкий вопль, вспыхнул алый свет. Тацуми всеми силами отвлекал гаки, как и обещал. – Ой... ничего, что я называю вас «юрэй-сан»? – испуганно уточнила я. – Я еще никогда не разговаривала с призраками.

Его чуть затуманенное лицо слегка нахмурилось, но вид у него был скорее озадаченный, чем рассерженный. Я поспешно продолжила, испугавшись, что он обиделся.

– Прошу, послушайте, господин монах, – взмолилась я, соединив ладони и поклонившись ему, – жители деревни немало пострадали от рук их же близких. Я пришла просить у вас, чтобы вы сняли с них проклятие. С вами и впрямь обошлись тогда очень дурно, но никто из ныне живущих крестьян не виноват в вашей смерти. К тому же это, наверное, невероятно скучно – слоняться туда-сюда призраком. Наверняка ведь ваша жажда отмщения уже утолена!

– О, лисичка. – Призрак монаха поклонился мне. – Если бы я только мог. Я ведь вовсе не хотел карать деревню таким мощным проклятием. Я просто... был очень зол. Впрочем, я давно утратил счет времени, годы слились воедино. Я уже не помню, как давно проклял эту деревню за жадность и умер с требованием мести на устах. Теперь я хочу одного: добраться наконец до Мэйдо или другого места, где суждено упокоиться моей душе.

Еще несколько гаки с душераздирающими воплями встретили свою смерть от меча Тацуми. И все же от могил поднимались зловещие зеленые огоньки, медленно приобретая форму новых голодных призраков. Я почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом, а юрэй будто ничего и не заметил.

– Увы, проклятие удерживает меня в этом мире, – продолжил он. – Я не могу покинуть его, пока не снимут проклятие, но сам я развеять его не могу. А может, и могу, вот только позабыл как. – Его плечи поникли, а прозрачная ладонь закрыла лицо. – Я устал, – прошептал он. – Устал от этих

бесконечных скитаний, от того, что не могу покинуть несчастную деревеньку, от того, что вечно окружен чудовищами, которых сам привел в этот мир. Я постоянно наблюдаю за крестьянами в надежде на то, что однажды кому-нибудь хватит смелости победить проклятье, но они боятся даже подойти к кладбищу. Я их, конечно, не осуждаю. – Он бросил взгляд на небо. Над верхушками деревьев забрезжил бледно-розовый свет. – Вот-вот рассветет, – проговорил он. – Тогда гаки исчезнут еще на месяц, а я продолжу скитаться по деревне.

Внутри меня вспыхнуло отчаяние.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросила я.

Призрак покачал головой и поглядел на меня – смиренно, печально.

– Кицунэ, тебе хватило храбрости на то, чтобы прийти сюда, – проговорил он, чуть отпрянув. – Но ты не из этой деревни и потому не можешь уничтожить проклятие. Если его вообще можно уничтожить...

– Omachi kudasai[38]! – отчаянно выкрикнул звонкий голос у меня за спиной.

Я обернулась и увидела, что через кладбище к нам несется человек, сжимая что-то в руках.

– Прошу, подождите! – снова крикнул он, и я с удивлением узнала главу деревни. Он-то что здесь делает? – Прошу... – вскричал он, и его голос привлек внимание гаки. – Прошу, господин монах, выслушайте меня.

Один из гаки с рычанием кинулся к нему. Взобравшись на надгробие, он собрался было накинуться на главу деревни, но ему в спину вонзилась стрела, и гаки с воем рухнул на землю. Когда глава пробежал мимо Тацуми, один из голодных призраков бросился в его сторону, обнажив когти. Меч Тацуми со звоном рассек призрака пополам, но ногти гаки успели оставить глубокую рану на шее мужчины. Глава деревни пошатнулся и едва не упал, но устоял на ногах и продолжил путь.

Когда мужчина добежал до нас, я невольно отступила, и он тут же пал ниц.

– Простите нас, господин монах! – вскричал он и протянул призраку то, что принес с собой, – полную миску риса. – Мы подло поступили, заставив вас так страдать. Мы больше не позволим ни одному путешественнику голодать, как вы. Прошу... – Стоя на коленях в грязи, он вскинул руки с миской еще выше. – Примите этот дар в знак того, что мы очень сожалеем о случившемся. Если этого будет достаточно, я готов отдать свою жизнь ради спасения моей деревни. Превратите меня в гаки, утащите в Дзигоку – я на все согласен. Делайте со мной что угодно, но только оставьте деревню в покое.

С колотящимся сердцем я посмотрела на монаха. Тот ошеломленно глядел на главу деревни. Позади нас гаки с воплями и стонами набрасывались на Тацуми, а стрелы Окамэ со свистом убивали одного за другим. Однако и монах, и глава деревни, казалось, позабыли об этой битве.

Монах неожиданно улыбнулся, и скупая серебристая слеза скатилась у него по щеке, упала на землю и развеялась белым дымом.

- Только это мне и было нужно, - прошептал он. - Одна-единственная миска риса. Одно-единственное проявление доброты. Но даже перед лицом жестокости я не должен был так отдаваться гневу. Проклятие стало наказанием и для меня. - Его лицо приобрело мирное выражение, и он поклонился. - По-моему, мы все изрядно настрадались.

Крики гаки затихли. Я оглядела кладбище и увидела, что голодные призраки застыли с потерянным видом. Даже те, кто до этого нападал на Тацуми, остановились, опустили руки вдоль тела, перестали скалиться. На моих глазах они, мерцая, становились все прозрачнее и растворялись в воздухе. Из их тел ввысь поднимались голубовато-белые шары, и вскоре все кладбище засияло призрачным светом. Их демоническая оболочка растворилась, превратилась в дым, быстро рассеявшийся на ветру.

- Arigatou, - прошептал монах, и я обернулась на эти слова. Монах тоже исчезал, его призрачный облик становился все бледнее, но он улыбался. - Спасибо, - вновь прошептал он. - Пусть ты и не могла победить проклятие, твоя храбрость подтолкнула других к действиям. Благослови тебя Kami, и пусть огонь, горящий в твоей душе, никогда не гаснет!

- Мирного пути, господин монах, - проговорила я. - Пусть ваша дорога в другой мир будет короткой и легкой, и пусть Дзинкей освещает ваш путь и не дает споткнуться.

Он поклонился мне и через мгновение превратился в сияющий шар, воспаривший в воздух вслед за остальными. Шары ненадолго зависли у нас над головами, такие яркие, что на них было больно смотреть. А потом они взмыли в небо, казалось, заполнив его без остатка, и стали уменьшаться, пока не превратились в далекие крохотные звезды.

Часть третья

20. Кровавая магия

Госпожа Сатоми вернулась.

И, судя по тому, что увидела Суюки, вовсе не в радостном настроении.

- Бесплезная челядь, - пробормотала она, остановившись посреди маленькой пугающей комнатки. На низком столике мерцала и потрескивала одинокая

свеча, в углу стояло высокое зеркало во всю стену, отражая жуткий интерьер комнаты. На стенах темнела застаревшая кровь, пол был заляпан неясными черными пятнами. Госпожа Сатоми стояла посреди этого странного убранства в восхитительном синем кимоно с рисунками журавлей и стрекоз, с безупречной прической, украшенной шпильками из слоновой кости. Женщина была удивительно не к месту, в отличие от предмета, который она держала в руке. На ладони у нее покоилась голова крупной вороны, кровь которой сочилась между пальцев госпожи, капая на подол кимоно. Туловище птицы лежало на столе, рядом с ним, в лужице крови, поблескивал ножик. Суюки не могла смотреть на подергивающийся труп, и ей даже пришлось уйти из комнаты, когда госпожа начала его обезглавливать. Впрочем, способность проходить сквозь стены ощутило упростила этот побег. Госпожа Сатоми закрыла глаза, сжав полные губы, – казалось, она увидела что-то, что очень ее расстроило. Наконец она шумно выдохнула и открыла глаза.

– Двое камаитати, одна ведьма ветра и гигантский медведь-демон! – прорычала женщина, швырнув отрезанную голову на стол, и та приземлилась рядом с остывающим телом. – Да еще Кадзекира, которая не смогла их убить и забрать свиток! Ее разорвали на куски ее же собственные приближенные, какой позор! – Она покачала головой, сорвала с зеркала лоскут ткани и вытерла кровь с рук. – Вот что значит довериться помощи извне. Как говорится, если хочешь сделать что-то хорошо...

Взяв со стола ножик, она вгляделась в свое отражение в столешнице. Под зачарованным взглядом Суюки женщина поднесла лезвие к внутренней стороне предплечья и оставила на ней короткую царапину. Из ранки проступила кровь, и Сатоми забормотала низким гипнотическим голосом.

Суюки почувствовала, что комнатку наполнила страшная сила, и затряслась от желания поскорее отсюда сбежать. Кровавая полоса на вскиннутом предплечье Сатоми вспухла, стугустилась и затвердела. Из ранки показались десятки коротеньких лапок, и из руки госпожи потихоньку выползло длинное тело сороконожки.

Сатоми улыбнулась. Взяв чудовище двумя пальцами, она сняла его с кожи. Сороконожка вертелась и извивалась в воздухе.

– Ступай, – шепнула ей Сатоми, – отыщи убийцу демонов и лису. Убей их обоих, сожри их внутренности и возвращайся ко мне со свитком. Я буду тебя ждать.

Она швырнула сороконожку на пол, и та приземлилась с глухим стуком. Насекомое тут же пересекло комнату, резво перебирая кривыми желтыми лапками, скользнула в щель в досках и исчезла.

Сатоми опустила руку, не обращая внимания на кровь, капавшую на пол, и довольно кивнула.

– Что ж, это должно помочь, – пробормотала она себе под нос. – Убийца демонов стал причинять слишком много неудобств, но после его смерти свиток будет моим. – Она вздохнула, словно утомленная мыслями о том, сколько же еще предстоит работы. – А теперь нужно написать приглашение во дворец и найти хоть сколь-нибудь надежного посыльного, который доставит

его в святилище Хайяте. Надеюсь, хоть с этим никчемная новенькая справится.

Она опустила взгляд, будто только сейчас заметив, что ее рука и великолепное кимоно перепачканы кровью.

– Ох, ну и грязное же это дело, – со вздохом заметила она. – И непростое, ведь за тобой постоянно следят! Ну что, насмотрелась, малютка-призрак, или кто там обитает в этом дворце? Я же знаю, что ты за мной следишь. Не такая уж ты и незаметная.

Суюки вздрогнула и тут же стала видимой. Сатоми с улыбкой повернулась к ней.

– Вот ты где. Все слоняешься без дела, Суюки-тян? – насмешливо спросила она у Суюки, изумленно парящей в воздухе. Сатоми хихикнула и тряхнула головой. – Бедная неприкаянная душа. Слишком слабая и напуганная, чтобы стать хотя бы духом мести. Какая жалость. Теперь ты для меня пустое место.

Суюки сжала полупрозрачные кулаки, ей страшно хотелось сделать хоть что-нибудь, что угодно! Например, схватить голову мертвой вороны и швырнуть в негодайку. Сатоми снова хихикнула, а потом опять потянулась к окровавленной тряпке, лежавшей на столе.

– Если хочешь всюду за мной следовать, бедная душонка, пожалуйста, – напевно протянула она, вытирая руки. – Но если начнешь меня раздражать или путаться у меня под ногами, так и знай, я отдам тебя кровавым жрицам и оммёдзи, которые с радостью заточат твою душу в картину. Или в зеркало. А может, запихнут тебя в обезьянку. – Она улыбнулась еще шире, обнажив зубы, и шагнула вперед. – Хочешь стать обезьянкой, Суюки-тян? Как по мне, тебе этот облик пойдет куда больше, что скажешь? Лови!

Она швырнула окровавленную тряпку Суюки в лицо. Та инстинктивно отпрянула и вскинула руки. Тряпка пролетела сквозь нее и ударилась в стену. Суюки ощутила, как зарябило тело, будто туман. С беззвучным криком обезумевший призрак повернулся и просочился сквозь стены замка под злобный хохот Сатоми, который преследовал девушку еще очень долго.

21. Легенда об Они но Микото

– Кажется, мы перешли границу, Каге-сан, – сообщил ронин, приставив ко лбу ладонь и поглядев вместе с Юмеко на подножье холма. – Уверен, мы уже в землях Тайо. До столицы рукой подать.

Остановившись в тени дерева гинкго, я окинул взглядом просторы, раскинувшиеся перед нами, и пришел к выводу, что он прав. Это и впрямь

земли Клана Солнца. Мы вошли на территорию Тайо. Этот клан был, пожалуй, самым влиятельным среди Великих Кланов, хоть и не обладал военной мощью Клана Огня и в численности сильно уступал Клану Земли – а все потому, что в него входила императорская семья. Они правили столицей, Кин Хейген Тоши. С древнейших времен и по сей день императоры и императрицы всегда происходили из Клана Солнца.

Мой взгляд привлек блеск серебристой реки, змеящейся по долине и текущей к далеким горам.

– Это Хотару Кава, – сказал я. – Если идти по ней к северу, придем в столицу.

– Ага! И заметьте: мы перебрались сюда, минуя пограничные пункты, преодолевая которые был бы тот еще геморрой, – с улыбкой заметил ронин и посмотрел на меня. – Видишь, Каге-сан, все получилось! Пес всегда найдет дорогу.

Я ничего не ответил. Ронин сдержал свое слово и все-таки провел нас через горы, но ведь именно по его вине мы сперва заблудились. И все же надо признать, что в деревне, полной гаки, он сослужил нам добрую службу – его воинские навыки пригодились очень кстати во время последней битвы, пусть он и плохо владел мечом. А еще мы и в самом деле миновали пограничные пункты, хотя мне по-прежнему следовало бы остерегаться стражи и чиновников, которые могли в любую минуту потребовать у меня документы. Ведь если они узнают, что у меня их нет, с меня в лучшем случае взыщут огромный штраф за то, что я путешествую по территории чужого клана без официального разрешения. А в худшем – посадят в тюрьму и казнят, что будет настоящим позором для моего клана и семьи. За Юмеко и переживать не стоило – никто не обратит внимания на простолюдинку, да и ронина не станут особо разглядывать. Я же был самураем Каге и выглядел соответственно, а к чужеземным самураям всегда относятся настороженно. Особенно если самураи – из Клана Тени.

– Давненько я не бывал в столице! – признался ронин, поглядывая на реку, текущую по равнине. – Отличное местечко, чтобы расслабиться и отведать недурственной еды. И, возможно, я смогу уговорить тебя, Каге-сан, поразвлечься для разнообразия. – Ронин дерзко мне ухмыльнулся. – Я так понимаю, в тё-хан ты никогда не играл?

Он говорил об игре в кости, популярной во всех иваготских азартных притонах – мрачных злачных местах, завсегдаятами которых были разбойники, ронины, члены преступных группировок и криминальные авторитеты. Задания, которые давал мне Клан Тени, порой приводили меня в самые мерзкие из таких клоак, где я выискивал демонов, скрывавшихся среди убийц, но уважаемые самураи редко захаживали в такие места – а те, кто захаживал, никогда в этом не признавались.

– Нет, – ответил я.

– «Нет, не играл» или «нет, ты меня не уговоришь»?

– Как тебе больше нравится.

– Что ж, ясно. Многое теряешь, самурай. – Ронин покачал головой и взглянул на Юмеко, которая мирно сидела под деревом гинкго. – Но, может, Юмеко-тян захочется попробовать. Она ведь у нас умеет разговаривать с ками, так? Может, она попросит Тамафуку, бога удачи, благословить мои кости на один-два раунда?

Он насмеялся надо мной, и я отчетливо чувствовал это, но внутри все равно вспыхнул гнев. Мне было прекрасно известно, что за сброд собирается в таких вот игорных притонах: хищники с голодными глазами и кровожадными улыбками. Мысль о том, что Юмеко окажется в кругу «людей-волков», которые будут хищно следить за каждым ее движением, наполнила меня ледяной яростью, которую я не мог объяснить.

– Тамафуку? – Юмеко, сидевшая на траве, склонила голову набок. Кузнечик, пристроившийся у нее на локте, ускакал в заросли. – Попробовать можно, – согласилась она. – Я еще ни разу не заговаривала с Великими Ками – только с мелкими. Скажи, а где я могу найти Тамафуку, чтобы с ним поговорить?

– Ну, в игорном зале стоит его большая статуя, – сообщил ронин.

– Вот как? А он что, живет в этой статуе? Как думаешь, он ходит по залу, когда никто не видит? В храме Тихих Ветров был чайник, который такое порой проделывал, пока Нитору не пнул его со всей силы.

– Ох, забудь, – со вздохом велел ронин.

Девушка зевнула, встала на ноги и потянулась.

– Зато мы уже почти в столице! – задумчиво заметила она, глядя вниз, на долину. – Очень надеюсь, что для нас найдется гостиница с приличной едой и мягкими futонами. С удовольствием поспала бы в постели, а не на улице. И не в хибарке с дырявой крышей. И не в пещере с каменным полом. – Она перевела взгляд на меня и улыбнулась еще шире. – В отличие от одного самурая, имени которого мы называть не будем, большинство из нас не способно заснуть где угодно.

Ее слова смутили меня, и я едва удержался от того, чтобы нахмуриться. Да, я не умел спать, как она – раскинув руки и ноги в разные стороны, в беспечной позе, в которой проще простого отрубить тебе голову или разодрать на куски. Я привык спать урывками, сидя, прислонившись спиной к стене, положив Камигороши на колени, чтобы его можно было выхватить в любой момент. Ни о каком комфорте не могло быть и речи.

Ронин достал свою бутылку из тыквы.

– Если не ошибаюсь, до столицы еще несколько дней пути, – заметил он, снимая крышку с бутылки. – Нам еще встретится пара городов, пока мы будем добираться до Кин Хейген Тоши. По-моему, дальше по реке расположен Яшиги. – Он поднес бутылку к губам, но вдруг взвизгнул и отдернул руку. – Kuso!

Я тут же схватился за рукоять меча, а Юмеко изумленно заморгала.

– Что случилось, Окамэ-сан?

- У меня... в sake... лягушка! - выпалил ронин, и в его голосе послышались страх и ярость. Он перевернул бутылку, потряс ее, и крошечное зеленое создание вылетело на траву вместе с остатками вина.

Юмеко рассмеялась. Ее голосок напоминал пение крошечных птиц, и у меня по коже побежали странные мурашки.

- Ой, да не расстраивайся, Окамэ-сан! - воскликнула она, когда ронин скорбно заглянул в пустую бутылку, словно надеясь, что она наполнится сама собой. - В конце концов, лягушки - к удаче. Ты, судя по всему, благословлен ками!

- Что-то мне так совсем не кажется. Если только им не вздумалось благословить меня на трезвость. Нет уж, спасибо, не нужно мне таких подарков, себе оставьте.

Я посмотрел туда, куда только что упала лягушка, но ее уже не было видно в траве. Только ярко-зеленая веточка можжевельника пронеслась по земле, влекомая ветром. Ронин тяжело вздохнул и повесил бутылку на шею.

- Ну что, пошли? - пробормотал он. - Мне нужно запастись sake, без него я путешествия с вами двоими не выдержу.

До Яшиги мы добрались, когда солнце уже стало клониться к закату, отбрасывая на долину тени и окрасив реку в кровавый цвет. Длинный деревянный мост над Хотару Кава был заполнен людьми, заходящими в город и выходящими из него; торговцы с тележками, ронины, крестьяне, несколько конных самураев - все смешались в одну толпу, от которой слышались звучный топот копыт, ног в сандалиях и скрип колес.

- Как тут много людей, - пробормотала Юмеко, круглыми глазами оглядываясь по сторонам. - Даже больше, чем в Чочин-Мачи. Ни разу не видела, чтобы в одном месте было столько народу!

Ронин, идущий рядом, хохотнул.

- Это ерунда, Юмеко-тян, - сказал он. - Ты еще столицу не видела.

В это самое время мост пересекал императорский чиновник в сопровождении двух конных охранников - толпа перед ними расступалась, как волна. Я украдкой двинулся к краю дороги, опустил глаза и постарался смешаться с прохожими. Чиновник с охраной прошел мимо меня без задержек и продолжил путь по мосту, но когда троица скрылась, я заметил на себе подозрительный взгляд ронина.

По ту сторону моста через центр города тянулась широкая дорога, расходящаяся десятками улочек поменьше. Линии деревянных домиков с синими черепичными крышами тянулись вдоль тротуаров, прямоугольные матерчатые вывески развевались на ветру. И хотя в городе уже стемнело, люди продолжали сновать по улицам - были тут и дамы в кимоно, и самураи, не спеша расхаживающие среди горожан, и торговцы, стоявшие у дверей в свои лавочки и зазывавшие к себе прохожих. Мимо нас пробежал продавец тофу с

длинным шестом на плечах, на котором висели два больших деревянных ведра. У небольшого прилавка, за которым торговали запеченным угрем, собралось трое мальчишек. Они с интересом наблюдали, как продавец достает из бочки живых угрей, разрезает их тонким ножом, потрошит и кладет кусочки филе на гриль.

Как и в Чочин-Мачи, Юмeko смотрела на все круглыми от удивления глазами, с жадностью стараясь впитать как можно больше. Пока мы шли по тротуару, ронин с большим удовольствием показывал ей то одно, то другое и отвечал на все возникающие у нее вопросы. А я молчал, не отпуская рукояти Камигороши и внимательно разглядывая толпу в поисках опасности. Девушка с ронином ничего не замечали, но я чувствовал, что за нами следят с тех пор, как мы ступили на мост. За нами шла слежка – в этом у меня не было никаких сомнений.

– Слушайте, я умираю от голода, – признался ронин, остановившись у входа в ресторан, над дверью которого висели голубые занавески. У входа, завлекая посетителей, стояла статуя толстого тануки в соломенной шляпе и с бутылкой sake в лапах. – Что скажешь, Юмeko-тян?

Юмeko внимательно оглядела статую, нахмурилась и скрестила руки на груди.

– Как по мне, тануки изобразили просто ужасно! – серьезным тоном сообщила она. – Никогда не видела у них таких больших мошонок!

Ронин шумно фыркнул, отвернулся и закашлялся, стуча себя кулаком по груди.

– Юмeko, он спрашивал о еде, – пояснил я, пока ронин восстанавливал дыхание и согласно махал нам рукой, прислонившись к стене. – Это ресторан, и здесь можно подкрепиться.

– Вот как, – проговорила Юмeko и нахмурилась. – Что ж, конечно! Я и сама уже не на шутку проголодалась. И все-таки эта статуя мне совершенно не нравится. – Она презрительно хмыкнула и прошла мимо, поморщившись. – Ну и как они вообще ходят с такой большой штукой между ног? Она, наверное, ужасно натирает.

Проходя за ней в дверь, я усилием воли заставил себя не отскочить в сторону, но это далось мне с большим трудом.

– Добро пожаловать, господин, добро пожаловать! – поприветствовал хозяин, когда мы вошли в комнату. И хотя я шел последним, он смотрел только на меня, не обращая внимания ни на ронина, ни на Юмeko. – Отужинаете у нас сегодня?

– Да, втроем, – сообщил я, и хозяин бросил на меня озадаченный взгляд, посмотрев на моих спутников. Не каждый день в ресторан заглядывал самурай в обществе ронина и простолюдинки. Однако под моим ледяным взглядом он быстро поклонился и усадил нас за низкий столик в углу. Пообещав, что служанка придет с минуты на минуту, он снова поклонился и ушел.

Вскоре девушка и впрямь появилась, и Юмeko с ронином с энтузиазмом сделали заказ, а я тем временем старался не думать, насколько этот обед

уменьшит единственную оставшуюся у меня монету. После ухода служанки я налил себе чашечку чая и стал потягивать напиток, прислушиваясь к гулу голосов.

– Говорят, Они но Микото опять объявился! – пробормотал мужчина позади нас.

– Принц демонов? – переспросил его собеседник. – Храни нас Ками! И где же на этот раз?

– В Омачи, на мосту у города. По нему шли двое ронинов, и принц вызвал того, что был посильнее, на поединок. – Говоривший приумолк, а потом добавил приглушенным голосом: – Выживший сказал, что ни разу в жизни не видел, чтобы кто-нибудь двигался с такой скоростью!

– А все потому, что Они но Микото вовсе не человек, – мрачно сообщил его собеседник. – Да, все это, конечно, чревато бедами, вокруг ведь полно дураков, которые считают себя воинами и непременно будут искать встречи с Принцем демонов в надежде на то, что он и их сочтет достойными противниками и вызовет на битву. Вака. – Мужчина фыркнул. – Чего они вообще достойны? Разве что убийства.

Служанка вернулась и поставила перед нами поднос, полный угощений: здесь было и печеное мясо, и овощи, и три миски с рисом.

– Еще что-нибудь? – спросила девушка, вежливо делая вид, что не заметила, как ронин тут же схватил палочками кусочек курицы и закинул себе в рот.

– У меня вопрос, – подала голос Юмеко, пока ронин обедался. – Кто такой Они но Микото? Он и правда Принц демонов? Трудно поверить, что по долине бродит он и подбивает людей на поединки. Кто-нибудь наверняка бы это заметил!

Так, значит, она тоже все слышала. Почему-то меня это несколько не удивило.

Глаза служанки округлились.

– Они но Микото? – театральным шепотом переспросила она, словно уже не в первый раз заговаривала о нем. – Это самая популярная местная легенда. Поговаривают, что в лунные ночи на мосту появляется одинокий воин, преграждая дорогу путникам. Говорят, у него тело ангела и лицо демона и он позволяет пересечь мост лишь тем, кто одолеет его в бою. Но является он только достойным противникам – самым сильным и умелым воинам в стране. Судя по всему, про эту легенду слышали далеко за пределами наших земель, потому что сюда съехались десятки воинов со всей империи в надежде встретиться с Они но Микото. Но за те три года, которые прошли с первого появления Принца демонов, еще никто его не побеждал. Поэтому если вы, путешествуя по нашей долине, вдруг встретите на залитом лунным светом мосту одинокого воина с мечом – считайте, что вам и повезло, и не повезло – ведь вы оказались в числе тех немногих, кто удостоился внимания Они но Микото. Сразу поворачивайтесь к нему спиной и уходите. Они но Микото – не человек. Он – демон с мечом и с удовольствием отрубит вам голову и заберет ее в качестве трофея, как уже бывало с бесчисленным множеством

воинов до вас, – поведала она. Все это время Юмеко слушала с неподдельным вниманием и восторгом.

– Ха! – фыркнул ронин с набитым ртом. – Будь там я, я бы его просто пристрелил.

Служанка оскорбленно посмотрела на него.

– Нельзя просто так взять и застрелить Они но Микото!

– Nande? Почему?

– Потому что... потому что это подло! – выпалила служанка.

– Пф-ф, но я ведь не самурай. Я больше не следую этому дурацкому кодексу чести. – Ронин взял палочками кальмара и запихнул его в рот. – Если какой-то незнакомец хочет убить меня лишь за то, что я собираюсь перейти мост, он получит стрелу в лоб!

Я потянулся было за миской с рисом, но застыл на месте. По телу пробежал едва ощутимый холодок. Черный бумажный журавлик сидел на углу подноса, почти сливаясь с его блестящей поверхностью. Сердце замерло у меня в груди, но оставить журавлика на подносе я никак не мог. Улучив минутку, когда служанка вновь начала шумно возмущаться, я быстро схватил бумажную фигурку и спрятал в рукав.

Служанка все не могла подобрать слов от негодования.

– Нельзя... Это... это просто варварство! – Она отступила от нашего столика, одарив ронина возмущенным взглядом. – Впрочем, вам и не светит встреча с Они но Микото, – высокомерно заявила она. – Такие, как вы, не достойны его внимания.

– Ну и славно, – последовал ответ. – Я сам перестану уважать Принца демонов, если он вступит в битву с грязным псом ронином.

– Простите. – Я встал, и все трое повернули головы в мою сторону.

Ронин нахмурился. Щека у него была набита едой, как у белки.

– Ты куда, Каге?

– Мне нужно уладить одно небольшое дело. Я скоро вернусь. – Не дожидаясь ответа, я ушел, чувствуя на спине взгляд Юмеко. Ронин проворчал что-то вроде: «А, так он в туалет» – и продолжил жевать, а я нырнул под занавеску и вышел на улицу.

Солнце село. Многие лавочки уже были закрыты, хотя несколько упрямых торговцев работали и после заката. Я дошел до главной дороги и почувствовал, что бумажный журавлик у меня в рукаве встрепенулся. Я выпустил его, и он полетел по узкой боковой улочке и скоро затерялся во мраке. Стиснув зубы, я последовал за ним.

Дзёмэй подждал меня в тени амбара. Его разукрашенное лицо, казалось, парило во мраке. Бумажный журавлик опустился ему на колени и расправил крылья, будто живой.

– Ты опоздал.

Я поклонился, чтобы он не заметил моей нерешительности. Что со мной сегодня такое? Ведь эта встреча ровным счетом ничем не отличается от других.

– Простите, учитель Дзёмэй. Возникли некоторые... сложности.

– Я заметил, – с легкой насмешкой в голосе заверил меня маг. – Ну и свиту ты себе набрал, Тацуми-сан. Теперь за тобой ходит не только девчонка, но и грязный пес ронин. Потрудись-ка объяснить, почему ты до сих пор его не убил или по крайней мере не сбежал от него?

– Он входил в банду разбойников, которые подстерегали нас в лесу, – начал я. – Но в конце концов напал на своих же. Юмеко... настояла на том, чтобы после драки мы ему помогли.

– Эта юная простолюдинка велела тебе не убивать разбойника, – заключил Дзёмэй. – И ты ее послушал?

– Она – мой единственный провожатый к учителю Дзиро и храму Стального Пера, – сказал я. – Убийство ронина напугало или разозлило бы ее. Она вполне могла меня бросить. Я не мог так рисковать.

Дзёмэй зажал переносицу большим и указательным пальцами и на секунду прикрыл глаза.

– От этой девчонки сплошные беды, – пробормотал он, и по моей спине пробежал тревожный холодок. Если Дзёмэй сочтет, что Юмеко стала опасна для клана, или решит, что она больше не нужна для выполнения моей миссии, он отдаст приказ убить и ее, и ронина. Например, повелит мне избавиться от них на пустынном участке дороги подальше от города. Никто не заметит и не обеспокоится, если ронин и простолюдинка внезапно исчезнут без следа. Оба до жути наивны, слишком доверяют демону, который путешествует с ними. Они но Микото всего лишь местная легенда, истинный же враг таится совсем рядом, он жаждет их крови, их души. Они могут что-то заподозрить только, если демон явится и перережет им глотки. Если Дзёмэй прикажет мне убить моих спутников, я легко исполню его приказ.

Но все же... мне совсем не хотелось этого делать. Это открытие потрясло меня. Никогда прежде я не ставил под сомнение приказы начальства, не колебался прежде, чем их выполнить. Если бы мне приказали «очистить» деревеньку, жители которой использовали кровавую магию и призывали демонов, я беспощадно убил бы всех – и мужчин, и женщин, и детей. Если бы меня отправили в Дзигоку сразиться с самим О-Хакумоном, правителем ада, я нырнул бы в бездну не задумываясь. Моя жизнь мне не принадлежала. Как и всегда, долг перед Кланом Тени был превыше всего.

– Я должен ее убить, учитель Дзёмэй? – тихо спросил я. Внутри все сжалось, стало трудно дышать. Если он сейчас повелит мне убить Юмеко, так

тому и быть. Я исполню свой долг, как и всегда. С надеждой на то, что ее лицо не будет преследовать меня до конца жизни.

Дзёмэй вздохнул.

– Нет, – ответил он, и во мне вспыхнул огонек облегчения. – Если она и впрямь может привести тебя к свитку, убивать ее пока ни к чему. Пока что она ведет себя наивно и безобидно, а ронин просто путается под ногами. Путешествуй с ними и дальше, если нужно. Сейчас они не представляют угрозы для тайн клана.

Я поклонился.

– Как пожелаете, учитель Дзёмэй.

– По прибытии в столицу не забудь пересечься с Каге Масао в районе Клана Тени. Он будет тебя ждать.

– Понял.

– А, и вот еще что. – Маг тени бросил мне какой-то предмет, и поймав его, я понял, что это проволочное кольцо, на котором висел медный каэру и несколько серебряных тора. – Вот твое месячное жалованье. Все равно ведь приходится кормить лишний рот. Будь с этими деньгами позкономнее.

– Спасибо, учитель Дзёмэй.

– Ну, ступай. – Дзёмэй взмахнул рукой, давая понять, что я могу идти. – Возвращайся к своим «товарищам», пока их не охватили подозрения и они не начали тебя искать. И помни, – добавил он, когда я, поклонившись еще раз, уже отвернулся, – клан будет внимательно наблюдать за ними – и за тобой, убийца демонов. Лучше не давай нам поводов к действию.

Когда я вернулся за столик в углу, оказалось, что ужин закончился. Все самое вкусное съели, и на тарелках оставались только кости и объедки. Моя миска с рисом стояла на краю стола совсем нетронутая, хотя ронин не сводил с нее взгляда, будто хотел и ее умыкнуть.

– Прости, Тацуми-сан, – проговорила Юмеко, когда я опустился на подушку напротив нее. – Я пыталась помешать баке-Окамэ съесть все, но он не захотел делиться. Если хочешь, можем заказать добавку.

– Псы ни с кем не делятся, Юмеко-тян! – с усмешкой заявил ронин и принялся ковырять в зубах рыбной косточкой. – Да, вот такие вот мы обжоры. И вообще, не ты ли заглотила целую дюжину жареных шариков тофу?

– Это потому что ты съел всю рыбу, курицу и морепродукты! Если бы я не съела тофу, мне бы вообще ничего не досталось!

– Вот неправда. Я оставил тебе маринованную редьку.

– Терпеть ее не могу.

- Что ж, в следующий раз будь проворней. Когда у воров речь заходит о еде, Юмеко-тян, каждый становится сам за себя, и неважно, мужчина он, женщина или пес.

Я доел свой рис в тишине.

22. Глаза мертвой вороны

Учитель Исао необычайно любил выражение «Не дразни голодную лису». И до сегодняшнего дня я не понимала почему.

Утром мы покинули Яшиги и несколько миль брели по извилистой грязной дороге, ведущей через плодородную долину Клана Солнца. Вдали темнели горы, мы шли вдоль реки мимо крестьянских поселений, храмов и святилищ, лугов и густых лесов. Виды были восхитительные, а погода – безупречной. Я наслаждалась пейзажем и теплом солнца на коже.

А вот ронин моей радости не разделял.

- Ite, – проворчал он, потирая шею, когда мы остановились в тени бамбуковой рощицы. – Kuso! Как же спина болит. В той гостинице были самые бугристые футоны на свете. У меня было такое чувство, будто под матрас засунули шишку! Но когда я его перевернул, никакой шишки я не нашел.

- Не повезло тебе, Окамэ-сан, – согласилась я. – А вот у меня был мягкий футон – мне казалось, я сплю на облаке! Может, ты просто съел что-то не то?

Он уставился на меня, и в его черных глазах мелькнуло подозрение.

- Помнится, ты забредала в мой угол как раз перед тем, как мы улеглись спать, – с осуждением напомнил он. – Не твоя ли это вина, Юмеко-тян, что мой матрас оказался таким бугристым?

- Моя?! Что за ерунда, Окамэ-сан? Ты же заглядывал под футон? Вряд ли я бы смогла сделать так, чтобы большая сосновая шишка выглядела как пылинка. – Я мило ему улыбнулась и бросила в рот маринованную сливу. Этот самый сарказм, про который ронин так часто упоминал, начинал мне нравиться. – Может, у тебя просто живот разболелся от вареного кальмара?

- Помолчите, – проворчал Тацуми. – За нами следят.

Мы замолчали. В лесу было очень тихо: сквозь бамбуковые стволы беззвучно пробивались лучи солнца, негромко стрекотали цикады, в траве шелестел ветерок, заглушая шаги. Никакой опасности я не ощущала, но Тацуми обладал чуть ли не сверхъестественной способностью предчувствовать приближение врагов. И если он говорил, что за нами следят, я в этом не сомневалась.

– Я ничего не вижу! – заявил Окамэ, и тут я заметила то же, что и Тацуми. Через дорогу на ветке восседала большая черная ворона, ошетилив перья, будто иглы, и неотрывно смотрела на нас глазами-бусинками.

Окамэ, проследив за моим взглядом, насмешливо фыркнул.

– Ой, как страшно, на нас смотрит птица! – ахнул он и схватился за сердце. – Осторожнее, Юмеко-тян, а не то она нагадит прямо тебе на волосы!

Ворона не шелохнулась. Она смотрела на нас с мрачной, непримиримой враждебностью, и у меня по спине пробежали мурашки.

– Не нравится мне, как она на нас смотрит, – заметила я. – Вид у нее... злой какой-то.

– Да ну? По-моему, самая обычная птица, – заметил ронин. Я ничего не ответила. Он пожал плечами и достал свой лук. – Ну ладно, сейчас все исправим.

Одним плавным движением он вскинул лук и выпустил стрелу в дерево, и через мгновение та с глухим звуком попала в цель. Ворона сдавленно каркнула и повалилась с ветки, судорожно взмахивая черными крыльями.

Пока она падала, меня посетило странное чувство – я ощутила высвобождение какой-то необычной энергии, и волоски у меня на руках встали дыбом. Я давно заметила, что каждый вид магии воспринимается по-особому. Лисья магия мерцает и пульсирует, как нежгучий огонь. Монашеская энергия ки пощипывает кожу, как воздух перед грозой. Магия тени Тацуми почти невидима, но ее тоже можно заметить, если быть внимательным, – она похожа на холодный черный туман, оседающий на кожу.

Теперь же мне казалось, что у меня под одеждой копошится миллион пауков, личинок и сороконожек. Я содрогнулась, но это чувство прошло так же быстро, как и возникло; магию развеяло ветром.

– Ну вот. – Ронин убрал лук за спину, явно не заметив диковинного выплеска энергии. – Готово. Больше никаких странных птиц. Можем теперь идти дальше, а?

Тацуми вздохнул.

– Вполне возможно, что ты сделал только хуже.

Борясь с желанием взмахнуть руками и вытрясти из рукавов иллюзорных насекомых, я перешла дорогу, направляясь к убитой птице. Я обогнула ствол дерева, заметила стрелу, торчавшую из травы и наклонилась, чтобы рассмотреть труп большой черной вороны.

Внутри у меня все похолодело. Никакого тела в траве не оказалось. Стрела, торчавшая из грязи, пронзила ребра белоснежного скелета; а хрупкие кости крыльев валялись в траве, окруженные перьями. Череп лежал на корне дерева; клюв был приоткрыт в последнем презрительном «Кар!», на голове не

было ни миллиметра кожи. Казалось, останки вороны лежат тут уже много месяцев, а вовсе не несколько секунд, за которые я перешла дорогу.

Я с трудом сплотнула. Мои спутники подошли сзади и заглянули мне через плечо. Окамэ тихо ругнулся, а я подошла к Тацуми, глядя ему в глаза.

- Это же ненормально, да? - тихо спросила я. - Уверена, это ненормально!

- Верно, - ответил Тацуми, и глаза его превратились в две фиолетовые щели. - Это кровавая магия.

По спине пробежала дрожь. Кровавая магия. Учитель Исао как-то рассказывал мне о ней в предостережение. В отличие от обычной магии, которой, как принято было считать, боги наделяли только избранных, кровавой магией мог заниматься почти всякий, начиная от бедных крестьян и заканчивая высокопоставленными чиновниками. Как и следовало из названия, мощь этой магии подпитывалась кровью - чем больше проливалось этой самой крови, тем сильнее были чары. С помощью них можно было воскрешать мертвых, манипулировать чувствами, призывать демонов из самых глубин Дзигоку. Вот только такая сила доставалась жуткой ценой, о чем мало кто знал. Кровавая магия была магией смерти и порока, магией Дзигоку. Чем чаще человек ей пользовался, тем больше кусочков души отдавал, и со временем становился тенью себя прошлого. В конце концов человека поглощала тьма, которую он сам порождал, и он отправлялся в Дзигоку, где превращался в о́ни или в другого демона и оставался в бездне до конца времен.

- Кровавая магия. - Ронин закусил губу, глядя на горстку перьев и костей у ствола дерева. - Ну что ж, отлично, получается, я убил чью-то любимую мерзость! И теперь разъяренный кровавый маг наверняка делает вара-нингё с моим лицом.

- Едва ли, - ответил Тацуми. Вара-нингё, соломенные куклы, которых изготавливали похожими на обидчиков, были неотъемлемым атрибутом наложения проклятий, но для этого ритуала требовались частички самой жертвы - волосы, кровь или ногти. Однажды в детстве я разозлилась на то, что меня заставили мыть полы в главном зале, и тогда при помощи лисьей магии превратила пучок соломы в такую вот куклу и повесила ее над дверью комнаты Дэнги. Воспоминания о том, что было дальше, до сих пор заставляют поежиться. На моей памяти это был единственный раз, когда учитель Исао не на шутку на меня разозлился.

Следом меня посетила еще одна мысль, от которой все внутри похолодело.

- Кто-то ее сюда подослал, - предположила я, бросив взгляд на Тацуми. - Следить за нами. Из-за свитка. Потому что они думают, что он у нас, - поспешно добавила я. - Или что мы знаем, где он.

- Погоди-погоди. - Ронин уставился на меня так, будто разглядел мои лисьи уши. - Я явно упустил первую часть истории, - заявил он. - Давай вернемся немного назад. Кто за нами следит? Что это за свиток, о котором вы постоянно толкуете?

Тацуми не ответил, но я заметила, как он напрягся. Ему явно не хотелось говорить о свитке, особенно при ронине. Надо сказать, и мне тоже. Я

чувствовала ящичек со свитком, спрятанный под фуросики, – мой страшный, огромный секрет. Но мое предположение имело смысл. Учитель Исао предупреждал, что многие будут охотиться за свитком, что его жаждут найти толпы людей, ёкаев и демонов. И беспощадных смертных, которые ни перед чем не остановятся ради того, чтобы заполучить его силу. И если мое предположение верно, то...

– Не знаю, кто именно подсылает к нам этих ворон-шпионок, – продолжила я излагать мысль, которая медленно разворачивалась передо мной, будто рулон старого пергамента, – но он вполне может стоять и за нападением на храм. И быть тем, кто поручил демонам убить всех монахов и похитить свиток.

Я посмотрела на Тацуми, который по-прежнему стоял неподвижно, не изменив даже выражения лица.

– Это же возможно? – спросила я. – Самим демонам свиток ни к чему. Их кто-то подслал. Кровавый маг.

– Да, – наконец признал Тацуми. – Демоны... не являются в царство живых просто так, – с неохотой продолжил он. – Это случается либо когда смертного поглощает тьма и он сам становится демоном, либо когда демонов призывают из Дзигоку при помощи кровавой магии. Некоторые из них, в особенности они, обладают такой силой, что их невозможно долго контролировать. Чтобы призвать они из Дзигоку и заставить его выполнить поручение – пусть и кратковременное, – нужно быть талантливым магом.

– И вот мы уже об они заговорили, – заметил Окамэ. – Они, кровавые маги, демоны. Мне начинать вопить или подождать, пока вы перейдете к истории о сорокофутовом скелете? – Он посмотрел на меня и покачал головой. – А я-то думал, что ты простая и невинная простолюдинка, Юмекотян. Как же ты спуталась со всеми этими демонами и кровавой магией?

– Ну...

– Потом расскажешь, – резко оборвал меня Тацуми. – Нужно идти. – Сощурившись, он оглядел окрестности. Я проследила за его взглядом и заметила, что на ветвях другого дерева сидит еще одна ворона и внимательно за нами наблюдает. – Кровавый маг в курсе, что мы прознали о нем. Оставаться на открытой местности небезопасно. Скорее.

Мы торопливо зашагали дальше. Я все думала о мертвой вороне, о таинственном кровавом маге, который, вероятно, следил за каждым нашим движением, и меня переполняли страх и злость. Тот, кто подслал в храм аманодзяку и чудовищного Ябураму и виновен в смерти учителя Исао и монахов храма Тихих Ветров, наверняка знает о том, что Драконий свиток у меня. Я подвергаю Окамэ и Тацуми опасности; нет никаких сомнений, что кровавый маг предпримет новую попытку отнять у меня свиток. С каждым разом я все больше и больше узнаю о своем новом враге. Возможно, со временем мне станет известно, кто он, чего хочет и, самое главное, где его искать. Учитель Исао всегда предостерегал меня от мстительности. Особенно учитывая, что ёкаи нередко теряют голову от жажды мести, которая поглощает их без остатка. Но если я однажды столкнусь с человеком, уничтожившим мой храм, его ждет беспощадная месть разъяренной кицунэ.

– Так вот, Юмек-тян! – Голос ронина вырвал меня из мрачных раздумий. Ронин шагнул рядом, закинув руки за голову. – Честно сказать, не люблю совать нос не в свое дело, – признался он, – но я только что слышал в одном предложении такие слова, как «демон», «они» и «кровавый маг», а уже одного из них достаточно, чтобы напугать меня до бессонницы. К тому же – поправь меня, если я что-то упускаю, – но только что птица разложилась сразу после того, как я ее пристрелил, а все потому, что кто-то, способный воскрешать мертвых ворон, заинтересовался нами из-за свитка. Я правильно понял?

– Более-менее, – слегка нахмурившись, подтвердила я. – Думаю, этот маг умеет не только воскрешать ворон. Довольно странный навык, если только он не большой любитель птиц.

– Пусть так. В общем, по-моему, я заслуживаю более подробного объяснения, а задавать вопросы Самому Хозяину Жуткого Светящегося Меча мне как-то не хочется. – Он кивнул на Тацуми, который шагнул впереди. – Он же мне голову отсечет, не успею я и рта раскрыть! Так что буду тебе благодарен, если ты расскажешь, что происходит, Юмек-тян. Я уже столкнулся с гаки, юрэями и воскресшими воронами. Что дальше? Мне придется драться с демонами?

– Это... вполне возможно, – сказала я и коротко поведала о том, что случилось в ночь, когда на наш храм напали демоны, повторив ту же версию событий, какую когда-то рассказывала Тацуми. Сказала, что учитель Исао почувствовал приближение страшного зла и отправил свиток в надежное место еще до прихода демонов. Рассказала про о́ни, аманодзяку и обещание предупредить монахов из другого храма о демонах, данное мной учителю Исао. Сказала, что должна найти учителя Дзиро из святилища Хайяте, который сообщит, где искать храм Стального Пера. Когда я закончила, Окамэ хитро на меня посмотрел, будто что-то в моем рассказе не клеилось.

– Получается, целая стая демонов нападает на твой храм, и в это же время рядом оказывается Каге-сан со своим знаменитым мечом, убивающим демонов, – задумчиво повторил он. – О да, звучит очень убедительно. Полагаю, он туда забрел не листиками любоваться?

– Тацуми не очень похож на человека, который любит смотреть на листву, Окамэ-сан.

– Вот именно, – со вздохом подтвердил Окамэ. – Так что же в этом свитке такого особенного, что за ним явились и убийца демонов Каге, и целая свора мерзких существ из Дзигоку?

– Я... Я не знаю, – запинаясь, ответила я. – Учитель Исао не рассказывал мне, почему этот свиток так важен.

Меня накрыло чувство вины. Мне было страшно неловко лгать, но лучше уж, чтобы ронин как можно меньше знал о свитке. Не хватало только, чтобы кто-нибудь еще захотел призвать Дракона. О нем и так уже слишком многие знают.

– Хм. – Окамэ скрестил руки на груди с непривычно суровым видом. – Получается, этот твой учитель Исао отправил свиток в какое-то безопасное

место – предположительно, в другой храм, а Каге-сан вдруг ни с того ни с сего решил тебя туда сопроводить? Хм-м-м.

– Ну, не совсем так. Я его попросила.

– И он согласился. Замкнутый самурай из Клана Тени, такой весь «не-трогать-меня-а-то-убью», согласился сопроводить простолюдинку до какого-то таинственного храма, расположенного в другой части страны, пересекая несколько чужих территорий.

– Хм. Да.

Ронин покачал головой и склонился ко мне.

– Ты что же, не понимаешь, что творится? – понизив голос, спросил он. – Да он ведь сопровождает тебя вовсе не по доброте душевной. Ему нужен свиток, Юмек-тян.

– Разумеется. Он всем нужен, Окамэ-сан. – Я снова ощутила лакированный ящичек, вжимавшийся мне в кожу под фурсики, и усилием воли удержалась от того, чтобы не коснуться места, где он был спрятан. – Но я обещала учителю Исао, что предупрежу монахов храма Стального Пера о нападении демонов, а это вряд ли у меня получится в одиночку, особенно учитывая, что за нами следит кровавый маг. Ты же сам видел, каков Тацуми в бою. Его меч был создан для убийства демонов. Он – мой единственный шанс добраться до храма живой.

– А что ты будешь делать, когда вы окажетесь в храме и он потребует у монахов свиток?

– Я... я думаю об этом.

Он покачал головой.

– Ну, удачи, Юмек-тян. Честно сказать, даже не знаю, что страшнее: они или разгневанный убийца демонов Каге. Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь.

Я и сама очень на это надеялась.

Солнце клонилось к закату, а до следующего города оставалось еще несколько миль. Когда тени заметно удлинились, а на небе вспыхнули первые звезды, я ускорила шаг и поравнялась с Тацуми.

– Уже поздно, Тацуми-сан. Может, поищем место для ночлега?

– Сагимура совсем близко, – ответил он. – Если обойдемся без привалов, то доберемся до деревни еще до часа Кабана. – Он немного помолчал и добавил: – Сегодня я бы предпочел заночевать не на улице.

По спине пробежали мурашки. Значит, он замечает то же, что и я. Ощущает присутствие опасности, чувствует, что за нами следят, куда бы мы ни направились. Чем ближе мы подходили к Сагимуре, тем тревожнее мне

становилось. И не только от ощущения, что за нами наблюдают, но и от недоброго предчувствия. Казалось, что-то идет за нами по пятам. Преследует нас.

И если даже Тацуми расхотелось ночевать под открытым небом, значит, за нами и впрямь движется что-то такое, с чем лучше не встречаться.

Когда дорога привела нас к мосту через реку Хотару, луна уже превратилась в круглый серебряный диск. На противоположном берегу, за широкими рисовыми полями, я заметила огоньки Сагимуры. Оставалась только одна загвоздка.

Посреди моста, в потоке лунного света, стоял незнакомец. А на поясе у него блестела катана.

23. Демон на мосту

– Они но Микото, – прошептала Юмеко.

Воин неподвижно, как статуя, стоял посреди моста в ожидании нас. Я и сам не вполне представлял, как выглядит Принц демонов, но никак не ожидал, что он окажется таким высоким и стройным, почти изящным. На нем были темно-синие штаны хакама и сандалии. В лунном свете виднелась обнаженная мускулистая грудь. Длинные белые волосы – не такая уж и редкость в землях Тайо – свободной волной спадали ниже пояса. Лицо прикрывала бело-красная маска о́ни с клыкастым оскалом и кривыми рогами, торчащими из лба. Меч поблескивал на боку – изогнутый и смертельно острый.

– Вот черт! – пробормотал Окамэ. – Это и впрямь Они но Микото – или какой-то фанатичный подражатель легенде. Как же здорово, что меня легенды ни капельки не вдохновляют. Как и этот идиотский кодекс чести. Не волнуйся, Каге-сан! – бросил он мне, ухмыльнувшись. – Я все улажу.

Одним плавным движением он выхватил лук и выстрелил в силуэт на мосту. Зная, что ронин – превосходный стрелок, я внимательно наблюдал за происходящим, гадая, рухнет ли незнакомец со стрелой в груди.

Они но Микото не шелохнулся. Он не отскочил в сторону, не отступил ни на шаг. Только вскинул меч, блеснувший во мраке серебряной вспышкой, и ударил по стреле, сбивая ее с траектории. Она со звоном ударилась о перила моста и упала в воду.

– Sugoí... – восхищенно проговорила Юмеко. – Вот это... вот это скорость!

Ронин тихо выдохнул.

- Ага, - подтвердил он, и в его голосе послышались раздражение вперемешку с испугом. - Что ж, все сходится. Надо искать другой мост.

- Нет никакого другого моста. - Я нетерпеливо посмотрел на Они но Микото. Принц демонов молча наблюдал за нами, казалось, он даже не заметил, что его только что атаквали. Я чувствовал, как он разглядывает нас троих по очереди, ощущал тяжесть его взгляда. Он поднял длинный блестящий меч, решительно указал на меня и снова его опустил.

Окамэ фыркнул.

- Кажется, тебя только что вызвали на поединок, Тацуми-сан. Что ж, хорошо, что не меня: я ведь говорил, что меня нисколько не заботит воинская честь и справедливость битвы. А ты, полагаю, примешь этот вызов. Чтобы не опозорить... Да все на свете, что уж там. Себя, свой клан, детей, скот, дорогу, по которой путешествуешь, сандалии на твоих ногах, рисовые шарики из твоего походного мешка...

- Что-что? Неужели и рисовые шарики тоже? - недоверчиво спросила Юмeko, нахмурившись. - Я и не знала, что можно опозорить еду...

- Опозорить можно все, Юмeko-тян. Спроси любого самурая. Хотя тебе, наверное, тут же отрубят голову за то, что ты задаешь такие позорные вопросы.

- Довольно.

Это заговорил Они но Микото. Голос у него был плавный и спокойный, и говорил он как человек благородный - почти как Каге Масао, образованный придворный и советник госпожи Ханшу, а не как бродяга-ронин или разбойник.

- Каге-сан, - продолжил Принц демонов, - если мои намерения не вполне ясны, уточню: я и впрямь вызываю вас на поединок, чтобы выяснить, чьи воинские навыки лучше. Если хотите перейти мост, сперва нужно одолеть меня. Разумеется, у вас есть право развернуться и уйти - это не повлечет за собой никаких последствий. Трусы меня не интересуют.

Камигороши вспыхнул - возбужденно, почти радостно. Я оставил восхищенную пульсацию меча без внимания и указал жестом на Юмeko и ронина, стоявших в нескольких шагах от меня.

- А мои спутники?

- Девушка может переходить на ту сторону, если хочет. А ронин... - Я почувствовал, как движется его взгляд под маской, и ощутил едва заметную перемену в голосе. - Я бы предпочел, чтобы он остался в поле моего зрения - не хочу, чтобы он выстрелил мне в спину, когда окажется на том берегу.

Любой самурай счел бы такие слова непростительным оскорблением, ведь в спину стреляют только трусы, но ронин всего лишь пожал плечами.

- О, обо мне не беспокойтесь. - Он убрал лук и прислонился к ограде моста. - Такое зрелище я ни за что не пропущу. Жаль только, здесь нет

игорного зала, где можно было бы сделать ставки. Я бы вышел из него богачом.

Я кожей чувствовал презрение, исходящее от незнакомца в маске. Ставки, особенно на чужую жизнь, делали только преступники, торговцы и всякий сброд, а не порядочные самураи.

– Юмеко, – обратился я к девушке, затаившейся у самой ограды, – тебе лучше уйти. Сагимура на той стороне реки. Найди там гостиницу и жди нас. Мы скоро придем.

– Что? Никуда я не пойду! – Девушка взглянула на Они но Микото и повернулась ко мне. Глаза у нее горели огнем несогласия. – Вы ведь будете драться, – произнесла она, – не на жизнь, а на смерть?

Я взглянул на своего врага. Поединки бывают разными. Иногда воины дрались на боккэнах – деревянных тренировочных мечах, – чтобы определить сильнейшего без кровопролития. Некоторые поединки велись «до первой крови», и хотя они тоже были довольно опасны, чаще всего завершались без жертв. Среди умелых самураев большой популярностью пользовались поединки иайдзюцу, по правилам которых двое воинов вставали на расстоянии вытянутой руки, убрав мечи в ножны, а побеждал тот, кто быстрее выхватывал оружие и успевал нанести противнику удар. Такие схватки тоже были опасны, но далеко не всегда приводили к смерти.

– Да, – спокойно подтвердил Они но Микото. – Поскольку вызов исходит от меня, я позволяю вам выбрать тип битвы – какой угодно, хоть иайдзюцу. Но биться мы будем не до первой крови; сдаваться раньше времени тоже нельзя, как и щадить противника. Мы бьемся до смерти. Лишь один из нас сегодня перейдет этот мост – если только у вас нет желания повернуть восвояси.

– Но зачем это все? – спросила Юмеко. – Какая вам польза от убийства людей? Вы и впрямь демон?

– Демон? – Незнакомец в маске искренне удивился этому вопросу. Он посмотрел на девушку и покачал головой. – Нет, вы вряд ли поймете, – мягко сказал он. – Люди, лишённые страсти, никогда не поймут стремления к совершенству. Я не демон. Можно сказать, я художник, у которого вот уже многие годы не было холста для оттачивания навыков. Я посвятил свою жизнь искусству владения мечом, совершенствованию баланса между мной и лезвием. Но драться на деревянных мечах или прерывать схватку, как только покажется первая кровь, – все равно что рисовать картину, будучи лишённым половины красок. «Безопасные» поединки только сбивали меня с толку и ничего мне не давали. Единственный способ проверить свои навыки – это биться безо всяких преград. Только тогда я узнаю, достиг ли я совершенства.

– Но... вы убиваете людей! – воскликнула Юмеко. – Прячетесь на мостах и поджидаете путешественников – и все лишь ради того, чтобы доказать, что вы лучше их владеете мечом. Зачем вам это?

– Прячусь? – с усмешкой переспросил незнакомец. – Какая мерзкая картина. Будь вы мужчиной, я потребовал бы у вас подкрепить свое оскорбление сталью. Нет, Они но Микото вовсе не прячется. Я вызываю воинов на

поединок, а потом предлагаю честный выбор. Каждый волен от него отказаться. Несколько воинов на моей памяти отклонили мой вызов, распознав более сильного соперника, и это никоим образом их не опозорило. Я не желаю биться с теми, кто меня не достоин. А честное признание в том, что мы – не ровня, позволяет мне сэкономить массу времени, за что я очень благодарен таким людям. Но зачастую мои соперники оказываются просто чванливыми хвастунами и мнят о себе больше, чем стоило бы. Но, надеюсь, это не тот случай. Итак, Каге-сан. – Он вновь повернулся ко мне. – Смирненно жду вашего ответа. Как вы поступите? Развернетесь и уйдете, как некоторые из предшественников? Или с честью сразитесь с Они но Микото и скрестите с ним мечи?

– Ни то ни другое.

Я явственно ощутил его изумление, хотя лицо было надежно скрыто за маской демона. Ронин ошибся: идеалы чести и славы крайне мало для меня значили. Гордости у меня не было, я совсем не боялся «потерять лицо». Несмотря на внешность, я был не самураем, а шиноби Каге, воином, который нападает из тени, который побеждает врагов обманом и хитростью. Шиноби считались подлыми убийцами, потому что истинные буси всегда бились с врагом лицом к лицу и не опускались до того, чтобы таиться во мраке. Да, у меня была личная честь, я следовал кодексу Клана Тени, но выполнить свою миссию любой ценой было для меня куда важнее, чем Бусидо.

Будь у меня такая возможность, я охотно избежал бы этой битвы. Но Они но Микото был существенным препятствием, а на поиск обходного пути могло уйти слишком много времени.

– Я бы предпочел не драться прямо здесь, – сказал я, чувствуя, как встрепенулся Хакаймоно, словно кровавый тайфун. – Но вы преграждаете мне путь и мешаете выполнить миссию. Я не буду скрещивать с вами мечи – я прорублю себе путь прямо сквозь вас.

– Отлично! – восторженно воскликнул Они но Микото. – Вы почтили меня согласием! Что ж, идите сюда, Каге-сан. Посмотрим, кто из нас лучший воин.

– Юмекко, назад, – велел я, не сводя глаз со своего противника. – Это моя битва, ясно? Не вздумай мне мешать.

Краем глаза я заметил, как она шагнула в мою сторону.

– Только не умирай! – тихо приказала она. – Ты обещал отвести меня в храм Стального Пера. С твоей стороны будет страшно невежливо нарушать обещание из-за собственной смерти, Тацуми-сан!

– Не собираюсь я умирать, – заверил я ее, чувствуя, как Хакаймоно набирает силу, накрывая меня волной ярости и жажды крови. – Уходи, – повторил я. – Уходи в укрытие. Скоро все закончится.

Ронин соскочил с перил, на которых до этого сидел.

- Интересненькое намечается зрелище, - заметил он, сошел с моста и отдалился от него на несколько ярдов, освобождая нам место. Юмeko, немного помешкав, последовала за ним.

Я приблизился к Они но Микото. Луна проливала свет на нас обоих, озаряя мост. Прохладный ветер поднялся от воды и просочился между досками, играя волосами моего противника и полами моей одежды.

- У вашего меча есть имя, Каге-сан? - поинтересовался Они но Микото.

- К чему этот вопрос?

Он пожал плечами.

- Я изучаю лезвия, как ученый. Я внимательно ознакомился с историей искусства владения мечом в Ивагото, собрал сведения о лучших воинах и их оружии и обнаружил, что в течение многих веков имена некоторых особенно отличившихся мечей повторяются вновь и вновь. Например, имя императорского меча - Великолепная Заря. Или упоминания о парных мечах знаменитого воина, Мицу Сасаки. Если у вашего оружия есть имя, я бы очень хотел его узнать. Для меня будет большой честью скрестить свою катану с мечом из исторических рукописей.

- Не сказать, что у моего меча славное имя.

Они но Микото склонил голову набок и посмотрел на меня так, будто видит меня впервые.

- Вы.. из Клана Тени, - медленно проговорил он. - Известно по меньшей мере два примечательных меча из семейства Каге. Сасори, меч даймё Клана Тени... и проклятый меч, принесший беду на земли клана и едва не стерший Каге с лица земли.

Мои губы невольно тронула улыбка, и я произнес то, чего сам говорить не хотел.

- Настоящему они лучше не скрещивать меч с Камигороши.

- Так, значит, это правда, - прошептал Они но Микото, и в его голосе послышалось благоговение. - Вы - хозяин убийцы богов, проклятого меча Каге!

Я сделал глубокий вдох, подавляя демона внутри и возвращая себе собственный голос.

- Еще можно уйти, - тихо сказал я, к вящему недовольству Хакаимоно. - Камигороши все равно, чью душу пожирать - людскую или демонскую. Еще есть время спастись. Вы же сами сказали - в том, чтобы отказаться от битвы с более сильным соперником, нет ничего постыдного.

- Каге-сан! - воскликнул Они но Микото, шагнув вперед. Его била дрожь, но это был вовсе не страх, а воодушевление. - Именно этой битвы я и искал всю жизнь. Я так давно жду достойного соперника, человека, который заставит меня превзойти себя! Многие могут похвастаться, что дрались с

легендой? Что скрешивали свои мечи с оружием, которое практически в одиночку уничтожило один из Великих Кланов? Нет, Каге-сан, я ни за что не откажусь от этой битвы. – Он схватил свою катану обеими руками и вскинул в воздух; ее изогнутое лезвие блеснуло между нами, словно луч лунного света. – Я – Они но Микото, непобедимый меч Тайо, и для меня – огромная честь сразиться с вами.

Помешкав еще мгновение, я медленно достал Камигороши. Он радостно взвыл, оказавшись на воле и разливая по деревянному настилу зловещий алый свет.

Мы неподвижно стояли на мосту; ветер трепал волосы и одежду. Я застыл, опустив Камигороши вдоль тела, а Они но Микото так и стоял, вскинув меч и держа его обеими руками. Казалось, время замедлилось. Мы оба оценивающе разглядывали друг друга, прикидывая сильные и слабые стороны врага, дожидаясь того мига, когда бросимся в атаку.

«Еще рано», – подумал я, заметив, что Они но Микото слегка поменял положение, заведя одну ногу за другую. Я крепче сжал меч, чувствуя, как напряглись мышцы и встрепенулся, жаждая крови, Хакаимоно. «Сейчас он ударит. Будь готов...»

И тут с шумом и оглушительным треском из-под моста выскочило огромное змееподобное существо и поднялось футов на пятнадцать над нами. Твердая на вид чешуя излучала бледное сияние, а десятки членистых желтых лапок перебирали по доскам – чудовище решило взобраться на мост. Луковицеобразная багровая голова повернулась ко мне. С острых, похожих на серпы, жвал, капал зеленоватый гной. Омукадэ, гигантская сороконожка-людоед, приподнялась и с пронзительным шипением кинулась на меня.

24. Великая омукадэ

Сердце рухнуло в пятки.

Гигантская сороконожка взмыла в воздух и нависла над Тацуми и Они но Микото, которые в сравнении с ней сами напоминали насекомых. Ее чешуйчатое тело было черным, как смоль, а голова – багровой; изо рта, как пара серпов, торчали два смертельных жвала. Чудовище бросилось на Тацуми.

Воин прыгнул в сторону и со всей силы ударил сороконожку мечом по спине. Но объятые алым светом лезвие отскочило от толстого панциря, оставив только царапину.

– Kuso! – громко ругнулся Окамэ и отпрянул. Чудовище снова повернулось к Тацуми. Десяток лапок зацокали по доскам, и сороконожка приготовилась к новому нападению. Убийца демонов опять отскочил в сторону, и жвала вцепились в деревянные перила у него за спиной, с легкостью прокусив их, словно они были из рисовой бумаги. Тацуми снова ударил огромного ёкая, на

этот раз по ярко-желтым лапам. На доски брызнул зеленоватый гной, три отсеченные конечности, извиваясь, со стуком упали на мост, но омукадэ, изогнувшись, приготовилась к новой атаке, нисколько не замедлившись.

От блестящего панциря отскочила стрела, потом другая, затем – третья.

– Черт! – простонал Окамэ, выпуская четвертую стрелу прямо чудовищу в голову. Она врезалась гигантской сороконожке в макушку и отлетела, но та даже не подняла глаз.

– Kuso! – возмущенно воскликнул ронин и потянулся за новой стрелой. – Ну и крепка же ты, мерзкая тварь. Ни одного уязвимого места! Если так дальше пойдет, она сожрет Каге-сана и на нас переключится.

Внезапно в поле нашего зрения появился Они но Микото. Он перескочил через длинное, извивающееся тело и вскинул меч над головой сороконожки. Омукадэ, которая по-прежнему не сводила глаз с Тацуми, не замечала воина в маске, пока Принц демонов не ударил по ней со всей силы. Как и Камигороши, катана оставила на толстом панцире царапину и соскользнула с него, а сороконожка с шипением повернулась к обидчику.

Ни одного уязвимого места.

– Окамэ! – воскликнула я, повернувшись к ронину, который уже заряжал в лук очередную стрелу. – Глаза! Глаза ничем не защищены! Целься в глаза.

– Что? – Окамэ опустил лук и посмотрел на меня, а затем перевел взгляд на сороконожку. Огромный ёкай метался посреди моста, бросаясь то на Тацуми, то на Они но Микото, а те отчаянно пытались не попасться в ее огромные челюсти. Тацуми выскочил вперед, вскинув Камигороши, и сороконожка резко опустила голову и отпрянула назад, яростно оскалившись.

– Черт, она двигается слишком быстро! – прорычал Окамэ, глядя поверх лука на огромного ёкая. – А глаза у нее размером с хурму, так что попасть в них и впрямь очень сложно. Если бы только эта тварь остановилась на секундочку, мне много времени не нужно...

Я сглотнула.

– Целься, – велела я и шагнула вперед. – Я ее задержу.

Я подобралась к краю моста, наблюдая за битвой, развернувшейся посередине – Тацуми и Они но Микото пытались пробить брешь в мощном панцире сороконожки, но тщетно. Омукадэ потеряла еще несколько лапок, которые теперь валялись на досках, вяло извиваясь, но эта потеря, казалось, никоим образом не замедлила чудовище. С колотящимся сердцем я сунула в рот большой и указательный пальцы и сделала то, что всегда злило Дэнгу-сана.

Над мостом пронесся долгий, пронзительный свист. Сороконожка застыла и подняла глаза. На секунду ее ледяной взгляд встретился с моим, и в следующий миг над моей головой пролетела стрела, которая вонзилась прямо в черный зрачок.

Ёкай взвыл. Его огромное тело исступленно забилося на мосту, ломая столбики и перила, раскалывая бревна и доски. Тацуми с Они но Микото поспешно отскочили в сторону, но извивающийся хвост сороконожки ударил Принца демонов и столкнул его в воду. Я видела, как он камнем рухнул в реку, как взметнулись его белые волосы, как он исчез в волнах.

А потом перевела взгляд на мост и увидела, что омукадэ смотрит на меня здоровым глазом и жвала у нее подрагивают от злости.

Что ж, я определенно привлекла ее внимание.

Я повернулась и бросилась бежать, а чудовище с пронзительным криком кинулось следом. Десятки лап застучали по мосту. Мне не хватало смелости обернуться, но яростное шелканье гигантских челюстей наводило на мысль, что сороконожка стремительно приближается.

Дерево, дерево, мне нужно дерево!

Заметив на краю берега сосну с длинными, кривыми ветвями, я резко изменила направление и кинулась к ней, по пути схватив с земли лист. Приблизившись к дереву, я прошептала несколько слов, призывая лисью магию, и выпустила лист, а потом нырнула за ствол в надежде, что остальные не заметят появления второй Юмeko, съездившейся у сосны.

Стоя за деревом, я задержала дыхание, молясь о том, чтобы омукадэ не раскусила мою иллюзию. Впрочем, волновалась я совершенно зря – в следующую секунду сороконожка с визгом, от которого зазвенело в ушах, накинулась на ствол. С громким хрустом ее жвала вонзились в ненастоящую Юмeko и вошли в сосну так глубоко, что дерево затрещало.

Пока сороконожка пыталась высвободиться, я запрыгнула на ветку над головой, подтянулась и полезла на следующую. Благодаря многолетнему лазанью по старому клену, растущему в саду храма, я без труда могла взобраться по стволу, к тому же страх перед чудовищем придал мне прыти.

Я успела залезть до середины ствола, когда омукадэ наконец освободила челюсти под громкий треск древесной коры. Опустив глаза, я встретилась с ее бездушным, пустым взглядом. Она поглядела на меня и яростно зашипела. Оскалившись, она полезла по стволу вверх, и десятки ярких желтых лапок пугающе резво затопотали по дереву.

Я продолжила лезть все выше, слыша за спиной шипение и топот ёкай. По мере того, как ветки становились короче и уже, замедлялась и сороконожка. Однако тело у нее было таким длинным, что она без особого труда могла дотянуться до самых высоких веток, вот только под ее весом дерево начало раскачиваться и стонать.

Бежать было некуда. Я добралась до самой верхушки, а сороконожка поспешно сокращала расстояние между нами. Выхватив танто, я забралась как можно выше, наблюдая за тем, как луковицеобразный багровый череп продирается сквозь ветки у меня под ногами. Потирая жвала друг о друга, чудовище скользило по стволу прямо ко мне. Сосна скрипела и стонала, ствол опасно кренился и раскачивался, но сороконожка держалась крепко.

Когда она подползла совсем близко и я до мелочей могла разглядеть ее мерзкое, членистое туловище, я кое-что заметила. Верхняя часть ее огромного тела и впрямь была покрыта блестящим черным панцирем, не пропускавшим удары стрел и меча. Но внизу, между десятками проворных лапок, кожа выглядела нежной, почти голой. Было очевидно, что ее не защищает непроницаемая броня. Вопрос в том, как туда добраться?

Вскинув одну руку с танто, другой я начала призывать лисью магию, в надежде, что отчаянная вспышка лисьего пламени, пущенного чудовищу прямо в морду, отвлечет или ослепит его, а я в это время успею.. что-то предпринять.

- Юмекто!

Где-то подо мной - и довольно близко! - раздался знакомый голос. Я бросила взгляд под ноги и заметила Тацуми на одной из веток пониже. Воин держал сияющий алым Камигороши наготове. Мне показалось, что его глаза блеснули ярко-красным пламенем, когда он протянул мне свободную руку.

- Прыгай! - приказал он, и душа у меня ушла в пятки. - Скорее!

Я стлотноула.

- Тацуми, до земли, вообще-то, очень далеко.

- Я поймаю тебя, - ответил он. - Обещаю. Скорее!

Что ж, между перспективой быть съеденной сороконожкой и смертью от падения с большой высоты разумнее было бы выбрать второе. В следующее мгновение омукадэ с шипением кинулась на меня, а я, собравшись с духом, соскочила со ствола и камнем рухнула вниз. Пронзительный крик застрял у меня в горле, и я даже не успела испугаться, когда меня обхватили за талию, прервав резкое падение. Тацуми одной рукой затащил меня на ветку и поставил на ноги, не выпуская из второй Камигороши. Я и не знала, что он такой сильный - шутка ли, он смог поймать падающее тело, причем одной рукой, стоя на узкой корявой ветке, и даже не потерять равновесие!

Я заглянула ему в лицо, и по спине пробежали мурашки. Его глаза и впрямь горели - в их глубине пылал бледно-красный огонь, делая взгляд нечеловеческим.

- Ты поранилась? - спросил он, и голос у него тоже звучал по-другому. Тише, мрачнее и в то же время напряженно. Будто бы он боролся... с кем-то.

- Нижняя часть ничем не защищена! - сообщила я, и он озадаченно нахмурился. - Панцирь... броня... ее совсем нет на животе. Нужно бить снизу.

Хмурое выражение исчезло с его лица, он кивнул. Где-то над нами омукадэ, шипя и скалясь, спешила к нашей ветке, извиваясь всем телом. По-прежнему держа меня за талию, Тацуми резко соскочил с ветки на другую, пониже. Я едва сдержала крик, борясь с желанием схватиться за его рубашку, когда он поставил меня на ноги и поднял взгляд на длинное чудовище, ползущее нам навстречу. Омукадэ злобно посмотрела на нас, зашипела и еще быстрее заскользила между ветками.

– Можешь ее приманить? – понизив голос, спросил Тацуми. – Сделать так, чтобы она за тобой погналась?

Поняв его намек, я неуверенно кивнула.

– Думаю, большого труда это не составит, – прошептала я, пока омукадэ подбиралась все ближе, лавируя между ветками и щелкая челюстями.

Тацуми кивнул.

– Вперед, – велел он, и мы поспешили вниз, соскакивая с ветки на ветку и стараясь обогнать гигантского ёкая, ползущего как змея. Примерно на середине дерева я вдруг заметила, что Тацуми исчез – во всяком случае, за ветвями и листьями его больше не было видно.

Что-то пронеслось мимо моего лица, я испуганно застыла на месте, и стрела со звоном отскочила от жесткого панциря. Сороконожка злобно зашипела и остановилась, оглядываясь в поисках внезапного обидчика и, возможно, вспомнив о стреле, попавшей ей в глаз.

– Окамэ, стой! – крикнула я, опустив взгляд на ронина. Он стоял у дерева с очень серьезным выражением лица, вскинув лук, и целился в сороконожку. Услышав мой окрик, он опустил оружие, но тут я, отвлекшись, пропустила ветку и упала, пролетев несколько футов. Пульс резко подскочил, я в отчаянии дернулась и ударилась ладонью о еще одну ветку, остановившую мое падение. Я услышала встревоженный крик Окамэ, увидевшего, как я повисла на ветке, ощутила, как ноги болтаются в воздухе, и в отчаянии схватилась за ветку второй рукой.

Что-то теплое закапало на костяшки пальцев. Шумно сглотнув, я подняла глаза и увидела пару блестящих черных жвал в нескольких футах от меня. Они были разведены широко в стороны, готовые в один миг откусить мне голову. Но в эту секунду над головой мелькнуло темное пятно: Тацуми на полной скорости пробежал по ветке, распоров мечом обнаженное брюхо омукадэ.

Сороконожка истошно завопила и подскочила. Из раны хлынул фонтан зеленовато-желтого гноя. Верхняя часть тела, отделившаяся от нижней половины, рухнула с дерева вниз и приземлилась на спину, беспомощно дрыгая лапками и тщетно пытаясь перевернуться.

– Окамэ, голова! – воскликнула я, стараясь перекричать бешеное шипение огромного ёкая, который бился и извивался, слишком крепкий, чтобы умереть даже после такого удара. – Отрежь ей голову – это должно ее убить!

Глаза ронина понимающе блеснули, и он повернулся к поверженному чудищу. Не успел он ничего предпринять, как к извивающемуся ёкаю подбежал Оки Микото и поднял меч, нанеся удар чуть ниже скрежещущих челюстей. Луковицеобразная багровая голова откатилась в сторону, дергающиеся в агонии лапки затихли, смертоносные челюсти застыли, и огромный ёкай наконец встретил свое поражение.

Я с облегчением выдохнула и попыталась было влезть на ветку, но руки у меня заскользили. После того, как я пережила нападение гигантского чудовища, рухнуть с дерева и сломать шею было бы страшным невезением.

Ветка закачалась, и рядом с моими пальцами показалась пара дзика-таби. Я подняла взгляд и увидела, что рядом стоит Тацуми, вытянув руку с Камигороши вдоль тела. Его лицо приняло жутковатое выражение: губы тронула любопытная улыбка, словно вся эта ситуация его забавляла и он раздумывает, что делать дальше.

- Тацуми? - запыхавшись, позвала я. А он все стоял не двигаясь и наблюдал за мной. - Что... что ты делаешь? Помоги мне!

Пару секунд он так и стоял, не шелохнувшись, и разглядывал меня так, что по коже побежали мурашки. Камигороши мерцал и пульсировал мрачным светом, глаза Тацуми горели красным огнем, а зрачки вытянулись в узкие щели, будто у кошки.

Одна рука все-таки соскользнула, и я вскрикнула.

Внезапно сильные пальцы стальной хваткой обвили вокруг моего запястья, подтянули меня и поставили на ветку. Запыхавшись, я схватилась за черную хаори, темневшую напротив меня. Сердце гулко стучало в ушах; я все ждала, когда перестанут трястись руки, когда восстановится пульс.

- Юмекко. - Голос Тацуми снова звучал напряженно, но уже более привычно. Он заметно напрягся, руки застыли вдоль тела, сердце быстро колотилось под моей ладонью. Я вдруг осознала, что мы стоим совсем близко, наши грудные клетки почти соприкасаются, а между лицами - считанные дюймы. Узкий конец свитка больно впился мне в ребро.

- Gomen! - с пылающим лицом я отступила назад, старательно балансируя на узкой ветке. Тацуми расслабился, но по-прежнему не сводил с меня глаз. Лицо у него было серьезным и мрачным, из глаз пропал нечеловеческий блеск. Даже несмотря на сильное смущение, я ощутила крошечный огонек облегчения. Я больше не видела перед собой того жуткого красноглазого Тацуми, который глядел на меня всего несколько секунд назад. Может, мне вообще все показалось. Может, в зловещем свете, исходящем от Камигороши, мне все только привиделось.

- Oi-i-i! - позвал голос откуда-то снизу. - Юмекко-тян? Каге-сан? Вы там как, в порядке?

- Hai, Окамэ! - отозвалась я. - Мы целы. Сейчас спустимся.

Через несколько минут мы встретились у подножия сосны. Гигантский труп омукадэ высился над нами - половина тела валялась на земле, другая половина по-прежнему свисала с веток. Мне вдруг стало интересно, что подумают люди, если посмотрят вверх и увидят две трети гигантской сороконожки, повисшей на сосновых ветвях.

- Нет, это было просто отвратительно, - заметил Окамэ, когда мы с Тацуми подошли к нему. - Вы только гляньте на нее! Понятия не имею, насколько

она древняя и редкая, но не вижу логичной причины в том, чтобы букашки вырастали до такого размера!

- Да, она, наверное, очень древняя, - предположила я, рассматривая жуткий труп. - Но... почему она на нас напала? Такое чувство, будто она знала, где мы находимся, и появилась тут неспроста.

- Это не важно.

Принц демонов повернулся к Тацуми.

- Монстр мертв, - объявил он так, словно нападение гигантской сороконожки и ее убийство были обыденным делом. Словно он каждый вечер такое проделывал перед тем, как выпить чаю. - Мы победили, а до рассвета еще далеко. Теперь, когда нам больше никто не мешает, можно спокойно продолжить наш поединок, а, Каге-сан?

25. Предложение для Принца демонов

- Nani[39]? - спросила Юеко, удивленно уставившись на Принца. - Сейчас?
- Она указала рукой на гигантский труп, из которого на примятую траву сочилась зеленоватая жидкость. - Да нас едва не съела гигантская сороконожка! Неужели сейчас и впрямь подходящее время для схваток?

- Поединок был согласован, согласия сторон получены, - веско заметил Они но Микото. - Довольно медлить, закон чести требует, чтобы мы продолжили схватку, пока не определится явный победитель. Каге-сан. - Он поклонился мне. - Вернемся на мост? Я готов.

Я устало кивнул. Если иначе мост никак не перейти, придется его убить. Я не горел желанием лишать его жизни; он очень помог нам в битве с омукадэ и не сбежал, хотя мог. И судя по тому, как он проявил себя в бою с сороконожкой, он был проворным и умелым воином и, пожалуй, на моей памяти владел мечом лучше всех. Вне всяких сомнений, соперником он был опасным.

Но отпускать меня просто так он явно не собирался, а ведь меня ждала важная миссия. Если он так жаждет этого поединка, то я помогу ему умереть достойно.

- Погодите. - Юеко выступила вперед, как только мы направились к мосту.
- Они но Микото, стойте.

- Простолюдинка. - Они но Микото повернулся ко мне, заговорив вежливым, но ледяным тоном. - Ты путешествуешь вместе с Каге-саном, а значит, ты либо его служанка, либо находишься под его защитой. Но слуги не имеют права приказывать самураю. Это так, вежливое предупреждение, ибо следующий воин, которого ты встретишь, может не на шутку обидеться.

Юмекко нахмурилась, но не съежилась и не отступила.

- Sumimasen[40], - сказала она, обращаясь к Они но Микото. - Я должна была вам поклониться? Скажите, нужно было поклониться, да?

Ронин хихикнул.

- Думаю, нужно было пасть ниц у его ног. Обычно так и бывает, когда слуги встречают самураев.

- Извините, - повторила Юмекко. - Я не хотела вас обидеть. Я выросла в храме и еще никогда не общалась с самураями. Если не считать Тацуми-сана, но ему, кажется, все равно. - Услышав эти слова, я удивленно приподнял бровь, но никто этого не заметил. - Я не очень хорошо знакома с протоколом, - продолжила Юмекко, - но я действительно не хотела вас обидеть. Мне пасть перед вами ниц, Они-сама?

- Не нужно, - со вздохом ответил Они но Микото. - Скажи.. чего ты хочешь?

- Окажите мне такую любезность, Они-сама, посмотрите на правый глаз омукадэ. Что вы там видите?

Принц демонов поглядел на ёкая. Голова омукадэ лежала на земле, рот был распахнут в смертельном, яростном оскале, а несколько лапок все еще дергались в агонии.

- Стрелу, - ответил Они но Микото, всмотревшись в пронзенный глаз. В лунном свете отчетливо виднелся торчавший из него наконечник. Принц демонов немного помолчал, осмысляя произошедшее, и тихо выдохнул. - Так, значит.. - Он посмотрел на Окамэ. - Так, значит, это ты попал в чудовище, - заключил он, будто бы только сейчас это осознал. - Тогда, на мосту, когда он впервые на нас набросился, мы с Каге-саном ничего не могли с ним поделать. Наши удары не приносили ему никакого вреда, но.. - Он снова посмотрел на пронзенный глаз. - Кто-то отвлек сороконожку. Получается, это был ты.

Ронин пожал плечами.

- Ну, попасть-то я в нее попал, - проговорил он, а потом кивнул на девушку. - Но именно Юмекко-тян отвлекла внимание этой твари и подсказала, куда целиться. Если кого и стоит благодарить за то, что ты не оказался в желудке у сороконожки, так это ее.

- Вот оно что, - проговорил Они но Микото и снова повернулся к Юмекко. - Стало быть, я перед тобой в долгу, - проговорил он. В его позе чувствовалось напряжение, но голос оставался вежливым. - Так вот чего ты хочешь, да? Милости самурая. Что ж, хорошо. - Он распрямился. - Я отплачу тебе за свое спасение, обещаю. Но пойми вот что: я ни за что не откажусь от поединка с Каге-саном. - Он перевел взгляд на меня. - Я ждал этой битвы с тех самых времен, когда впервые взял в руки меч, и я ни за что ее не пропущу. Проси, что хочешь, но только не это.

- Что ж, прекрасно, Они-сама, - проговорила Юмеко. - Если отменить поединок вы не можете, то отложите его. Окажите мне такую честь.

Просьба Юмеко, судя по всему, потрясла Принца демонов до глубины души.

- Отложить? - изумленно переспросил он.

- Да, - подтвердила она. - Я понимаю, для вас эта битва очень значима, но я путешествую с важной миссией, которую нужно завершить, а Тацуми уже пообещал мне, что будет рядом до самого конца. Он сопровождает меня в столицу, и я просто не могу допустить, чтобы он умер прежде, чем я выполню свое задание!

- Не можете... допустить. - Они но Микото задумчиво посмотрел на нее через маску. Вид у него был сперва смущенный, а потом - изумленный. Неожиданно он низко ей поклонился. - Простите, моя госпожа, - с искренним сожалением произнес он. - Я и не догадывался о вашем положении. И ошибочно принял вас за простолюдинку, но если Каге-сан - ваш ёдзимбо[41], я страшно ошибся. Смиренно прошу меня простить за такой грубый промах.

Я нахмурился, слегка задетый этим предположением. Никакой я не телохранитель. И никто, кроме Каге, не смеет мне приказывать. Однако поправлять воина я не стал. Если он решил, что Юмеко - знатная госпожа, а я - ее ёдзимбо, который защищает ее в пути, так тому и быть. Может, нам удастся избежать лишних расспросов.

- Вот-вот, правильно, постыдился бы! - вмешался ронин и указал на девушку. - Очевидно же, что знаменитый убийца демонов Каге ни за что не стал бы защищать простую служанку! У служанок не бывает никаких целей и миссий, у них в жизни вообще нет ничего значимого, кроме служения самураю. Так что перед тобой уж наверняка либо служительница храма, либо странствующая оммёдзи. Это единственное объяснение всему этому маскараду, а, Они-сан?

В разговоре с кем-нибудь другим такого объяснения было бы вполне достаточно. Юмеко выросла в храме и постоянно говорила об учителе Исао. Монахи, служительницы храмов и оммёдзи занимали в Ивагото особое положение - они не относились к военной касте и чисто технически считались простолюдинами, но их искренне уважали за мудрость и образованность и нередко признавали учителями, мастерами своего дела или духовными наставниками. Оммёдзи пользовались особым почтением и среди самураев, и среди простолюдинов - это были прорицатели, предсказатели, экзорцисты и знатоки мира духов, и их таланты горячо почитались в обществе. А поскольку оммёдзи много странствовали и имели дело с самыми разными призраками, ёкаями и беспокойными духами, я не раз пересекался с ними в своих путешествиях.

Принять Юмеко за странствующую оммёдзи, попросившую убийцу демонов из Клана Тени ее сопроводить, возможно, но с натяжкой. Но я уже достаточно пропутешествовал в компании дерзкого на язык ронина, чтобы распознать в его словах скрытый сарказм и неприязнь ко всему военному сословию и понять, что он попросту запутывает собеседника, обходясь при этом без откровенной лжи.

- Но... Окамэ-сан, - начала Юмеко, - я вовсе не...

- Да и вообще! - громко продолжил ронин. - Подходящее время для схваток, нечего сказать. Ты свалился в реку, а Каге-сан, судя по его виду, совсем выбился из сил. Если ты и впрямь ждал этой битвы всю свою жизнь, неужели тебе хочется вступать в нее сейчас, когда вы оба не в самой лучшей форме?

- Хм-м-м. - Принц демонов скрестил на груди руки. - Справедливо, ничего не скажешь, - неохотно признал он. - Если мы вступим в схватку прямо сейчас, как можно будет понять, что помогло победителю: истинное мастерство или слепой рок? Если уж биться, то только тогда, когда мы оба будем готовы к схватке и сведем долю случайности к минимуму. Что ж, хорошо. - Он решительно кивнул и повернулся к Юмеко. - Моя госпожа, - проговорил он. - Прошу, позвольте сопроводить вас и ваших спутников в столицу, а оттуда последовать за вами!

Я изумленно нахмурился, а Юмеко застыла как вкопанная. Она явно не ожидала такого поворота.

- Но зачем? - спросила она.

- Я хорошо знаю окрестности Кин Хейген Тоши, - сообщил Они но Микото. - Я прожил там много лет, и мое имя имеет большой вес. Готов предложить вам свою помощь, пока вы будете улаживать свои дела в столице.

- Помощь нам не нужна, - сказал я. - Спасибо, но мы справимся сами.

- Прошу прощения, Каге-сан, - с легким удивлением проговорил Они но Микото, выразительно посмотрев на меня. - Но на нас только что напала гигантская сороконожка. Пожалуй, я не слишком хорошо разбираюсь в демонах, но, думаю, это было не случайное нападение. Жизнь убийцы демонов наверняка полна опасностей. - Во мне вспыхнула тревога. Еще один человек, который чересчур много знает о Клане Тени и Камигороши. Еще один человек, которого мне, возможно, придется убить, если клан отдаст такой приказ. - Особенно если он охраняет оммёдзи! А дорогу, которой вам предстоит идти, безопасной никак не назовешь, к тому же в округе обитает множество злобных созданий. Если демоны вновь будут нападать, то защищаться и защищать свою подопечную будет весьма непросто.

Он поднял взгляд на гигантскую сороконожку, все еще висящую на ветках.

- Я не могу допустить, чтобы вы погибли прежде, чем завершится наш поединок, - продолжил Они но Микото. - Это будет позор для нас обоих. Поэтому я пойду с вами и окажу вам любую посильную помощь. А как только вы завершите свою миссию и Юмеко-сан перестанет нуждаться в вашей защите, мы продолжим начатое.

Ронин откинул голову и расхохотался.

- Нравится мне, как мыслит этот самурай! - широко улыбаясь, признался он. - Стало быть, ты пойдешь с нами ради того, чтобы Каге-сан не умер в пути и ты сам мог убить его позже? - Он хихикнул и тряхнул головой. - Просто блеск, жду не дождусь, что будет дальше.

- А я и не знала, что Они-сама так известен в столице, - заметила Юмеко, когда Принц демонов с подчеркнутой вежливостью пропустил слова ронина мимо ушей. - И как, горожане пугаются маски?

- О, ну конечно, - проговорил Они но Микото. - Простите мне мою грубость, я ведь толком и не представился. - Он вскинул руку и снял маску они, под которой оказалось гладкое безбородое лицо юноши всего несколькими годами старше меня. Некоторые черты тут же обратили на себя мое внимание - высокие скулы, острый подбородок, бледность, изящный вид - все это выдавало в нем аристократа. У него были тонкие, почти женские черты лица, а и без того яркие глаза он подвел черным карандашом. Далекое не самый броский макияж, какой мне доводилось видеть на мужчине знатных кровей, и все же ошибиться было невозможно.

- Я - Тайо Дайсукэ, - представился Они но Микото, отвесив Юмеко почтительный поклон. - Очень рад знакомству, Юмеко-сан. Позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что оказали мне такую честь и позволили сопровождать вас при выполнении вашей миссии. Как странствующая оммёдзе, вы наверняка многое повидали.

- Тайо, - недоверчиво повторил ронин. - Так ты из императорской семьи?

- Четвертый сын одного из двоюродных братьев императора, - с кривой усмешкой пояснил Тайо Дайсукэ. - По счастью, двое моих братьев удачно женились и заняли важные посты при дворе, а третий стал императорским чиновником, поэтому мне можно не тревожиться о том, чтобы оправдывать родительские ожидания.

Ронин ухмыльнулся.

- Очень нетипичный для самурая подход, Тайо-сан. Тебе точно не придется совершить сэппуку после столь позорной мысли?

- Мой клан знает, что я пойду на все, чтобы защитить честь Тайо, - беззаботно проговорил бывший Принц демонов. - И пока что от меня ничего не требуется. Я могу спокойно заниматься своими делами.

- То есть устраивать засады на мостах и вызывать сильных соперников на поединок, - уточнил ронин.

- Нет, в данном случае: сопровождать госпожу Юмеко и ее спутников в столицу, - поправил его аристократ. - Юмеко-сан? - Он улыбнулся девушке и указал на далекие огни за рекой. - Я предложил бы заночевать в Сагимуре. Гостиница там простенькая, но приятная, слуги очень внимательные. Я с большим удовольствием там останавливаюсь, когда выбираюсь из столицы и пускаюсь в странствия.

- Странствия, - со смешком повторил ронин. - Так вот как ты все это называешь?

Аристократ ему не ответил. Даже мне пришлось признать, что у бывшего Принца демонов очень избирательный слух.

- Ну что же, госпожа Юмеко, в путь? - спросил он у девушки. - Если поторопимся, то доберемся до гостиницы прямо к ужину.

Юмеко улыбнулась ему в ответ, и на мгновение меня что-то кольнуло внутри.

- Звучит чудесно! - воскликнула она, заметно воодушевившись при упоминании о еде. - Спасибо, Тайо-сама!

- Полно, Юмеко-сан, - вскинул руку самурай. - Тайо-сама - это мой отец. А мы четверо только что бились с огромной сороконожкой и победили ее! Думаю, мы заслужили право называть друг друга по именам. Так что зовите меня Дайсукэ, если можно.

- Дайсукэ-сан, - по-прежнему улыбаясь, повторила Юмеко. - Спасибо!

- Что ж, - Тайо Дайсукэ отступил назад и оглядел реку, - пожалуй, сегодня впервые в истории тем, кто встретил Они но Микото на мосту, удалось перейти на другой берег. - Его взгляд упал на маску они, все еще болтавшуюся у него в руке, и он печально улыбнулся. - Думаю, теперь она мне ни к чему, - пробормотал он. - И не важно, чем закончится будущая битва - триумфом или поражением, - у меня такое чувство, что для Они но Микото она будет последней. А посему...

Он резко отвел руку назад и швырнул маску в воздух. Красно-белое пятно описало дугу и лениво упало в реку. Пару мгновений она держалась на волнах - бледный овал на черном фоне. А потом жуткую морду они подхватило течением, и она исчезла из виду.

26. Столица

Я смотрела по сторонам так пристально, что заболели глаза.

Кин Хейген Тоши, столицу Золотой Равнины, было видно издалека, задолго до того, как путник добирался до ее великолепных ворот. Построенная на пересечении двух рек - Хотару и Кин но Кава, Золотой Реки, - столица тянулась на многие мили вокруг. Людный центр города окружала река и защищали высокие каменные стены, но столица давно выбралась за свои естественные пределы и захватила часть равнин. Я в жизни не видела столько зданий - издалека город казался рваным одеялом из крыш, стен, мостов и дорог, накрывшим долину.

Неподалеку от самого центра на отвесном холме, окруженном каменной стеной, высился великолепный замок. Внутренние его стены были белыми, отделанными темным деревом, а крыши и верхние этажи, судя по всему, покрывало чистое золото, ибо они ослепительно сияли на небе, таком ярком, что на него было больно смотреть.

– Смотрите – это Замок Солнца! – сообщил мне Дайсукэ с такой гордостью, будто сам его построил. – Дом императора и сердце Ивагото.

– В жизни не видела ничего подобного! – призналась я, прикрывая глаза ладонью от яркого света. – А он правда из золота?

– Это сусальное золото, моя госпожа, – ответил Дайсукэ. – Им покрыты стены и крыша. Увы, мы пока не придумали, как построить замок из чистого золота. Хотя Император Тайо но Рёсэй пытался проделать что-то подобное, но в итоге крестьяне взбунтовались.

– Судя по всему, им не понравилось, что они должны голодать, пока император себе дворцы из золота выстраивает, – уточнил Окамэ, шагавший позади. – Вот же неблагодарные сволочи!

Дайсукэ не обратил на его слова никакого внимания. С прошлой ночи на мосту он успел переодеться, и теперь на нем были сизые штаны хакама и небесно-голубая рубашка хаори с серебристыми облаками на рукавах и на подоле. На плечах был вышит символ Тайо – ослепительное солнце внутри круга. В свете дня, с двумя мечами, торчавшими из-за пояса, и с длинными белыми волосами, собранными в хвост, он выглядел в точности как и полагается воину знатных кровей.

Он резко отличался от Окамэ, который прислонился к дереву, пожевывая стебель камыша. Или от Тацуми, который стоял в стороне безмолвным силуэтом и почти сливался с тенями от ветвей. Я чувствовала, что они оба за нами наблюдают – один холодно и сосредоточенно, другой – насмешливо, и я гадала, доводилось ли им испытывать такое же изумление, как и мне.

– Тайо но Кинтаро, император, правящий во времена строительства этого замка, – продолжал Дайсукэ, не замечая, что со спины за нами внимательно наблюдают, – потребовал себе дворец, который будет сиять раньше самого солнца, чтобы на многие мили вокруг все видели величие нашей семьи. Его сжигали дотла по меньшей мере четырежды, но каждый раз мы восстанавливали бывшее великолепие. Династия Тайо правит из этого дворца более семи веков.

– Какой он красивый! – прошептала я и поморщилась, когда один из кусочков черепицы на крыше блеснул, отразив упавший на него луч солнца. Яркая вспышка больно ударила по глазам. – А вот интересно – не слепнут ли местные жители в солнечные дни?

Дайсукэ усмехнулся.

– Летом люди стараются на него не смотреть.

Мы пошли дальше по дороге, которая вскоре вывела нас на оживленную улицу – по ней толпы людей шли в город и возвращались из него. Когда мы перешли мост и направились к высоким широким воротам, сердце заколотилось от восхищения. Все вокруг было таким величественным! Громадным, шумным, суетливым. Проходя мимо лавочек и рыночных прилавков, я чувствовала себя букашкой и жадно смотрела по сторонам, не в силах сдержать любопытства.

Кто-то резко дернул меня за рукав, и в следующий миг Тацуми оттащил меня на обочину, а мимо пробежал мужчина, толкая двухколесную тележку. Он

прокричал нам что-то – то ли извинился, то ли ругнулся – и продолжил свой путь по улице, не сбавляя скорости.

– Oi, неужто без этого никак? – крикнула я ему вслед, а потом повернулась к Тацуми, который удивленно вскинул бровь. – Gomen, – извинилась я. – Пожалуй, стоит быть повнимательнее к тому, что творится вокруг.

– Весьма благоразумное решение.

– Да ладно тебе, Каге-сан! – вмешался Окамэ, торопливо шагавший позади. – Она же впервые в столице – само собой, ее тут все отвлекает! Ну, Юмекотян... – Он улыбнулся мне. – Вот мы и в столице. Куда бы тебе хотелось пойти? Ну же, говори, не стесняйся! Если хочешь побыть туристом, могу провести для тебя экскурсию по самым интересным местечкам! Или же можем дожждаться, пока сядет солнце. В Кин Хейген Тоши с наступлением ночи становится в сто раз интереснее!

– Правда? А почему?

– Мы сюда не видами любоваться прибыли, – холодно напомнил Тацуми. – И не можем просто так бродить по городу безо всякого плана – у нас есть миссия, и ее нужно завершить. К тому же ты говорил, что у тебя в столице дела, – напомнил он, обращаясь к ронину. – Не пора ли тебе ими заняться?

Окамэ пожал плечами.

– Да нет у меня никаких важных дел, – невозмутимо проговорил он, отмахнувшись. – Стать скучным и ответственным и начать искать работу я могу в любой момент. Уж торговцев, которым нужны охранники, или игорные залы, где требуются вышибалы, я всегда найду. Путешествовать с вами куда увлекательней! Пожалуй, задержусь-ка я в вашей компании. Что такое, Каге-сан? – Его ухмылка превратилась в волчий оскал, и даже Тацуми сощурился. – Ты же не пытаешься от меня отделаться, а?

– Юмекотян... – К счастью, Дайсукэ вмешался в разговор прежде, чем во взгляде Тацуми отразилась мысль «Я убью тебя». – А эта ваша миссия... Куда именно нужно попасть, чтобы ее завершить? Я прожил в этом городе всю жизнь и знаю его как свои пять пальцев. Если доверитесь мне, я, вероятно, смогу сопроводить вас до нужного места.

– Мне... да. Мне нужно попасть в святилище Хайяте, – сообщила я, припоминая последние указания учителя Исао. – Я должна поговорить с главным священником. Он располагает важными сведениями и должен сказать, куда идти дальше.

– Святилище Хайяте, – медленно повторил Дайсукэ и кивнул. – Да. Я знаю, где это. Нужно идти на другой конец города, в район Ветров. Остаток вечера уйдет на то, чтобы туда добраться. В конце концов, Кин Хейген Тоши – не маленький город.

– Отлично, – одобрила я. – Нам нужно его найти – очень важно, чтобы мы с Тацуми оказались там как можно раньше. Покажете нам дорогу, Дайсукэ-сан?

Он улыбнулся.

- Ну конечно.

Тайо-сан повел нас порой прямыми, порой извилистыми дорогами, и на протяжении всего пути Кин Хейген Тоши открывал нам новые красоты. Вокруг высились здания - чайные и храмы, купальни и святилища, гостиницы, элегантные в своей простоте, и роскошные жилища богатых и зажиточных. Вдоль улиц тянулись магазины и лавки, где продавалось все - от соломенных сандалий и зонтиков до экзотических приправ и безделушек, привезенных со всех концов Выжженного моря. Дайсукэ рассказывал о местах и зданиях, которые встречались нам по пути, обращал внимание на их особенности, вкратце излагал историю, если мы проходили мимо храма, святилища или другой важной постройки. Оказалось, что он знает о своем городе много всего интересного, и я поймала себя на том, что увлеченно слушаю его рассказы. Как-то Окамэ предложил срезать путь и пройти через квартал красных фонарей, пообещав, что сам расскажет про это место. Но не успела я поинтересоваться, что он имеет в виду, как Дайсукэ повернулся и посмотрел на него с такой яростью, что Окамэ тут же взял свои слова обратно.

Тацуми, как обычно, держался чуть в стороне и шагал бесшумно, будто тень, даже не пытаясь поддержать беседу. Когда мы свернули в узкую улочку, с одной стороны которой тянулся канал, а с другой - городская стена, я отстала от остальных и пошла рядом с ним.

Он оглядел меня - не то чтобы с подозрением, но выжидающе.

- Разве это не удивительно, Тацуми? - пробормотала я, наблюдая за ярко-синим зимородком, пулей взлетевшим в небо со стороны канала. - Я и не знала, что в мире есть такая красота...

- Угу.

- Учитель Исао мало рассказывал о землях за пределами храма, - продолжила я. - Думаю, ему и всем остальным было страшно, что внешний мир прельстит меня, и я убегу. А ведь знай я, что за стенами храма такая красота, я, может, и впрямь убежала бы..

Тацуми ничего не ответил, и я мрачно посмотрела на него.

- Ты сегодня какой-то молчаливый, Тацуми-сан.

- Я всегда такой.

- Да, но сейчас ты особенно немногословен, - упрямо повторила я. - Все в порядке? Может, наступил на что-то острое и порезался?

- Нужно сосредоточиться на нашей миссии, - резко ответил он. - А не играть в туристов вместе с аристократами и разгуливать по игорным залам и кварталам красных фонарей с ронином. Мы тут не ради развлечений.

- Я знаю, - бросив взгляд на аристократа, шагавшего немного впереди и болтающего о чем-то с Окамэ, я понизила голос. - Но ведь Дайсукэ-сан

ведет нас к святилищу Хайяте – было бы ужасно невежливо бросить его и украдкой сбежать.

Он отвел взгляд.

– Они нам не нужны. Только путаются под ногами и задерживают. Как только разузнаем, как добраться до храма, нужно будет от них уйти.

– Но он ведь помогает нам, Тацуми! А Окамэ тоже здорово нас выручил в деревне гаки. Мы не можем просто так взять и бросить их! Да и потом, как же твой поединок с Дайсукэ-саном?

Он пристально поглядел на меня.

– Ты что, и впрямь хочешь увидеть, как один из нас погибнет? – спросил он неожиданно нервным голосом. – Может, я вообще тебе не нужен? Может, тебе больше хочется, чтобы до храма тебя сопровождали ронин с аристократом?

– Нет, конечно! – Я нахмурилась. Эта внезапная странная враждебность очень меня удивила. – Я вовсе не это имею в виду, Тацуми-сан.

– Да? – Он понизил голос, и теперь говорил едва слышно. – Как знать, может, и зря.

– Эй вы! – крикнул Окамэ, обернувшись к нам. – Не знаю, о чем вы там перешептываетесь, но неужели это не может подождать? Наш проводник говорит, что святилище прямо через дорогу!

Я поспешила вперед, обгоняя двух мальчиков с удочками, к Дайсукэ и ронину, стоявшим в конце улицы. Напротив нас, по ту сторону дороги, высились красные ворота тории, а за ними виднелась каменная лесенка, ведущая вверх по лесистому склону.

– Это вход в святилище Хайяте, – сообщил Дайсукэ, осматривая крутую лестницу. С виду его несколько не пугала мысль о том, что на нее придется взбираться. – Впрочем, звать священника слишком поздно, – отметил он, поглядев на небо сквозь ветки. Солнце село несколько минут назад, и на небе вспыхнули первые звезды. – Он вас ждет, Юмеко-тян?

– Вряд ли, – ответила я и заметила, что Тацуми резко застыл на месте. – Но мне нужно как можно скорее с ним поговорить. Прямо сегодня, если возможно.

– Хорошо, – со вздохом проговорил Окамэ, смиренно глядя на лестницу. – Что ж, сначала священники, а потом игорный зал. А после, может, удастся повеселиться в квартале красных фонарей. Ночка предстоит нелегкая, надеюсь, вы продержитесь! – Он выразительно посмотрел на Дайсукэ оценивающим взглядом. Аристократ не обратил на него внимания и махнул рукой на лестницу.

– Что ж, Юмеко-сан, это ваша миссия. Мы пойдем следом.

Я сделала глубокий вдох, ощутив одновременно и облегчение, и сильное волнение. Я почти на месте. Еще несколько шагов – и первая часть моей

миссии будет завершена. Я встречу с учителем Дзиро, который расскажет, где отыскать храм Стального Пера. Впрочем, путешествие еще не закончено – нужно ведь добраться до храма, а я понятия не имела, где он находится, но мне почему-то представлялось, что придется пересечь незнакомые земли и искать его в самых суровых, самых беспощадных краях, постоянно убегая от преследования кровавых магов и демонов. И следить за тем, чтобы свиток не обнаружили ни демоны, ни мои спутники. Ни опасный, упорно идущий к своей цели убийца демонов, который наверняка меня убьет, если поймет, что я его перехитрила, что свиток все это время был у меня с собой. Нет, это еще не конец пути, далеко не конец. Это только начало, и на миг у меня закружилась голова от осознания того, что предстояло совершить.

Шаг за шагом, лисичка. Мне вспомнился голос учителя Исао, вспомнилось, что он говорил, когда на меня сваливалась гора дел или какое-нибудь особенно тоскливое поручение. Паук не сразу сплетает паутину, альбатрос не может перелететь океан за пару ударов крыльями. Многим кажется, что им предстоит что-то неосуществимое, и все же они как-то справляются, а все потому, что просто... берутся за дело.

Шаг за шагом. Я шагнула вперед, потом еще и еще раз, и вот я перешла дорогу и оказалась у ворот тории. За аркой простиралась священная земля, царство ками. Я почтительно поклонилась духам этих мест и пошла вверх по лестнице.

Она была довольно крутой и высокой, и я внимательно следила за тем, чтобы держаться с краю, потому что центральная ее часть предназначалась для ками. С краю лестница была щербатой, огрубевшей от времени, поэтому очень важно было смотреть, куда ставишь ногу. Поднявшись на последнюю ступеньку, я увидела статую комаину – косматого существа, похожего на помесь льва и собаки, которое защищает святилище от злых духов. Статуя стояла у самой лестницы на высоких постаментах и грозно скалилась. С другой стороны от лестницы тоже виднелся пьедестал, но он пустел, словно второй страж решил покинуть свой пост.

Я на минуту задумалась о второй статуе – куда она могла деться? Ведь комаину всегда изображались по двое. Но стоило мне войти во вторые ворота тории и увидеть впереди маленькое, но изящное святилище, перед которым был разбит небольшой дворик, как эта мысль позабылась. Хайдэн, или зал для молитвы, расположенный на платформе, к которой вели четыре каменные ступеньки, был ярко-красного цвета – как и ворота тории. Над входом висела священная веревка, указывающая на святость этого места. За хайдэном виднелся хондэн – главное здание, где обитали ками и куда могли войти только священник и местная прислуга.

– Кажется, внутри никого! – изумленно воскликнул Окамэ. В окрестностях хайдэна было пусто; во дворе никого не было, как и рядом с фонтаном для омовения рук. Но зато в таких местах, где слышался только шум ветра в кронах сосен и журчание воды в фонтане, присутствие ками ощущалось на каждом шагу – даже дерзкий, нахальный ронин с большой неохотой нарушил молчание.

– Может, поищем в служебных пристройках? Наверняка ведь священник живет где-то неподалеку?

Дайсукэ задумчиво оглядел двор и хайдэн.

– Прежде чем что-либо предпринимать, нужно выразить почтение kami, – торжественно заявил он. – Мы здесь гости, и мне совсем не хочется их обидеть и тем самым накликать на свой дом несчастье.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Окамэ. – Хотя лично я обижаю их одним фактом своего существования. По-моему, это талант.

Готовясь обратиться к kami, мы собрались вокруг фонтана для омовения рук – каменной постройки, по краям которой висели длинные деревянные черпаки. Дайсукэ зачерпнул одним из них воду, вылил немного на левую руку, потом на правую, а после провел пальцем по губам и аккуратно вернул черпак на место. Я повторила за ним, заметив, что Окамэ тоже последовал нашему примеру, хотя лицо его выражало недовольство. Он полил руки невыносимо холодной водой, промыл рот и сплюнул в кусты. Даже Тацуми выполнил положенный ритуал, осторожно омыв ладони и смочив себе губы спокойными, деловитыми движениями.

Очистившись, мы направились к хайдэну, к которому вело несколько ступенек. Это было изящное здание с зеленой крышей, уголки которой загибались вверх, и ярко-красными колоннами. У решетчатого окна стоял деревянный ящик для пожертвований. Я зачарованно наблюдала за тем, как Дайсукэ бросает в ящик серебряную тору, а потом дергает за веревку.

Над головами у нас зазвонил большой колокол, и вокруг внезапно пробудилась жизнь; казалось, дюжина пар глаз разом уставились на нас. Теперь kami святилища знали о нашем появлении. Я очень надеялась, что их не оскорбит то, что на их территорию зашла дерзкая полулисица.

Казалось, не замечая этого притока внимания, Дайсукэ поклонился – сперва один раз, затем второй. Он поднес руки к лицу и дважды, медленно и сосредоточенно, хлопнул в ладоши, а потом закрыл глаза в беззвучной молитве. Когда он закончил, Окамэ повторил ритуал – бросил в ящик для пожертвований медный каэру, позвонил в колокол, дважды хлопнул в ладони, закрыл глаза и произнес про себя молитву.

Терпеливо дожидаясь своей очереди, я обратила внимание на Тацуми, который задержался у нижней ступеньки. Он скрестил руки на груди и внимательно смотрел на ворота тории в противоположном углу двора. Вид у него был напряженный; зубы сжаты, взгляд – суров и сосредоточен; казалось, ему очень здесь неудобно.

– Тацуми-сан, ты как, в порядке? Ты какой-то бледный...

– Да, все хорошо.

– А ты попросишь что-нибудь у kami? Может, помолишься за благополучие нашей миссии?

Он покачал головой.

– Kami не станут слушать таких, как я.

- Но почему?

- Потому что призывать богов могут лишь те, кто чист душой и телом, - ответил Тацуми. Он перевел взгляд на свою раскрытую ладонь, и взгляд его резко омрачился. - Даже пройди я тысячу обрядов очищения, моя душа так запятнана, что мне нет никакого прощения. Ками ни за что не захотят иметь со мной дело.

- Ох, - вздохнула я, думая о том, как это, наверное, печально - когда тебя не слышат боги. - Тогда скажи мне, - предложила я.

Он нахмурился и посмотрел на меня, явно не понимая, к чему я клоню. Я заглянула ему в глаза и улыбнулась.

- Скажи, чего ты хочешь, Тацуми, - уточнила я. - Если бы ты мог помолиться о чем угодно, прямо сейчас - о чем бы ты попросил? Я помолюсь ками за тебя.

- Юеко... - Его взгляд смягчился. На мгновение в холодных, мрачных и пустых, как зеркало, глазах мелькнула уязвимость, и у меня внутри все сжалось.

- Прошу прощения.

Мы обернулись на голос, и мягкое выражение тут же испарилось с лица Тацуми - казалось, он резко захлопнул дверцу к себе в душу. Я перевела взгляд на двор и увидела, что мы больше не одни.

В нескольких ярдах от нас стояла юная девушка с метлой в руках и строго смотрела на нас. По виду она была на год-другой старше меня. На ней были традиционные красные штаны хакама и безупречная белая рубашка хаори - такие часто носили мико, служительницы святилищ. Ее прямые и длинные - даже длиннее, чем у меня! - черные волосы были собраны в хвост и перевязаны простой красной лентой, а в темных глазах сияло неодобрение.

- Извините, но святилище закрыто до утра, - объявила она и перевела взгляд на Дайсукэ и Окамэ, которые спускались по лестнице, направляясь к нам. - Мы открыты для посетителей до заката. Если хотите помолиться или попросить ками о чем-то, пожалуйста, приходите... завтра.

Увидев меня, она резко замолчала. Когда наши взгляды встретились, у меня внутри все сжалось, и на миг мне показалось, что она видит мою истинную сущность. Видит, кто я такая на самом деле. Сердце в груди бешено заколотилось, и я задержала дыхание, гадая, что сейчас будет, не закричит ли служительница: «Кицунэ!», не выдаст ли меня с потрохами.

- Прошу нас извинить, - проговорил Дайсукэ, выступив вперед. Мико отвела взгляд от меня и посмотрела на приближающегося аристократа, который с улыбкой обратился к ней, спустившись со ступеней. - Мы вовсе не хотели вторгаться без разрешения и мешать вам! - пояснил Дайсукэ, а я все стояла на месте, не смея пошевелиться и с тревогой ожидая, что же предпримет служительница. - Мы ищем главного священника. Не подскажете, где его можно найти?

- А кто именно его ищет?

Я судорожно вздохнула.

- Я, - призналась я, сделав шаг вперед. Мико спокойно и оценивающе посмотрела на меня, но обошлось без тыканий пальцем и громких криков «Демон-лисица!», так что я понадеялась, что ошиблась. - Я из храма Тихих Ветров, - продолжила я, заметив, что выражение ее лица никак не изменилось, - и проделала долгий путь, чтобы попасть сюда. Мне нужно поговорить со священником, это невероятно важно. Пожалуйста, скажите, где его искать?

Она еще на мгновение задержала на мне взгляд и отвернулась.

- За мной, - коротко приказала она и пошла через двор. Мы все поспешили за ней, а она повела нас вокруг святилища, к ряду домиков попроще и поменьше. У ступенек, ведущих на веранду, окружавшую первый домик, она повернулась, и мы тоже резко остановились. Девушка указала на меня пальцем и произнесла:

- Ты. Иди за мной. Одна. Остальные пускай ждут здесь. - Она оглядела моих спутников, словно ожидая протеста, и нахмурилась. - Главный священник сейчас очень занят. Не хочу, чтобы он тревожился из-за толпы посетителей, разгуливающих по нашим землям. Я сопровожу девушку к учителю Дзиро, а вы располагайтесь, пожалуйста, здесь, и дожидайтесь нашего возвращения.

- Ох. - Я оглядела своих спутников, гадая, что у них сейчас на уме. Окамэ пожал плечами, Дайсукэ указал на ступеньки, давая понять, что я должна пойти за мико. Я посмотрела на Тацуми, и он едва заметно кивнул. Наверное, решил, что миниатюрная служительница святилища не представляет собой угрозы, а может, ему вообще было все равно. - Хорошо.

Я поднялась за ней по ступенькам, прошла по деревянной веранде, мимо комнат, из-за дверей которых слышался гул голосов. Когда мы дошли до конца веранды, мико распахнула одну из дверей и жестом пригласила меня войти. Я послушно шагнула в крошечную, почти пустую комнатку с татами на полу, низким столиком и одиноким цветком в алькове. Главного священника нигде не было видно.

Дверь захлопнулась с громким щелчком. Я резко повернулась и увидела, что мико достала из хаори полоску белой бумаги и прижала ее к дверному косяку. На бумаге яркими черными чернилами было выведено слово «барьер» на кандзи.

Это что, офуда[42]? Я ощутила, как из полоски бумаги вырвалась волна духовной энергии и разлилась по стенам. Волоски у меня на руках встали дыбом, когда комнату окружила мерцающая стена некой волшебной силы, похожей на барьер, который создавали монахи при помощи энергии ки - только эта стена вся состояла из магии, порожденной ками и энергией мира.

Мико обернулась ко мне, пристально глядя мне в глаза.

- Я окружила эту комнату защитным барьером, - сообщила она. - Теперь ни один дух, демон или ёкай не проникнет сюда и не сможет отсюда сбежать, и

никто не сможет нас подслушать. Твои друзья – если они тебе друзья, конечно, – не придут, кицунэ.

Отступив назад, я прижала уши к голове, чувствуя, как лисья магия прорывается наружу. Так, значит, она все же увидела мое истинное «я».

– Я пришла поговорить с учителем Дзиро, только и всего, – сообщила я, надеясь, что голос звучит спокойно. – Я вовсе не хочу доставлять вам неприятности.

– Да? – мико подозрительно сощурилась. – Неужели ты и впрямь решила, что можешь заявиться сюда и скрыть свою сущность? Половину сущности. Я говорю с ками каждый день. И вижу их мир так же отчетливо, как и свой. – Она жестом указала на запечатанную дверь. – Те мужчины, которые ждут на улице, – они ведь не знают, кто ты такая, да, лиса? Ты их обманываешь. – Ее губы тронула беспощадная улыбка. – Но меня так просто не одурачить.

– Я пришла за помощью, – упрямо проговорила я. – Из храма Тихих Ветров. Учитель отправил меня сюда и велел разыскать главного священника святилища Хайяте.

– Почему?

– Потому что... – Я закрыла глаза. Мне совершенно не хотелось вступать в битву с мико, но я отчетливо видела, что она не верит ни единому моему слову. Она видела одно – что перед ней кицунэ, а репутация у озорных лис была сомнительной. И для того, чтобы поговорить со священником, нужно было добиться того, чтобы меня пропустила мико.

– Потому что... – Я снова вздохнула и сунула руку под фуросики. – У меня с собой это.

Когда я вытащила из-под ткани блестящий ящичек со свитком и показала его девушке, ее глаза округлились. Кровь отлила от ее лица, она отскочила назад, глядя на предмет, зажатый у меня в руке, так, словно это живая змея.

– Милостивые ками... – прошептала она. – Это же... Это же фрагмент свитка! – Она замерла на мгновение, а потом наклонилась вперед, сощурившись. – Кому еще известно об этом? – резко спросила она. – Кто-нибудь из твоих спутников знает о том, что у тебя с собой Драконья молитва?

Я покачала головой.

– Никто из них не знает, что свиток у меня, – заверила я ее. – Точнее, его часть. – Я немного помолчала, а потом нерешительно добавила, нахмурившись: – Хотя... один из них тоже его ищет – его отправили в мой храм с заданием отыскать и принести свиток.

– А, тот самурай в черном, – догадалась мико. – Воин Клана Тени. Кто он такой?

– Его зовут Каге Тацуми. У него при себе меч, названный Камигороши.

Девушка закрыла глаза.

- Убийца демонов Каге, - прошептала она. - Недаром я чувствовала что-то недоброе. Да, недаром Ханшу именно его отправила.. - Ее глаза округлились от гнева и страха, и она мрачно уставилась на меня. - Как ты могла привести это существо в наше святилище? - возмущенно спросила она. - Ты вообще знаешь, насколько он опасен? Что он может сделать с духами, которые считают это место своим домом?

- Он был мне очень нужен, - проговорила я. - И согласился помочь...

- Потому что сам ищет свиток, - перебила она. - И это - единственная причина, по которой ты еще жива, кицунэ, единственная причина, по которой убийца демонов тебя не прикончил. Если он узнает, что свиток у тебя...

- На мой храм напали. К нам пришел о́ни и убил всех. Он хотел забрать свиток. Я едва унесла ноги, - рассказала я, с дрожью вспомнив жуткое войско демонов, громадного о́ни, вломившегося в наш зал, и страшные события, последовавшие за этим. С трудом проглотив ком в горле, я продолжила: - Перед смертью учитель Исао отправил меня сюда. По его словам, главный священник знает, где находится храм Стального Пера...

- ...В котором хранится второй фрагмент Драконьей молитвы, - серьезно закончила за меня мико и вздохнула. - Да. В твоих словах есть правда. - Она шагнула назад и потерла глаза, будто они внезапно разболелись. - Хотя не возьму в толк, почему монахи доверили ёкак такую важную ношу. Видимо, не было другого выхода.

Я постаралась не обращать внимания на презрение в ее голосе и спрятала ящичек в фуросики.

- Меня зовут Юмеко, - сообщила я. - Меня воспитали монахи и учитель Исао. Я провела в храме Тихих Ветров всю жизнь. Легенду о Драконе я узнала совсем недавно, но дала обещание позаботиться о свитке. И совершенно не хочу, чтобы он попал в руки демонам или злым людям. Ради того, чтобы поговорить с главным священником, я проделала долгий путь, билась с разбойниками, гаки и омукадэ. - Я прижала уши к голове, чувствуя, что злость и отчаяние прорываются наружу. - Будь я чистокровным ёкаем, я бы выбросила свиток в реку, чтобы течение унесло его в море.

- Твоя правда. Прости меня, кицунэ. - Служительница святилища выпрямилась, приняв более официозный вид. - Прошу прощения за свою глупость. Меня зовут Рэйка. Я старшая служительница святилища Хайяте. А еще - единственная, кто знает о Драконьем свитке, не считая учителя Дзиро.

- Так, значит, вы знаете легенду. О свитке, Драконе и желании.

- Да. - Рэйка кивнула. - Учитель Дзиро рассказал мне о свитке, о Драконьей молитве и о том, что случится, если призвать Дракона. Только об одном умолчал - о том, где находится храм Стального Пера, - с горькой, едва заметной улыбкой уточнила она. - Наверное, ради моей же безопасности.

- Мне очень нужно попасть в храм Стального Пера, - проговорила я. - Я обещала, что отнесу свиток монахам, которые там живут. Пожалуйста, позвольте мне поговорить с учителем Дзиро.

- Я бы позволила, - ответила мико, - если бы знала, где он.

Я нахмурилась.

- Его нет в святилище?

Рэйка покачала головой.

- Три дня назад к нам прибыл гонец с сообщением для учителя. Оказалось, что его вызывают в дворец императора. Он отправился туда, оставив меня за главную. Больше я его не видела. - Она поджала губы и тряхнула головой. - Не надо было его отпускать. Он признался, что его терзают недобрые предчувствия в связи с грядущей встречей, и велел мне быть настороже. Надо было настоять, чтобы он остался с нами. А теперь он пропал, и я понятия не имею, что произошло.

- А вы не искали его во дворце?

Она изумленно посмотрела на меня.

- Я пыталась, но во дворец императора нельзя попасть без приглашения! Стражи не пускают меня даже в ворота! Говорят, что никто из них не видел учителя Дзиро и ничего о нем не слышал. - Мико безнадежно взмахнула рукой. - Но я-то знаю, что он там. Знаю, что он отправился на встречу с госпожой Сатоми, с которой не вернулся. - Она скосила на меня глаза. - А потом в святилище проникла кицунэ с кусочком Драконьего свитка и принялась расспрашивать, как найти храм Стального Пера. Разумеется, я тут же решила, что два этих события связаны между собой, а как иначе?

Я хотела было ответить, но вдруг что-то сотрясло воздух, и у меня по спине побежали мурашки. Рэйка обернулась, испуганно округлив глаза, и в это мгновение дверь прорезало лезвие, рассекшее офуду пополам. Дверные панели с грохотом рухнули на пол, и за ними показался темный силуэт Тацуми, в руках которого в бледном свете мерцал выхваченный из ножен Камигороши.

27. Призванный Тенью

Что-то явно было не так.

Я наблюдал за тем, как удаляются Юмeko и служительница святилища, чувствуя, что Хакаимоно встрепетнулся у меня в сознании. Как только мы вошли в ворота тории и начали подниматься по лестнице, во мне пробудился

демон. Мы вторглись на землю, освященную служителями культа и защищенную от зла. Демонам здесь было не место. И хотя Хакаимоно таился в мече, мне все равно было не по себе. А что еще хуже – Хакаимоно питал особую пламенную ненависть к священникам, служительницам и вообще любому духовенству. Когда появилась мико, мне пришлось подавить в себе острое желание отсечь ей голову.

И все же от мико никакой опасности не исходило, и когда она велела всем, кроме Юмеко, ждать ее возвращения, я насторожился, но решил не спорить – это только помешало бы достичь цели. Особенно учитывая, что существуют и иные способы подслушать разговор, физически не присутствуя рядом с собеседниками.

Я прошелся вдоль одной из стен здания и прислонился к ограде, скрестив руки на груди и приняв позу беззаботного ожидания. Ронин тяжело опустился на ступеньки и достал бутылку с саке, а аристократ бесшумно направился к самому краю каменного сада. А я тем временем украдкой поднес к губам два пальца и прошептал несколько слов.

Все вокруг моментально затихло. Звуки пропали, приглушились, как будто весь мир внезапно опустился под воду. Закрыв глаза, я слегка повернул голову и сфокусировался на здании позади меня.

В ушах у меня звучало множество голосов, пока я мысленно путешествовал по комнатам в поисках голоса Юмеко. Я воспользовался особой техникой Клана Тени, при помощи которой многие шиноби подслушивали личные беседы из другой комнаты, стоя в противоположном конце двора или в людном ресторане, ничем себя не выдавая. Вообще, я прибегал к этому способу редко, поскольку большинство моих миссий подразумевало убийства, а не сбор информации. В конце концов, если сильно на чем-то сосредоточиться, тело неизбежно становится уязвимым. Однако на территории святилища царила безопасность – других демонов, кроме того, что таился в моем мече, здесь не было. Пока ронину не станет скучно и он не начнет меня задирать, можно было спокойно слушать разговор Юмеко и служительницы.

Однако, блуждая по зданию и слушая бесчисленные разговоры разных мико, обсуждающих повседневные дела, я внезапно наткнулся на стену. Не на физическую – сквозь дерево, камень или рисовую бумагу я прошел бы с легкостью. Нет, то была волшебная стена, мерцающая энергией, которая мешала мне пройти дальше.

Барьер?

Я открыл глаза, и магия рассеялась. Ронин по-прежнему сидел на ступеньках, попивая вино, а аристократ любовался ухоженным каменным садом в тени сосны.

Оттолкнувшись от ограды, я повернулся, обошел веранду, поднялся по ступенькам и прошел мимо ронина, который озадаченно на меня посмотрел.

– Эй, ты куда, Каге-сан? Кажется, нам велели ждать здесь.

Оставив его слова без внимания, я пошел дальше, на ходу выхватив меч из ножен. Взвизгнув, ронин поспешил за мной, желая знать, что я задумал, но

я не замедлил шага. Я сильно недооценил мико, решив, что она не представляет угрозы. Я наткнулся не на обычный защитный барьер, а на надежную толстую стену, сквозь которую не просачивалась ни магия, ни какие-либо звуки. Если она завела Юмеко в эту комнату и планирует напасть на нее, никто из нас ничего не услышит.

Чем ближе я подходил к последней комнате, тем отчетливее ощущал, что чья-то магия не пускает меня, пытается остановить. Я заметил едва видимое мерцание, защищающее проем, и сощурился. Вскинув Камигороши, я прицелился и рассек мечом дверь, отчетливо ощутив, что лезвие пробило барьер, разбив его на мелкие кусочки.

Двери со стуком рухнули на пол. Я заглянул в комнату и увидел Юмеко и служительницу. Они резко обернулись на шум, удивленно округлив глаза при виде меня.

– Ты! – Мико храбро выскочила вперед, и Хакаимоно вспыхнул ненавистью, требуя рассечь женщину пополам, как до этого – двери. – Камигороши, тебе здесь не место. А ну прочь, и своего хозяина-человека забирай!

– Кажется, главный священник сегодня не на месте, – заметил я и шагнул в комнату. Мико попятилась. Я бросил взгляд ей через плечо, на Юмеко, удостоверился, что та цела, и вновь повернулся к служительнице. – Ты нас обманула, подстроила все так, чтобы Юмеко осталась одна. Что, думала, твой барьер меня остановит?

Мико мрачно посмотрела на меня, достала из рукава еще одну офуду и взмахнула бумагой перед собой. На ней яркими черными буквами было написано «верность».

– А ну прочь отсюда, мерзкое создание, – вновь приказала она. – Еще один шаг – и я призову стража нашего святилища, чтобы он тебя прогнал!

– Ну давай, – кивнул я, ощутив дикую радость Хакаимоно. – Тогда у вас станет одним стражем меньше.

– Тацуми, стой! – воскликнула Юмеко и встала между нами. – Все в порядке. – сказала она, и тут к нам подбежали ронин с аристократом. Было заметно, что их искренне изумила увиденная картина – я с обнаженным мечом, мико, размахивающая офудой, Юмеко между нами. – Я цела, Тацуми, и я в полной безопасности. Рэйка-сан рассказала мне, что учитель Дзиро пропал и что ей нужно помочь его отыскать.

– Что?! – воскликнула мико, которую эти слова удивили не меньше, чем нас.

Юмеко повернулась к ней, а служительница опустила руку и нахмурилась.

– Разве вы не хотите отыскать учителя Дзиро, Рэйка-сан? – Она склонила голову набок с таким видом, будто это решение было очевидным. – А нам нужна его помощь. Так почему бы нам не помочь друг другу? Правильно я говорю? – Юмеко обвела нас троих жалобным взглядом. – Дайсукэ-сан? Окамэ-сан? Вы ведь нам поможете, а?

– Конечно! – немедленно отозвался ронин. – Всегда рады помочь друзьям Юмеко-тян. Положись на нас. – Он немного помолчал и почесал затылок. – Хотя я не отказался бы сперва узнать, что тут происходит.

Я со вздохом опустил меч. Служительницы святилищ, ронин, крестьяне, юрэй. Неужели Юмеко и впрямь верит каждому встречному?

– Так, значит, главный священник пропал? – спросил я у мико, которая сперва опасливо меня оглядела, а потом кивнула. – И как давно?

– Три дня назад, – ответила девушка и шагнула назад, бросив злобный взгляд на двери, валяющиеся при входе в комнату. – Заходите, – со вздохом проговорила она и махнула нам рукой. – Присаживайтесь, и я все вам объясню.

Мы осторожно перешагнули поломанные дверные панели и сели за низкий столик напротив мико. Девушка рассказала нам про главного священника, таинственное приглашение во дворец и встречу с женщиной по имени госпожа Сатоми.

Услышав это имя, Тайо напрягся и выпрямился, в его глазах мелькнуло узнавание. Юмеко тоже это заметила.

– Вы ее знаете, Дайсукэ-сан? – спросила она.

– Да. – Лицо аристократа неожиданно приняло скорбное выражение. – Правда, не лично, но мне известно, кто она такая. Как и всем во дворце. Это любимая наложница императора. Она прибыла в город всего год назад, и с тех пор ее влияние постоянно растет. Некоторые считают, что император оказывает ей слишком много чести, что простая наложница не заслуживает подобного статуса, но любого, кто будет слишком явно выступать против нее, ждет позор, изгнание из города или того хуже... А еще...

Он осекся.

– Что такое? – тихо спросила я.

Дайсукэ глубоко вздохнул.

– Да так, по сути, мелочи. Благородный воин не должен интересоваться сплетнями, которые распускает прислуга. Однако... О госпоже Сатоми недавно поползли странные слухи. Наши слуги ужасно ее боятся, более того, почему-то служанки у нее не задерживаются больше чем на месяц-два. Была у нее недавно одна юная прислужница... Кажется, ее звали Суюки. Я случайно столкнулся с ней, когда она только пришла во дворец. – Он нахмурился и нервно забарабанил пальцами одной руки по другой. – Так вот, с тех пор я ни разу ее не видел.

Юмеко склонила голову.

– Что с ней случилось?

– Не знаю. – Аристократ покачал головой. – Я не слежу за служанками госпожи Сатоми, но, кажется, сейчас ей прислуживает другая девушка. Если

вы говорите правду и главный священник действительно пропал, все это вызывает большие подозрения. Но зачем госпоже Сатоми понадобился учитель Дзиро?

- Об этом я и хочу у нее спросить, - заявила мико, - если смогу проникнуть во дворец.

Аристократ стиснул зубы.

- На вашем месте я был бы предельно осторожен, - предупредил он. - Госпожа Сатоми, конечно, не воин, но она фаворитка императора и придворная дама. В стенах дворца она обладает огромной властью и влиянием. Она слишком опасный противник, чтобы атаковать ее в открытую. Вы рискуете навлечь на себя гнев самого императора.

- Дайсукэ-сан! - вдруг воскликнула Юмеко, словно ее осенило. - Так вы ведь из великой императорской семьи. Вы можете провести нас во дворец, верно?

- Я... - Аристократ, явно не ожидавший такого поворота событий, удивленно посмотрел на нее, но потом кивнул. - Да, - наконец признал он. - Могу. Правда, этот маневр нужно тщательно спланировать, но, думаю, он вполне возможен.

«Но я тоже могу!» - вдруг подумалось мне. Отчего-то меня разозлило то, что Юмеко улыбнулась аристократу. Хакаймоно опять встрепенулся, заинтригованный вспышкой моего гнева, но я заглушил его голос.

- Однако нужно действовать с умом, - продолжил аристократ. - Я не могу просто так взять и провести вас через ворота императорского дворца, а потом потребовать встречи с госпожой Сатоми. Такое низкое поведение уничтожит репутацию моей семьи и превратит нас в посмешище императорского двора, и моему отцу придется совершить сэппуку из-за такого позора. А если госпожа Сатоми решит, что вы ей угрожаете, она может настроить против вас весь двор, арестовать и даже казнить. Легкомыслие здесь ни к чему. Один неверный шаг - и весь двор ополчится против нас. Но... - Он немного помолчал, задумчиво хмурясь, а потом кивнул. - Да, конечно. Этот план должен сработать. По-моему, я знаю, как мы поступим.

- Что вы задумали, Дайсукэ-сан? - спросила Юмеко.

- Завтра ночью император устраивает ежегодный праздник чествования Луны, который пройдет во дворцовом саду. Это очень важное мероприятие, и получить приглашение на него - огромная честь, так что на нем будут присутствовать все влиятельные аристократы и знатные семьи.

- Значит, и госпожа Сатоми там будет! - догадалась мико.

- Вероятнее всего. Мую семью туда, само собой, уже пригласили. Сложнее всего будет провести вас через ворота. Непростая задачка, но, думаю, я справлюсь.

- И вы пойдете на такое ради нас? - Служительница внимательно посмотрела на аристократа и подозрительно прищурилась. - Простите, Тайо-сан, -

проговорила она, когда он недоуменно поднял бровь. – Просто.. вы же аристократ. Более того, из императорской семьи. С какой стати помогать мико, ронину и выходцу из Клана Тени и провожать их на императорский праздник?

– Госпожа Рэйка, – проговорил аристократ и серьезно посмотрел на девушку. – Я видел Суюки-сан лишь один раз. Обычно я не замечаю, как сменяются дворцовые слуги, но та встреча запомнилась мне. Я узнал, что она – дочь ремесленника и очень любит красивую музыку. Она была... такой чистой и искренней – таких нечасто встретишь в императорском дворце. – Он сморщил лоб, и по его лицу пробежало выражение раздражения и усталости. – Придворные пляски не меняются. Каждый год одно и то же: радушные слова, скрывающие под шелком комплиментов и учтивостей отравленные ножи. Улыбка бывает столь же опасна, как меч, а неправильно подобранное слово легко может лишить человека великой славы и обречь его на вечный позор. Мне очень приятно и радостно было поговорить с человеком, который ни перед кем не выслуживается, не пытается выставить себя в лучшем свете. Я чувствую, что это мой долг – ради Суюки и ее отца узнать, правдивы ли слухи о госпоже Сатоми – или все это глупая прислужничья болтовня.

– Ну надо же! – вмешался ронин. – Аристократ, который вдруг понял, что служанка – тоже человек. Осторожнее, Тайо-сан – вполне возможно, что скоро ты начнешь любезничать с собаками и вести светские беседы с обезьянами. – Услышав эти слова, Юмеко озадаченно нахмурилась, а ронин продолжил: – Но это совсем не объясняет того, как именно ронин, мико и... она, – он кивнул на Юмеко, – смогут прокрасться в императорский дворец.

– Прокрасться в императорский дворец? – с нескрываемым ужасом повторил аристократ. – Какая постыдная мысль! Я и впрямь считаю бесконечные дворцовые празднества скучными, Окамэ-сан, но не настолько, чтобы пойти на предательство. – Он шумно втянул носом воздух, давая понять, что оскорблен, а после продолжил: – Однако знаменитая оммёдзи и ее ёдзимбо – это совершенно другая история. Те, кто практикует оммёдо[43], древнее искусство инь и ян, пользуются большим уважением. Даже сам император нередко призывает оммёдзи, чтобы те дали ему совет в политических делах, предсказали судьбу или будущее страны. Я уверен, что он окажет Юмеко-сан и ее спутникам радушный прием.

Я заметил, что служительница бросила взгляд на Юмеко и нахмурилась – возможно, она видела, что перед ней вовсе не оммёдзи и не человек с волшебными способностями. Но она не стала поправлять аристократа. Юмеко тоже промолчала, а вот ронин заметно встревожился от мысли о предстоящей встрече с императором.

– Что ж, решено, – заключила служительница. – Завтра вечером мы придем на праздник чествования Луны, отыщем госпожу Сатоми и выясним, что случилось с учителем Дзиро. Все же согласны, что нужно поступить именно так?

– Да, – быстро подтвердила Юмеко. – А после того, как найдем учителя Дзиро, отправимся в храм Стального Пера.

– Ну что ж, звучит интересно, – заметил ронин, потирая ладони. – Меня еще никогда не приглашали во дворец! Не терпится увидеть его вблизи.

- Решено, - подтвердил аристократ. - Вот только... - Он оглядел Юеко и ронина. - На праздники императора съезжается знать со всей Ивагото. И все жаждут произвести впечатление, как говорится, и на других посмотреть, и себя показать. А вам лучше не привлекать к себе лишних взглядов. Так что... Думаю, небольшая смена костюмов была бы... очень уместна.

- Хочешь сказать, лучше не приходите туда в лохмотьях?

- По возможности.

- Госпожа Рэйка?

Я обернулся, стараясь не обращать внимания на резкий приступ кровожадности. Хакаймоно не на шутку разозлился на то, что сцена с мико не закончилась насилием, и теперь жаждал на кого-нибудь наброситься. На веранде стояли пара служительниц - возможно, именно их разговор я слышал в одной из соседних комнат - и опасно заглядывали к нам.

- Госпожа Рэйка, - повторила одна из них. - Нам очень жаль вас беспокоить, но у входа стоят самураи, которые не желают уходить. Говорят, ищут одного из своих собратьев.

- Благодарю, Минако-сан, - проговорила служительница, а я ощутил, что к горлу подступил огромный ком. - Пожалуйста, передай им, что я скоро буду. - Мико поклонились и поспешно ушли, а служительница разгневанно посмотрела на нас. - Ваше присутствие снова и снова нарушает спокойствие моего святилища, - заметила она. - Теперь у наших ворот стоят самураи, которые распугивают моих мико и расстраивают kami. Интересно, кто из вас тому виной.

- Эй, не надо на меня так смотреть! - воскликнул ронин и вскинул руки, когда служительница задержала на нем внимательный взгляд. - Предпочитаю держаться подальше от самураев, не считая моего нынешнего попутчика. Наверное, они пришли из-за аристократа Тайо и хотят узнать, почему их драгоценный родич якшается с такими подонками.

- Нет, - тихо отозвался я и встал. Все тут же уставились на меня. - Это самураи из клана Каге. Они пришли за мной.

Перешагнув через поломанные дверные панели, я вышел из комнаты. Отчего-то у меня не было ни малейших сомнений, что за мной пришли члены Клана Тени, но мне не хотелось, чтобы они увидели лица моих спутников. Не успел я отойти на приличное расстояние, как у меня за спиной послышались шаги и ветер донес до меня ее голос.

Я обернулся. Юеко вышла на веранду и смотрела мне вслед непонимающим взглядом.

- А как же твое обещание? - тихо спросила она. - Нам ведь нужно отыскать учителя Дзиро, а ты обещал, что до храма Стального Пера мы доберемся вместе.

- Я все помню, - заверил я ее и вдруг с изумлением обнаружил, что до смерти не хочу уходить. - Встретимся во дворце, - пообещал я. - Не ищи

меня. Когда придет время, я сам тебя найду. – Она с сомнением посмотрела мне в глаза, и я добавил, слабо улыбнувшись: – Клянусь.

У входа в святилище меня впрямь ждали представители клана Каге – четыре самурая в темных штанах хакама и хаори черно-пурпурных цветов Клана Тени. Их появление меня не удивило – в конце концов, агенты Каге были повсюду и, вероятнее всего, заметили меня сразу же, как только я вошел в столицу.

– Каге Тацуми, – коротко кивнув, поприветствовал меня один из них, когда я приблизился. – Учитель Масао хочет поговорить с тобой. Будь так любезен, следуй за нами.

Я последовал за представителями моего клана по темным улицам Кин Хейген Тоши. Солнце уже зашло, зажглись фонари. Мы скользили по городу в тишине, то и дело пробираясь сквозь толпы прохожих. Появление группы самураев на улицах обычно заставляло большинство здравомыслящих горожан вежливо переходить на противоположную сторону, но небольшая толпа самураев из Клана Тени требовала более серьезных предосторожностей. Если семейство Хино славилось своей горячностью, а Тайо – гордостью и красотой, Каге обзавелись репутацией людей злобных и ненадежных. И мы не спешили оспаривать такое положение. Клан Тени хранил множество тайн, и нам было только на руку, что империя видит нас именно в таком свете. Благодаря этому никто не рисковал совать нос в наши дела – и правильно делал, иначе неизбежно бы понял, почему нас так опасаются.

Район Тени, где располагалась столичная резиденция семейства Каге, находился на окраине к западу от дворца. Своего рода святилище для представителей самых малочисленных из Великих Кланов, резиденция ютилась у внешней стены, вдалеке от шумного центра по известному принципу «с глаз долой, из сердца вон». Такое расположение отлично подходило Каге. В соответствии со своим названием, улицы, проходящие через район Тени, были узкими и темными, лишь свет малочисленных фонарей прорезал беспробудный мрак. Петляя по знакомым дорогам и переулкам, я чувствовал на себе взгляды невидимых наблюдателей, но Хакаимоно сохранял спокойствие. Шиноби рыскали по крышам домов, бесшумные и смертоносные, и наблюдали за всем, что происходило на территории Клана Тени. Как бы иронично ни звучало, благодаря их присутствию этот район стал одним из самых безопасных в столице – ни один похититель, вор или убийца не осмеливался творить беззаконие на территории, хозяева которой знали о мраке куда больше, чем любой преступник.

Резиденция Каге располагалась на самом краю района Тени, по ту сторону канала с неподвижной черной водой, в которой, по слухам, обитал злобный каппа, речной ёкай-людоед. Но учитывая количество шиноби, которые охраняли эту часть города, и того, что Хакаимоно не чувствовал ёкая, когда я ходил вдоль канала, я очень сомневался в правдивости этих слухов и не исключал, что начало им положили сами представители клана, чтобы отпугнуть любопытных горожан от резиденции Каге.

Резиденция Каге была окружена высокими каменными стенами и охранялась самураями в черной одежде. Впрочем, мне было известно, что в округе тоже прячутся шиноби, внимательно наблюдающие за тем, как мы входим в ворота.

Мы вошли в высокие, обитые железом двери, и все самураи, кроме одного, поклонились и ушли, оставив меня наедине с буси. Я поднялся вслед за ним по ступенькам в резиденцию Каге. Она была поменьше, чем Хакумэй-дзё, главный замок Клана Тени, но не уступала ему в изяществе.

И в запутанности. Оба здания были построены таким образом, чтобы сбивать гостей с толку, и те, кто не был знаком с внутренним устройством резиденции, вскоре безнадежно терялся в лабиринте дворцовых коридоров. В дополнение к этому, во дворце было полно тайных комнат, люков, секретных тоннелей и пустот между стенами и полом, в которые шиноби заманивали непрошенных гостей, после чего они пропадали навсегда. Поговаривали, что в Хакумэй-дзё есть тайные комнаты, тоннели и коридоры, о которых неведомо даже шиноби, и что единственный человек, которому известны все тайны дворцов Клана Тени, – это архитектор дворца. Вот только он не оставил ни записей, ни журналов, ни черновиков. Все тайны архитектор унес в могилу.

К счастью, я уже несколько раз бывал в резиденции Клана Тени и был знаком с ее планировкой. В отличие от замка Хакумэй-дзё, в этой резиденции не меняли внутреннее устройство или убранства, поэтому, следуя за проводником по длинным, извилистым коридорам, я не терялся.

Когда мы завернули за угол, из тени выскочили трое мужчин, перекрыв нам путь. Одежда у них была черная, лица были покрыты белой краской с черными метками на щеках и лбу. Мадзуцуши Клана Тени.

– Ты свободен, – сообщил главный из этой троицы, обращаясь к самураю. – Возвращайся на свой пост. Дальше убийцу демонов поведем мы.

Воин низко поклонился, повернулся на пятках и без оглядки зашагал прочь. Волшебник дождался, пока шаги затихли во мраке, и внимательно посмотрел на меня угольно-черными глазами.

– Каге Тацуми, – проговорил он, и его спутники шагнули вперед, окружив меня. Мое лицо сохраняло невозмутимое выражение, руки я держал по бокам, хотя голова моментально наполнилась картинками того, как я рассекаю всех пополам, как заливаются кровью коридоры. Фигура в длинной черной одежде слегка улыбнулась выкрашенными в черный губами, словно прочитав мои мысли. – Я отсюда чувствую твою ненависть, убийца демонов, – скрипучим шепотом заметил он. – Ты знаешь, что будет дальше, и отчаянно хочешь нас убить, верно?

– Желания Хакаймоно не имеют ничего общего с моими, учитель Йемон, – осторожно ответил я. – Я полностью контролирую и себя, и свое оружие.

– Правда? – Мадзуцуши улыбнулся еще шире. – А вот учитель Дзёмэй другого мнения. Тебя видели в компании девчонки, ронина, а теперь еще и самурая. Аристократа из семейства Тайо – не кого-нибудь. Неужели ты и впрямь думал, что мы не заметим столь недопустимого поведения? Ты что, забыл правила? – Он сощурился. – Что мы говорили тебе о взаимодействии с теми, кто не принадлежит Клану Тени? Отвечай.

– Что я не должен иметь никаких дел с теми, кто не принадлежит семейству Каге, – послушно ответил я. – Что нужно всячески избегать контактов с

людьми. Но если ситуация этого не позволяет, нужно действовать так, как диктует общество, и как можно быстрее прервать общение и удалиться.

- А почему, убийца демонов?

- Потому что мое существование - угроза для окружающих, - процитировал я.

- Потому что люди пробуждают эмоции, которыми воспользуется Хакаимоно, чтобы ослабить мою защиту.

- И что же будет, если это ему удастся?

- Я утрачу контроль, и Каге придется меня убить.

Учитель Йемон кивнул.

- Так ты все знаешь, - строго сказал он. - Тебе прекрасно известно, что ты должен действовать в одиночку. Люди будут только соблазнять, отвлекать тебя, более того, они пробудят в тебе чувства, которые мы столько лет учили тебя подавлять, - и это хуже всего. Убийца демонов Каге никогда не должен поддаваться злости, страху, отчаянию или печали. Любые чувства помогают Хакаимоно стать сильнее, а если ты утратишь контроль над мечом, семейство Каге ждет великий позор, более того, нам придется устранять последствия твоего бардака.

- Я все это понимаю, учитель Йемон. Но...

- «Но»?! - прошипел мадзуцуши. - Никаких «но», никаких оправданий. Ты ничто, убийца демонов. Ты существуешь лишь для того, чтобы служить Каге. Твои собственные чувства ничего не значат, потому что у тебя их быть не должно. - Он выпрямился и отступил, оценивающе глядя на меня. - Кажется, смелость и решимость убийцы демонов Каге начинает таять. Возможно, нужно переоценить душевное состояние нашего подопечного.

Меня наполнила ярость, и я с трудом подавил желание выхватить Камигороши и пробить себе путь, зная, что Йемон наблюдает за моей реакцией. Переоценка подразумевала многодневный психический и физический стресс, множество испытаний, в ходе которых определялось, действительно ли я могу себя контролировать. Это значило, что меня привяжут к каменным столбам и будут избивать бамбуковыми палками, чтобы проверить, поработит ли меня демон. Это значило, что мою руку опустят в раскаленные угли, чтобы узнать, стану ли я исполнять приказы любой ценой, или заставят неподвижно стоять на коленях перед деревянной мишенью, в которую другие шиноби будут метать сюрикены и кунаи.

Но учитывая, что на меня внимательно смотрели Йемон и остальные мадзуцуши, оценивая мою реакцию, у меня был только один приемлемый вариант ответа. Низко поклонившись, я опустил глаза в пол, чувствуя затылком пристальный взгляд Йемона.

- Моя жизнь и тело принадлежат Клану Тени, - пробормотал я, и Хакаимоно вспыхнул гневом и отвращением. - И если того требуют Каге, я могу только повиноваться.

- Нет, Тацуми-кун, - произнес новый голос за моей спиной. - Не в этот раз.

- Масао-сан! - воскликнул Йемон, когда в коридор вышел придворный в длинном кимоно из фиолетового шелка с золотым бамбуком на боку - этот наряд резко выделялся на фоне черных одежд мадзуцуши. Спутники Йемона отошли в сторону, но главный волшебник упрямо стоял на месте, и Каге Масао заполнил собой коридор, будто лебедь, расправивший крылья.

- Добрый вечер, учитель Йемон, - поприветствовал его Масао. - Пожалуйста, простите, что прерываю вашу беседу, но, боюсь, я должен вмешаться. Убийца демонов пойдет со мной.

Йемон сжал губы.

- Убийца демонов находится под нашим присмотром, - настойчиво сообщил он, пока Масао лениво глядел на него из-за белого шелкового веера. - Мы отвечаем за проверку того, представляет ли он опасность для себя и для жителей Ивагото.

- Тацуми-куну доверена крайне важная миссия, и доверена самой госпожой Ханшу, - сообщил Масао, с щелчком закрыл свой веер и улыбнулся откровенно рассерженному волшебнику. - У него нет времени на то, чтобы претерпевать мучения от вашей команды упырей. - Йемон застыл на месте, но улыбка на губах Масао не померкла. - Не беспокойтесь, Йемон-сан. Если он утратит контроль и кого-нибудь сожрет, я сам за это отвечу, уверяю вас.

- Что ж, славно, - проговорил мадзуцуши с крайне недовольным выражением лица и отступил. Победа осталась за придворным, и я тихо выдохнул от облегчения. - Оставляем его в ваших умелых руках, Масао-сан. Уверен, вы знаете, что делать, если вдруг проявится Хакаймоно, - проговорил он и усмехнулся. Выражение лица у него было такое, что казалось, он, напротив, надеется, что я утрачу контроль за мечом и прирежу придворного, но Масао только невозмутимо кивнул.

- О, вы мне льстите, учитель Йемон, - проговорил он, вновь замахав веером, и на его щеках расцвел легкий румянец. - Я не достоин таких похвал. Однако благодаря вашим урокам и наставлениям, уверен, опасность обойдет меня стороной. Тацуми-кун получил самое достойное воспитание, в этом я не сомневаюсь. И если мальчик все же утратит над собой власть, госпожа Ханшу точно не станет возлагать вину за гибель ее самого близкого советника на вас. Она, вне всяких сомнений, самая добрая и великодушная правительница на свете и наказывает людей только за самые злостные проступки и неудачи.

Несмотря на обилие краски на лице, я все равно заметил, как побелел Йемон.

- Да. Что ж. - Он попятился, было видно, что ему хочется как можно скорее убраться отсюда. - В таком случае мы, пожалуй, пойдем. Хорошего вечера, Масао-сан.

- И вам, Йемон-сан.

Волшебники повернулись и зашагали по коридору прочь от нас; добродушная улыбка Масао сменилась жестокой ухмылкой. Он с щелчком закрыл веер.

– Займитесь своей магией и продолжайте манипулировать ками, Йемон-сан, – понизив голос, проговорил он. – Но не пытайтесь играть в дворцовые игры с настоящим мастером этого дела.

Он спрятал веер в пояс оби, посмотрел на меня, и злобное выражение исчезло с его лица, словно его и не было.

– Тацуми-кун! – радостно воскликнул он. – Прости, что заставил тебя ждать. Может, пройдемся?

Мы направились дальше по коридору, но не в ту сторону, куда ушли Йемон и другие мадзучуши, а в противоположную. Я был рад избавиться от них, но отчего-то присутствие Кате Масао угнетало меня не меньше; казалось, под складками его одежд таятся живые гадюки.

– Насколько я понял, когда ты добрался до храма Тихих Ветров, он был практически разрушен, – заметил Масао через минуту-другую после начала нашей прогулки.

– Да, учитель Масао, – отозвался я. – Аманодзяку перебили монахов, но свитка там не было. Поговаривали, что среди нападавших был о́ни, сам я его не видел.

– Демоны, – задумчиво протянул Масао зловещим тоном. – Стало быть, прав был Дзёмэй. Какой-то смертный призывает их из Дзигоку, а значит, они, вероятно, тоже охотятся за свитком. Госпожу Ханшу это не обрадует. – Он вздохнул и покосился на меня. – А та девчонка, с которой ты связался и из-за которой у Йемона едва не случился удар, – кто она такая?

– Единственная, кто выжил после нападения на храм. По ее словам, ее учитель сказал ей, куда отправил свиток, но не объяснил, как добраться до этого места. Вот почему она пришла в столицу – здесь живет человек, который знает, где находится этот тайный храм. Я обещал сопроводить ее до нужного места, как только она получит необходимые сведения.

– Ясно, – проговорил Масао. По его тону было сложно понять, что он думает. – Ты доверяешь этой девчонке?

– Я... – Я задумчиво умолк. «Никому не доверяй» – таким было главное правило учителя Итиро. «Не верь своим чувствам, – часто повторял он мне. – Люди манипулируют другими. Ёкаи обманывают. У всех есть тайные мотивы, и как только ты утратишь бдительность, тебе перережут горло».

Разумеется, я прислушался к этому совету. Все, кого я встречал на пути, жаждали убить меня, нанести мне вред, использовать в собственных целях. Поэтому совет учителя спас мне жизнь и когда на речном берегу на меня набросилось плачущее дитя с обнаженными клыками, и когда в переулке испуганная женщина пыталась задушить меня волосами.

Но Юмeko... Да, это странное и, возможно, опасное чувство, но рядом с ней мне было... спокойно. Во всяком случае, я не думал, что она попытается меня

зарезать, едва я потеряю бдительность. Узнай учитель Итиро о моих размышлениях, он содрал бы с меня кожу... но Юмеко была особенной – искренне любопытной, скромной. Она спасла мне жизнь, ничего от меня не требовала и стала первой, чье прикосновение не принесло мне боли.

– Я верю, что она приведет меня туда, где находится свиток, – сообщил я придворному. – Верю, что она сделает все, что в ее силах, лишь бы туда добраться.

– Хорошо, – кивнул Масао. – В таком случае помогай ей и дальше. Защищай ее от демонов и кровавых магов, которые встретятся вам на пути. Делай все, что в твоих силах, чтобы обеспечить успех миссии. А когда она приведет тебя к свитку и тот окажется у тебя в руках, убей ее.

Меня пронзило ледяной пикой, но я коротко кивнул и проговорил, стараясь сохранять невозмутимость:

– Понял.

– Отлично. – Масао радостно улыбнулся. – Не понимаю, с чего Йемон так разволновался. Очевидно, что ты сделаешь все необходимое ради того, чтобы выполнить задание госпожи Ханшу. Каков твой следующий шаг, Тацуми-кун? Где тот человек, которому известно место хранения свитка?

– Мы не знаем, – признался я и поймал на себе озадаченный взгляд придворного. – Он должен быть в святилище Хайяте, но три дня назад его пригласили в императорский дворец, и с тех пор его никто не видел.

– Во дворец? Но кто?

– Госпожа Сатоми.

– Вот как? Наложница императора... – Масао задумчиво поджал губы. – Ходят слухи о ее жестокости, но в сущности в этом она мало отличается от большинства придворных. Так, выходит, вы тоже участвуете в этой маленькой игре, а, госпожа Сатоми? Как... интересно. – Его лицо приняло лукавое выражение, но оно быстро пропало, и придворный поднял на меня взгляд. – До дамы, находящейся в положении госпожи Сатоми, довольно трудно добраться, – сообщил он. – Полагаю, ты планируешь попасть во дворец, а дальше? Как ты рассчитываешь выяснить, что именно ей известно?

– Завтра ночью во дворце состоится праздник... – начал я, и Масао щелкнул пальцами.

– Само собой! Праздник чествования Луны, как я мог забыть? – Он взглянул на меня с довольной улыбкой. – Как жаль, что ты не сможешь попасть на него общепринятым способом, Тацуми-кун. Придворные дамы смотрели бы на тебя как голодные волки – так и вижу эту картину!

– Боюсь, я не вполне вас понимаю, учитель Масао.

– Ну разумеется. – Он резко повернулся и приподнял кончиком веера мой подбородок, заставив взглянуть ему в глаза. Я весь напрягся под его внимательным изучающим взглядом. – Итиро и Йемон, наверное, никогда не

говорили тебе об этом, но ты безумно красив, Тацуми-кун. Какая досада, что именно тебя выбрали хозяином этого проклятого меча. Загубили такой потенциал. Само собой, при дворе важно еще правильно одеться, и все же... – Он блеснул глазами, опустил веер и отступил назад с улыбкой, от которой у меня внутри все сжалось от тревоги. – Что ж, постарайся на славу, убийца демонов. Удачной встречи с госпожой Сатоми. Императорский двор может оказаться куда коварнее, чем ты ожидаешь.

28. Праздник чествования Луны

Девушку в отражении было не узнать.

Лицо у нее было знакомое. Но только лицо. Все остальное – прическа, макияж, одежда – казались непривычными и чужими.

Я стояла в комнате мико. Окна и двери были плотно закрыты, посторонним строго-настрого запретили нам мешать. Я рассматривала отражение кицунэ в маленьком круглом зеркале над туалетным столиком. Пышное красно-белое кимоно, расшитое золотом и украшенное причудливыми узорами, однозначно было самым красивым нарядом, который мне доводилось носить в жизни. Кимоно было тяжелым и длинным (оно почти доставало до пят) и казалось довольно громоздким – особенно неудобными были широкие, пышные рукава. Волосы мне тщательно расчесали, подравняли, заплели в длинную косу и украсили красными и золотыми шелковыми ленточками. На макушке, за острыми лисьими ушками, красовалась высокая шляпка с козырьком. Я с отвращением опустила уши, и шляпка слетела на пол.

Рэйка вздохнула.

– Во дворце так себя вести нельзя, – строго сказала она, поднимая шляпку и возвращая ее мне на голову. – Если хочешь, чтобы все поверили, что ты – уважаемая оммёдзи, нельзя от всего шараться!

– Этот наряд слишком тяжелый, – пожаловалась я и поморщилась. Я почувствовала, как лисий хвост под тканью неприятно жмет к задней стороне бедер, и переступила с ноги на ногу. Зато пышный наряд надежно скрывал свиток, который я по-прежнему прятала в фуросики. – Наверняка буду спотыкаться через каждые два шага! Может, я лучше сделаю так, чтобы моя повседневная одежда казалась такой же?

– Лисья магия – это иллюзия и обман и ничего больше, – отрезала мико, и отвращение в ее голосе напомнило мне о Дэнге-сане. – Если в императорском дворце узнают, что ты наполовину ёкай, тебя тут же казнят. Мало того, всех твоих спутников тоже накажут. Ронина, аристократа, убийцу демонов – их всех могут убить лишь из-за того, что ты отказываешься потерпеть неудобный костюм одну-единственную ночь. Неужели ты и впрямь хочешь идти на такой риск?

Я недовольно фыркнула.

– Можно я тогда хотя бы надену гэта, чтобы не споткнуться и не рухнуть лицом в пол на глазах у всего императорского двора?

Рэйка состроила гримасу.

– Я могу поднять подол на пару дюймов. Потерпи немного.

Она опустила передо мной на колени и принялась подворачивать ткань, то и дело ворча, чтобы я не шевелилась. Я снова посмотрела в зеркало. Мысли в голове спутались. После ухода Тацуми и его соратников прошлой ночью, Рэйка великодушно предоставила комнаты для нас с Окамэ. Дайсукэ тоже ушел – сказал, что пойдет в резиденцию своей семьи в районе Солнца и пообещал, что вернется завтра вечером, чтобы сопроводить нас во дворец. Днем Рэйка отправила нескольких мико в город, чтобы они отыскали наряд, подходящий для оммёдзи «моего положения», и настояла на том, чтобы Окамэ тоже сходил на рынок и поискал себе новый костюм, такой, который не будет с первой же секунды выдавать в нем «грязного пса ронина». Сначала Окамэ поднял ее на смех, но служительница заявила, что не допустит, чтобы из-за его идиотской гордости наша миссия провалилась, и буквально выгнала его из святилища, угрожая, что отправит за ним стражника, если он сам не уйдет. Когда ронин наконец выполнил ее приказ, она занялась мной.

– Как звали пять последних императоров? – строго спросила она, подворачивая подол моего кимоно. Я с трудом сдержала стон. Все утро Рэйка читала мне лекции о дворе и придворных, о дворцовых обычаях, о том, что считается приемлемым в подобном обществе, а что немедля выдаст во мне «невежественную простолюдинку». От безумного количества нюансов, которые нужно было учитывать даже для того, чтобы просто поклониться, у меня закружилась голова, как и от списка тем, считавшихся абсолютно неприемлемыми в это время года. Когда тебя о чем-нибудь спрашивают, нельзя отвечать просто «да» или «нет» – это считается страшной грубостью; куда лучше отвечать стихами, используя как можно больше сравнений и метафор.

– Хм-м-м... – протянула я, зная, что Рэйка ждет конкретного ответа. Ранее она пояснила, что оммёдзи моего уровня непременно должен знать историю императорской семьи Ивагото. – Тайо но Гэндзиро, Тайо но Эйити, Тайо но Фудзиката, Тайо но... хм... Кинтаро?

– Не надо гадать, – упрекнула меня мико. – А еще при дворе ни в коем случае нельзя хмыкать. Только простолюдины и крестьяне заикаются и мямлят. Аристократы – никогда.

Я со вздохом переступила с ноги на ногу, и мико недовольно цокнула языком. Меня вдруг накрыла необъяснимая тоска по Тацуми. Говорил он мало, но даже его молчаливое присутствие всегда отчетливо ощущалось. Я гадала, где он сейчас, что делает, и очень надеялась, что мы увидимся во дворце, как он и обещал. А еще – что я не лягну какую-нибудь несусветную чужь при дворе и не выдам нас всех.

– Вот так, – проговорила Рэйка, встала и отряхнула колени. – По-моему, теперь ты полностью готова. – Отступив на шаг, она скрестила на груди руки и критически меня осмотрела, а потом кивнула. – Неплохо. Теперь ты выглядишь как оммёдзи, во всяком случае, со стороны. Солнце уже почти село, пора и мне подготовиться к празднику. Почему бы тебе не пойти и не проверить, вернулся ли ронин? И, пожалуйста, не запачкайся раньше времени.

Стараясь не наступать на полы кимоно, я вышла из комнаты.

Когда я оказалась на веранде, то увидела, что Окамэ стоит, прислонившись спиной к перилам. Стоило ему меня увидеть, как его брови удивленно поползли вверх.

– Sugoī! – тихо воскликнул он, оттолкнувшись от перил. – Юмекотян, ты.. так необычно выглядишь. Я сперва и не узнал тебя.

Я улыбнулась ему.

– А я – тебя, Окамэ.

Ронин побрился, подстриг бородку, которая теперь не топорщилась во все стороны, и зачесал рыжевато-коричневые волосы в тугий хвост на затылке. Его белые штаны хакама и коричневую рубашку хаори нельзя было назвать нарядными, но они были новыми и чистыми и хорошо на нем сидели. На аристократа Окамэ не походил, но и как бесцельно рыскающий по стране ронин не выглядел.

– Твой вид почти внушает уважение!

– Ой, прикуси язык! – резко бросил он и посмотрел куда-то вдаль. Краска залила ему шею. – Не могу поверить, что придется разгуливать в окрестностях императорского дворца и притворяться самураем в компании высокомерных аристократов.

Я склонила голову набок.

– За что ты так ненавидишь самураев, Окамэ-сан? – спросила я. – Тацуми рассказывал, что ронины – это бывшие самураи, которые потеряли своего сёгуна. А что случилось с твоим?

Он криво усмехнулся.

– Это долгая история, расскажу тебе как-нибудь потом, Юмекотян. Скажем так, было время, когда я всецело верил в честь и долг и в кодекс Бусидо. Но это было много лет назад, когда я был молод, глуп и стремился доказать всем, чего стою.

– Что же случилось?

– Реальность надавала мне пощечин, – с усмешкой проговорил ронин. – И я понял, что этот самый кодекс Бусидо, который все так почитают, – полная чушь. Понял, что в мире не существует чести, особенно среди самураев. Нужно было стать ронином, чтобы это понять.

Я нахмурилась, уловив в его голосе горечь, и задумалась: что его сподвигло стать изнуренным ронином?

– Расскажи мне обо всем, когда будешь готов.

– Расскажу. Но сейчас есть заботы поважнее. Например, надо как-то пережить императорский праздник, чтобы нас не раскусили. Не забывай, – он осторожно постучал по моему рукаву, повисшему над верандой, – из меня такой же ёдзимба, как из тебя – оммёдзи. Если о нашей лжи прознают, нас обоих ждет смертная казнь.

– Да, знаю, – сказала я. Рэйка подробно мне все разъяснила еще утром. Как только Окамэ ушел, она затащила меня в комнату, захлопнула дверь и прочитала целую лекцию о том, что нельзя лгать так беспечно. Ведь я солгала Дайсукэ, притворившись оммёдзи, солгала Окамэ, притворившись простолюдиной, солгала убийце демонов Каге, выставив себя обычным человеком. Мико злобно, словно маленькая сердитая кошка, сообщила, что мне очень повезло. Особенно учитывая, что я путешествую со знаменитым убийцей демонов.

А потом Рэйка напомнила, что сегодня нам предстоит провести день в стенах императорского дворца, в окружении знати, самураев, аристократов и в присутствии самого императора. И если нас разоблачат, нас всех ждет неминуемая казнь. Это вовсе не одна из моих лисьих проделок, а вопрос жизни и смерти, в буквальном смысле. Так что надо подойти к этой вылазке со всей серьезностью.

Я прикусила губу. Мико права. Я втянула множество людей в это безумное, полувывдуманное дело, и одна ложь наслаивается на другую. Рано или поздно эта башня неизбежно рухнет.

– Ты точно хочешь отправиться с нами, Окамэ-сан? – спросила я, подняв взгляд на ронина. – Ты мне ничего не должен, пойми. Ты вправе уйти восвояси, если хочешь.

– Ты что, шутишь? – Ронин хищно посмотрел на меня, и глаза его сверкнули. – Забудь о долге! Это – самое захватывающее приключение, в котором мне доводилось участвовать. Когда я был самураем, меня никогда не приглашали на императорские праздники – я был не таким важным. Довольно иронично и даже поэтично будет разгуливать по дворцу в компании Тайо, самого гордого из гордецов, и смотреть на удивленные и обиженные рожи этих выскочек!

– И все же это очень опасно. Что будет, если нас раскусят?

– В опасности все веселье, Юмеко-тян! – заметил Окамэ. – Никто из аристократов не станет спрашивать у тебя в лоб, правда ли ты оммёдзи, – это верх неучтивости. Пока ты не согласишься изречь пророчество, предсказать кому-нибудь будущее или изгнать демона, нам ничего не грозит. – Он пожал плечами и снова прислонился к перилам с беззаботным видом. – Так что не стал бы об этом беспокоиться. Придворные обезьяны будут слишком заняты прихорашиваниями, попытками полебезить перед императором и превзойти друг друга, так что никто не обратит на нас внимания.

– А там что, будут обезьяны? – изумленно переспросила я. – Что ж, тогда на празднике и впрямь будет весело. Правда, обезьяны всегда такие суматошные, неужели императора это не беспокоит?

– Это было чересчур жестоко, Окамэ-сан, – произнес новый голос, и из-за угла вышел Тайо Дайсукэ, одетый в великолепное кимоно из темно-синего шелка с миниатюрными золотыми солнцами на рукавах и спереди. Двумя руками он держал разноцветный шелковый веер. Его длинные белые волосы были зачесаны назад и сияли на темном шелке кимоно. – Ни к чему забивать Юмеко-сан голову таким враньем. Многие из придворных будут слишком увлечены попытками уничтожить репутацию своих врагов очередными сплетнями или устроить очередную выгодную свадьбу, чтобы лебезить перед императором.

Переведя взгляд на меня, он улыбнулся и учтиво поклонился.

– Госпожа Юмеко, – торжественно произнес он. – Позвольте еще раз извиниться за мое хамское поведение в ночь нашего знакомства. По счастью, сакура уже отцвела, иначе она непременно разрыдалась бы, осознав невозможность превзойти вашу красоту!

– Э-э-э... – Я замаялась, не зная, что на это ответить; мне еще никогда не делали комплиментов. К счастью, в этот момент открылась дверь и на веранду вышла Рэйка и спасла меня от ответа, который я наверняка бы произнесла с запинками, в самой что ни на есть неаристократической манере. На мико по-прежнему были красные хакама и белая хаори служительниц святилища, а вот волосы она собрала в высокую прическу, украшенную ленточками и маленькими колокольчиками. У нее за спиной появились еще две служительницы, одетые точно так же, и, приоткрыв рты, уставились на великолепного аристократа. Дайсукэ, явно привыкший к подобным реакциям, вежливо проигнорировал их изумление.

– А ну прекратите обе! – воскликнула Рэйка, шлепнув одну из служительниц рукавом. Та подскочила от неожиданности. – Вы похожи на двух карпов, ловящих ртом воздух. Не посрамите меня сегодня. Тайо-сан, – позвала она, повернувшись к Дайсукэ. Золотые колокольчики у нее в волосах тихонько зазвенели. – Простите, что отнимаем ваше драгоценное время. Моя благодарность не знает границ.

– Да не за что, Рэйка-сан, – ответил Дайсукэ. – Всегда рад помочь. К тому же разнообразие лиц двору не помешает. Солнце уже садится, а до дворца путь неблизкий.

– Одну минутку! – проговорила мико. – С нами пойдет еще кое-кто.

Она нырнула рукой к себе в рукав и достала офуду, полоску белой бумаги, помогавшей призвать священную магию. На ней иероглифами кандзи было выведено слово «верность» – той же самой офудой Рэйка размахивала передо мной в день нашего знакомства. Прикрыв глаза, служительница что-то прошептала, и воздух вокруг наполнился волшебной силой.

– Хранитель святилища Хайяте, – донеслось до моего слуха, – самый верный из защитников, приди ко мне!

Подул резкий ветер, над головами затрещали ветви. Мы ждали, затаив дыхание.

Небольшое существо выскочило из-за угла и подошло к ступенькам. Это оказалась собака, маленькая и тощая, с треугольными ушками, красновато-рыжей шерстью, белым животиком и пушистым хвостом, завитым в тугое кольцо. На шее у нее виднелся ярко-красный ошейник, в центре которого висел золотой колокольчик.

Inu[44]! Я едва успела подавить в себе внезапное желание отскочить, побежать по веранде, нырнуть в одну из комнат и запереть дверь. Мне никогда не нравились собаки, и это чувство, судя по всему, было взаимным. Однажды, когда я гуляла за пределами храма, за мной погналась стая деревенских собак, тощих и с виду очень голодных. Ни один из моих трюков их не обманул – они не обратили внимания ни на ревущих медведей, ни на бегущих кроликов – словно откуда-то знали, что это иллюзии. Чтобы уйти от преследователей, мне пришлось залезть на дерево, где я просидела до самой ночи, до тех пор, пока за мной не пришел Дэнга и не прогнал собак.

– Киц... Кицунэ? – спросил Окамэ, заставив меня подскочить и оглянуться. Ронин изумленно смотрел на собаку. – Хранитель святилища – кицунэ?

– Никакая это не лиса, – заверила я его с облегчением и капелькой раздражения. – Это собака. Ну правда, Окамэ, она совершенно не похожа на лису.

– Это Чу, – спокойно сообщила Рэйка. Собака, услышав кличку, посмотрела на нее и завильяла хвостом. – Он охраняет святилище Хайяте. Во всяком случае, одну его половину. – Ее глаза заволокло тревогой, а гладкий лоб прорезала морщина. – Вторая охранница, Ко, исчезла в ночь, когда ушел учитель Дзиро. Думаю, он либо призвал ее к себе, либо она сама почувствовала, что учитель в опасности, и отправилась его искать. Их с тех пор не видели.

– Какой-то он маленький для этой породы, – заметил Дайсукэ, стараясь придать голосу доброжелательность и учтивость.

– Маленький? – фыркнул Окамэ. – Да он просто карлик какой-то. Как этот комочек шерсти вообще может что-то охранять? Или он обороняет святилище исключительно от воробьев и крыс?

Чу прижал уши к голове и зарычал на ронина, обнажив острые белые зубки.

Рэйка вздохнула.

– Это обличье позволяет ему сопровождать меня в городе, – сообщила мико ронину. – По правде сказать, в этом теле его почти никто не замечает. Он способен прошмыгнуть в ворота императорского дворца, не привлекая внимания. Один из множества его талантов заключается в том, что люди попросту не замечают его! – Зловещая улыбка коснулась ее губ, и девушка посмотрела на ронина. – Вообще, Чу не злопамятный, но на твоём месте я бы дважды подумала, прежде чем его обижать. Его истинное обличье... впечатляет куда сильнее.

Окамэ скептически поднял бровь, но ничего не сказал. Чу грациозно поднялся на лапы и направился вперед, словно вожак, и мы последовали за ним через двор и вниз по лестнице. Когда мы выходили в ворота тории, я заметила, что теперь пустуют уже оба каменных пьедестала.

– О, Юмекосан, пока не забыл! – воскликнул Дайсукэ, когда мы шли по улицам района Ветров, и повернулся ко мне, широко улыбаясь. – Я рассказал о вас одному моему дяде, и его очень заинтересовала новость о том, что оммедзи придет на сегодняшний праздник.

– Правда? Как здорово. Ваш дядя, судя по всему, очень добрый человек.

– Да, и он будет ужасно рад встретиться с вами. Видите ли, несколько месяцев назад во дворце разгорелся жуткий скандал вокруг последнего из императорских оммедзи – поползли слухи о его предательстве, о кровавой магии, о покушении на императора. Паника поднялась страшная. В конце концов оммедзи и его помощников казнили, но должность придворного прорицателя так пока никто и не занял. Дядя считает, что император будет очень рад, если оммедзи предскажет ему будущее. – Ослепительная улыбка Дайсукэ стала еще шире, а я, вдруг сообразив, к чему он клонит, с трудом подавила желание испуганно прижать к голове уши. – Если сегодня все получится, Юмекосан, вы вполне можете удостоиться аудиенции у самого императора Ивагото.

Как бы я ни переживала, я не могла не восхититься роскошью императорского дворца. Золотая фигурка, украшавшая крышу, поблескивала в последних солнечных лучах и сама походила на маленькое солнце. Когда мы подошли ближе, я увидела позолоченные статуи по углам крыши: золотые рыбки, драконы, фениксы сияли на фоне закатного неба и с высоты смотрели на нас, простых смертных.

Когда мы подошли к высоким воротам, я увидела на входе двух самураев в доспехах и с копьями яри наготове. Я боялась, что они перекроют нам копьями путь, но самураи даже не шелохнулись. Хотя тот, что выглядел постарше, повернул голову, когда к нему подошел Дайсукэ, и губы под густыми усами тронула улыбка.

– О, Дайсукэ-сама! – хриловато и едва ли не ласково воскликнул он. – Когда это вы вернулись? Как прошло ваше путешествие в Сагимуру?

– Замечательно, Фудзиосан, – ответил Дайсукэ. – Я очень рад, что у меня нашлось время на такое путешествие. Оно... пролило свет на многие вещи.

У него за спиной послышался смешок Окамэ.

– Да уж, пожалуй, – пробормотал он, и Рэйка тут же стукнула его по руке. Внимание стража переключилось на нее и троих спутниц-мико.

– А! Это, должно быть, артисты, которые будут выступать на празднике. Давно у нас никто не танцевал кагуру. – Его взгляд упал на меня, он внимательно оглядел мой наряд, высокую остроугольную шапочку, и его брови

поползли на лоб. – Это что... оммёдзи? А, Дайсукэ-сама? Удача явно вам благоволит! Его Величество будет в восторге!

Дайсукэ улыбнулся, и мы вошли в ворота императорского дворца, и мое сердце, которое заметно успокоилось с тех пор, как мы покинули святилище, снова бешено заколотилось. За воротами показался огромный двор, по которому расхаживали самураи. А позади двора, над кронами деревьев и за лабиринтом стен, ворот и парапетов, на фоне вечернего неба, словно блестящая золотая гора, высился императорский дворец.

Я машинально направилась к сияющему вдалеке дворцу, но тут меня окликнул Дайсукэ. Обернувшись, я увидела, что он идет прочь от дворца, к воротам у дальней стены.

– В сам дворец мы не пойдем, Юмеко-сан, – пояснил он, заметив, куда я направилась. – Праздник пройдет в дворцовом саду, вон там. – Он указал на дальнюю стену, где над линией пышных деревьев виднелось бледное сияние. – Туда, пожалуйста. Мы почти пришли.

На миг мне стало досадно и обидно, что я не увижу золотой дворец вблизи, но это чувство исчезло, как только я вошла в очередные ворота и оказалась в императорском саду.

Сперва мне показалось, что я пришла в невероятно ухоженный лес. Но приглядевшись, я поняла, что это не так. Каждое дерево, каждый куст, камень, цветок и кусочек гранита был на своем, тщательно выбранном садовником месте. Все кусты были симметрично подстрижены, высокие деревья, ветви которых торчали под правильными углами, поражали статностью. На траве не валялось ни листика, ни кусочка коры, по идеальной лужайке тоже ничего не летало. На моих глазах человек, которого я приняла за садовника, остановился у куста хризантем, сорвал с одной из веток чем-то не устроивший его цветок, сунул его в мешок и поспешил дальше.

Нужно признать, что сад и впрямь был прекрасен и вызывал искреннее восхищение. Но тут совсем не чувствовалось жизни – будто это была картина с нарисованной сакурой. По ощущениям сад напоминал меня, наряженную в изящное, но неудобное кимоно, которое должно всех восхищать, но которое все равно ужасно хочется снять, чтобы двигаться и дышать свободно.

– Красиво здесь, правда? – тихо спросил Дайсукэ, с неподдельной улыбкой оглядываясь вокруг. – Здесь все обустроено с поразительной точностью! Во дворце работают сотни слуг и пятьдесят непревзойденных садовников, которые поддерживают чистоту и следят за тем, чтобы все было безупречно.

– Да, здесь мило, – согласилась я. – Но жить тут, наверное, невероятно сложно. Садовников хватил бы удар, если бы в кусты забрался даже маленький крольчонок!

Дорожка, пересекающая сад, освещалась линией фонариков чочин, и мы пошли на мерцающий оранжевый свет и наконец добрались до еще одних ворот. Стоявший у них самурай сурово оглядел нас с Окамэ и повернулся к аристократу, идущему во главе нашей процессии.

- Тайо-сама, - поклонившись, произнес он. - Прошу меня простить, но вход на императорский праздник - только по приглашениям. Мне известно, что ваша семья уже на месте, но вот ваших спутников я, увы, не узнаю. Вынужден попросить, чтобы они предъявили свои приглашения - в противном случае я не смогу их пропустить.

- Я сам их пропускаю, - беззаботно сообщил Дайсукэ. - Это - Юмекосан, уважаемая оммэди с территорий Клана Земли, а это - ее ёдзимбо, Хино Окамэ. Они пришли на праздник как мои гости.

Самурай хмыкнул, бросив на меня взгляд через плечо Дайсукэ, а потом посмотрел на Рэйку и двух мико позади нас.

- А это кто?

Рэйка вместе со спутницами учтиво поклонилась стражнику.

- Прошу нас простить, - проговорила она. - Мы из святилища Хайяте, пришли исполнить танец кагура для императора.

Самурай нахмурился.

- Мне ничего не говорили о том, что на праздник придет оммэди, - упрямо сказал он и вновь посмотрел на меня. - Она же еще совсем юная. Да и потом, о ней я тоже ничего не слышал. Откуда нам знать, достаточно ли у нее опыта для встречи с императором? - Он сжал зубы и кивнул на меня. - Кому вы раньше служили? У каких господ бывали?

- Прошу прощения, - произнес чей-то голос, избавив меня от необходимости отвечать. Вперед вышел потрепанный и тощий мужчина, в помятой одежде и с взъерошенными волосами. Он явно не был ни аристократом, ни самураем, его одежда, пускай и не рваная, как у некоторых простолюдинов, была довольно простой, хоть и пыльной. От незнакомца пахло опилками и стружками.

Заметив мужчину, самурай тут же преградил ему путь и моментально позабыл о нас.

- Стой. Как ты сюда пробрался? Что тебе нужно? Говори.

Незнакомец шумно втянул носом воздух и выпрямился.

- Я кое-кого ищу, - сообщил он писклявым, но уверенным голосом. - У меня есть разрешение. Мне нужно поговорить с чиновниками из магистрата, срочно.

Дайсукэ дернул меня за рукав.

- Идем, - тихо сказал он под громкое напоминание самурая о том, что вход воспрещен. Вид у аристократа был встревоженный, казалось, он хочет поговорить с незнакомцем, но вместо этого он продолжил звать нас за собой. - Нам вовсе не обязательно при всем этом присутствовать, к тому же мне совсем не хочется позорить самурая, который просто делает свою работу. Давайте оставим его, пусть выполняет свои обязанности, и тихонечко ускользнем.

Я неохотно отвернулась от мужчины, который заспорил со стражем своим писклявым голосом и принялся размахивать тоненькими, как палочки, руками. Мы украдкой проскользнули в ворота и нырнули в тени. Самурай даже не посмотрел в нашу сторону. Окамэ поймал мой взгляд и усмехнулся, но я не смогла улыбнуться в ответ.

Мы пошли вдоль бамбуковой стены, потом завернули за угол и оказались на огромной лужайке у живописного озера. В центре озера был островок, на котором высилась красно-золотая пагода. С суши островок соединял изящный арочный мост. В воздухе разливались мелодии сямисэна, на котором играла пожилая женщина – она стояла на коленях, подложив под них небольшой коврик, и дергала за струны с легкостью опытного музыканта. Над головами мерцающим куполом висели гирлянды фонариков, которые проливали яркий рассеянный свет на толпы людей, разгуливающих по лужайке. На миг я застыла и с восхищением уставилась на море разноцветных нарядов – один прекраснее и необычнее другого. На женщинах были пышные кимоно, на вид такие замысловатые и тяжеловесные, что мне даже стало любопытно, как они вообще двигаются. Мужчины были одеты в хакама и рубашки с жесткими плечами и широкими рукавами, но у некоторых наряды были почти такими же пышными, как у женщин.

Меня кто-то толкнул – обернувшись, я увидела Окамэ, который кивнул на противоположную сторону лужайки, где напротив возвышения стояла ширма. А на возвышении, за лакированным столом, среди мягких подушек, привлекательных женщин и грозных на вид самураев восседал симпатичный мужчина в сияющих желто-белых одеждах с золотой чашкой в руках.

Я шумно сглотнула.

– Это и есть... – начала было я, хотя все было весьма очевидно.

– Тайо но Гэндзиро Сто сорок третий! – прошептал мне на ухо ронин. – Сын Небес, император Ивагото.

– Дайсукэ-сан!

К нам поспешно приближался, лавируя между отдельно стоящими и кучкующимися аристократами, какой-то мужчина. У него были длинные белые волосы и острая борода, и он оживленно махал Дайсукэ на ходу.

– Дядя Моримаса! – поприветствовал его Дайсукэ, повернулся ко мне и опустил голову в почтительном поклоне. – Прошу меня извинить, Юмекэ-сан. Я скоро вернусь.

Я кивнула, и аристократ, широко улыбаясь, направился к своему родственнику. Но не успел он сделать пары шагов, как на него, перекрывая дорогу, накиннулись две аристократки. Вежливая улыбка Дайсукэ ничуть не померкла; он с искренним интересом слушал девушек, при этом украдкой пытаясь их обойти, но этот маневр отсекали новые люди. Судя по тому, как уверенно окружала его толпа, становилось ясно, что освободится он не скоро.

Я сместилась к краю лужайки, встала под безупречно подстриженным кустом азалии и всмотрелась в толпу нарядных гостей, гадая, кто из них – госпожа Сатоми. А еще думая о том, не прячется ли в этом море разноцветных нарядов при помощи магии или маскировки Тацуми. Я представляла, как он в изящном черном кимоно с красно-золотыми узорами наблюдает за мной фиолетовыми глазами.

– Да ты вся красная, Юмеко-тян! – заметил Окамэ, наклонился ко мне и с усмешкой заглянул мне в глаза. – О чем это ты задумалась?

– Н-н-ни о чем! – воскликнула я и отвернулась, чувствуя, как румянец заливаает щеки. Ронин захихикал у меня за спиной. – Я... я просто... апо... Думала о нарядах, о том, что у меня невыносимо жаркое кимоно и о том, как здорово было бы его снять. Все... вышло совсем не так, как я себе представляла. Прекрати смеяться, Окамэ-сан! – Мне не хватило смелости повернуться к нему лицом. – Вака. Хватит паясничать! Нам нужно найти госпожу Сатоми...

И тут одна из дам, сидевших ближе всего к императору, вскинула голову и посмотрела прямо на меня.

Спрятавшийся за мной, забытый и никем не замеченный Чу неожиданно зарычал. Меня охватил странный зуд, будто в рукава запустили сотни насекомых. Женщина пристально посмотрела мне в глаза, и ее полные, яркие губы тронула едва заметная улыбка. Она была невероятно красива и выделялась среди других дам. Ее ало-черное кимоно приоткрывало некоторые части тела гораздо больше, чем у других дам, не кричаще или вульгарно, но с намеком.

Я почувствовала, что у меня в волосах что-то копошится и, нахмурившись, сняла с головы нечто длинное и узкое.

Это оказалась красно-черная сороконожка – она закрутилась у меня в пальцах, силясь укусить. Я мигом отшвырнула ее, едва сдержав крик. Насекомое упало в траву, где на него тут же накинудся Чу – он схватил сороконожку зубами и замотал головой, словно держал в пасти крысу. Окамэ, позабыв о веселье, ругнулся под нос.

С колотящимся сердцем я вновь посмотрела на нарядную даму. Она улыбалась, слушая императора, и больше не смотрела в мою сторону. Но я чувствовала, что именно она виновата в появлении этого непрошеного гостя, и по спине побежали мурашки. В один момент все детали сложились воедино. Она во всем виновата. Гигантская сороконожка, воскресшие вороны, демоны, разрушившие наш храм, – ее посланники. Вот кто незримой рукой управлял ними. Вот кто – кровавая ведьма при дворе императора.

Я задрожала то ли от ярости, то ли от страха; за спиной у меня застыла Рэйка, тоже пристально глядя на женщину в красном. Чу по-прежнему рычал у моих ног, хотя собаку, казалось, никто не замечал.

– Что ж, – тихо проговорила Рэйка, – судя по поведению Чу и твоей внезапной бледности, мы, кажется, отыскали госпожу Сатоми.

Я кивнула. Дама вновь взглянула на меня с победоносным, самодовольным видом, и я сжала кулаки. Если это и впрямь госпожа Сатоми, она явно будет всячески пытаться нам помешать.

– Юмекосан!

К нам подошел Дайсукэ в сопровождении высокого незнакомца. Я оторвала взгляд от госпожи Сатоми и повернулась к улыбающимся аристократам.

– Юмекосан, – повторил Дайсукэ, – это мой дядя, Тайо Моримаса.

– Здравствуйте, – сказала я, и сообразив, где нахожусь, поклонилась и поспешно добавила: – Для меня огромная честь познакомиться с вами.

– Мне тоже очень приятно, Юмекосан, – ответил Моримаса. Он был похож на Дайсукэ, только волосы у него были собраны в пучок, а еще он носил аккуратную бородку. – Спасибо, что почтили нас своим визитом. У нас при дворе довольно давно не было оммёдзи. Простите мне мою дерзость, но ваше имя мне неизвестно. Скажите, кому вы служили до этого? Я слышал, великий Цуки но Сэймэй недавно проводил состязание, чтобы выбрать нового ученика...

– Я... никому не служила и ни у кого не училась, – проговорила я, сочиняя ответ на ходу. – У меня просто... э-э-э... талант к этому делу. Я всему научилась сама.

– Невероятно, – одобрил мужчина. – В столь юном возрасте... Поистине потрясающе. Ну что ж, тогда решено – вы должны выступить перед Его Величеством сегодня. Для нас будет огромной честью, что такой талантливый оммёдзи выступит перед двором. Что скажете, Юмекосан? Согласны ли вы показать нам свой талант?

Я почувствовала себя кроликом, которого загнали в угол свирепые волки. Окамэ и Рэйке явно было так же неловко, как и мне, однако никто из них не вмешивался с отговорками. Ведь это была не просьба. Даже я со своим весьма ограниченным знанием иваготского общества и обычаев, понимала, что возможность послужить самому императору – это огромная честь, и отказаться от нее значит нанести императору непростительное оскорбление. Даже если меня не посадят в тюрьму и не казнят, наши поиски тут же прервутся. Если мы хотим отыскать учителя Дзиро, придется участвовать в этом фарсе.

Хотя я совершенно не понимала, что делать дальше.

– Конечно, Тайосан! – отозвалась я на слова Моримасы. Окамэ застыл на месте и удивленно уставился на меня. – Для меня это огромная честь!

– Юмекотян! – выпалил ронин, но потом резко взял себя в руки. – Э-э-э... прошу меня извинить, – сказал он Моримасе, быстро поклонившись. – Я – ее ёдзимбо, и моя работа состоит в том, чтобы заботиться о ней. Порой она бывает довольно беспечна. Юмекотян, – продолжил он, понизив голос и глядя на меня округлившимися глазами. – Ты уверена, что справишься? – спросил он, явно подразумевая другой вопрос: «Что ты, черт побери, творишь?!» – Если ты оплошаешь перед императором, нам несдобровать.

- Твой ёдзимбо прав, - вынужденно согласилась Рэйка. - И все же, как по мне, тебе не остается ничего другого, кроме как принять предложение.

- Само собой! - вмешался Дайсукэ. Вид у него был озадаченный и слегка обиженный. - Встретиться с самим императором, выступить перед ним и перед всем двором - что может быть почетнее?!

- Вот именно, - сказала я ронину, выдавив из себя улыбку. - Слышал, что сказал Дайсукэ-сан? Когда еще представится шанс встретиться с самим императором? Не беспокойся, я знаю, что делаю.

Кажется.

Окамэ недоверчиво посмотрел на меня, но я отвернулась и взглянула на Моримасу.

- Прошу, простите нас за эту задержку, Тайо-сан, - проговорила я, обращаясь к помрачневшему аристократу. - Как я и сказала, сочту за огромную честь выступить перед Его Величеством.

- Чудесно! - воскликнул он, просяив. - Его Превосходительство будет в восторге! Будьте так любезны, ступайте за мной.

В последний раз ободряюще улыбнувшись озадаченному ронину и служительнице, я шагнула вслед за Моримасой, который решительно повел меня через двор.

Знатные гости оглядывали меня со смесью удивления, любопытства и недоверия. Некоторые откровенно ухмылялись и хихикали, прикрывшись веерами и не скрывая своего презрения. Может, они видели, что никакая я не оммёдзи, а может, у меня был недостаточно нарядный костюм. Я старалась не обращать на них внимания и думать только о том, что скажу императору, хотя громкий стук сердца и неожиданно сильный спазм в желудке мешали сосредоточиться.

- Подождите здесь, - велел Моримаса, остановившись в тени деревьев неподалеку от возвышения, на котором сидел император. - Когда придет время, я объявлю ваше имя. Как только услышите его, нужно выйти вперед и представиться Его Величеству. Только держитесь по меньшей мере в двадцати футах от края платформы. Вы меня поняли?

- Да.

Он кивнул, отвернулся и направился к возвышению, вокруг которого уже успели собраться гости. Госпожи Сатоми не было видно, потому что она сидела по другую руку от императора, и, к счастью, она тоже не могла меня видеть.

Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, но тут чья-то рука зажала мне рот и утащила в тень.

- Это я, - прошептал знакомый голос, и лисий огонь, готовый было вспыхнуть у меня в ладонях, мгновенно погас. - Сейчас я тебя отпущу. Только не кричи, иначе нас заметят.

– Тацуми! – прошептала я и повернулась к нему, когда он меня отпустил. – Ты так меня напугал! Почему ты..

Я нахмурилась и замолчала. Тацуми выглядел совсем не как самурай Каге, с которым я проделала этот долгий путь от храма Тихих Ветров. Он был весь в черном, не считая старого красного шарфа, который трепал ветер. Вместо сандалий на нем были дзика-таби высотой почти до колена, нарукавники и рубашка без рукавов и каких-либо символов, которая куда плотнее облегала тело, чем его привычная хаори. Маска скрывала нижнюю половину лица, но над ней сияли все те же пронзительные и холодные фиолетовые глаза.

– Юеко, что ты собираешься делать? – спросил он тихо, но настойчиво. Его глаза горели во мраке лиловым пламенем.

– М-м-м... – Я огляделась, чтобы удостовериться, что за нами никто не следит. Воздух вокруг нас заискрился, и я ощутила мрачное, ледяное касание магии Тени, которую использовал Тацуми, оградив нас от любопытных глаз и ушей. – Выступить перед императором Ивагото?

– Но ты ведь не оммёдзи, – сощурившись, напомнил Тацуми. – И не владеешь магией. Разговаривать с ками – совсем не то же самое, что изрекать пророчества или предсказывать будущее, а именно этого от тебя и потребует император. И если он поймет, что ты шарлатанка, тебя ждет казнь.

– Я знаю, Тацуми, но что мне делать? – прошептала я. – Не могу же я отказать императору?

– Я могу увести тебя отсюда, – сказал Тацуми и шагнул ближе. – Прямо сейчас. Нас никто не увидит – помогут те же чары, что и в деревне гаки. А когда доберемся до убежища, я вернусь и отыщу учителя Дзиро. Нам ни к чему разговаривать с Сатоми. Я могу проникнуть в места, недоступные большинству людей.

– А как же остальные?

– Плевать мне на остальных, – равнодушно проговорил Тацуми. – Моя миссия – добраться до храма Стального Пера. Остальное не важно. Но если тебя поймают и казнят, моя миссия закончится прямо здесь.

Он поднял руку и поднес ее к моему лицу так близко, что едва не коснулся костяшками моей кожи. Я заглянула ему в глаза и увидела, что его мучают сомнения.

– Тацуми...

– Тебе нельзя умирать, Юеко. – Его рука не коснулась моей щеки, но и убирать ее он не стал; голос его звучал очень мягко. – Мы ведь пообещали друг другу, что отыщем храм Стального Пера вместе. Ты мне нужна, без тебя я туда не доберусь. Наша миссия еще не окончена.

– Я справлюсь. – Я осторожно взяла его ладонь. От моего прикосновения он вздрогнул, но затем робко сплел пальцы с моими. Я поймала его взгляд и улыбнулась. – Тацуми, я знаю, что делать. Доверься мне.

Он задержал на мне свой потемневший взгляд и нахмурился, а потом кивнул. Я отошла от деревьев, чувствуя, как рвутся тонкие нити волшебства, и направилась к возвышению, на котором восседал император.

Тайо Моримаса поймал мой взгляд, и в его округлившись глазах мелькнуло облегчение, будто он долго искал меня и наконец нашел. Нетерпеливым жестом он велел мне выйти вперед. Подавив острое желание обернуться в сторону деревьев, я набрала полные легкие воздуха, вскинула подбородок и направилась к возвышению, на котором сидел император Ивагото.

29. Будущее императора

Я смотрел ей вслед. Уверенной походкой она шла к императору, облаченному в золотые одежды, который ждал ее на возвышении в окружении аристократов и самураев. Взгляды всех придворных были прикованы к этой маленькой фигурке в пышном красно-белом наряде, к длинной косе, раскачивающейся у нее за спиной. С виду она не казалась испуганной или напряженной, но у меня в груди возникла необъяснимая пустота, мне вдруг невыносимо захотелось увести ее отсюда. Наброситься на нее, укрыть завесой мрака и похитить. А если это невозможно, выхватить Камигороши и перерезать всех, кто ей угрожает, – и самураев, и аристократов, и, если понадобится, самого императора – лишь бы спасти девушку, смело идущую к человеку, который запросто может отдать приказ ее убить.

Я все еще чувствовал ее прикосновение, отчетливо помнил, как ее нежные пальцы обвили мою ладонь, и сжал руку в кулак. Нет, Юмеко ни за что не погибнет сегодня. Очень глупо было ее отпускать. Я не знал, что у нее на уме, был ли у нее вообще хоть какой-нибудь план, но пообещал, что доверюсь ей. Ей, простолюдинке без магических способностей, выросшей в стенах храма, вдалеке от остального мира, храброй, скромной и сообразительной, но совсем не оммёдзи. И ее я отпустил на встречу с самым влиятельным человеком в Ивагото, заручившись одним лишь обещанием, что она справится. Я увидел, как ронин, служительницы святилища и аристократ шагнули вперед вместе с толпой, образовав за спиной у Юмеко полукруг, и в груди у меня все сжалось. Впервые в жизни я пожалел, что не могу быть рядом, в толпе, что скрываюсь там, куда не падает свет от фонарей, в тени.

«Великие Ками, – пронеслось у меня в голове, – оберегайте ее. Тамафуку, бог удачи, прошу, пусть она будет тем человеком, кому ты поможешь сегодня».

Юмеко остановилась футах в пятнадцати от императорского помоста, опустилась на колени и поклонилась так низко, что руками и лбом коснулась земли. Поклон вышел неуклюжим; Юмеко держалась недостаточно прямо, пальцы были в неверном положении, но в целом она неплохо выступила перед

правителем страны. Император, судя по всему, остался доволен – он улыбнулся и вытянул широкий золотой рукав.

– Оммёдзи Юмеко! – произнес он звонким высоким голосом. – Добро пожаловать во Дворец Солнца.

– Ваше Величество, вы оказываете мне огромную честь, – проговорила Юмеко и медленно села. – Я не достойна быть здесь, но очень постараюсь доставить вам удовольствие.

Я почувствовал неодобрение и презрение, исходящие от толпы наблюдателей, в частности от знати и аристократов. Простолюднику в Юмеко резко и неоспоримо выдавала ее речь без изысканных оборотов и метафор, которые так любили придворные. Я отчаянно захотел нырнуть в эту толпу и разрубить всех на кровавые лоскуты, но мне трудно было понять, чьи это мысли – мои или Хакаимоно.

– Мой советник упомянул, что вы обучились искусству оммёдо самостоятельно, – продолжил император, и по толпе пробежал изумленный ропот. – Это правда? Вы и впрямь овладели древним знанием без наставника?

– Да, Ваше Величество. Это правда. – Дальнейших разъяснений она давать не стала, хотя придворные явно их ждали.

– Невероятно! – воскликнул император, откинувшись на спинку стула. – Необычайный случай. Юмеко-сан, вы непременно должны показать нам свои таланты. – Он поднял руки, и широкие золотые рукава взмыли в воздух, словно паруса. – Я разрешаю вам предсказать мое будущее, – важно проговорил он. – Что уготовили грядущие века величайшей империи в мире? Всмотритесь в будущее и расскажите двору, что вы видите.

В саду воцарилась тишина. Юмеко замялась, потом медленно и театрально поднялась, чтобы предстать перед императором во весь рост.

– Будущее, – начала она, и ее голос эхом разнесся по толпе, – это переменчивый поток. Любое наше решение меняет его направление. Увидеть чье-то будущее – значит усмотреть разом сотни возможностей. К такой задаче стоит подходить со всей серьезностью, и спешка здесь ни к чему. – Она вскинула руки, словно призывая силу ками, и внезапный порыв ветра взметнул в воздух ее волосы и края одежды, раздувая их. – Давайте заглянем в будущее, Ваше Величество.

Толпа застыла, ловя каждое ее слово. Император слегка наклонился вперед, уперев ладони в колени и неотрывно глядя на нарядную девушку. На миг я совсем забыл о том, что передо мной Юмеко, та самая девчонка, которую я спас из храма Тихих Ветров. Она стояла посреди двора, раскинув руки, свет искрился в ее волосах и на ярко-красных одеждах – она и впрямь походила на всеми почитаемую оммёдзи, расточавшую волшебную силу и готовую предсказать будущее императору Ивагото.

Юмеко соединила ладони под подбородком, подняв два пальца в знакомом жесте. Она закрыла глаза, и все придворные, казалось, затаили дыхание. На миг девушка затихла. Никто не смел ни вздохнуть, ни шелохнуться – все

внимание было приковано к Юмеко в пышных одеждах, одиноко стоявшей перед императором.

– Тайо но Гэндзиро, – тихим голосом произнесла Юмеко, и несколько аристократов подскочили. – Господин Дворца Солнца. – Она немного помолчала, а потом очень отчетливо произнесла: – К вам в сад пробрался чужак.

Император выпрямился, и вместе с ним подскочили аристократы и самураи. Несколько буси стали оглядываться, схватившись за рукояти своих мечей, в толпе начали перешептываться. Я съехал в тени, Хакаимоно встрепенулся и сказал, что я должен убить ее, пока не стало слишком поздно.

Неужели она и впрямь меня выдаст? Мне вновь вспомнились вопросы Каге Масао о доверии, и я почувствовал, как в жилах стынет кровь. Неужели ты выдашь меня, чтобы спастись самой, Юмеко?

– Он очень близко, – продолжала тем временем Юмеко тихим и мрачным голосом. – Он таится в тени. И наблюдает за вами и вашими гостями.

Несколько дам ахнули и прижались друг к другу, один из самураев наполовину вынул меч из ножен. Моя рука скользнула к Камигороши, пальцы обвили рукоять, а Юмеко продолжила:

– Этот чужак очень хитер. Тихий, незаметный, он уже многое уничтожил, и если его оставить на свободе, он так и продолжит разрушать все, к чему прикоснется.

– Где?! – вскричал император, привстав со своего места. – Где этот чужак?

– Совсем рядом, – повторила Юмеко и начала поворачиваться. Я весь напрягся, когда она повернулась в мою сторону, но она продолжила движение и отвернулась от того дерева, у которого я прятался. – Он... – Она примолкла, а потом показала на кусты неподалеку от того места, где заканчивался свет фонарей и начиналась темнота. – Вон там.

Все присутствующие повернулись и уставились на указанное ей место. На миг толпа застыла, боясь дышать. Весь двор застыл в заинтригованном ожидании, не в силах шевельнуться и отвести взгляд. Под сакурой в кустах что-то громко затрещало, и те, кто находился рядом, испуганно ахнули.

А потом из кустов выскочил маленький коричневый кролик.

Толпа облегченно вздохнула, хотя женщины, стоявшие ближе всего к «чужаку», тихонько вскрикнули, не сразу сообразив, кто перед ними. Кролик привстал на задние лапки и, подергивая ушками, оглядел присутствующих, которые смотрели на него в смятении и удивлении.

По саду пронесся громкий крик. Мужчина в простой одежде, с перепачканными руками и травинками на коленях, выбежал вперед, с ужасом глядя на существо на лужайке.

– Usagi[45]!

Не обращая внимания на пристальные взгляды аристократов, человек – судя по всему, садовник, – бросился на кролика, вытянув руки. Зверек тут же метнулся в кусты, а садовник приземлился в траву на живот. Шаря руками по кустам, он судорожно искал крольчонка, и не сразу понял, что за ним наблюдают.

Резко обернувшись, побледневший как мел садовник оглядел не менее изумленных придворных, а потом опустил в низжайшем поклоне и уперся лбом в землю.

– Умоляю, простите! – вскричал он, но в этот миг перед ним рыжеватым пятном мелькнул кролик. Садовник со стоном подскочил, схватил палку и побежал следом за зверьком к деревьям, и оба погрузились во тьму.

Повисла тишина. Все продолжали вглядываться во мрак, не зная, что предпринять. Я украдкой взглянул на Юмеко и увидел, что она скромно стоит напротив возвышения, и на ее губах играет победная улыбка.

Кто-то медленно захлопал в ладоши, прервав тишину, и несколько аристократов подпрыгнули. Это император вскочил на ноги и начал хлопать. На его безбородом лице расцвела широкая улыбка.

Толпа придворных тоже взорвалась аплодисментами. Их шум пронесся по всей лужайке и поднялся над деревьями, и все гости одновременно повернулись к Юмеко. Она поклонилась, скромно принимая их восхищение, а отзвуки ее успеха поднимались все выше и выше над деревьями и растворялись в небесной тиши.

30. Гадюка в шелках

Волна аплодисментов накрыла меня. Я внимательно слушала, как она набирает мощь и ослабевает, и позволила себе тихо выдохнуть от облегчения. Кто бы мог подумать, что такая мелочь как иллюзорный кролик, который выбежал в подходящий момент, может очаровать императора? Разумеется, появление садовника было незапланированным, но его реакция явно помогла убедить присутствующих в реальности происходящего. Я очень надеялась, что с ним все будет в порядке, что появление единственного кролика в безупречном саду императора не приведет к его наказанию, но жалеть о случившемся было поздно.

«Видел бы ты меня сейчас, Дэнга, – с улыбкой подумала я, поймав на себе взгляды Дайсукэ, Окамэ и Рэйки. – Мои никчемные лисьи трюки только что одурачили самого влиятельного человека во всей Ивагото и всех его придворных. А это куда серьезнее, чем заставить чайник танцевать!»

– Великолепно! – Когда аплодисменты стихли, император сошел с возвышения, лучезарно мне улыбаясь. – Восхитительно. Вы необычайно талантливы, Юмеко-

сан. Не хотели бы вы, чтобы этот самый дар послужил стране? – Я изумленно подняла брови, а он вновь улыбнулся и указал на дворец, возвышавшийся за деревьями и мерцающий золотым на фоне ночного неба. – У нас как раз свободна должность императорского оммёдзи. Мне очень нужен человек, обладающий вашими умениями.

Вот это да. Кажется, я, как это ни странно, перестаралась. Я напряженно задумалась, понимая, что отказ императору даже теперь может иметь страшные последствия.

– Ваше Величество, для меня это большая честь, – проговорила я, низко ему поклонившись, – и я очень благодарна вам за такое предложение, но.. у меня есть очень важная миссия, которую я обязана закончить, клятва, которую не могу нарушить. Поэтому пока что я не могу его принять.

– О. Ну конечно. – Император кивнул. Даже он не смел требовать, чтобы кто-то нарушил слово и обрек себя на позор. – Что ж, когда завершите свою миссию, подумайте о возвращении во дворец, Юмеко-сан. Вам всегда будут рады при моем дворе.

Я поклонилась.

– Ваше Величество, вы так добры.

– Мой последний оммёдзи предсказывал мне пришествие Великого Дракона, – продолжил император, и сердце у меня заколотилось быстрее. – Я думал, что это всего лишь древняя легенда, но оммёдзи настаивал, что наблюдал возвращение Дракона в одном из своих видений. – Император нахмурился. – Увы, но он оказался практикующим кровавым магом, а слова кровавого мага порочны и доверять им нельзя, и потому его казнили. Но я был бы рад, если бы другой оммёдзи поведал мне, действительно ли стоит ждать Драконьего пришествия, и если да, что мне сделать, чтобы заручиться его силой.

У меня по спине побежали мурашки, и я посмотрела в черные глаза госпожи Сатоми, которая враждебно глядела на меня из-за плеча императора. Через мгновение она повернулась к правителю и улыбнулась, и угрожающее выражение исчезло с ее лица, скрытое красивой фарфоровой маской.

– Мой господин, – пропела она, поглядывая на него из-под длинных густых ресниц. – Луна поднимается. Не хотели бы вы полюбоваться ей из озерной беседки? Вода сегодня чистая и прозрачная, вы сможете увидеть и настоящую Луну, и ее пленительное отражение.

– Ох, ну конечно! – воскликнул император и хлопнул в ладоши, призывая к себе всеобщее внимание. – Дорогие гости! Лунный господин уже начал свое путешествие по небесам. Давайте подойдем к озеру и пожелаем ему доброго пути. Мне не терпится услышать замечательные стихи, сочиненные вами по этому случаю.

Толпа рассеялась – все поспешили к озеру, в том числе и император, который, казалось, напрочь позабыл обо мне, как только шагнул в сторону. Его ёдзимбо неотступно следовал за ним. Госпожа Сатоми, однако, никуда не пошла. Она осталась на месте и продолжила наблюдать за мной с едва

заметной улыбкой. Казалось, больше никто из аристократов, стражей или самураев ее не замечает – все устремились к озеру, оставив нас наедине.

– Что ж, – проговорила дама, окинув меня беспощадным взглядом. Чувство было такое, будто ее глаза оставляют на мне порезы грязных когтей. – Это было занятно.

Я старательно подавила прилив паники, чувствуя под одеждой ящичек со свитком и гадая, знает ли о нем Сатоми. Призовет ли она сейчас они, который расколется меня, словно яичную скорлупу? Я вздрогнула, глубоко вздохнула, чтобы ослабить тугую узел в груди, и посмотрела госпоже в глаза.

– Императору.. понравилось.

– Император просто дитя, которого легко впечатлить иллюзиями и дешевыми трюками. Он ни за что не отличит шарлатана от настоящего волшебника. – Уголок ее пухлых красных губ изогнулся в усмешке. – Но я-то не настолько доверчива, ты не думай.

Я почувствовала, как во мне пробуждается лисья магия, и сжала кулаки крепче, чтобы огонь кицунэ-би не выскочил из пальцев.

– Вы следили за нами, – с укором прошептала я. – И мертвые птицы тоже ваши, верно? – Она насмешливо приподняла тонкую бровь, и я с трудом сдержала стон, сожалея, что не могу наброситься на нее и потребовать, чтобы она этими пухлыми губами открыла мне всю правду. – Вы следили за мной и Тацуми с той самой минуты, как мы вышли из леса, – уточнила я, понизив голос. – Неужели и демонов в храм отправили тоже вы?

– Какое отвратительное предположение! – Госпожа Сатоми прижала руку к груди, изображая ужас. – Неужели ты и впрямь думаешь, что человек моего положения станет заниматься такой ерундой? Мертвые птицы? Демоны? – Уголок ее губ изогнулся, а голос понизился до угрожающего шепота. – Лисичка, кровавая магия карается смертной казнью. Как и ложь императору Ивагото. Твое крошечное представление снискало успех лишь с моего позволения. Императорский двор – это двор марионеток, и я тут дергаю за веревочки. Если тайное станет явным, кому здесь поверят, как ты думаешь?

– Сатоми-сан.

Я услышала голос Дайсукэ. Я упрямо стояла на своем, не желая отступить перед этой женщиной. Когда к нам подошел Дайсукэ, злобное выражение лица Сатоми мгновенно сменилось улыбкой, словно маска. Окамэ и служительница святилища тоже присоединились к нам; снизу донеслось тихое, едва слышное рычание – это Чу, увидев госпожу Сатоми, злобно оскалился. Госпожа не удостоила его даже взглядом.

– Добрый вечер, Тайо-сан, – поприветствовала она Дайсукэ и поклонилась. Он вежливо кивнул в ответ. – Видели ли вы замечательное выступление нашей талантливой оммёдзи? – Она с улыбкой, казавшейся совершенно искренней, повернулась ко мне. – И не припомню, когда в последний раз меня что-нибудь так потрясло. Сложно было поверить, что все взаправду.

– Госпожа Юмекко и впрямь очень талантлива, – согласился Дайсуке, улыбнувшись мне краем губ. – Ее визит для нас – большая честь. – Он повернулся к Сатоми и заговорил с подчеркнутой вежливостью. – Сатоми-сан, не могли бы вы уделить нам минуту своего времени? Надолго мы вас не задержим.

– Ну разумеется, Тайо-сан, – согласилась госпожа Сатоми. – С большим удовольствием. Чем могу помочь сыну достойного Хиронобу-сама?

Рэйка шагнула вперед. Ее хмурый и серьезный вид говорил о том, что одурочить ее не удастся.

– Вам знакомо имя учителя Дзиро из святилища Хайяте? – спросила она безо всяких предисловий.

– Хм-м, с чего бы?

– Вы вызвали его во дворец, – продолжила Рэйка. Во мне вспыхнула ярость – было совершенно очевидно, что женщина с нами играет. – Три дня назад он получил приказ явиться во дворец на встречу с вами. Обратно, в святилище Хайяте, он так и не вернулся. Больше его никто не видел.

– Учитель Дзиро... – задумчиво проговорила госпожа Сатоми, словно что-то припоминая. – Учитель Дзиро. Ах да, теперь припоминаю. Я пригласила его выпить со мной чаю и ответить на несколько простых вопросов. Мерзкий, противный человечиска. Он обошелся со мной весьма грубо. – Она едва заметно улыбнулась Рэйке. – Разве священникам не положено быть столпами мудрости и смирения? По правде сказать, мне он показался ужасно занудным и гадким.

Мико посмотрела на госпожу невозмутимым взглядом, не поддаваясь на ее провокации.

– Где он? – спросила она удивительно спокойным голосом.

Госпожа Сатоми улыбнулась еще шире.

– О, он в безопасности, – ответила она и небрежно взмахнула веером. – И, кстати, совсем недалеко отсюда. Впрочем, боюсь, без меня вы его не отыщете. Даже ваш милый шиноби, наблюдающий за нами из тени, не сможет его обнаружить.

Я резко втянула носом воздух, и Сатоми с улыбкой посмотрела на меня.

– Думаешь, я не заметила, что убийца демонов проник во дворец? – промурлыкала она едва слышно. – Мне известно абсолютно все, что происходит при дворе. Я знаю, что он прямо сейчас нас подслушивает, но если он меня убьет, вы никогда не найдете своего драгоценного учителя Дзиро, а Каге не завершит свою миссию.

– Тогда отведи нас к нему! – потребовал Окамэ, подняв бровь. – Немедленно!

– Как интересно, – госпожа Сатоми посмотрела на ронина, как на строптивую собаку. – И что, позволь спросить, ты мне сделаешь? Нападешь на меня здесь, в императорском саду? – Она хихикнула. – В таком случае всех вас, за исключением Тайо-сана, который все равно нанесет репутации и чести своей семьи непоправимый урон, казнят еще до рассвета.

– Есть и другие пути, – заметила Рэйка. – Уверена, императору будет очень интересно услышать, что...

– О, поосторожнее с обвинениями, дорогуша. – Голос госпожи Сатоми звучал как шелковые нити, готовые перерезать горло. – Мы же не хотим, чтобы и другие тайны нечаянно всплыли? – Она бросила взгляд в мою сторону, и я безошибочно прочла в нем угрозу. – Правда же? Да и потом, вы не дали мне закончить, – продолжила она, обиженно надув губы. – Видите ли, я легко могла бы вам отказать и смотреть, как вы пыжигаетесь и грозите мне, словно воробышки. Зрелище, бесспорно, забавное, но надо признать, что тогда мне не будет покоя до конца праздника. Кто-нибудь непременно начнет меня преследовать – не вы, так убийца демонов, который, уверена, подслушивает наш разговор. Мне не хочется злить бессмертного даймё Клана Тени и постоянно оглядываться, перемещаясь по дворцовым коридорам. Это ужасно утомительно, – со вздохом заключила она. – Поэтому, так уж и быть, отведу вас к вашему священнику. Этот старый дурак все равно мне больше не нужен. Сказать по правде, забрав его у меня, вы окажете мне большую услугу. – Она вскинула тонкую белую руку и указала на просторную лужайку. – Нам предстоит небольшая прогулка по саду. Не возражаете? В свете Луны здесь довольно красиво.

Дайсукэ сощурился и посмотрел в сторону озера – туда, где собрались гости во главе с императором.

– Наложницам императора запрещено гулять по территории замка в одиночку, да еще поздней ночью, – сообщил он с ледяной вежливостью. – Особенно в компании незнакомцев. Это по меньшей мере вызовет ненужные разговоры и сплетни. Разве вам не нужно сопровождение, госпожа Сатоми?

– Вы просто прелесть, – промурлыкала госпожа Сатоми. – Какой милый мальчик, заботится о том, чтобы не запятнать мою честь! – Она хихикнула, и Рэйка помрачнела еще сильнее. – Не волнуйтесь, Тайо-сан. Император и его гости меня не хватятся. Они даже не заметят моего отсутствия. А если заметят, сегодня подадут особенно крепкое саке – завтра никто ни о чем и не вспомнит. Так что же? Мы идем или нет? Думаю, вам не терпится убедиться, что священник цел и невредим. За мной, мои драгоценные утятки. Я вам покажу, где он.

Мы осторожно последовали за госпожой Сатоми: сперва обогнули озеро, потом отделились от императора и его придворных и углубились в сад. Когда нас окружили тени, я поймала себя на том, что внимательно разглядываю кусты, ища взглядом какое-нибудь движение, необычное мерцание или рябь в темноте. Я гадала, идет ли за нами Тацуми, следит ли за своей жертвой, пока мы пробираемся сквозь деревья, все больше отдаляясь от толпы гостей и знакомого ландшафта.

А еще я думала о том, не попытается ли она убить нас при помощи кровавой магии, как только мы зайдем в самую глубь сада и окажемся вдалеке от

охраны и свидетелей. Но это было маловероятно – ведь нас было четверо, а если считать еще Чу и Тацуми, шестеро. Численное преимущество было не на ее стороне, но я плохо себе представляла, как действует кровавая магия или насколько Сатоми сильный маг. Вполне возможно, что она способна призвать стаи мертвых ворон или воскресить скелеты, лежащие в земле. Поэтому следовало соблюдать осторожность.

У самого края внешней стены мы наткнулись на постройку, похожую на старый амбар, – высокое, квадратное здание с остроугольной крышей и единственной дверью. Домик походил на амбары, которые мне доводилось видеть в крестьянских деревнях, только те были поменьше и стояли на сваях, защищающих зерно от дождя и вредителей. Казалось, здание было окутано незримой дымкой опасности, и внутри у меня все сжалось от страха.

– Амбар?! – Рэйка оглядела постройку и уставилась на женщину, спокойно подошедшую к двери. – Вы держите учителя Дзиро в амбаре?!

– Какое грубое предположение. Я страшно обижена. – Не сбавляя скорости, госпожа Сатоми дошла до входной двери. Распахнув ее, она обернулась к нам с беспощадной улыбкой на губах. На фоне мрака, царившего в амбаре, ярко выделялся ее кроваво-красный наряд. – Вашего учителя Дзиро здесь нет, – сообщила она. – Но путь, который к нему приведет, пролегает через это здание. За мной, утятки, если не боитесь. Вперед, во мрак!

Она перешагнула порог и скрылась в темноте.

– Скорее! – воскликнула Рэйка и поспешила вперед. – Нельзя упускать ее из виду!

– Стой.

Как ни странно, остановиться ей приказал голос Окамэ, неожиданно прорезавший тишину. Скрестив на груди руки, ронин с опаской оглядел амбар.

– Я не слишком хорошо разбираюсь в кровавых ведьмах и придворных обычаях, – проговорил он, – но ловушку узнаю сразу.

Рэйка резко повернулась к нему.

– Мы не можем вот так взять и остановиться! – воскликнула она. – Я не позволю, чтобы этой негодяйке все сошло с рук. Оставайтесь тут, если боитесь, – я отыщу учителя Дзиро без вашей помощи!

– Я и не говорил, что боюсь, – отрезал Окамэ. – Разумеется, мы тоже пойдем. Просто не стоит так беспечно забегать в ловушку, если этот амбар и впрямь полон демонов, чудовищ или гигантских сороконожек, которые жаждут нас сожрать.

– Нет их там, – сообщил новый голос откуда-то сверху.

Мы подняли глаза. На фоне луны виднелся силуэт темной фигуры, сидящей на крыше амбара, с уже знакомым мне алым шарфом, который развевался за

спиной. Сердце подскочило в груди, Чу прижал уши к голове и зарычал, а Окамэ фыркнул.

- Вот ты где! - проговорил ронин. Тацуми грациозно спрыгнул на землю. Чу зарычал громче, но служительница что-то тихо ему сказала, и пес замолчал. - Что, решил, наконец объявиться, Каге-сан? - поинтересовался Окамэ. - Не буду напоминать о том, как несколько дней назад уже говорил о шиноби и чуть не погиб. Лучше постоя тут, понаслаждаюсь ощущением собственной правоты.

- Каге-сан... - заговорил Дайсукэ, уставившись на Тацуми. - Так вы.. шиноби?

- Он - знаменитый убийца демонов Каге, - вмешалась Рэйка. - Разумеется, он шиноби. Вас это удивляет? Впрочем, не важно... - Она повернулась к Тацуми: - Каге-сан, вы сказали, в амбаре нет демонов и других опасных существ. Это так? Каге-сан?

Все это время Тацуми молчал, не сводя с меня глаз. Однако когда Рэйка задала свой вопрос, он нахмурился и посмотрел на нее, надев привычную маску холодности.

- Я никого не почувствовал, - ответил он. - Демонов там нет, однако... - Он перевел взгляд на дверной проем и прищурился. Его глаза вновь стали похожи на фиолетовые щели. - Однако там что-то есть. Не живое, но... очень сильное. И оно источает запах смерти и кровавой магии. Что бы это ни было, к миру людей оно не принадлежит.

Дайсукэ выхватил меч, и острое лезвие блеснуло в лунном свете.

- Тогда мы сразимся с ним с честью.

- М-да, я боялся, что ты это скажешь, - с усмешкой признался Окамэ и снял свой лук через голову. - Что ж, кинемся вновь прямо в пасть смерти. Если только это не гигантская сороконожка.

- Скорее всего, нет, - заверила я его, когда мы направились ко входу. - Думаю, гигантская сороконожка не пролезла бы в такую дверь. Хотя, может, ее призвали прямо изнутри амбара? Но как она тогда там двигается?

Тацуми приблизился ко мне.

- Держись рядом, Юмеко, - тихо сказал он. - Если это тот самый кровавый маг, что преследует нас все это время, мы станем его первой целью.

Я кивнула. Вслед за Рэйкой, вытянувшей вперед руку с офудой, и Чу, неотступно следовавшим за ней, мы пошли по траве до амбара и скользнули в дверной проем.

Кровавая ведьма была где-то рядом.

Когда мы переступили порог, я отчетливо ощутил в воздухе темную силу и усилил сопротивление с Хакаймоно. Демон боролся со мной, чувствуя чью-то близость, желая рассечь плоть, мечтая пролить кровь. Жажда крови вскипела у меня в жилах, наполнила меня непреодолимой тягой к убийству, но в то же время я остро ощущал близость Юмеко. Я видел ее краем глаза, ощущал ее присутствие и разрывался между болезненным стремлением защитить ее и желанием отрубить ей голову.

«Сосредоточься, – велел я себе и Хакаймоно. – Твоя задача – найти священника».

В помещении, где мы оказались, было тепло и пахло плесенью. Воздух был спертый. Весь амбар был завален ящиками, мешками и деревянными бочками, а у стен стоял садовый инвентарь – он же лежал на некоторых ящиках. С деревянной балки свисал единственный фонарь, разливая на полу пятно оранжевого света, но остальная часть амбара была погружена во мрак.

– Где же прячется эта ведьма? – пробормотал в тишине ронин.

Ответом ему было тихое хихиканье.

– Грубить вовсе не обязательно. Я здесь. Сюда, маленькие утятки. Идите на мой голос.

Мы осторожно последовали ее совету, лавируя между горами ящиков и бочек. Мы шли в сторону задней стены, в дальнем углу которой появилось бледное красное свечение.

Госпожа Сатоми дожидалась нас у последнего ряда ящиков. По ее лицу пробегали красные отсветы. Это светилось высокое – в полный человеческий рост – зеркало, стоявшее в углу амбара, в котором отражалась улыбающаяся женщина. Рядом на полу лежала грязная и скомканная тряпка, которой, судя по всему, и было завешано зеркало еще несколько минут назад. Казалось, стеклянный предмет излучает едва заметные волны злости.

Юмеко взглянула на женщину в углу амбара и отскочила, схватив меня за руку. От ее прикосновения все мои чувства резко обострились. Я озадаченно посмотрел на нее. Она вся съежилась у меня за спиной, словно ее напугало само зеркало. Я решил, что она тоже чувствует волны опасности, исходившие от него, ощущает, что это совсем не обычный предмет.

– Что это еще за фокусы, ведьма? – спросила мико и вскинула офуду, словно меч.

– Это не фокусы, это зеркало, – с подчеркнутой медлительностью ответила Сатоми. – Обычно люди им пользуются, чтобы убедиться, что выглядят прилично. Думаю, тебе бы тоже такое не помешало.

- Да я совсем не об этом! Где учитель Дзиро? Вы обещали, что приведете нас к нему.

- Ой, правда? Кажется, ты права. Что ж, ладно... - Женщина достала из волос шпильку, длинную и острую, украшенную бусиной из слоновой кости. На миг рука со шпилькой повисла в воздухе, но потом Сатоми подняла вторую руку и вонзила кончик шпильки в указательный палец. Лицо ее при этом сохраняло полную безмятежность - она даже не поморщилась.

На пальце мгновенно набухла капелька крови. Госпожа Сатоми спокойно подняла раненую руку и прижала окровавленный палец к зеркальной поверхности. По зеркалу побежала рябь, словно по глади озера, в которое бросили камень, и женщина улыбнулась.

- Твой драгоценный учитель там, - сообщила она служительнице и подняла взгляд на нас. - Спасите его, если сможете, - с явным вызовом проговорила она.

С этими словами госпожа Сатоми шагнула вперед, прямо в зеркало, и исчезла за стеклом.

Ронин выразительно ругнулся.

- Черт, что это было вообще? Вы видели? Видели, как ее засосало в зеркало? Это что было?

- Кровавая магия, - мрачно сообщил я, а Юмеко опасно выглянула из-за моего плеча. Отражение в зеркале было размытым и искаженным. Красное пятнышко все еще виднелось на стекле, словно парило в воздухе. - Госпожа Сатоми - кровавый маг, - подтвердил я. Наши искаженные отражения усталились на нас, скрутившись в причудливые спирали. - И довольно сильный, насколько я могу судить. Зеркало служит ей порталом - с его помощью она может перемещаться в пространстве. Не то чтобы это какое-то новое заклятье.

- Порталом? - переспросила Юмеко, все еще прячась у меня за спиной. - А куда он ведет?

- Это не важно! - Служительница снова шагнула вперед с выражением непоколебимой решимости на лице. - Если учитель Дзиро - по ту сторону зеркала, я его найду, чего бы мне это ни стоило!

- Погоди-погоди, - запротестовал ронин. - Само собой, я всеми руками за то, чтобы заскакивать в подозрительные зеркала и все такое, но что, если мы окажемся в гуще демонов? Или сороконожек?

Звонко залааяв, Чу ринулся вперед, подскочил к зеркалу и растворился в стекле оранжево-белым пятном. На наших глазах он выпрыгнул из зеркала, бросил на нас нетерпеливый взгляд, а потом заскочил обратно.

- Ну ладно, - проговорил ронин, пожав плечами. - Как по мне, не все так плохо.

Я закрыл глаза и шагнул в портал, чувствуя, как по коже скользят волшебные нити, липкие и холодные, словно паутина в лютый мороз. Открыв глаза, я огляделся и почувствовал, как встрепенулся Камигороши.

- О, Ками... - прошептала Рэйка.

Мы все шестеро - пятеро человек и собака - стояли у древних ворот тории. Когда-то яркое дерево наполовину сгнило и осыпалось пеплом. Прямо перед нами виднелись разоренные, разрозненные останки города или деревни. Дома и здания лежали в руинах, порушенные в щепки, все стены были поломаны, крыши повалены. От многих построек не осталось ничего кроме нескольких почерневших столбов и обугленных деревяшек. Щебенка валялась повсюду, в воздухе пахло смертью. Кругом не чувствовалось признаков жизни, не было никаких следов людского пребывания. Теперь это место стало поселением юрэев, и не важно, чем оно было раньше.

- Где она?! - спросила мико, прищурившись и оглядываясь по сторонам. - Куда опять ускользнула эта ведьма?

- И где, черт побери, мы сами? - спросил ронин. Дыхание вылетало у него изо рта белым облачком пара, который тут же развеивал ледяной, пронизывающий ветер. - К тому же я что-то не вижу поблизости зеркала. Как мы вернемся назад?

Кровавой ведьмы и впрямь не было видно. Как и зеркала, любого. На руинах деревни царили пустота и тишина, нигде не мелькали ни бледная кожа, ни рукава кимоно. Полусоженный флаг, висевший на столбе, скорбно хлопал на ветру - только этот звук прорезал тишину.

- Это символ Ётаки, - заметил аристократ, всмотревшись в полусоженный флаг. - Вассала семейства Сора. Стало быть... Мы на территории Клана Неба? - Он изумленно тряхнул головой. - Но это невозможно. Земли семейства Сора находятся в сотнях миль пути от столицы империи.

Что ж, это вполне объясняло резкое понижение температуры. Территория Клана Неба находилась на северном краю Ивагото, и в нее входили льдистые склоны Кори но Хари. Судя по далеким горам со снежными вершинами, возвышающимся над деревней, мы были на самом краю земель семейства Сора.

- Сатоми - кровавый маг, - мрачно напомнил я. - У нее наверняка есть несколько таких порталов, расставленных по всему дворцу на случай, если срочно понадобится сбежать или переместиться в место, где можно спокойно заниматься кровавой магией.

- Нет, это просто восхитительно, - мрачно отрезал ронин. - Скорее, скорее, поспешим за кровавой ведьмой сквозь зеркало смерти, а что там по ту его сторону - не важно! Ой, глядите, пустая разрушенная деревня посреди какого-то богами забытого края, интересно, кого же тут можно встретить? Точно не демонов, гаки или...

- Юрэев... - прошептала Юмекко.

- Или призраков, - согласился ронин. - Вот именно, уверен, тут нигде нет и голодных призраков.

- Нет! - воскликнула Юмеко и указала на дорогу. - Смотрите!

Мы обернулись. Посреди дороги, где минуту назад ничего не было, висел мерцающий шар сине-белого цвета. Он подскочил один раз, а потом беззвучно покатился, оставляя за собой длинный светящийся след, и возник снова, зависнув в нескольких футах от земли.

- Хитодама, - прошептала служительница. - Человеческая душа, задержавшаяся в нашем мире...

- Это что, призрак? - озадаченно спросил аристократ.

- И да и нет, - ответила мико, и голос ее был полон сочувствия. - Юрэй - это духи умерших. А перед нами - душа, которая по каким-то причинам не может покинуть землю.

- По-моему, она хочет, чтобы мы пошли следом, - заметила Юмеко, наблюдая за тем, как светящийся шар отскочил в сторону, а потом вернулся на прежнее место, пульсируя во мраке бледным светом.

Ронин выдохнул.

- Что ж, тут все равно ничего нет. Давайте посмотрим, куда нас заведет светящийся мертвец.

Мы осторожно последовали за подрагивающим светящимся шаром, лавируя между стропилами и обугленными столбами, пробираясь через руины сторожевых башен, упавших на дорогу. В деревне, если не считать наших собственных шагов и дыхания, было мертвенно тихо. Впереди, не сбавляя скорости, летела сияющая сфера; она плыла на расстоянии от нас, но не слишком далеко, всегда оставаясь в поле нашего зрения. Вскоре мы вышли из деревни и оказались в лесу. Сфера плыла между деревьями и наконец остановилась у подножия холма. Мы увидели каменные ступеньки, растрескавшиеся и оплетенные корнями - они вели на холм. Светящийся шар подождал, пока мы доберемся до первой ступеньки, а потом взлетел в воздух и растворился.

- Скорее! - воскликнула служительница и бросилась вперед вместе с собакой. - Я чувствую, что учитель Дзиро где-то рядом! Нельзя отставать!

- Пойдем, Тацуми-сан! - позвала Юмеко, когда я замешкался. - Нужно догонять остальных.

Пока мы поднимались вверх по лестнице, я размышлял о том, в какой же странной компании оказался. Я давно привык выслеживать демонов, кровавых магов и смертоносных ёкаев, но всегда путешествовал в одиночку. Без ронина, служительницы храма, аристократа и собаки. И без простолюдинки, которая все никак не шла у меня из головы и чье присутствие я ощущал постоянно.

Когда мы пробирались через густой, незнакомый нам лес, я на миг задумался: чувствуют ли остальные всю странность этой ситуации? Но потом отогнал эти мысли. Меня не должно волновать, что они думают и погибнут ли в погоне за опасным кровавым магом. Я никоим образом за них не отвечал.

Моя цель состояла только в том, чтобы отыскать священника, который сообщит нам о местоположении храма Стального Пера и свитка. Все остальное не имело значения.

Особенно учитывая тот факт, что мне уже приказали умертвить одного из них после завершения миссии.

Лестница привела нас к воротам древнего замка с остроугольными крышами, темневшими в свете полной луны. Двойные створки ворот были открыты и поскрипывали на ветру; в щель между ними виднелся двор, такой же пустой и темный, как и деревня внизу.

– Пусто, – задумчиво проговорила Юмeko, когда мы осторожно приблизились к воротам. – Интересно, что случилось с замком?

– И с жителями деревни, – добавил ронин.

Я промолчал, хотя мне казалось, что я знаю ответ. Для того, чтобы призвать из Дзигоку о́ни и целую стаю демонов, требовалось просто гигантское количество крови – собственной крови магу явно не хватило бы – и множество жертв.

По сути, целая деревня.

Хитодама вновь появилась – она зависла в воротах замка.

– Он ждет нас, – заметила мико и шагнула к огоньку. – Скорее. Там учитель Дзиро!

– Идти в лобовую атаку тут нежелательно, – тихо сказал я, и служительница застыла на месте. Она мрачно посмотрела на меня, и я кивнул на ворота. – Если это и впрямь логово кровавой ведьмы, сильно сомневаюсь, что она там одна. К тому же она нас поджидает. Если вы пойдете туда прямо сейчас, рискуете нарваться на демонов – или того хуже.

– И что же вы предлагаете, убийца демонов?

– Туда пойду я. В конце концов, я хорошо подготовлен к такому. Я найду священника и вернусь. Защитники замка заметить меня не успеют. Вам ходить туда не за чем. – И мне не придется переживать о безопасности Юмeko.

– То есть мы должны остаться тут, доверив вам жизнь учителя Дзиро? – строго спросила служительница. – Без обид, Каге-сан, я знаю, что вы – первоклассный убийца, но, честно говоря, хозяин Камигороши как-то не внушает доверия. Я не могу доверить безопасность учителя Дзиро человеку, которому от него нужны только определенные сведения. Боюсь, мне придется отправиться с вами.

– Как это ни печально, я вынужден согласиться, – с улыбкой добавил ронин. – Более того, я вот не в состоянии «остаться» где-нибудь по команде. Недаром говорят – старую собаку новым трюкам не научишь.

– Кровавая ведьма попытается вас остановить, – вмешался аристократ, серьезно глядя на меня. – Она может призвать демонов и других мерзких и

опасных существ. К тому же вы обещали мне поединок, Каге-сан. Уж простите, но я не могу допустить, чтобы вы погибли.

Я посмотрел на Юмеко. Уголки ее губ изогнулись в улыбке.

– Я тоже пойду, – спокойно сказала она. – Мы вместе проделали такой долгий путь. Будет неправильно, если ты встретишься с ней в одиночку.

«Ну уж нет, в одиночку куда лучше, – подумал я. – Когда ты один, ты не подвергаешь других опасности».

По спине пробежал холодок. И как мне вообще в голову такое пришло? Никогда прежде я особо не задумывался о чужой безопасности. Возможно, учитель Йемон все-таки прав – я утрачиваю контроль, моя тревога о других – это опасный признак того, что я теряю власть над своими чувствами. Я решил, что когда это все закончится, я непременно попрошу мадзуцуши меня «переоценить» в надежде, что это поможет уничтожить все привязанности. Да, процедура предстояла не из приятных и я вполне мог погибнуть, но это было необходимо.

Юмеко не сводила с меня глаз, полных беспокойства. Я не заслуживал такой заботы, но не стал ей об этом говорить. Я сказал только: «Поступай, как знаешь» – и направился к воротам и замку.

Когда мы вошли в высокие деревянные ворота и оказались во дворе, кровавой ведьмы там не было. Повсюду валялась щебенка, двор был усыпан осколками валунов, перевернутыми бочками, останками переломанных телег. Среди камней я заметил фрагменты доспехов, а блеск белоснежных костей подтвердил мои догадки о том, что случилось с самураем, который зашел сюда до нас. Из земли торчали поломанные копья, а из столбов и стропил – стрелы, на земле, слабо поблескивая в лунном свете, валялись проржавевшие от времени катаны.

– Здесь, судя по всему, была битва, – предположил аристократ.

– Или резня, – поправил его ронин и ткнул луком в верхнюю часть доспехов. Грудная клетка отделилась от тела и выпала из стали. Ронин поморщился. – Надеюсь, я страшно, страшно ошибаюсь, но этого беднягу, судя по всему, распилили пополам!

Хакаимоно, в котором кровожадное воодушевление пробудилось, едва мы пересекли ворота, неожиданно затих. По спине побежали мурашки – я застыл на месте и оглядел двор.

«Наверх, – шепнул мне чей-то голос. – Посмотри вверх».

Я поднял взгляд на остроугольную крышу замка, черневшую на фоне луны.

На крыше в лунном свете темнела чья-то огромная тень с широкими плечами и черными закрученными рогами. Даже издали я отчетливо видел его глаза, горящие во мраке как угольки, и черную гриву, спадавшую на спину. Он поигрывал огромной, обитой железом дубиной тэцубо, и когда наши взгляды встретились, он медленно мне улыбнулся. А потом присел, оттолкнулся от крыши и взмыл в воздух.

– Они! – вскричал я и выхватил меч. Огромное создание приземлилось с громким гулом, сотрясшим землю и раскрошившим камни. В воздух поднялось облако пыли и щебня, и все отскочили назад, когда они выпрямился – теперь он был футов на пятнадцать выше нас – и с улыбкой оглядел нас.

– Убийца демонов Каге, – прорычал демон, не сводя с меня горящих алых глаз. – Тебя-то я и поджидаю.

Вокруг нас началось мельтешение, и десятки демонов поменьше внезапно возникли на стенах, выскользнув из мрака. Аманодзяку рычали и хихикали, размахивая оружием, в темноте их глаза напоминали алых светлячков. На некоторых поблескивали фрагменты самурайских доспехов (шлем, наплечник – чересчур крупные для их небольшого роста), а некоторые начищали вакидзаси[46] павших, кощунственно изображая отдание посмертных почестей.

Пес служительницы святилища громко залаял и, перепрыгивая расколотые валуны, ринулся вперед, к демону в центре двора.

– Чу! – крикнула мико, когда демон по обыкновению замахнулся тэцубо, метя в бегущее животное. Дубинка громко ударилась о землю, расколов под собой камни и оставив глубокий след, но чудесным образом не попала в собаку, которая, лавируя между бульжниками, добежала до ступенек, ведущих в замок, и исчезла за распахнутыми дверями.

– Чу, стой! – Служительница поспешила было за ним, но тут же замерла, вспомнив, что путь ей преграждает огромный демон. О́ни фыркнул и снова замахнулся своей дубиной.

– Жалкое создание. Такое мне на зубок. Но я не за собакой пришел. – Он вновь посмотрел на меня своими горящими глазами, и в моих жилах вдруг вспыхнула ярость. – Иди сюда, убийца демонов, – прорычал о́ни. – Это твоей крови я жажду, это твои кишки я мечтаю размазать по земле. Бейся со мной один на один или вместе с этими ничтожными людishками – мне плевать. Я вас всех в порошок сотру, а кости разбросаю по земле – пусть аманодзяку лакомятся.

– Вперед, – велел я остальным, стараясь говорить спокойно, сдерживая радостный хохот, щекочущий мне горло. – Идите за псом. Найдите учителя Дзиро. С о́ни я разберусь.

– Чего-чего? Кто еще с кем разберется, – заметил ронин и шагнул вперед, уже натянув тетиву своего лука. Он оглядел демонов, и его рот искривился в презрительной усмешке. – Вижу, помимо этого гигантского уroda тут еще полно монстров. Могу отстреливать их, защищая тебя сзади, пока ты будешь рубить ему голову.

– Вот именно! – одобрил аристократ и тоже выхватил меч. – Я не позволю вам погибнуть сегодня, Каге Тацуми! Госпожа Юмеко! – обратился он к девушке, не сводя глаз с гигантского чудовища, стоявшего перед нами. – Не беспокойтесь за Каге-сана. Я не позволю ему умереть. Клянусь честью, я буду биться за него, как за самого себя.

О́ни хохотнул.

– Славно, – прорычал он и шагнул к нам. Под его весом трескались камни, а воздух вокруг раскалился. – Славно! Идите сюда, людишки. Все эти дни мне было так скучно! Хотя бы попытайтесь вступить со мной в битву.

– Тацуми, – прошептала Юмеко, и на короткий миг сила ее голоса успокоила ярость внутри меня, заглушив жажду крови и злобное ликование. – Это тот самый о́ни, который разрушил мой храм и убил всех монахов. Прошу, будь осторожен. Но если получится... Убей его за меня!

О́ни рассмеялся. Заслышав этот дикий, громкий хохот, аманодзяку тоже неистово завопили и загоготали.

– Да, убийца демонов, – насмешливо сказал о́ни, когда Хакаимоно с воем взмыл в воздух, а у меня перед глазами возникли красно-черные пятна. – Убей меня, если сможешь!

Я оскалился в кровожадной усмешке.

– Тебе так не терпится умереть, а, Ябурама? – услышал я собственный голос и заметил, что в глазах демона мелькнуло изумление. – Ты всегда был коварным ублюдком, даже в Дзигоку. С удовольствием отправлю тебя обратно.

Морду о́ни исказила злость, и он с ревом кинулся на меня, злобно размахивая дубиной. Я тоже зарычал с яростью сотни разгневанных демонов и бросился ему навстречу.

32. Лисья магия на свободе

Когда Тацуми зарычал – такого отчаянного и грозного рыка я в жизни не слышала! – и бросился навстречу о́ни, обрушившего на него удар своей огромной дубины, я вздрогнула. В последний момент Тацуми успел отскочить, и дубина ударилась о камни, промазав всего на пару дюймов. Воин кинулся в атаку, Камигороши вспыхнул во мраке алым огнем и вонзился демону в руку. Из раны прыснул фонтан крови, с шипением закапавшей на землю. От кровавых лужиц в воздух поднимались клубы дыма. О́ни застонал.

Оглушительно крича и визжа, аманодзяку кинулись вперед, заполонив весь двор, и Дайсукэ и Окамэ тут же вскинули оружие. Ронин выпускал в воздух стрелу за стрелой под громкий звон тетивы, и демоны с криками умирали от его метких выстрелов. Дайсукэ сделал несколько шагов вперед и встал между нами и стаей демонов. На миг он застыл – только его волосы развевались на ветру. А потом, когда к нему подошел первый аманодзяку, аристократ резко зашевелился и его меч замелькал в воздухе. Он обрушивал на демонов удар за ударом, рассекая их по очереди с такой скоростью, что они сами даже не сразу понимали, что их убили.

– Юмeko! – крикнула Рэйка, отвлекая мое внимание от битвы. – За мной! Пока еще не слишком поздно! Нужно найти учителя Дзиро!

По двору эхом разнесся собачий лай. Чу с нетерпением смотрел на нас, стоя в дверном проеме. Рэйка кинулась вперед, запрыгнула на гору щебня и с силой оттолкнула аманодзяку, который хотел было на нее броситься. Демон взвыл от боли. Бросив последний взгляд на троих мужчин, окруженных аманодзяку в тени гигантского о́ни, я поспешила в замок.

Спрыгивая со стен и выползая из-под веранд, демоны красно-сине-зеленой толпой кинулись следом. Я увернулась от бледно-голубого демона, метившего в меня копьем, и перескочила через другого, который явно хотел ударить меня серпом по ноге. Во мне пробудилась лисья магия, но не успела я подумать о том, чтобы швырнуть во врагов лисьим огнем, Рэйка крикнула: «Свет!» – и кинула офуду в толпу перед нами. Бумага ослепительно вспыхнула, и демоны с визгом отпрянули, пряча морды от яркого света. Мы протиснулись между ними, взбежали по лестнице на веранду и скользнули в дверь замка.

– Закрывай двери! – крикнула Рэйка, резко повернулась и прижалась плечом к одной из тяжелых деревянных створок. Чу, заливаясь лаем, сновал у ее ног. Я со всей силы уперлась руками во вторую створку, и двери, неохотно скрипнув, захлопнулись. Рэйка просунула в ручки потрескавшуюся доску; снаружи послышался недовольный стук и злые крики аманодзяку.

– Вот так, – проговорила она, тяжело дыша, и отступила. – Это их задержит на какое-то время.

Я быстро огляделась – мы стояли в темном зале с деревянными столбами по центру. Все кругом – двери сёдзи, панели дверей фусума, полки и глиняная посуда – было перепачкано и разбито на мелкие осколки.

– Какой бардак, – заметила я. – Видимо, демоны не особо следят за порядком. Как думаете, сюда они тоже пролезли?

– В замок? Милостивый Дзинкей, надеюсь, что нет. – Рэйка отряхнула руки.
– Но главный вопрос – где учитель Дзиро? Замок огромен. Как нам его отыскать?

Вдруг из стены показался мерцающий огонек хитодамы – он закружился вокруг нас и уплыл по узкому коридору. Я кивнула.

– Идем за огоньком, – предложила я, но в этот миг в противоположном углу зала появился аманодзяку, вооруженный огромной костью. Заметив нас, он ткнул в нашу сторону и издал пронзительный вой, который эхом пронесся по замку.

Я прижала уши к голове. Со всех сторон послышались ответные крики и шипение.

– Кажется, это ответ на наш вопрос.

– Вперед! – крикнула мико, и Чу понесся за хитодамой. Вокруг нас послышался скрежет когтей. Мы бросились вслед за светящимся шаром по

длинным коридорам, через пустые комнаты с поломанными дверями и перевернутой мебелью, пока демоны с рычанием подбирались к нам все ближе.

Завернув за угол, мы метнулись в очередную дверь и оказались в большой, просторной комнате с высокими потолками, отделанной полированным деревом. Деревянный пол устлали рваные, грязные татами, а стены были увешаны кольчугами, подставками и полочками для оружия. Сейчас они пустовали, но я догадалась, что раньше здесь, видимо, проводились тренировки.

Увы, пройти дальше мы никак не могли. В противоположном углу комнаты, победоносно улыбаясь, стоял крупный аманодзюку в самурайском шлеме, а через дыру в стене с шипением и хохотом пробирались новые демоны. Обернувшись, мы поняли, что обратный путь тоже отрезан. Демоны окружили нас, яростно скалясь, силясь достать лезвиями, копьями и когтями.

Сердце громко заколотилось у меня в груди. Я выхватила свой танто. Рядом стояла Рэйка, а у ее ног – Чу, он рычал и скалился. Аманодзюку противно хихикали, в их багровых глазах горел огонь кровожадности – они прекрасно понимали, что мы в ловушке.

– Что дальше? – шепнула я, вспомнив свою первую встречу со стаей демонов. На этот раз Тацуми не придет мне на помощь, нужно спастись самой.

Рэйка вытащила офуду и нетерпеливо глянула на меня.

– То есть как это, «что дальше»? – возмущенно спросила она. – Убийцы демонов здесь нет, кицунэ!

Вот оно что.

Я вдруг осознала, что широко улыбаюсь, не в силах сдержаться. Рядом нет Тацуми. Нет убийцы демонов, нет глупых людей, считающих меня той, кем я не являюсь.

– Чу! – крикнула Рэйка, отдернув офуду, которая уже начала сиять. – Прими форму стража!

Она бросила полоску бумаги в воздух, та подлетела к собаке и вспыхнула ослепительным светом. Маленький рыжий пес вскинул вверх морду, завыл и начал увеличиваться в размерах. Шерсть стала ярко-красной, на холке появилась золотистая грива. Теперь пес был размером с быка, плечи у него стали массивными, хвост – курчавым, пышным, а огромная голова напоминала не только собачью, но и львиную. Я с благоговением узнала в этом преобразившемся существе комаину, живое воплощение одной из статуй, которые мы видели у ворот святилища. Чу, точнее, дух-хранитель, в которого превратился пес, издал оглушительный рев, сотрясший деревянные балки, и одним ударом гигантской лапы отбросил сразу нескольких демонов.

Аманодзюку с криками наполнили комнату, явно очень заинтересовавшись величественным существом посреди зала. Отступив на шаг, я ощутила знакомый прилив лисьей магии, но в этот раз не стала ее подавлять. Когда стайка демонов неподалеку бросилась на меня, я вскинула руки – на кончиках моих пальцев заплясали голубые огоньки – и швырнула в них волну кицунэ-би.

Аманодзяку с криками отскочили от волшебного огня, прикрывая глаза, а столп волшебного пламени осветил комнату голубовато-белым сиянием. Этот огонь не обжигал и не мог ничего поджечь, но пока демоны испуганно от него отскакивали, я успела набрать с пола горсть сучков тростника и швырнуть их в воздух, отправив следом волну лисьей магии.

Когда кусочки тростника ударились об пол, послышались тихие хлопки, и комнату с дымом заполнили десятки Юмеко и Рэйки под испуганные крики аманодзяку. Наши двойники разбежались по залу, и аманодзяку в панике начали от них отбиваться. Воспользовавшись моментом, я схватила с пола камешек и бросила его в демона в самурайском шлеме, напротив которого с рыком появился второй Чу. Демон взвыл и опрокинулся на спину, слепо размахивая в воздухе мечом; его шлем откатился в сторону и остановился у колонны.

Оглядываясь посреди этого хаоса, я выискивала глазами настоящих Чу и Рэйку в надежде, что они целы и невредимы. Служительница святилища стояла посреди комнаты с очищающими офудами в руках, швыряясь ими в демонов. Стоило полоске бумаги коснуться аманодзяку, как они таяли в клубах дыма, будто их изгоняли. Чу в ярости сновал вокруг Рэйки, обрушивая на подбирившихся слишком близко демонов удары огромных когтистых лап или перекусывая их мощными клыками. Пока что казалось, что они оба справляются с обороной. Хитодами, разливая по комнате дымчатый свет, в ожидании завис над нашими головами.

Я подбежала к шлему, позабытому у колонны, подняла его и надела на голову. Вспыхнула лисья магия, и в облаке белого дыма мой облик изменился. Я опустила взгляд и вместо элегантного красно-белого наряда оммёдзи увидела приземистое, уродливое тело, одетое в лохмотья, с гноящейся красной кожей и кривыми когтями. Я хихикнула, и смех получился злобным и хриплым.

Ко мне тут же подскочил зеленый аманодзяку; он рычал, щелкал зубами и судорожно жестикулировал, показывая на комнату. Я не понимала ни слова из его речи, если она вообще состояла из слов, но он явно принял меня за командира стаи аманодзяку, что было мне на руку. Я ударила его в грудь кинжалом, он изумленно захлопал глазами и рассеялся клубами дыма.

Что ж, неплохо вышло.

Вновь нырнув в хаос, я стала резать ни о чем не подозревающих демонов направо и налево, превращая в облачка дыма, пока их успешно отвлекали десятки наших копий, продолжавшие скакать по комнате. К счастью, аманодзяку не особо блистали умом и потому с маниакальным упорством гонялись по залу за моими призрачными копиями до тех пор, пока те не взрывались, оставляя после себя облачко белого дыма и сучок тростника на полу. Каждый раз, когда это происходило, демоны решали, что победа за ними и начинали радостно скакать на месте, потрясая кулаками, а потом бросались за следующей копией. Пользуясь их замешательством, я била кинжалом одного демона за другим, отправляя их обратно в Дзигоку.

И тут меня остановил чей-то злобный окрик. Я подняла взгляд и в последний момент успела увернуться от вакидзаси командующего аманодзяку, чей шлем я

стащила. Демон с шипением накинулся на меня, оскалившись и размахивая своим коротким кинжалом резкими, яростными движениями. Я отскочила в сторону и принялась отбивать его удары своим еще более коротким кинжалом, отступая назад, пока наконец не врезалась спиной в колонну и резко пригнулась, когда аманодзяку ударил мечом туда, где секундой раньше была моя голова. Лезвие ударило по деревянной колонне и застряло в ней; в эту минуту я успела схватить с пола лист и откатилась в сторону. Командир аманодзяку выдернул свое оружие из колонны, резко обернулся и встретился лицом к лицу сразу с двумя своими копиями. Только у одной из них был шлем.

Он озадаченно нахмурился, силясь понять, где кто. А потом с воем бросился на меня, демона со шлемом, и по самую рукоять вонзил оружие мне в грудь.

Вернее, так ему казалось. Аманодзяку взвыл, схватился за кинжал и исчез в облаке белого дыма, и его шлем со звоном упал на пол. Командир аманодзяку даже не успел удивленно нахмуриться – я тут же накинулась на него прямо из дымного облака и ударила кинжалом в самое сердце.

Когда демон с рычанием растворился в черном дыме, я заметила, что в комнате повисла тишина. Чувствуя на себе враждебные взгляды, я обернулась и увидела, что надо мной нависла тень рычащего Чу, обнажившего в оскале огромные клыки, готовые перегрызть меня в мгновение ока.

– Чу, стой! Это же я! – Иллюзия растворилась, и я вновь стала собой, отметив, какой огромный Чу вблизи. Когда туман рассеялся, я сняла лист с головы и дала ему понюхать. – Никакой не демон, – проговорила я, пока огромный зверь принюхивался. – А просто кицунэ. Та, кто думала о тебе только хорошее еще с первой минуты, когда встретила тебя в облике маленькой собачки. Видишь?

Комаину с крайне разочарованным видом фыркнул, отвернулся и пошел к Рэйке, которая одиноко стояла посреди комнаты. Между пальцев у нее была зажата офуда – и я вдруг осознала, что офуда предназначалась мне. От своры аманодзяку не осталось ничего, кроме пары ворованных доспехов и оружия. Наши копии тоже исчезли, на полу перекачивались сучки тростника.

Я набрала полные легкие воздуха и шумно выдохнула.

– Что ж, это было... захватывающе! – призналась я. Рэйка опустила руки, пряча офуду в складках своего одеяния. Чу отряхнулся и резко уменьшился до размеров обычной собаки. Меня била дрожь – не от страха, а от восторга, вызванного тем, что мне удалось применить так много лисьей магии сразу! Ни разу за все шестнадцать лет моей жизни мне не позволяли пользоваться ею на полную мощность, не давали проверить свои возможности. Осознание того, на что я на самом деле способна, восхищало, пьянило и немного пугало. Об этой силе предупреждал учитель Исао? Это ее так боялись окружающие?

Магия кицунэ основана на иллюзии. Можно подумать, что она годится только для озорных проделок, но умение видеть то, чего нет, или убеждать людей в том, что ты это не ты, – чудовищная, опасная сила. Пользуйся ею с умом, иначе превратишься в оружие хаоса.

– У тебя ушки видно, – невозмутимо заметила Рэйка, вырывая меня из потока мыслей. – Обычно мне заметны только бледные очертания, но сейчас они полностью на виду. Возможно, это последствие того, что ты истратила много лисьей магии.

Я стлотнула, поборов желание поднять руку и коснуться ушей.

– Как вы думаете, они исчезнут? – спросила я, понимая, что раз заметно уши, то хвост тоже теперь на виду. И если Тацуми и другие заметят, мне несдобровать. – Что нам делать, если они не исчезнут до того, как мы покинем замок?

– Будешь переживать об этом, когда мы из него выйдем, – ответила мико. – А сейчас нам пора. – Она посмотрела на хитодаму, которая по-прежнему висела под потолком, приглушенно мерцая. – Если ты и впрямь хочешь нам помочь, – проговорила девушка, обращаясь к дрожащему огоньку, – то веди нас. Будем надеяться, что обойдется без новых сюрпризов.

Хитодама застыла в нерешительности. Потом опустилась с потолка, сделала круг по комнате и скользнула в одну из дверей.

Демонов мы больше не встретили – либо они все разбежались, либо мы всех переубивали. Огонек уверенно плыл по узким коридорам, через пустые и разрушенные комнаты и в конце концов привел нас к лестнице, ведущей вниз, во мрак.

– Он уже рядом, – прошептала Рэйка, и Чу посмотрел на нее, виляя хвостом. – Я чувствую его присутствие. Скорее.

Спустившись по каменным ступенькам на один пролет, мы вошли в просторный зал. По углам висели факелы, освещая комнату светом зловещего красноватого пламени, а вдоль стен выстроились пустые клетки с толстыми деревянными прутьями.

Посреди зала на каменном полу сидел, скрестив ноги, человек в рваном грязно-белом кимоно. Ладони у него лежали чашечками на коленях, словно он медитировал. Голова и плечи были опущены, и когда Рэйка окликнула его, он не шелохнулся. На запястьях поблескивали кандалы, а ржавая черная цепь приковывала его к полу. Рядом неподвижно лежала маленькая белая собака, похожая на Чу.

Их обоих накрывал мерцающий, почти незримый купол волшебной силы, барьер, похожий на тот, какой я видела в ночь нападения на храм Тихих Ветров. Но этот купол казался куда более опасным: от него исходила ядовитая сила, от которой у меня по спине побежали мурашки, едва мы приблизились.

– Кровавая магия, – со смесью злости и испуга прошептала служительница. Она достала новую офуду, вытянула ее перед собой, застыла на миг, а потом, когда лоскут бумаги вспыхнул у нее в руках, бросила его прямо в барьер. Офуда, на которой было выведено слово «чистота», приземлилась на купол; защитный барьер вспыхнул раз, два, а потом разлетелся, как стая ос из гнезда.

– Учитель Дзиро! – крикнули мы и поспешили к нему. Подойдя ближе, я заметила, что черные цепи на его ногах превратились в темно-красную грязь.

– Учитель Дзиро! – повторила Рэйка и упала рядом с ним на колени, а Чу, подвывая, принялся тыкать носом в неподвижное тело белой собаки. – Учитель, вы меня слышите? Вы в порядке?

Согбенное тело судорожно и хрипло вздохнуло, плечи вздрогнули, медленно поднялась голова. Лицо у учителя осунулось, щеки впали, глаза ввалились и чернели двумя большими пятнами, как у скелета. Он нахмурился и заморгал, глядя на Рэйку, будто не веря своим глазам.

– Р-Рэйка-тян? – шепотом спросил он. – Это... и правда ты?

– Да, учитель Дзиро, – тихо ответила девушка. – Это я. Когда вы пропали, я сразу поняла, что что-то не так. Я пришла вас спасти. Встать сможете?

– Я... не знаю. – Священник попытался подняться, но со стоном повалился на пол. – Я слишком слаб, – прошептал он. – Эта женщина... удерживала меня здесь при помощи кровавой магии. Она задавала мне вопросы, а когда я отказался отвечать, она начала высасывать из меня жизненные силы. Из Ко тоже. – Он поглядел на белую собаку, которая все еще лежала неподвижно. Чу уже оставил попытки поднять ее на лапы и теперь сидел рядом и поскуливал с очень несчастным видом. – Я пытался отправить ее домой, – пробормотал учитель, – но она не хотела меня оставлять. Демоны.. Измучили бы меня куда сильнее... если бы не она...

Я посмотрела на белую собаку и ахнула, заметив, как поднимается и опускается ее бок – дыхание было слабым, но она все же дышала!

– Она жива! – сказала я священнику, обходя Рэйку. – Она еще не погибла. Мы еще можем спасти вас!

Он посмотрел на меня, и на его изнуренном лице проступило замешательство.

– Киц... Кицунэ? – пробормотал он и тряхнул головой. – У меня... у меня, наверное, уже галлюцинации.

Белая собака вдруг пошевелилась, и Чу радостно вскочил на лапы и завилял хвостом. Подняв голову, собака удивленно огляделась, потом заметила меня и тут же оскалилась, обнажив крошечные клыки. Я поспешно отошла и спряталась за Рэйкой, а собака поднялась на ноги. Не сводя с меня глаз, она, пошатываясь, подошла к священнику. Лицо учителя просияло, когда он заметил свою любимицу.

– Пойдемте, учитель Дзиро, – позвала Рэйка, закинула его руку себе на плечи и осторожно помогла ему подняться. Он покачнулся, но все-таки устоял на ногах. – Мы уходим отсюда. Надеюсь, остальные еще живы, и нам не придется вновь столкнуться с они.

– Они?! – изумленно переспросил учитель, и у меня внутри все сжалось. – Неужели Ябурама еще здесь?

– Вам известно его имя? – спросила я.

Священник поднял на меня круглые от испуга глаза.

– Увы, да. Ябурама... настоящий монстр. Он один из четырех великих демонов Дзигоку, о́ни-генералов самого О-Хакумона. – Лицо учителя Дзиро исказилось от страха и презрения. – Не понимаю, как эта женщина, пусть она и владеет кровавой магией, смогла призвать в наш мир чудовище вроде Ябурамы, да так, что он не набросился на нее саму. Для того чтобы о́ни вроде Ябурамы послушались приказа, нужно быть необычайно сильным кровавым магом.

– Надо выбираться отсюда, – напомнила я Рэйке, и та кивнула. – Тацуми и остальные сейчас бьются с о́ни – мы должны им помочь. Учитель Дзиро, вы – главный священник! Можете ли вы помочь нам остановить Ябураму?

– Прости, кицунэ, – проговорил учитель Дзиро с неподдельным сочувствием. – Я благодарен тебе за помощь, хоть мне и неизвестны твои мотивы, но противостоять такому сильному о́ни я не могу. Генералы демонов практически бессмертны. И если твои друзья вступили в битву с самим Ябурамой, сейчас они, скорее всего, уже мертвы.

33. Ошибка Ябурамы

Вне всяких сомнений, нас ждала жаркая битва.

Я отскочил в сторону, когда дубина о́ни с силой ударилась о землю, подбросив в воздух камни. Перекувырнувшись, я вскочил на ноги и тут же снова чудом отпрянул от нового удара – огромная дубина еще раз врезалась в землю, промазав всего на пару миллиметров и ударив нескольких аманодзяку, затаившихся неподалеку, чтобы напасть на меня. Они подскочили и рассеялись клубами темного дыма, вернувшись в Дзигоку, и о́ни зарычал.

– Так и будешь скакать туда-сюда, как сверчок, а, убийца демонов? – насмешливо спросил он, предпринимая следующую попытку меня умертвить. Покрытая шипами дубина дырявила камень с каждым новым ударом. – Или все-таки начнешь сражаться?

Я оскалился. Когда он вновь замахнулся, я метнулся вперед, скользнул между его ног, толстых, как стволы деревьев, и воткнул меч в одну из них сзади. О́ни зарычал, резко обернулся и вновь ударил по земле, а я опять отскочил. В этот же миг аристократ, уничтожив на своем пути нескольких аманодзяку, тоже подбежал к о́ни сзади и вонзил меч во вторую ногу.

Ябурама взвыл. Резко развернувшись к нам, он начал наносить новые удары и едва не попал по аристократу, но в итоге ударил очередного аманодзяку. Раны в ногах никак не замедлили его движений. Он подскочил и приземлился между нами с треском, от которого земля заходила ходуном, как при

землетрясении. Я удержался на ногах, а вот аристократ пошатнулся, упал на колени, и в этот момент они занес над ним дубину, чтобы размазать по камням.

В воздухе пронеслась стрела и вонзилась чудовищу в лоб; они с рычанием отпрянул. Я окинул взглядом двор и заметил, что ронин влез на одну из смотровых вышек у ворот. Он еще раз выстрелил в перекошенного они, который фыркнул и вскинул руку, больше похожую на лапу, – и стрела вонзилась ему в плечо.

Я быстро прошептал короткое заклинание и бросился на они вместе со своим двойником. Ябурама увидел нас в последний момент и с силой ударил дубиной по моей копии. Я скользнул между его стоп, заскочил на колени и поднялся к морде, а потом ударил мечом по шее, перерезав горло.

Темная дымящаяся кровь заструилась из раны. Я инстинктивно закрыл от нее лицо, но она прожгла одежду и опалила кожу, словно жидкий огонь. Я спрыгнул и отскочил назад, стиснув зубы от боли и ожидая, что они рухнет замертво.

Как-то даже слишком просто.

И тут Ябурама расхохотался.

Его громкий насмешливый голос разнесся по двору.

– Это что, все? – с издевкой спросил он, вынул стрелу из лба, казалось, вовсе не заметив вторую, торчавшую из плеча. – Это все, на что вы, людишки, способны? Вы что, и впрямь думаете, что можно так легко победить генерала-демона из Дзигоку? – Он вновь рассмеялся, покачав рогатой головой, а потом повернулся, взял обломок стены высотой с человека и поднял его над головой. С горящими глазами он улыбнулся нам: – Позвольте вам доказать, как сильно вы ошибаетесь.

Мы с аристократом напряглись, готовые броситься в атаку, но Ябурама выпрямился, расправил плечи и швырнул кусок стены во двор. Обломок перевернулся в воздухе и врезался в основание смотровой вышки, сбив подпорки и завалив постройку с гулким грохотом и облаком пыли.

– Окамэ-сан! – выкрикнул аристократ в то время, как они победно взревел и вскинул руку с дубиной, а аманодзяку захихикали.

Когда вышка погребла под собой ронина, Ябурама повернулся, уставившись на нас горящими глазами.

– Какая тоска! – прорычал он. – Как же я устал биться со слабенькими людишками. Аманодзяку! – взревел он, подняв голову. – Убейте аристократа! Сдерите с него кожу, сшейте из нее плащ, сожрите внутренности – делайте, что хотите. Главное – сделайте так, чтобы он не путался у меня под ногами! Хочу спокойно сразиться с убийцей демонов.

Мелкие демоны, радостно визжа, кинулись к аристократу и окружили его, будто муравьи – кузнечика. Ближайшие к нему аманодзяку тут же погибли от меча бывшего Они но Микото, мелькавшего так быстро, что со стороны он

напоминал серебристое пятно. Но вокруг были десятки демонов – казалось, им нет числа, и воин начал заметно сдавать.

Я ринулся было вперед, намереваясь немного проредить эту хищную толпу, но гигантская дубина она ударила прямо между нами.

– Куда это ты собрался, убийца демонов? – прорычал Ябурама, загородив собой свору аманодзюку. – Нас ждет поединок. Ты что, забыл?

Он вновь замахнулся на меня дубиной и ударил ею о землю с неистовой силой. Я отскочил, и оружие врезалось в камни, оцарапав когтистый палец Ябурамы. Она раздраженно фыркнула, но вместо того, чтобы опустить дубину, снова ударил ей по земле. Мне опять удалось отскочить, но маневр был неожиданным, поэтому я на миг потерял равновесие, и второй удар пришелся прямо мне в плечо. Боль прожгла все тело, меня подбросило в воздух и швырнуло на землю. Я прокатился по ней несколько ярдов, а потом остановился, мучимый страшной болью. Камигороши вылетел у меня из рук и покотился по камням прочь от меня.

Потрясенный случившимся, я попытался было подняться, но земля под ногами дрожала. На грудь опустилась когтистая стопа и толкнула меня на камни. Воздух со свистом вырвался из моих легких, ребра согнулись, готовые в любую секунду треснуть, а гигантский она с улыбкой поглядел на меня свысока.

– Какая позорная смерть, убийца демонов, – задумчиво проговорил Ябурама. Я стиснул зубы, чтобы не хватать ртом воздух. Внутри закипала гремучая смесь из отчаяния, гнева и ненависти. – Быть раздавленным, как таракан, превратиться в мокрое место у меня под ногой – и не более. Какой стыд, право слово. – Он захихикал и переместил весь свой вес на мою грудную клетку. Ребра затрещали, меня накрыли волны ослепляющей боли. Я не сдержался, и из горла вырвался хриплый стон. – Но не переживай, – продолжил она, пока я метался в агонии. – Все это скоро закончится. А когда я убью тебя, я разорву на кусочки твоих друзей. Маленькая девчонка кажется мне особенно вкусной. Сперва я оторву ей голову, потом крепко сожму тельце, чтобы все внутренности превратились в кашу, и съем ее, как персик.

Юмекко. Разум покинул меня. Внутри что-то сломалось, и меня всего без остатка заполонил мрак. На миг я ощутил ужас и отчаяние, а потом все чувства исчезли.

– Ну как, убийца демонов, больно тебе? – Ябурама опустил руку и поднес тэцубо мне к лицу. – Предлагаю тебе сделку. Проси о пощаде, и я размозжу тебе череп вместо того, чтобы давить тебя, как насекомое. Что скажешь? Готов меня умолять?

– Умолять? – Я встретился с ним взглядом и улыбнулся. – У меня есть задумка получше. Давай лучше я отправлю тебя в Дзигоку, но по кусочкам?

Ябурама оскалился.

– Ну давай.

Он поднял ногу и с силой надавил мне на ребра, и мир померк, словно потухшая свеча.

34. Разрушитель

Я свободен.

Когда нога Ябурамы опустилась мне на голову, я поднял руки и схватил его мерзкую конечность. Я услышал его удивленный рык, почувствовал, что он надавил сильнее, пытаюсь расплющить меня. Думая, что я по-прежнему тот слабый смертный.

Ты всегда был глупцом, Ябурама.

Я сел, отшвырнул его и поднялся на ноги. Ябурама кубарем откатился в сторону, с трудом остановился и изумленно отглянулся на меня.

Я улыбнулся, чувствуя кожей дуновение ветра, видя мир собственными глазами, а не жалкими, слабыми глазами моего смертного хозяина. Я глубоко вздохнул, наполняя легкие запахом крови, жестокости и смерти, а потом посмотрел на о́ни, возвышавшегося надо мной.

– Что случилось, Ябурама? Еще кого-то ждешь?

Он утробно захохотал и тряхнул рогатой головой.

– А вот наконец и ты! – прорычал он и поспешил вперед. – Я уж думал, мне придется раздавить твоего хозяина в бобовую пасту, чтобы он наконец утратил контроль. – Он хихикнул и сощурил алые глаза, уставившись на меня. – Сколько же времени прошло... Хакаймоно?

– Слишком много. Более четырех сотен лет.

Ябурама фыркнул, а потом наклонился ко мне.

– На моей памяти ты... был повыше.

Я усмехнулся, разглядывая свое отражение в ярко-красных глазах о́ни. Я ростом с человека, потому что мне пришлось делить это жалкое тело с моим хозяином, а Каге Тацуми к тому же пониже среднего мужчины. Но зато я хотя бы узнаю себя – после четырех веков, которые я провел, будучи заточенным в мече, будучи бесформенным голосом, было радостно видеть себя в настоящем теле. Кожа цвета оникса, белая грива, рога, когти, клыки... Я уже и забыл, как выглядел когда-то.

Но это все было совершенно не важно. Я свободен. Я наконец освободился и теперь могу отомстить, отомстить всей стране. Сколько катастроф и бед я

могу вызвать, сколько жизней забрать, сколько крови пролить! Какая красота меня ждет. Посмотрим, смогут ли эти дураки вновь загнать меня в меч.

Но сперва...

Ябурама так и стоял, пригнувшись ко мне, и с кривой усмешкой смотрел мне в глаза. Я сжал правую руку в кулак, отвел назад и ударил ими в ухмыляющуюся челюсть.

Ноги у него подкосились, он отлетел и рухнул на булыжник с громким гулом, от которого сотряслась земля. Я засмеялся, чувствуя, как крепнут мышцы, как ко мне возвращается былая сила. Пока только частично, но очень скоро она вернется ко мне вся.

– Ты что, забыл, с кем говоришь, Ябурама? – требовательно спросил я, когда он с трудом поднялся и удивленно посмотрел на меня. Я раскрыл ладонь, и Камигороши взмыл над камнями и прилетел прямо мне в руку. – Забыл, что именно я командовал Четырьмя Генералами? Что самые сильные демоны Дзигоку боялись меня не даром?

– Будь ты проклят, – злобно прорычал Ябурама, поднимаясь на ноги. Кровь струилась у него по подбородку, стекая с губ, и он вытер ее тыльной стороной ладони. – Это время давно прошло, Хакаимоно. Тебя слишком долго не было. Скоро начнется война, и новый Владыка Демонов утопит страну в катастрофах и хаосе. – Он вскинул в воздух руку с тэцубо и обнажил окровавленные клыки. – Как жаль, что ты этого не увидишь!

Громко зарывчав, он кинулся на меня, яростно размахивая дубиной. Я отпрянул от первого удара, увернулся от второго, а когда дубина полетела прямо мне в голову, я собрался, вскинул свободную руку и схватил ее.

Ябурама удивленно выпучил глаза. Он тщетно напряг все силы, чтобы обрушить дубину мне на голову, но ни я, ни тэцубо не шевелились. Я улыбнулся ему, стоя в тени гигантского оружия, и вцепился когтями в дерево.

– Я Хакаимоно Разрушитель, – прорычал я, глядя на него. – Сильнейший из демонов Дзигоку. И скоро вся страна вспомнит почему!

Я отбросил дубину в сторону и подскочил в воздух, а Ябурама отпрянул, заметно пошатываясь. Когда он наконец восстановил равновесие и вновь замахнулся дубиной, злобно рыча, я обрушил на него удар Камигороши. Лезвие вонзилось ему в предплечье, прорезало плоть, мышцы и кость и вышло с другой стороны. Тэцубо и часть руки Ябурамы упали на камни с глухим стуком, и рык Ябурамы превратился в болезненный стон.

Приземлившись на землю, я развернулся и бросился к пошатывающемуся он. Обезумев от боли и ярости, размахивая обрубком руки, кровоточащим так обильно, что на земле уже собрались дымящиеся темные лужи, Ябурама взвыл и замахнулся на меня здоровой рукой. Я пригнулся, перекатился и ударил мечом по ноге он. Тот пошатнулся, накренился, как дуб в сильную грозу, и повалился на землю, а отрезанная по колено нижняя часть ноги так и

осталась стоять, где была. Он рухнул на спину и застыл, шумно дыша. Кровь ручьями текла из обрубков, заливая камни.

Улыбаясь, я подошел к искалеченному и задыхающемуся о́ни, прыгнул ему на грудь и приставил к уродливой морде меч.

– Весело было, – спокойно сказал я. – Все-таки со старой доброй резней, когда кровь льется рекой, ничего не сравнится. Тацуми никогда особо не любил такие зверства. Ох, прости, ты что-то говорил, да? Кажется, что-то вроде «Да чтобы ты еще четыре века гнил в этом проклятом мече!», верно?

– Черт, Хакаимоно! – прохрипел Ябурама. – Ты слишком много времени провел в этом Камигороши. Ты даже не знаешь, что произошло за последние столетия.

Я с улыбкой поднял меч над головой.

– Уверен, я во всем разберусь.

Ябурама зарычал и попытался встать. Мелькнула беспощадная сталь, и я вонзил Камигороши в толстую шею, только на этот раз позаботился о том, чтобы голова отделилась от тела. Она отлетела, прокатилась по земле и застыла. Челюсти о́ни были сжаты от злости.

Вскинув голову, я набрал побольше воздуха и издал громкий победный рык – мой голос поднялся в воздух и эхом разнесся над башнями замка. Свобода! Мне столько всего предстояло сделать, столько жизней отнять, наполнить этот жалкий край страхом, хаосом и смертью, стать причиной стольких бедствий! Я вернулся, и мир дорого заплатит за столетия, проведенные мной в заточении.

У входа в замок кто-то ахнул, и я улыбнулся.

Повернувшись к мертвому телу Ябурамы, я заметил на верхней ступеньке лестницы девушку, с ней – мико, двух собак, а позади – пожилого священника.

35. Демон меча

– Помилуй нас, Дзинкей, – прошептала Рэйка у меня за спиной, и от ее тона по спине побежали мурашки.

Не в силах что-либо сказать, я уставилась на лежащее посреди двора тело, освещенное лунным сиянием. На угольно-черную кожу, растрепанную белую гриву, на рога, клыки и когти. На демона с лицом Тацуми. Тацуми, точнее, существо, в которого он превратился, стояло на дымящемся трупе обезглавленного Ябурамы. В руке у него блестел Камигороши, весь красный

от крови. Голова о́ни валялась в нескольких футах от тела. От нее клубами поднимался темный дым, а секундой позже она исчезла. По-хорошему, меня должна была обрадовать смерть Ябурамы, который разрушил храм Тихих Ветров и убил монахов и теперь лежит обезглавленный посреди двора. Наверное, я должна была внутренне оправдать эту смерть и почувствовать что-то вроде облегчения.

Но глядя на фигуру, стоящую на трупе, я чувствовала только ужас. Потому что о́ни, пришедший на смену Ябураме и улыбавшийся мне из тела Тацуми, был в тысячу раз опаснее.

– А, вот ты где, Юмекотян. – Я подскочила, услышав голос и свое имя, произнесенное устами демона. – А я все думал, когда же ты явишься.

Он подпрыгнул – так высоко, что казалось, будто взлетел, – и устремился в нашу сторону. Чу зарычал и принял свое истинное обличье. Он напрягся, готовясь кинуться на о́ни, но учитель Дзиро остановил его надтреснутым голосом:

– Чу, стой! Он слишком силен. Все меня слышат? Нужно держаться вместе.

Тацуми шумно приземлился на край лестницы, и священник выхватил изорванную о́фуду с надписью «защита от зла». Взяв полоску бумаги двумя пальцами, он поднес ее к лицу и закрыл глаза. Демон с ухмылкой зашагал в нашу сторону, оставляя за собой кровавый след.

Голубовато-белый защитный купол, почти невидимый в темноте, накрыл меня, Рэйку, учителя Дзиро и собак. Чу быстро принял «мелкую» форму, но под куполом все равно было тесновато. Тацуми поднялся по лестнице и с улыбкой остановился в нескольких шагах от защитного барьера. Я заметила, как сильно сосредоточился учитель Дзиро, как он дрожит от усилий, как на лбу у него выступили бисерины пота.

– О, сейчас это все ни к чему, – проговорил Тацуми, и его голос был чуть ниже и холоднее обычного. – Я лишь хотел перекинуться парой слов с Юмекотян. – Он посмотрел на меня красными глазами сквозь волшебный купол и усмехнулся. – Так, значит, ты просто хитрая лиса, прикидывающаяся человеком, – задумчиво проговорил он. – Слабая маленькая полукровка – неудивительно, что я не почувствовал, кто ты на самом деле. Какой обман! Интересно, в чем еще ты солгала Тацуми?

Меня била дрожь, но я заставила себя посмотреть чудовищу в глаза.

– Где он?

– Тацуми? О, он по-прежнему где-то здесь. – Демон постучал себя по голове кривым черным когтем. – Думаю, он видит и слышит все, что здесь происходит, – совсем как я раньше. Однако ему не хватает силы, чтобы меня прогнать теперь, когда я взял над ним верх. Ни один человек на такое не способен. – Он улыбнулся еще шире и оглядел меня с головы до ног. – Я хотел бы лично поблагодарить тебя, лисичка, – признался он. – В конце концов, я здесь именно из-за тебя.

У меня внутри все похолодело.

- Как это? - шепотом спросила я.

- Видишь ли, обычно мне не пробиться сквозь защитную стену Тацуми - он тщательно сдерживает свои эмоции и не дает мне ни малейшего шанса проникнуть в сознание. Но, с тех пор как появилась ты, его бдительность с каждым днем таяла. Ты его отвлекаешь, заставляешь испытывать чувства. Заставляешь думать о том, кто он такой и чего хочет. Именно это мне и требовалось. Сегодня, к примеру, последние его мысли перед тем, как утратить надо мной контроль, были о тебе.

Я опустила на колени. Ужас и тоска тянули вниз не меньше, чем тяжелое платье. «Нет, - подумала я, - Тацуми! Не может быть, чтобы ты и впрямь умер... из-за меня».

Демон опустился на корточки, балансируя на пальцах ног, так, чтобы мы оказались лицом к лицу.

- Если тебе от этого полегчает, - насмешливо прошептал он, - знай, что он слышит каждое наше слово, но ничего не может поделать. И, должен тебе сказать, после стольких лет заточения в его сознании мне очень приятно ощущать его боль и отчаяние. А, и вот еще что! - Он наклонился ближе и почти неслышно произнес: - Он ведь начинал тебе доверять, лисичка. А Тацуми в жизни никому не верил - клан жестоко наказывал его за любую привязанность и проявление слабости. - Демон поднял руку и указал кривым черным когтем на мой лоб. - И все же он стал доверять тебе, кицунэ, которая его обманула, которая лгала ему с самого начала. И теперь он отлично видит, кто ты на самом деле, и знает, как жестоко ты его предала.

Я зажмурилась. В горле встал ком.

- Отпусти его, - прошептала я, чувствуя на себе жестокий, насмешливый взгляд о́ни, рассматривающего меня сквозь купол.

- Что-что? - ехидно переспросил о́ни. - Не расслышал, что ты сказала.

Открыв глаза, я встретила ярко-красный взгляд демона.

- Отпусти его, - повторила я, и на этот раз мой голос не дрогнул. - Возвращайся в меч, или увидишь, на что способна кицунэ.

Демон расхохотался. Выпрямившись во весь рост, он отступил и широко улыбнулся, обнажив жуткие полумесяцы клыков.

- Какая ты забавная, лисичка, - заметил он. - Вот почему я пока оставляю тебя в живых. Впрочем, не беспокойся - уже скоро я убью и тебя, и всех, кто тебе дорог. Твои близкие будут погибать один за другим в самые неожиданные моменты. Ронин, аристократ, священник, служительница святилища, двое щенков. Я убью вас всех, а Тацуми придется смотреть, как я разделяю тебя на куски. Таково будет его наказание за то, что заточил меня в своей упрямой голове так надолго. - Его глаза сверкнули, и я заметила в их глубине неудержимую ярость и презрение, от которых кровь в моих жилах похолодела. - Так что не бойся. Когда мы снова встретимся, я позабочусь о том, чтобы твоя смерть была медленной и мучительной, обещаю.

Наклонившись ко мне, он вытянул руку и коснулся защитного барьера, который зашипел, защелкал и заискрился от его касания. От когтистых пальцев в воздух поплыли клубы дыма, но они, казалось, не замечал этого. Широко улыбаясь, демон Тацуми наклонился еще ближе, понизив голос до хриплого шепота:

– Если думаешь, что можешь меня остановить, Юмеко-тян, придется приложить немало усилий, поверь мне. Игра только началась.

Отступив, он присел, оттолкнулся от земли и подпрыгнул и через секунду оказался на крыше замка. Потом он прыгнул еще раз – и взмыл на другую башенку, повыше. Его черная тень поднималась все выше и выше. На миг он застыл на самой высокой башне, и на фоне луны проступил его рогатый силуэт с густой развевающейся гривой, а потом он перескочил на противоположную сторону замка и пропал из виду.

Через несколько минут поисков мы нашли наших товарищей. Ронин слабо пытался высвободиться из-под обломков смотровой вышки, придавленный досками. Каким-то чудом он избежал серьезных травм, не считая большого фиолетового синяка на лбу и нескольких царапин на руках и ногах.

– Сами ками даровали тебе удачу, – пробормотала Рэйка с невольным восхищением, перебинтовывая очередную его царапину полоской ткани. – Или твоя голова тверже пушечного ядра!

– О, уж об этом всем известно, – с гордостью сообщил Окамэ, постучав себя по лбу костяшками пальцев. – Такую голову ни за что не пробить, поверь.

– Не уверена, что этим стоит хвастать.

А вот Тайо Дайсукэ повезло куда меньше. Обыскав поле битвы, Чу наконец привел нас в дальний угол двора. Аристократ стоял на коленях посреди камней в луже крови, опустив подбородок на грудь. Вокруг него были разбросаны обломки доспехов и оружия, и он крепко сжимал свой меч.

Рядом с ним стояла призрачная фигура девушки в простой одежде, с волосами, собранными за спиной. Она подняла руку и коснулась его лица, печально улыбнувшись, а потом исчезла. Вместо девушки в воздухе повис мерцающий белый шар, тот самый, что привел нас к учителю Дзиро. Он медленно взлетел ввысь.

– Дайсукэ-сан. – Я шумно втянула носом воздух, а Чу подошел к поверженному аристократу, опустив уши. – Вы нас слышите? Вы живы?

Самурай не шелохнулся. Я сглотнула ком в горле и хотела было отвернуться и отыскать остальных, но Чу вдруг заскулил и поддел носом пустую ладонь аристократа.

Рука, подрагивая, поднялась, будто ее потянули за веревочку, и погладила собаку за ушами. Я ахнула. Самурай поднял голову, шурясь во мраке.

- Ю.. Юмеко-сан, - пробормотал он, судорожно выдохнув. - Вы живы. Удалось ли отыскать... учителя Дзиро?

Я молча кивнула, и он заметно расслабился.

- Yokatta[47], - прошептал он с облегчением. - А... что стало с демоном? Где... Каге-сан?

Тяжесть в груди стала почти невыносимой.

- Его нет, - быстро ответила я. - Ябурама мертв, а Тацуми... Тацуми больше не с нами.

- Получается... я не справился... - Аристократ опустил голову. - Я не смог его защитить.

- Нет же, - проговорила я, и Дайсукэ быстро поднял на меня взгляд. - Он не умер, Дайсукэ-сан. Ябурама так и не смог его победить. Но сейчас не стоит об этом переживать. Тацуми..

Демон. Еще более опасный, чем Ябурама. И это моя вина.

- Простите меня, Юмеко-сан, - проговорил Дайсукэ, все еще не сводя с меня глаз. - Наверное, я сильно ударился головой или у меня галлюцинации от потери крови, но... простите мне мою наглость, но... у вас что... ушки?

- Да, она кицунэ, - раздраженно произнес женский голос. К нам подошли Рэйка вместе с перевязанным ронином. - И была кицунэ все то время, что вы были знакомы. Это отнюдь не новость, к тому же сейчас у нас есть заботы поважнее. Тайо-сан... - Она посмотрела на Дайсукэ, и ее лицо смягчилось - на нем проступила тень сочувствия. - Нужно перевязать ваши раны. Встать сможете?

Дайсукэ, который по-прежнему изумленно смотрел на мои уши, кивнул и поморщился от боли.

- Да, только дайте минутку.

Окамэ тут же подался вперед, закинул руку аристократа себе на плечи и помог ему подняться. Дайсукэ стиснул зубы от боли, а ронин застыл, дожидаясь, пока аристократ встанет на ноги.

- Окамэ-сан... - пробормотал аристократ, когда наконец восстановил равновесие, все еще опираясь на ронина. - Я... Так рад, что вы целы. Простите мне мою слабость. Мне так совестно, что я не смог помочь вам и Тацуми-сану.

Ронин усмехнулся.

- Я особо ничего не видел после того, как сволочь-они разнес вышку, - сообщил он, - но, сдается мне, ты порубил целое войско этих гадких спиногрызов, да еще в одиночку? Не знаю, как тебе это удалось, но слабак точно на такое не способен.

Аристократ слабо ему улыбнулся.

- Arigatou gozaimasu.

Окамэ вздохнул, а потом посмотрел на меня и на мико.

- Итак, - с натянутой беззаботностью проговорил он. - Юмекотян на самом деле кицунэ, священник спасен, а Каге-сан, судя по всему, слетел с катушек, разрубил они и сбежал. Ну и ночка. Я что-нибудь упустил?

- Госпожа Сатоми, - напомнила Рэйка. - Не будем о ней забывать. Мы по-прежнему не знаем, где она и что замышляет. Она явно заманила нас сюда на верную смерть, но теперь, когда мы нашли учителя Дзиро, она, скорее всего, нападет на нас снова. Нужно поскорее выбираться отсюда.

- Решено, - проговорил еще один голос, принадлежавший учителю Дзиро, который, перешагивая через горы щебенки и куски доспехов, шел к нам. Ко спешила следом. Вид у священника был очень серьезный. - Времени мало. Нужно...

Ноги у него подкосились, и он едва не упал, но Рэйка успела подхватить его под руку. Я взяла деревянное ведро, валявшееся в грязи неподалеку, перевернула и поставила перед учителем, и священник со стоном опустился на него. С минуту он сидел неподвижно, тяжело дыша, а потом поднял голову.

- Время играет против нас, - задыхаясь, проговорил он и окинул всех взглядом, задержав его на мне. - Кицунэ... - Он немного помолчал. - Юмекосан... Драконий свиток у тебя с собой?

Я кивнула, оцепенев.

- Да, учитель Дзиро.

Он сощурился.

- Ты должна отнести его в храм Стального Пера. Монахи, живущие там, его защитят. Важнее всего - отнести свиток в храм, ты меня поняла? Нельзя допустить, чтобы Дракона снова призвали в наш мир. Рэйка-тян, - продолжил он, и мико тут же выпрямилась. - Мы отправимся с ней. Будем защищать ее в пути. Нельзя допустить, чтобы свиток попал в руки злодеям вроде госпожи Сатоми.

- Да, учитель Дзиро, - сказала Рэйка и кивнула. - Поняла.

- Эй, и о нас не забудьте! - вмешался ронин. - Я проделал такой долгий путь, бился с демонами и кровавыми магами, получил по шапке от они. Мне кажется, я заслужил право отправиться дальше с Юмекотян и дойти с ней по меньшей мере до храма Стальной Птицы, или как его там.

- Ну конечно! - Голос у Дайсукэ был напряженным от боли, но говорил он решительно. - Я тоже буду сопровождать Юмекосан. Я должен загладить свою вину за то, что не смог защитить Каге-сана. Мой меч всегда к вашим услугам, пока я не отдам долг. Клянусь.

– Я отнесу свиток в храм, – заверила я священника. – Я уже обещала это сделать. Но... – В горле снова встал ком, и я глубоко вздохнула, чтобы его сглотнуть. – Нельзя ли спасти Тацуми? Нельзя ли прогнать демона?

Учитель Дзиро опустил голову.

– Чтобы ответить на этот вопрос, – начал он, – ты должна знать, с кем имеешь дело, и учитывать кровавую историю, которая привела к случившемуся. – Он поглядел на Дайсукэ, который по-прежнему стоял, опираясь на ронина и плотно сжав губы. – Нужно обработать раны Тайо-сана, – проговорил он. – Более того, госпожа Сатоми может скрываться где-то поблизости, не говоря уже о Хакаимоно. Нужно бежать. Когда мы окажемся в безопасности, я расскажу тебе историю Клана Тени, Драконьей молитвы, женщины по имени госпожа Ханшу и проклятого меча Камигороши, объединяющего их всех.

Эпилог

В золотом дворце императора было тихо. Праздник в честь Луны прошел великолепно, и все вернулись в свои покои с чувством глубокого удовлетворения. Или по меньшей мере в состоянии приятного опьянения. Особенно безмятежно спал император, напившись саке, и сон его не тревожили ни обыкновенные сны, ни кошмары, мучившие его последнее время.

В богато обставленных комнатах императорского крыла, в спальне, погруженной во тьму, блеснуло высокое зеркало, и из стекла вышла улыбающаяся госпожа Сатоми. Смахнув с наряда несуществующие пылинки, она подошла к письменному столу, опустилась на стул и зажгла свечу. Потом выдвинула нижний ящик и достала какой-то предмет, завернутый в шелковый платок, положила его на стол и развернула сверток.

На нее пустыми черными глазницами уставился голый череп. Сатоми немного подождала, и прорези, где должны быть глаза, вспыхнули зловещим огнем, отбросив мрачные тени на стены из рисовой бумаги. Сатоми опустила голову в почтительном поклоне.

– Все идет по плану, господин, – глухим шепотом сообщила она. – Ябурама уже наверняка убил мальчишку и забрал свиток. Священник сообщит выжившим, где находится храм Стального Пера, и мы проследим за ними, когда они туда направятся. Таким образом второй фрагмент свитка тоже будет у вас.

Огоньки в пустых глазницах замерцали, и откуда-то из-за желтых зубов послышался скрипучий шепот:

– Боюсь, вы недооцениваете убийцу демонов Каге, госпожа Сатоми. Ябурама – один из сильнейших оми во всем Дзигоку, вот почему я призвал именно его.

Но Хакаимоно – настоящее чудовище. Если он появится, если Ябурама не успеет умертвить мальчишку, тогда у вас возникнет новая сложность.

– О, господин, вам не о чем беспокоиться, – с улыбкой заверила его Сатоми. – Все под контролем. Вскоре у вас будут два последних фрагмента Драконьей молитвы, мы призовем чудовище, и вы станете правителем страны, как и задумывали.

– И вы не предадите меня, в отличие от ваших предшественников?

– Конечно нет, господин! – Сатоми с нескрываемым ужасом прижала ладонь к груди. – Я ваша верная слуга. Все, что я делаю, я делаю ради вашего славного возвращения.

Свет внутри черепа побледнел, а огоньки уменьшились до размеров булавочных головок.

– Не забывайте, кто ваш господин, госпожа Сатоми, – проскрипел голос, который заметно слабел вместе с огоньком. – Вы – талантливый кровавый маг, но такой же заменимый, как и любой смертный, а у меня в распоряжении есть целая армия ёкаев и демонов, всегда готовых исполнить любой мой приказ. Не разочаруйте меня. Буду ждать новостей о вашем успехе.

Сатоми улыбнулась и коротко поклонилась черепу, а когда подняла голову, свет в нем померк, и она осталась одна.

Когда в комнате воцарился мрак, улыбка пропала с губ Сатоми и на смену ей пришел гнев, от которого ее затрясло.

– Думаете, вы один такой умный, господин? – прошептала она, обращаясь к черепу. – Но ведь Дракона может призвать только смертная душа, так что ваша армия демонов не справится и не сможет воззвать к Предвестнику. Когда придет время загадать желание, оно будет вовсе не о вашем славном возвращении, это я вам обещаю.

Вновь улыбнувшись, она встала из-за стола, повернулась и столкнулась нос к носу со своей служанкой.

– Ты?! – Раздосадованная гримаса омрачила ее лицо. Она попыталась припомнить имя новой служанки, но не смогла. – Я тебя не звала. Что ты тут забыла, никчемное создание?

Девушка подняла на нее глаза, мерцавшие золотом в темноте, и резко вонзила ей в грудь кинжал. Госпожа Сатоми изумленно посмотрела на длинное стальное лезвие, на кровь, намочившую кимоно. По губам и шее потекла алая струйка, и госпожа Сатоми подняла взгляд на служанку.

Уголок рта девушки изогнулся в усмешке. В воздухе возникло облако белого дыма, а когда оно рассеялось, Сатоми увидела, что теперь перед ней стоит мужчина, его кинжал по-прежнему торчит у нее из груди. Мужчина был прекрасен, его длинные волосы отливали серебром, словно начищенный металл, а глаза лениво поблескивали золотом.

– Спокойной ночи, госпожа Сатоми, – проговорил прекрасный незнакомец низким ледяным голосом. – Вы натворили достаточно, пора бы и честь знать.

– Ты.. – ахнула Сатоми, наконец узнав своего убийцу. – Ты..

Он вытащил кинжал у нее из груди и обезглавил ее одним точным, стремительным движением. Кровь хлынула на стену и на стайку бумажных журавликов на столе, а голова Сатоми с глухим стуком упала на пол и покатилась по доскам. Последним выражением, навеки застывшим на ее лице, было выражение крайнего изумления.

Незнакомец улыбнулся, стоя в спальне убитой женщины и чувствуя, что ему в затылок глядит череп.

– Боюсь, я не могу допустить, чтобы мальчишка погиб так скоро, – проговорил он, наблюдая, как кровь из тупа Сатоми разливается по полу, затекая в щели. – Да и лиса-полукровка – довольно.. занятный персонаж. Интересно, хватит ли ей сил, чтобы вернуть убийцу демонов назад? – Мужчина тихонько усмехнулся. – Вполне возможно, что Хакаимоно столкнется с достойным противником в этой игре. Думаю, нужно подождать и посмотреть, что она предпримет.

– Господин?

Сейгецу опустил глаза на маленького ёкая, ростом не выше ребенка, с огромным глазом по центру лица, который украдкой пробрался в комнату. Взглянув на обезглавленный труп, он поморщился, а потом снова посмотрел на мужчину.

– Стражи все ближе, господин. Нужно бежать, пока это возможно.

– Что ж, иди, – велел ему Сейгецу. – Меня не жди. Я присоединюсь, когда закончу.

Маленький ёкай низко ему поклонился и шмыгнул в дверь, оставив Сейгецу в одиночестве.

Он посмотрел на высокое зеркало, стоявшее в углу комнаты, и на призрак девушки, застывший рядом с ним. Мужчина изогнул серебристую бровь и медленно улыбнулся.

– Сатоми мертва, – сказал он призраку, который наблюдал за ним большими светлыми глазами. – Если тебя здесь удерживает жажда мести, уходи. Моя миссия выполнена. – Он стряхнул кровь со своего кинжала, убрал его в ножны и отвернулся. – Кем бы ты ни была, – проговорил он, направившись к двери, – надеюсь, ты обретешь покой. Sayonara.

Его высокий изящный силуэт выскользнул через дверной проем на веранду и исчез из виду.

Призрак Суюки замерцал и превратился в шар приглушенного мягкого света. Пару мгновений он нерешительно парил над окровавленной головой госпожи Сатоми, проливая на нее и ее изумленное лицо бледный свет. Затем шар

взмыл выше, вылетел в открытую дверь и воспарил над верандой вслед за прекрасным незнакомцем. Вскоре они оба растворились во мраке.

* * *

notes

Примечания

1

Да (яп.). - Здесь и далее прим. пер.

2

Традиционное японское обращение к женщинам и детям.

3

Слово, используемое в японском языке для выражения неуверенности, аналог русского «Хм-м».

4

От яп. Накаимоно - «разрушитель».

5

Традиционная японская обувь с «отдельным» большим пальцем.

6

Сказочное чудовище из японского фольклора, наполовину паук, наполовину - прекрасная девушка.

7

Крыса-ёкай.

8

Дурак, идиот, глупец (яп.).

9

Ритуальное самоубийство.

10

Военный феодал.

11

Разновидность японского кинжала.

12

Уважительное обращение к пожилой женщине.

13

В японской мифологии зверь-оборотень. Чаще всего описывается как еотовидная собака или барсук.

14

В японской мифологии – призрак умершего человека.

15

Дурак (яп.).

16

Злобная и мстительная ведьма, персонаж японского фольклора.

17

Так в Японии называют ворон и воронов.

18

Доброе утро (яп.).

19

Здесь: «Послушай» (яп.).

20

Висячие бумажные фонари.

21

«Золотой тигр», денежная единица в Ивагото.

22

Прощай (яп.).

23

Плотный хлопчатобумажный матрас для сна на полу. Традиционная японская спальная принадлежность.

24

«Медная лягушка», денежная единица в Ивагото.

25

«Царство ожидания», где душа пребывает до перерождения.

26

Спасибо (яп.).

27

Юрэй – призрак умершего человека.

28

Благодарю вас (яп.).

29

Здесь: «Эй» (яп.).

30

Прости (яп.).

31

Вот дерьмо (яп.).

32

Д-добрый вечер (яп.).

33

Тактическая игра, напоминающая шахматы.

34

«Золотой дракон», денежная единица в Ивагото.

35

Ярко, ослепительно (яп.).

36

Спокойной ночи (яп.).

37

Японское искусство составления букетов.

38

Пожалуйста, подождите (яп.).

39

Что? (яп.).

40

Извините (яп.).

41

Т. е. телохранитель.

42

Волшебный бумажный талисман.

43

Оккультная магия, с помощью которой можно, помимо прочего, предсказывать будущее.

44

Собака (яп.).

45

Кролик (яп.).

46

Короткий японский меч.

47

Как хорошо, какое счастье (яп.).

